

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года **№ 34/2016**
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования (ФГБОУ ВО)
«Кемеровский государственный институт
культуры»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГИК

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГИК

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент,
начальник научного управления КемГИК

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт
культуры», 2016

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 **№ 34/2016**
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
(FSFEI HE) «Kemerovo State University
of Culture»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Dr of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGIK

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, PhD in Philology, Associate
Professor, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGIK

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, PhD in Culturology,
Associate Professor,
Head of Scientific Department of KemGIK

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650056, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HE «Kemerovo State
University of Culture», 2016

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Уральский государственный педагогический университет, профессор кафедры фортепиано, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов Российской Федерации (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Current Member of International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Ariarsky Mark Arieivich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Sociocultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice-President of Association of Museum Staff of Russia, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafieva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Head of UNESCO Department of International Institute of State Service and Administration, Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozeroва Marina Vitalievna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at Laboratory of Ethno-Social Problems of Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Theory and History of Music and Musical Instruments, Ural State Pedagogical University, Professor of Department of Piano, M. P. Musorgsky Ural State Conservatory, Member of the Composers' Union of Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Culturology, Sociocultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Culture, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Włodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland).

Волк Павел Леонидович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музыкального и художественного образования, Томский государственный педагогический университет, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск, РФ).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой управления и ресурсного обеспечения социально-культурной деятельности, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Омск, РФ).

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий отделом дополнительного образования Института художественного образования Российской академии образования (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии», Российский новый университет, академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Volk Pavel Leonidovich, Dr of Culturology, Professor, Head of Department of Musical and Art Education, Tomsk State Pedagogical University, Head of Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

Gavrov Sergei Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Genova Nina Mikhailovna, Dr of Culturology, Professor, Head of Department of Management and Resource Support for Sociocultural Activities, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Corresponding Member of Management in Education and Culture Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

Demin Vadim Petrovich, Dr of Art History, Professor, Academician of RAE, Head of Department for Additional Education of Art Education Institute of the RAE (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Natalia Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, of International Academy of Informatization, of International Academy of Higher Education (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Head of UNESCO Department of Knowledge Society and New Information Technology, Russian New University, Academician of the RAS (Moscow, Russian Federation).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, проректор по научной и издательской работе, Московский гуманитарный университет, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа (г. Хелм, Польша).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры киноведения, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of Arts Faculty, Institute of Music, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valery Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research, Vice-Rector for Science and Publishing, Moscow Humanitarian University, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education, Academician of International Academy of Sciences (Austria), of International Academy of Sciences Teacher Education (Moscow, Russian Federation).

Mazur Piotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy, Higher State Professional School in Chelm (Chelm, Poland).

Moskaliuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Music and Art Education, V. P. Astashev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilievich, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Cinematology, S. A. Gerasimov All-Russian State University of Cinematography, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture", Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Academician-Secretary of National Academy of Cinematographic Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoi Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethnosocial Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Svetlova Olga Aleksandrovna, PhD of Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Music History, Vice-Rector for Scientific and Creative Work, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент РАО (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития) (г. Москва, РФ).

Хандке Ришард, доктор искусствоведения, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Циминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the RAE (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigorievna, Dr of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul Arkady Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, M. V. Lomonosov Moscow State University, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development) (Moscow, Russian Federation).

Handke Ryszard, Dr of Art History, Professor, Rector of Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Dr of Philosophy, Professor, Head of IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Казakov Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры культуры и искусства речи, заведующая лабораторией теоретических

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoly Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of RANS, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennady Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Kazakov Evgeny Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Lesovichenko Andrei Mikhailovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Head of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalia Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor in Department of Culture and Art of Speech, Head of Laboratory of Theoretical and

и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской академии естествознания, член Союза композиторов Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по творческой и международной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Methodological Problems of Art History, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadievna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Composers' Union of Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalia Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of IAS HS, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyonovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Vice-Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-Rector for Creative and International Activity, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, директор научно-исследовательского института межкультурной коммуникации, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Научная жизнь»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, начальник научного управления, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

Zaruba Natalia Andreyevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatiana Semyonovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kostiuk Natalia Vasilievna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Scientific Life

Egle Ludmila Yurievna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Head of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Лескова Т. В. Обработка и цитата в аспекте фольклорно-стилевого моделирования (на примере творчества композиторов Дальнего Востока России).....	13
Лескова Т. В. О фольклорных истоках «Эвенкийской рапсодии» Николая Менцера.....	29
Чепеленко К. О. Мнемонические элементы музыкальной авторологии.....	43
Коротина А. А. Авторские клавиры С. С. Прокофьева 1911–1934 годов: история создания и некоторые особенности творческой работы композитора.....	48
Максимова А. М. Феномен трансплантации в системе японского художественного творчества (на примере симфонической нагаута «Цурукамэ»).....	56
Тюрин Ю. П. К Вопросу о типологических творческих связях В. Шукшина и М. Шолохова в кинематографе.....	64
Тюлюнева А. И. Рецепции средневекового искусства в художественной литературе последней трети XX – начала XXI века.....	69
Ткаченко Л. А., Ткаченко А. В. Черты эстетики постмодернизма в творчестве кузбасского скульптора А. П. Хмелевского.....	77
Камалиева А. С. История изучения башкирского народного костюма в философской, искусствоведческой и технической литературе XX–XXI веков.....	82
Габриелян Т. О. Роль архетипа в визуально-графической типологии бренда.....	88
Ворожейкина В. А. Световая проекция как потенциал развития неполиграфической рекламы в городе Новосибирске.....	95
Бакушкина Е. С. Архитектура современных музейных зданий. Формирование смысловых моделей.....	102

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Красиков В. И. Философия в Рунете: краткий экскурс.....	109
Морозов Н. М. Ментальность кузнецких крестьян (конец XVIII – первая половина XIX века). Статья I. Психология крестьянского труда.....	116
Усков И. Ю. Развитие краеведческого движения в Кузбассе в 1920–1931 годах.....	124
Баштанник С. В. Семиреченский отрезок Великого шёлкового пути.....	134
Полтева Т. И. Документальные коллекции Великой Отечественной войны в собрании национального музея им. А. В. Анохина.....	142
Кимеева Т. И., Родионов С. Г., Глушкова П. В. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России.....	148

Булгакова В. В. Взаимодействие с лицами с ограниченными возможностями здоровья в российских и зарубежных музеях в конце XIX – начале XX века.....	158
Полевод В. А. Объекты музейной энтомологии на территории Кемеровской области: жуки-кожееды (Coleoptera, Dermestidae).....	169
Бегунова Е. А. Организация учебно-воспитательного процесса в мужских гимназических учреждениях Западной Сибири.....	174
Библиева О. В. Особенности речевой субкультуры студентов вуза.....	181
Деревцова Е. А. Журналистика на стыке политической и глэм-культур информационного общества.....	186
Михельсон С. В. Кросс-культурная этика России, Китая и США.....	193

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Литвак Р. А., Блясова И. Ю. Роль социокультурной среды региона в социализации личности подростка.....	204
Вековцева Т. А. Педагогические условия, способствующие саморазвитию преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности.....	211
Ивлева Т. Н. Интенсивные технологии в подготовке студентов вуза для современной индустрии досуга.....	217
Бучилина Т. П. Система социально-культурного воспитания молодежи в условиях образовательной среды вуза.....	222
Попова А. В., Черная М. Р. Фортепианные пьесы Сергея Слонимского на уроке музыки в младших классах общеобразовательной школы.....	227
Чеботарев А. М. Развитие рекламы книги в России XVIII века: к вопросу об уточнении третьего этапа.....	232

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Панфилова А. П. Татьяна Николаевна Ивлева – ученица и педагог, мастер, делающий честь учителю: взгляд ученого.....	239
---	-----

CONTENTS

HISTORY OF ART

Leskova T.V. Processing and Citation in Context of the Folklore-stylistic Modeling (e.g., Composer Creativity of the Russian Far East).....	13
Leskova T.V. About the Folklore Origins: “Evenk Rhapsody” Nicholas Mentser.....	29
Chepelenko K.O. Mnemonic Elements of Musical Authorology.....	43
Korotina A.A. Authentic Prokofiev’s Piano Scores of 1911-1934: the History of Creation and Features of the Composer’s Creative Method.....	48
Maksimova A.M. The Phenomenon of Transplantation in Japanese Arts (on the Example of Nagauta’s Symphony “Tsurukame”).....	56
Tyurin Y.P. The Question of Typological Relationships V. Shukshin and M. Sholokhov in Cinema.....	64
Tyuleneva A.I. The Receptions of Medieval Art in Literature in the Last Third of XX - Beginning of XXI Century.....	69
Tkachenko L.A., Tkachenko A.V. Postmodern Aesthetics Features in Kuzbass Sculptor A. Khmelevskiy’s Creative Heritage.....	77
Kamalieva A.S. History of the Bashkir Folk Costume Studies in Philosophical, Art and Technical Literature of the XX-XXI Centuries.....	82
Gabrielyan T.O. The Role of Archetype in Visual Graphic Typology of the Brand.....	88
Vorozheykina V.A. Light Projection Advertisement as a Potential for Development of Non-print Outdoor Advertising in Novosibirsk.....	95
Bakushkina E.S. Architecture of Modern Museum Buildings. Formation of Semantic Models.....	102

CULTUROLOGY

Krasikov V.I. Philosophy in Runet: a Brief Tour.....	109
Morozov N.M. Mentality of Kuznetsk Peasants (the End of XVIII - the First Half of the XIX Century). Article I. Psychology of Farming.....	116
Uskov I.Y. Development of Local History of Motion in the Kuzbass in 1920-1931.....	124
Bashtannik S.V. Semirechye Shortcut of the Great Silk Road.....	134
Polteva T.I. Documentary Collections of the Great Patriotic War in the National Museum Named after A.V. Anokhin.....	142
Kimeeva T.I., Rodionov S.G., Glushkova P.V. Stages of the Formation the Shor’s Ethnographic Collections in Russian Museums.....	148
Bulgakova V.V. Interaction with Disabled People in Russian and Foreign Museums in the late XIX - Early XX century.....	158

Polevod V.A. The Objects of Museum Entomology of Kemerovo Region: Dermestid Beetles (Coleoptera, Dermestidae).....	169
Begunova C.A. Organization of the Educational Process in the Male Gymnasium Institutions of Western Siberia.....	174
Biblieva O.V. Features of Speech Subculture of University Students.....	181
Derevtsova E.A. Journalism at the Crossroads of Political and Glam Cultures of Information Society.....	186
Mikhelson S.V. Cross-cultural Ethics of Russia, China and the USA.....	193

PEDAGOGICAL SCIENCES

Litvak R.A., Blyasova I.Y. The Role of Socio-cultural Environment of the Region in the Socialization of Teenager's Personality.....	204
Vekovtseva T.A. Pedagogical Conditions of University Lecturers' Empowerment in Cultural and Leisure Activities.....	211
Ivleva T.N. Intensive Technology in the Training the University Students for the Modern Leisure Industry.....	217
Buchilina T.P. A System of Sociocultural Education of Young People in Higher Education Environment.....	222
Popova A.V., Chernaia M.R. Piano Pieces by Sergei Slonimsky at Music Lessons in Junior Secondary School.....	227
Chebotarev A.M. Development of Advertising in Russia XVIII Century: for Clarification of the Third Stage.....	232

SCIENTIFIC LIFE

Panfilova A.P. Tatyana Nikolaevna Ivleva - Student and Teacher, Master Honoring the Teacher: Views of Scientists.....	239
--	-----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 78.071.1/398(571.6)(035.3)

ОБРАБОТКА И ЦИТАТА В АСПЕКТЕ ФОЛЬКЛОРНО-СТИЛЕВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КОМПОЗИТОРОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ)

Лескова Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения, музыкального образования и искусства эстрады, Хабаровский государственный институт культуры (г. Хабаровск, РФ). E-mail: leskova-1961@mail.ru

В современном отечественном музыкознании изучение методов переинтонирования фольклора сохраняет свою актуальность. Значение подобных исследований возрастает вместе с обращением к произведениям регионального плана, впервые вводимым в научный обиход. Актуален анализ таких «сквозных» методов переинтонирования, как обработка и цитирование, занявших прочные позиции в прошлом и современности.

В творчестве композиторов Дальнего Востока России 1960–1980-х годов Н. Менцера, Г. Угрюмова, Ю. Владимирова, Б. Напреева, С. Москаева указанные методы рассмотрены на примере популярных в регионе народно-песенных тем «Нанайского вальса» и «Нанайской рыбацкой». Песни являются типичными образцами регионального любительского фольклоризма – вторичной формы фольклора, которая сложилась в среде художественной самодеятельности коренных дальневосточных этносов. Черты фольклорной аутентики синтезированы в песнях со стилистикой массовых жанров, элементами русской, западноевропейской музыки письменной традиции XIX–XX веков. **Песни, типизируя генеральные черты любительского фольклоризма, выступают в качестве фольклорно-стилевой модели (ФСМ).** Ее характеризует, в частности, целостность заимствования фольклорно-жанрового комплекса. Поэтому данная модель обозначена как *ФСМ-имитация*.

Обработка и цитирование нередко относятся исследователями к сфере простого переинтонирования фольклора. Обозначение их внутрителиевой специфики является целью данной статьи. Дифференцировать эти методы позволяет авторская теоретическая концепция фольклорно-стилевого моделирования, выступающая методологической основой анализа произведений. Конкретным приемом являются наблюдения над авторским контекстом. В качестве него выступают некоторые актуальные для дальневосточного композиторского фольклоризма эпохально-национальные стили, концентрирующие опыт русской, западноевропейской музыки XIX–XX веков. В обработках и цитатах дальневосточных композиторов насчитывается шесть видов историко-стилевого контекста, обозначаемые понятием *авторских фольклорно-стилевых моделей (АФСМ-1–6)*.

Сочетание единой ФСМ и различных АФСМ весьма вариабельно, что позволяет обозначить определенные *принципы фольклорно-стилевого моделирования (ПФСМ)*. Первый – ПФСМ-вариация – отличается «проницаемостью», будучи характерным для обработки и цитирования. С цитированием больше смыкаются два других – ПФСМ-дерирация (строгая) и ПФСМ-дерирация (свободная). Анализ произведений в аспекте фольклорно-стилевого моделирования позволяет терминологически разграничить сферу простого переинтонирования фольклора, выявить в сходных методах обработки и цитирования стиливую амплитуду композиторских трактовок фольклора.

Ключевые слова: композиторский фольклоризм, переинтонирование фольклора, фольклорно-стилевые модели, авторские (композиторские) модели.

PROCESSING AND CITATION IN CONTEXT OF THE FOLKLORE-STYLISTIC MODELING (E.G., COMPOSER CREATIVITY OF THE RUSSIAN FAR EAST)

Leskova Tatyana Vladimirovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Art History, Music Education and Pop Art, Khabarovsk State Institute of Culture (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: leskova-1961@mail.ru

Methods of processing and citing characteristic of folklorism composers of the Far East of Russia in 1960–1980s. Folkloric origins of the works were songs, symbols of national identity of indigenous ethnic groups in the region are “Nanai Waltz” and “Nanai fishing.”

Processing and citation are its techniques, similar to the style plan. They belong to the sphere of mere reintoning of the folklore. However, they differ in certain characteristics, which is the purpose of the designation of the article. The differentiation of these techniques allows the author to develop the theoretical concept of folklore-stylistic modeling.

There are two style components in the system “composer-folk.” Firstly, the source of the folklore, which we define as *folklore-stylistic model* (model assumes genre). There are examples of indigenous amateur folklorism in the works selected for the analysis model. These are the secondary forms of folklore that synthesize authentic musical tradition and style of mass songs. The model is characterized by the integrity of borrowing the folk-genre complex, so-called model-imitation. Secondly, the part of the author’s works are the stylistic elements of the Russian and Western European music of the XIX-XX centuries. As the quintessence of the style they represent the concept of *author stylistic models*.

It is not only the nomination of stylistic components, but also their synthesis as the creative result. In the Far Eastern music, it is marked as the unity, and has significant differences. They are clearly visible due to the following factors. The first is the *oneness* of the folk-style model: in the aspect of melody, it is the same for groups of five or four works. The second is the *different* qualitative characteristics of the author’s stylistic models. According to this, the specific compositional techniques in the field of processing and citation are consistent with the variations-arrangement, as well as the methods of strict and free derivation. The productivity of the creation of the Far Eastern composers is noted.

Keywords: composer folklorism, reintoning the folklore, folklore-style models, author’s (composer’s) models.

Фольклор коренных этносов Дальнего Востока России в 1960–80-е годы неоднократно воплощался в творчестве композиторов региона. В центре внимания данной статьи – методы обработки и цитирования популярных народных песен «Нанайский вальс» и «Нанайская рыбацкая». Сравнительный анализ методов проведен в опоре на оригинальную теоретическую концепцию автора статьи – принципы фольклорно-стилевого моделирования (далее – ПФСМ), позволяющую классифицировать варианты претворения композиторами народных первоисточников.

Обработку, как метод переинтонирования со своим типом содержания (фольклорной образностью) и композиции («замкнутой, ориентированной на форму народной песни» [6, с. 65]), относят к более традиционным формам заимствования фольклора профессиональным искусством [8; 9].

При этом «диапазон участия автора простирается от минимального привнесения своего “я” до выражения собственной концепции» [6, с. 65]. Это позволяет систематизировать обработки, например, как: 1) миниатюры; 2) театрализованные сценки; 3) масштабные пьесы; произведения на основе нескольких обработок 4) циклического и 5) фантазийного типов [9]. Вместе с тем различается только два принципиально разных подхода композиторов к трактовке первоисточника в обработках *классического* и *свободного* типов (Ю. Паисов), каждый из которых в целом не выходит за пределы жанровой реконструкции (см. [8, с. 55–56]). В системе «фольклорное – нефольклорное» ведущее положение занимает первый музыкально-стилистический компонент.

В цитате – включении «внетекстового образования, замкнутого по форме сегмента с задан-

ным семантическим значением» [6, с. 70], – авторское переосмысление фольклорного материала подчиняется ранжированию: от вариации-аранжировки [1], до методов, предполагающих «многостороннюю трансформацию народной мелодии» [5, с. 104], выходящую за рамки жанрового реконструирования [8, с. 65]. В системе музыкально-языковых средств «фольклорное – нефольклорное» преобладает второй музыкально-стилистический компонент.

Комплексный анализ обработки (в нашем контексте более как метода, нежели как жанра) и цитирования возможен в силу тождественности свойств фольклорного прообраза – *фольклорно-стилевой модели* (далее – ФСМ), в которой понятие *стилевая* включает и явление жанра. Едино и некоторые композиционно-семантические признаки ФСМ: 1) структурная замкнутость – полная (в обработке) и полная/относительная (в цитате) [6, с. 65]; 2) жанрово-семантические функции. Последние обычно выражаются в значительном влиянии ФСМ на содержание авторского (композиторского) произведения (см., например, [2, с. 7–8; 8]).

Общим свойством ФСМ обеих упомянутых ранее народных песен является ее построение на заимствованном материале, представленном в текстовой целостности. Речь идет не столько о потактовой, фразовой или мотивной протяженности заимствования (оно может быть и частичным), сколько о максимальной репрезентативности типологических признаков первичного жанра (вплоть до тех, которые в фольклористике сравнительно недавно получили статус текста фольклорного произведения, например, манеры исполнения). Присутствие фольклорно-жанрового инварианта как комплекса музыкально-выразительных средств фольклора в авторском тексте придает ФСМ черты жанрово-стилевой *имитации*.

ФСМ-имитация предполагает интерпретационную составляющую – часть музыкального текста, сочиненную композитором. Это позволяет рассматривать фольклорно-композиторский континуум с позиций интертекстуальности, в системе «чужого – своего». Роль иностилевого, «чужого» компонента определим за ФСМ. У композитора строится другая стиливая целостность фольклорно-нефольклорной природы. Она возникает при взаимодействии ФСМ с *авторскими (композиторскими) фольклорно-стилевыми*

моделями (далее – АФСМ). Модели этого типа представляют собой квинтэссенцию исторически сложившегося композиторского опыта (как в области фольклоризма, так и вне его). Иерархия АФСМ выстраивается нами соответственно хронологии общезначимых стиливых систем, вызревших в недрах отечественной и европейской музыки XIX–XX веков. Отнесение АФСМ к разряду «своего» относительно. «Свое» также всецело не принадлежит композитору, но пересоздается им в индивидуальной манере.

Сочетания «чужого» – ФСМ и «своего» – АФСМ подвижны в результирующем целом – тексте произведения. Такая подвижная сочетаемость является истоком многовариантности воплощения единой ФСМ. В теоретическом плане анализ взаимодействия ФСМ и АФСМ дает возможность обозначить наиболее общие ПФСМ в конкретном произведении. Данные положения частично освещены в других работах автора статьи (см., например, [7]).

Обработка и цитирование в отечественном музыкознании привычно закреплены за сферой простого переинтонирования (классификационный принцип простого/сложного переинтонирования принадлежит И. Земцовскому [5]) и больше рассматриваются в аспекте подобию композиторских методов. Анализ и обозначение определенных ПФСМ позволяет терминологически конкретизировать сферу простого переинтонирования.

Избранная для анализа ФСМ едина для песен «Нанайский вальс» и «Нанайская рыбацкая». Сами песни принадлежат к области дальневосточного коренного любительского фольклоризма – репертуара художественной самодеятельности, который интенсивно развивался с 1950-х до середины 1980-х годов. Нередко он создавался носителями традиции, талантливыми импровизаторами-мелодистами. Их песни синтезировали различный интонационный материал (в том числе нефольклорный, инонациональный). По отношению к аутентичной коренной традиции данная форма фольклоризма выступает как вторичная.

В области коренного фольклоризма переинтонированию подвергался разнородный комплекс элементов самой аутентики, европейской фольклорной жанровости (чаще всего маршевости – «Нанайская рыбацкая», вальсовости – «Нанайский вальс», песенности – в обоих образцах),

элементы классико-романтического стиля профессиональной музыки письменной традиции. Основой такого перекрестного синтеза, «гетеролексичности» [1] ФСМ стала мелодика массовой песни. Она еще в недрах русской городской культуры ассимилировала традиционные (крестьянские) жанры и интонации [3, с. 47], что усложняет стилевой синтез.

В отдельных, наиболее простых случаях авторская мера участия минимальна. Поэтому некоторые обработки практически неотделимы от самой ФСМ, близки стилю любительского фольклоризма, где сложился их облик, лишь письменно зафиксированный композиторами.

Песня «Нанайский вальс» была записана дальневосточным композитором и собирателем фольклора Геннадием Петровичем Угрюмовым (1928–2002) в селе Болонь Комсомольского района Хабаровского края. Известны две словесно-поэтические версии А. Пассара и Г. Бельды. Согласно второй, в песне выражен жизненный оптимизм, эмоциональная уравновешенность, довольство жизнью: «Нашей реки простор, // Синие цепи гор. // Это для вас, друзья, // Песня летит моя...».

Г. Угрюмову принадлежит первая **обработка** песни (слова А. Пассара, перевод В. Шульжика), опубликованная в авторском сборнике «Нанай дярини. Шесть нанайских песен» (Хабаровск, 1963).

Этот вариант суммирует все стилевые качества ФСМ-имитации, фиксируя типичные черты дальневосточного коренного любительского фольклоризма, аналог которого создал начинающий тогда композитор. С одной стороны, в вальсовой основе ФСМ ощутим прообраз массовой песни. С другой стороны, в «линии скрытого лада» [3, с. 38] – ладовой схеме, формирующейся из метрически акцентированных ладовых элементов, устоев и неустоев, – присутствует яркий этнический колорит. Обрисовываются контуры ангемитонных структур: трихордовых – I–II–V, VI–I–II, тетрахордовых – I–II–V–VI, пентатонических – I–II–III–V–VI (см. Приложение, пример 1а, 1б, элементы, отмеченные скобками). Типичность подобных ладовомелодических нанаизированных форм, обладающих межэтнической проницаемостью в сфере коренного дальневосточного фольклоризма, отмечалась многими исследователями [10, с. 72].

Свойственная ангемитонике несколько рассеянная направленность ладовых тяготений характерна для двух средних плагально неустойчивых построений мелодии. Организующими звеньями выступают обрамляющие автентические сегменты линии скрытого лада, симметричные по своей вопросно-ответной структуре – T–D, D–T, что больше соответствует природе мажора и минора. Все четыре сегмента линии скрытого лада также симметричны по функциональным свойствам: автентизм – плагальность / плагальность – автентизм (отмечено в Приложении, пример 1б), что разнообразит и колорирует ладовость ФСМ.

Взаимопроникновение европейского и неевропейского начал, в частности, главенство мажора при неяркости тяготений, типично и для гармонии. В инструментальном вступлении красочны «раскачки» трезвучий T_{35} – VI_{35} (см. Приложение, пример 1в, первый фрагмент), сочетающихся с полным оборотом в кадансе. В вокальной части куплета характерны плагальные разрешения D_7 (см. Приложение, тт. 4–5, 8–9, 13–14 мелодии; пример 1а). Он дважды переходит в T^6 (или $TSVI_6$ как задержание к T_{35}) и в каденции куплета – в S_{35} и II_7 гармонические (см. Приложение, пример 1в, второй, третий фрагменты), прежде, чем разрешиться в тонику. Таким образом, на глубинном уровне ладовых структур (в линии скрытого лада ФСМ) и в реальном развертывании мелодии и гармонии синтезируются русское и инонациональное начала.

Создав классическую обработку-миниатюру (см. [9]), Г. Угрюмов максимально бережно подошел к трактовке народного образца. В стилистических характеристиках АФСМ главенствуют приемы обработок русских композиторов-классиков XIX века. Сердцевиной этой профессиональной традиции являются принципы гармонизации народной мелодии композитором. Ее звуки включаются в аккорды в качестве примы, терции, квинты, по принципу ладофункционального согласования, резонирования. Данный прием сродни звуковой унификации мелодии и аккордики, а это типично и для стилистики массовой песни [3, с. 48]. Условно обозначим такие приемы обработки в традициях XIX века, как АФСМ-1.

Приведем примеры идентичности фольклорного и авторского материала. Мелодико-гармонические ладообразования во вступлении, принадлежащем композитору (см. Приложе-

ние, пример 1в), демонстрируют родственность с ФСМ своей ангеми-tonностью и элементами пентатоники. Если линия скрытого лада обозначает их только в самых общих чертах (см. Приложение, нижняя скобка примера 1б), то реальные мелодические ходы (например, тт. 5–7 и 9–11 примера 1а в Приложении) являются непосредственным прообразом композиторской реконструкции подобных интонаций (ср. с тт. 1–4 примера 1в в Приложении). Отметим общий пентатонический звуко-ряд, включающий I–II–III–V–VI ступени лада как основу звукового единства мелодико-фактурных линий в ФСМ и у композитора.

Авторский стиль синтезирует и другие важные фольклорные и нефольклорные, европейские и неевропейские черты. Во-первых, это подчеркивание вальсово-танцевального начала в фактуре аккомпанемента и, как результат его ритмической равномерности в оживленном темпе, возникновение жанровых оттенков скерцозности. Во-вторых – пение светлым тембром в среднем регистре (es^1-c^2), что отмечали исследователи нанайского фольклора как типичную черту. В-третьих – главенство вокального одноголосия как эквивалента традиционной монодии, присущей аутентичной песенной культуре этносов Дальнего Востока. В целом обработка Г. Угрюмова соответствует принципу *вариации-аранжировки* (см. [1]).

Вследствие межнационального характера данной обработки и подобных ей по стилю можно отметить возрастание сложности взаимодействия ФСМ и АФСМ. В сравнении с общерусскими моделями любительского фольклоризма, в «Нанайском вальсе» гетеролексический «сплав» нефольклорно-фольклорного дополняется сочетанием европейско-неевропейского начала.

Обработке Николая Николаевича Менцера (1910–1997), слова Г. Бельды, перевод Г. Быр-газова, присущи вышеупомянутые принципы взаимодействия «своего – чужого», фольклорного – нефольклорного, европейского – неевропейского: 1) идентичная линия скрытого лада; 2) резонансные принципы гармонизации мелодии; 3) «игра» плагальных и автентических оборотов; 4) светлый тембр женского хора. Однако менцеровская трактовка песни – работа опытного композитора. Она опубликована в его итоговом авторском сборнике «Мелодии Севера. Современные песни народов Приамурья и Дальнего Востока» (Хабаровск, 1993).

Идя вслед за Г. Угрюмовым в построении ФСМ-имитации, Н. Менцер также экспериментирует в области «выращивания» гармонии из ладообразований мелодии. Линейная ангеми-tonика преобразуется у него в колоритно звучащие вертикали. Теоретическое их объяснение двойственно, возможно с позиций европейско-неевропейского синтеза. С одной стороны, аккорды возникают путем присоединения побочного тона (сексты) к трезвучиям тоники и доминанты. Композитор уже во вступлении (см. Приложение, пример 2) намеренно заостряет сопряжение квинты (с) и сексты (d) в T_{35} F-dur. Основной и побочный тоны при взаимном перемещении (см. Приложение, тт. 4, 6 примера 2) дают диссонансирующие, «дразнящие» слух ноты и септимы в крайних, средних голосах. В D_{35} звучание квинты и сексты (g–a; тт. 13–15 примера 2 в Приложении) в секундовом «трении» спрятано в средние голоса. Терпкость их сочетания подчеркнута отсутствием терции аккорда (e). В то же время секста, как устойчивая III ступень, лишает аккорд доминанты яркого тяготения в тонику. Нетипичным для классических форм построения подобных аккордов является совместное звучание квинты и сексты и помещение последней в среднем голосе. Это напоминает о «бородинских секундах» (фактурно-гармоническом приеме А. П. Бородина). С другой стороны, построенные композитором аккорды с побочным тоном аналогичны ангеми-tonным звуко-рядным структурам ФСМ (I–III–V–VI и V–VII–II–III ступени), что вносит дальневосточные фольклорные оттенки. Как видим, Н. Менцер также сращивает горизонталь и вертикаль, но делает это тоньше, изобретательнее и последовательнее, действительно унифицируя звуковой состав обоих компонентов фактуры.

Гармонизуя мелодию, композитор прибегает к мягко звучащим медиантовым и секундовым сопряжениям аккордов (T_6-VI_6 , $T_{35}-II_7$). Трезвучия ладовой периферии (VI_{35} и II_{35}), с ее потенциалом переменных функций, несколько полнее, чем у Г. Угрюмова, представлены в гармонии. Аккордика не только органичнее соединена с мелодией, но более разнообразна. Это способствует конкретизации линии скрытого лада, полнее раскрывает ресурсы его автентизма и плагальности.

Иное качество обработки Н. Менцера кроется и в концертном принципе преподнесения

материала. Это прослушивается в чередовании одноголосия и аккордового изложения хоровых партий, вносит диалогичность, персонафикацию, театральность. Фортепианной фактуре сопровождения свойственна массивность. Аккордовые дублировки напева и фигурированные варианты-контрапункты к нему проводятся на фоне глубоких басов при широком регистровом охвате инструмента. Крещендирование фактуры в куплетно-вариационной форме рождает ощущение эмоционального потока, подъема, в котором индивидуально-лирическое возрастает до всеобщего жизнеутверждающего. Это динамизирует куплетность, направляет ее развитие к большой коде, акцентирующей образно-эмоциональное нарастание.

Вариант Н. Менцера ближе к обработке-сценке (см. [9]). Возможно, что ее облик сложился не без влияния оркестровой версии песни, процитированной композитором ранее в финале его сюиты «Нивхские сюжеты». Наряду с чертами вариации-аранжировки АФСМ-1, обработка Н. Менцера синтезирует отдельные черты *академизированных стилевых моделей русской советской музыки 1920–50-х годов* (в основном в области ладогармонических структур), которые обозначим как АФСМ-3 (об АФСМ-2 см. далее; в порядковых обозначениях АФСМ придерживаемся исторической хронологии).

В качестве **цитаты** мелодия «Нанайского вальса» использовалась неоднократно. Своя версия ФСМ создана Н. Менцером в *финальной части («Вальс») из сюиты «Нивхские сюжеты»* (1959). Театральный эффект возникает уже в начальных тактах вступления. В исполнении труб тема наполняется и новыми жанровыми качествами – фанфарностью, речитативностью (см. Приложение, пример 3а). В основном разделе характерна иная, нежели в ФСМ, потактовая компоновка фраз: принцип вальсовой трехдольности (3+3+3+3) распространяется композитором на метр высшего порядка (вместо 4+4+4+4; пример 3б в Приложении). Лишенная привычных «рамок» квадратности, тема сжимается в музыкальном времени, обретает эффект особой подвижности, стремительности.

В трактовке цитаты значим весь контекст «Вальса», в том числе оригинальный авторский тематизм. Его образно-стилевой характер не-

однозначен. С одной стороны, возникают переключки со стилем русской и западноевропейской музыки XIX века письменной традиции (АФСМ-2а), в частности с лирико-эпическим симфонизмом той эпохи. Это наблюдается в фактурно-оркестровых средствах: «пышной», полнотвучной инструментовке, обилии туттийных звучностей при песенной основе тематизма. Поскольку музыка имеет вальсово-танцевальную природу, она наполняется отголосками романтической «балетности». С другой стороны, в аккордовых, тонально-гармонических средствах (например, ресурсах гармонического мажора, ярких мелодико-гармонических модуляций, тональных сопоставлениях), в темброво-фактурной орнаментации (в партиях гобоя, английского рожка) угадывается стиль «русской музыки о Востоке» – русского ориентализма XIX века (АФСМ-2б).

Данный стилизованный контекст по-иному формирует семантику цитаты. Она предстает значительно дистанцированной от обработки-аранжировки; в симфонической трактовке Н. Менцера исчезает «шлейф» коренного фольклоризма. В цитате акцентируются общеевропейские черты, а инонациональные признаки придают образу скерцозность, характерность, способствуют повышению эмоциональной выразительности, что подчеркивает символику общего финального танца-праздника всей сюиты. Между тем, композитор прибегает только к *варьированию* как методу развития.

Обоюдные семантические импульсы между цитатой и общим тематическим контекстом проявляются в переформировании семантики некоторых оригинальных менцеровских тем. В поле действия ориентальной семантики АФСМ-2б попадает трио финала (на оригинальных темах композитора), которое ассоциируется с женской обрядовой танцевальностью коренных дальневосточных этносов и принимает на себя значение «экзотического» момента, оттеняющего европейский стиль других тем трио.

Опыт Н. Менцера показывает, что в творческом процессе обработка и цитирование взаимодействуют непосредственно. В них общность источникового материала и единство менцеровского подхода к фольклору (в аспекте бережного сохранения народного стиля) способствовали общности приемов *вариации-аранжировки*. За пределы АФСМ-1–3 они не выходят. Но в трактовке ФСМ

как цитаты ощущается большая многомерность, смысловая нагрузка (что впоследствии, как отмечено выше, оказало обратное влияние на стиль песенной обработки).

В эпизоде финала «Дальневосточного концерта» для фортепиано с оркестром (1970) Юрий Яковлевич Владимиров (1925–1978) по-иному интерпретировал исходную ФСМ, хотя в жанрово-семантической трактовке цитаты у Ю. Владимирова и Н. Менцера есть некоторые общие моменты: акцентирование не столько песенности, сколько танцевальности в жанрово-стилевом комплексе темы, подчеркивание открытости, неспешности, «улыбчивости», специфичных для национального характера коренных дальневосточных этносов.

Цитата «Нанайского вальса» развита Ю. Владимировым по принципу вариаций *soprano ostinato* – инструментального композиционного аналога песенной куплетности. С разной протяженностью (разнообразнее, чем это было у Н. Менцера) композитор преобразует ее квадратность: тема – 5+5+5 (см. Приложение, пример 4); 1-я вариация – 4+4+4+4; 2-я – 4+4+4; 3-я – 4+4+2; 4-я – 3+2+3+2+2; 5-я – 4+4+9; 6-я – 3+3+3. В нерегулярности, масштабной вариабельности ритмосинтаксиса темы и ее развития заложен комический штрих.

В процессе варьирования лирическая жанровость цитаты, песенно-танцевальный характер преобразуются в тему-гимн – символ коллективного праздника. В такой трансформации, как и у Н. Менцера, важны крещендирующие приемы фактуры и оркестровки. При этом у Ю. Владимирова происходит выстраивание еще и определенной тембровой драматургии. В шестой, кульминационной вариации в звучании оркестрового *tutti* подчеркнут тембр медной духовой группы. Он ассоциируется с концертами духовых оркестров на открытом воздухе как современной формой любительского музицирования, а возможно, и преобразованного коренного традиционного быта.

В гармоническом плане отправным моментом развития явилось относительно простое изложение темы (АФСМ-1). Чертой, осовременивающей цитату и перекликающейся с ее ориентальными качествами в области лада, выступают эпизодические вкрапления джазовой аккордики: C^6 , C_7 (тт. 3, 6 примера 4 в Приложении).

Взаимодействуют два типа авторских моделей, АФСМ-1+АФСМ-4. В дальнейших варьированных проведениях к усложнению материала привели гармонические преобразования: синтез стиливых моделей русской советской музыки 1920–50-х годов и джаза (АФСМ-3+АФСМ-4). Обобщая суть подхода Ю. Владимирова к образно-стилевому воплощению цитаты, отметим, как главенствующий, метод перехода от *варьирования* к *строгой деривации* (см. [1]).

В *середине второй части («Скерцо»)* Фортепианного квинтета Бориса Дмитриевича Напреева (р. 1938) цитата осмыслена в контексте «колючего» скерцо бартоковского типа, характерного для начальной (основной) темы. Этот оригинальный авторский тематизм примечателен игрой метроритмических акцентов, жесткими звучностями, микромотивным ладово-ритмическим варьированием.

Цитата «Нанайского вальса» в среднем разделе «Скерцо» воспринимается как «островок лирики». Здесь скерцозность трактована в романтизированных, просветленных, более мягких тонах. Во вступлении народной темы, где вырезают ее интонации (ц. 7), и в основном проведении цитаты в партии альты (т. 4 ц. 8; пример 5а в Приложении) эти смешанные образные оттенки проявляются в акцентировании песенности, что исходит от легатных приемов игры на струнных, прозрачности изложения, в подчеркнутой облегченности фактуры, использовании среднего и высокого регистров, в приглушенной динамике и четкой артикуляции стаккато, пиццикато. Гармонический стиль соответствует классическим принципам АФСМ-1, напоминающим об обработке Г. Угрюмова.

Развитие темы продолжается в двух вариациях. В первой вариации (т. 20 ц. 8) несколько изменяется интонационно-жанровая основа цитаты. «Знаковый» мотив – VI–V–III ступени (отмечен скобками в примере 5б в Приложении) – чередуется с его авторскими модификациями и с новыми мотивами-«вздохами». Квадратность строения фраз, как и у других авторов, активно преобразуется: 4+5+6 (6=4+1+1)+3. Все эти приемы остраивают танцевальность, создают в ней свойства камерной утонченности.

Во второй вариации (ц. 9; пример 5в в Приложении) микроинтонации ФСМ «распылены» по

фактурным линиям, что приводит к исчезновению интонационной гибкости. Трансформирована песенная природа цитаты. В партии фортепиано абсолютизируются танцевально-моторные свойства ритмики ФСМ, напоминающие некое *regretum mobile* с оттенками прокофьевских скерцо. Включенная в этот общий звуковой поток, цитата «растворяется» в общих формах звучания, не эквивалентных ее экспозиционным звеньям.

Данный композиторский подход близок принципам *свободной деривации* [1]. Он опирается на тонально-гармонические структуры двенадцатитоновой хроматики – АФСМ-5 и стиль «новой фольклорной волны», близкий неофольклоризму Б. Бартока – И. Стравинского – АФСМ-6.

Песня «Нанайская рыбацкая» (слова народные, перевод Р. Добровенского) была записана и обработана Н. Менцером. Как и в «Нанайском вальсе», здесь отражено лирико-бытовое начало в комплексе с картинами дальневосточной природы: «Эй, слышишь, друг, // Над рекой моторов стук? // По реке мы плывем, // Нашу песню поем...». Акцентирована и промысловая тематика.

Обработка Н. Менцера для смешанного хора *a cappella* (сборник «Мелодии Севера») может выступить репрезентантом ФСМ-имитации. Как типичный образец любительского фольклоризма, она синтезирует свойства аутентичного коренного фольклора, массовой песни, отдельные черты русской музыкальной традиции.

Источником ярких стилевых качеств ФСМ-имитации по-прежнему являются ладоинтонационные и жанровые свойства фольклорного материала. Мелодия строится на основе ангемитонной пентатоники минорного наклона $d-f-g-a-c$ – ладового клише, типичного для нанайского фольклора и его вторичных форм (фольклоризма). Ладовость принимает типичный для современных нанайских песен вид октавно-пентатонного звукоряда $a-c-d-f-g-a$ (см. Приложение, пример 6а). В нем совмещаются трихорды $a-c-d+d-f-g-a$, объединенные тоникой d . Поскольку звукорядный состав развернут до октавы и более, он легко смыкается с натуральным минором (в фольклоре это явление исследовано, например, Г. Алексеевой) и системой параллельно-переменной тональности $d-moll - F-dur$. Последнее свойство больше восходит к русской народной традиции, но взаимодействует с инонациональной, коренной даль-

невосточной. Такое взаимодействие органично, так как происходит на основе общего ладофункционального свойства – тоникальности (тонов и созвучий), присущего модальным системам. В параллельном мажоре продолжают появляться производные трихорды $g-a-c$, $c-d-f$, расширяя диапазон напева.

Интонационная основа данной ФСМ напоминает традиционные жанровые модели заговорных промыслово-обрядовых речитативов. Их прототип воплощен через речитативность напева и, в большей степени, сопровождения. Данные качества скерцозности возникают уже в кратком вступлении (см. Приложение, пример 6б). Стаккатированные аккорды на слог «тонг», выдержанные в ровной ритмике, раскрывают программное содержание, ассоциируясь с четко организованными промысловыми действиями, с обрядом и/или игрой. Последняя из образных ассоциаций закрепляется дальнейшими нарушениями регулярности ритмики, появлением разнообразных синкоп в сопровождающих голосах.

В наложении партий вступления кристаллизуется «шероховатое» по звучанию аккомпанирующее созвучие T_2 , которое не менее эффектно замыкает все произведение. Вступительный аккорд экспонирует и суммирует звуки заглавной пентатонно-трихордовой попевки $d-a-c-d-f-(g)-a$.

Анализ основного тематизма обработки выявляет принцип линейно-аккордового синтеза-унификации, который проведен композитором довольно последовательно. В формировании аккордовой вертикали участвуют не только трихордовые образования основного напева, но и сопровождающие голоса, движение самой фактуры, напоминающей подголосочный стиль. Насыщенные по фонизму созвучия и их последования ($VI_7-t^4-s_7-t_6-t_{56}$ в т. 3, s_9-II_7 в т. 4 примера 6а и др. в Приложении) имеют линейную природу. Подобием диатонического традиционного мышления выступают естественно вписывающиеся в гармонический контекст обработки натурально-ладовые обороты, в частности фригийский: $t_{35}-III_{46}-s_6-s_{56}-d_7^{nat.}$ (см. Приложение, пример 6в).

Идея линейности фактуры проецируется на художественно-образный план. При передаче мелодии от басов к сопрано изменяется регистр, что дает эффект бинарной персонификации по типу «мужское – женское».

В целом принципы *варьирования-аранжировки* соответствуют традициям русской школы XIX века, тем принципам резонансной гармонии, о которых говорилось выше (АФСМ-1). Но в данной обработке подчеркнуты и ориентальные тона, что позволяет отнести авторскую стилистику к разновидности русского ориентализма – АФСМ-26. Вид ориентализма в данной обработке регионально специфичен, что обусловлено дальневосточным генезисом материала на мотивно-ладовом уровне. Общий уровень и органичность синтеза, взаимопроникновения всех названных выше элементов достаточно высоки, поскольку в стилистике этой обработки можно отметить превалирование закономерностей композиторского профессионализма.

Цитата этой же песни встречается в «*Поэме об Амурской земле*» Сергея Петровича Москаева (р. 1955), написанной для оркестра русских народных инструментов. Художественная идея произведения формируется на основе принципа стилевых сопоставлений русского и инонационального тематического материала. Возможно, это призвано символизировать единство коренных этносов и переселенцев Дальнего Востока России.

В качестве иностилевого символа во втором (среднем) разделе поэмы композитором избрана «Нанайская рыбацкая». Сначала цитата разработана в нескольких *вариациях-аранжировках* – экспозиции трехчастной формы всего раздела. Сложность и необычность ее трактовке придает специфичный тембр русского народного оркестра (цитата проводится в основном в партии баянов). Тембр является той яркой славянской «оправой» для ориентальной ФСМ, которая придает ей семантическую амбивалентность, заостряет ее скерцозный потенциал. Гармонические средства в основном соответствуют нормам советской музыки первой половины XX века – АФСМ-3. В середине формы прием вариации-аранжировки сопоставляется со *свободной деривацией*. Здесь трактовка ФСМ усложняется переходом в сферу таких джазовых ритмо-гармонических средств, которые напоминают о свинге, «свободной» импровизации джаз-авангарда (АФСМ-4). В репризе возвращается прием *варьирования* (АФСМ-3).

Преобразования этой же цитаты в *главной партии финала («Скерцо»)* «*Дальневосточного концерта*» Ю. Владимирова начаты уже во вступлении к теме. В нем формируются три основных

элемента: 1) трихордовые диатонические мотивы (d–f–g, g–b–c, c–g–a и др.); 2) синкопированные интонации в четных тактах (с ударом на 2-й и 4-й долях); 3) тритоновно-уменьшенная попевка каденции (cis–c–b–g). Из этого интонационного комплекса только первый элемент непосредственно связан с цитатой, что говорит об активном авторском переосмыслении ФСМ уже на этапе вступления.

В теме главной партии (g-moll; пример 7а в Приложении) материалу присуща динамично-игровая семантика с оттенками игрового азарта. Такой образной интерпретации цитата обязана характеристичному штриху, введенному Ю. Владимировым, – появлению «лишней» пятой доли (в нотировке Н. Менцера размер $\frac{4}{4}$). Она подчеркивается «сухими» тембрами коробочки, ксилофона (в Приложении, в примере 7а, отмечена знаком *□). Такие тембры в аутентичной звуковой ауре коренного фольклора ассоциируются с обрядностью, играми, борьбой на палках, а в образности финала Концерта являются колоритной скерцозной деталью.

В основе варьирования лежит принцип конструирования мелодии, гармонии, всей фактуры на основе натурально-ладовой системы ФСМ, трихорды которой свободно совмещаются композитором в новых конфигурациях. Данный принцип объединяет подходы Ю. Владимирову (в цитировании) и Н. Менцера (в обработке).

При диатоничности отдельно взятых ладовых ячеек мелодии и гармонии общий их звукорядный состав складывается в двенадцатизвучную полидиатоническую, а фактически в хроматическую систему (АФСМ-5). Как и в ФСМ, у Ю. Владимирову добавляются новые звенья трихордов (например, g–b–c, c–d–f), при помощи чего композитором «осваиваются» новые участки звукоряда. Двенадцатый звук h является лишь однажды, так как противоречит своим мажорным колоритом минорной ангемитонике. Развитие совмещается с джазовыми гармоническими оборотами (АФСМ-4), например, начальным: g–g₇–g⁶ (см. Приложение, пример 7а, тт. 1–3), где нисходящее движение в средних голосах напоминает о менцеровской трактовке, в частности о фактурно-аккордовом нисхождении фригийского оборота.

Трихорды согласованы со сменой фактуры. «Сольные» попевки-реплики (рояля и дру-

гих инструментов) подхватываются «хором» (у разных групп оркестра). Такое фактурное решение композитора ассоциируется с респонсорной формой «соло – хор», распространенной в образцах любительского фольклоризма. Самостоятельной характеристикой наделен кадансовый мотив по звукам **cis–c–b–g**, что напоминает о джазовых принципах ладовости, о блюзовом звуко-ряде с IV **высокой (V низкой) ступенью**. Скандированная тоника в кадансе – октавно-унисонное тройное g оркестра в ритмике суммирования (две восьмые и четвертная) – ассоциируется с коллективным игровым выкриком и в целом – с промыслово-коллективной семантикой ФСМ. В таком виде каданс звучит комично и в то же время повелительно как знак завершения общего активного движения, игры-действия.

Хроматизация и джазовый контекст изменяют жанровые параметры ФСМ: ее песенная речитативность интерпретируется в подчеркнуто скерцозном плане. В целом авторское переинтонирование ФСМ соответствует принципу *стро-гой деривации*.

В *побочной партии финала «Дальневосточного концерта»* (см. Приложение, пример 76) Ю. Владимиров сохраняет то же единое интонационное зерно цитаты, выстраивая на его основе монотематическую сонатную форму.

Существенная трансформация цитаты связана с тем, что ФСМ с семантикой коллективного промыслово-обрядового слоя вводится композитором для создания индивидуализированного лирического образа. (Возможно, это еще один вид в цепи персонификаций, начатых в главной партии финала Концерта). Такие образные параметры формируются из камерности звучания побочной партии: она проведена у рояля без участия оркестра (в виде двух «строф»-вариаций Es-dur – As-dur со вступлением к каждой).

Полистилевой облик цитаты формируется следующими средствами. Аккордово-фигурационное вступление колоритно своими диссонирующими вертикалями (септ-, нонаккордами) и их сопоставлениями, служащими затем фоном для мелодии. Хроматическая система в гармонии (АФСМ-5) осовременивает звучание темы. В то же время «высказывание» рояля выдержано в стиле европейского романтизма с соответствующими средствами создания такого стилового оттенка. Во-первых, периодичность трихор-

дов ФСМ (d–f–g, g–b–c, c–es–f) переосмыслена с точки зрения структуры и звуковысотной линии. Периодические микроструктуры теперь собраны композитором в виде единой мелодической волны, напоминающей лирико-элегическую речь. Во-вторых, фактурное решение темы по звуковой насыщенности, мощи подобно «оркестральности» листовского типа в трактовке фортепиано. Благодаря специфическим гармониям джазовой природы, в теме появляются оттенки импровизации «в блюзовых тонах» (АФСМ-4). Кадансовый элемент побочной партии в виде никнущей терцовой интонации (b–g–g) (см. Приложение, пример 76, тт. 3–4) жанрово контрастен и семантически амбивалентен, что связано с типом образов. Они ассоциируются не только с традиционными плачами коренных дальневосточных народов, но и со спиричуэл.

Фактурно-гармонические, ладовые, интонационные средства существенно переформируют этнический оттенок ФСМ и даже исключают его исходные формы. Важным моментом этого является семантическая «модуляция»: коллективное – индивидуализированное. Образно-стилевое перевоплощение цитаты соответствует принципу *свободной деривации*.

Итак, в проанализированных обработках и цитатах «Нанайского вальса», «Нанайской рыбацкой» перенесение фольклорного материала в текст авторского произведения породило принцип распространения закономерностей первичного жанра на композиторский стиль, даже там, где эти связи не очевидны и вуалируются композиторским решением, внедрением тех или иных АФСМ. Подобный принцип фольклорно-стилевого моделирования можно обозначить понятием *моделирования-экстраполяции*.

Однако ПФСМ-экстраполяция объединяет полярные композиторские версии. В одних выражено стремление к узнаваемости ФСМ, в других – тенденция к оригинальности прочтения.

Первый тип преобразований ФСМ отмечен непосредственным воспроизведением жанра и незначительной детализацией стиля. Его изменения основаны на стилизованном балансе фольклорного и нефольклорного. Причем, в этом плане близки обработки Г. Угрюмова, Н. Менцера и цитаты Н. Менцера (четыре из девяти проанализированных примеров). Такой ПФСМ обозначим как *экстраполяция-варьирование (аранжировка)*.

Другой тип преобразований ФСМ направлен на переосмысление, а иногда и «преодоление» ее фольклорной природы (М. Тараканов). Здесь наблюдается серьезный «крен» в сторону нефольклорного стиливого начала. Для теоретической дифференциации столь индивидуальных композиторских решений критерием является степень стиливого дистанцирования от ФСМ.

В двух цитатах Ю. Владимирова в «Дальневосточном концерте» (главная партия и эпизод финала) стиливая дистанция с ФСМ довольно ощутима, но тема хорошо узнаваема, что соотносимо с *экстраполяцией-деривацией (строгой)*. Цитирование во второй части Фортепианного квинтета Б. Напреева и в побочной партии финала

«Дальневосточного концерта» Ю. Владимирова основано на ярко выраженном преобладании авторского нефольклорного начала и большом дистанцировании от ФСМ, завершающемся выходом за пределы самой фольклорно-стилевой специфики, в область авторских моделей (ФСМ→АФСМ), что соотносится с *экстраполяцией-деривацией (свободной)*.

Особняком стоит сопоставление полярных приемов *варьирования* и *свободной деривации* в интерпретации С. Москаева в «Поэме об Амурской земле». Автор как бы специально демонстрирует два ракурса опосредования ФСМ, то удаляясь, то приближаясь к ее стилю. Наши наблюдения сведены в табл. 1.

Таблица 1

Принципы фольклорно-стилевого моделирования-экстраполяции		
В а р ь и р о в а н и е	Д е р и в а ц и я	
	Строгая	Свободная
	О	б
	р	а
	б	о
	т	к
	а	а
НВ Угрюмов Г. АФСМ-1 НВ Н. Менцер АФСМ-1+АФСМ-3 НР Н. Менцер АФСМ-1+2б		
	Ц и т и р о в а н и е	
	Относительно статическая	
НВ Менцер Н. Нивхские сюжеты АФСМ-2а+2б	НР Владимиров Ю. Дальневосточный концерт, главная партия финала АФСМ-5+4	НР Владимиров Ю. Дальневосточный концерт, побочная партия финала АФСМ-5+4
Сопоставление ПФСМ		
НР Москаев С. Поэма об Амурской земле АФСМ-3		Поэма об Амурской земле АФСМ-4 АФСМ-3
	Динамическая	
	НВ Владимиров Ю. Дальневосточный концерт, эпизод финала АФСМ-1+4→АФСМ-3+4	НВ Напреев Б. Фортепианный квинтет АФСМ-1→АФСМ-5+6

Примечание: НВ – «Нанайский вальс»; НР – «Нанайская рыбацкая».

Приемы деривации (рассмотренные теперь как бы «поверх» строгой и свободной) разнятся характером развития. Одну разновидность деривации можно рассматривать как *относительно статический* стиливой вид: преобразования темы выдержаны в единых или близких стиливых координатах (табл. 1). Вторую разновидность обозначим как процессуальный, динамический вид деривации. Здесь характерно удаление не только от стиля ФСМ, но и от вариантов, уже ранее представленных композитором. Фазы варьирования ощутимы в аспекте стиливых различий, то есть

движения от одной АФСМ к другой (в табл. 1 отражено стрелкой →, показывающей направленность преобразований). Смена АФСМ обычно происходит от простых стиливых форм к более сложным.

В творчестве дальневосточных композиторов 1960–80-х годов между обработкой и цитированием, как наиболее общими принципами переинтонирования, и вариацией и деривацией, как конкретными приемами развития материала, складываются следующие типы соответствий (см. схему на рис. 1).

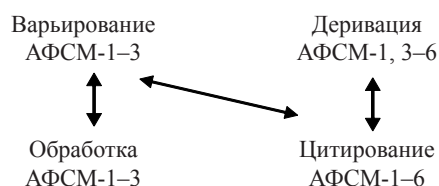

Рисунок 1. ПФСМ в обработке и цитировании

Как видим, продуктивностью отличается как прямое, так и перекрестное согласование методов (обработки цитирования) и приемов (варьирования, деривации). С одной стороны, в обработках характерно внимание композиторов к фольклорно-жанровому комплексу и относи-

тельное единообразие композиторских методов его воссоздания, совпадающих с вариацией-аранжировкой при главенстве относительно несложных АФСМ-1-3. Для сферы цитирования, наоборот, характерен широкий спектр приемов варьирования, деривации и, как следствие, – разнообразие простых и сложных АФСМ-1-6.

С другой стороны, варьирование встречается преимущественно в обработках, но и в небольшой части цитат. Можно отметить проницаемость этого метода композиторской работы с ФСМ. Деривация четко закреплена за сферой цитирования, проявляясь в разнообразии, а подчас уникальности авторского переинтонирования ФСМ.

Приложение

«Нанайский вальс». Обработка Г. Угрюмова

Пример 1а

Soprano

Гуч-ку-ли, гэ, дуэн - тэ, эл - кэ - лэ хэ - дун - ду.
Мим-би - вэ до - со - дя - ми е-нуэн-ди дя - ри - ро?

Пример 1б

Авт. Плаг. Авт. Плаг.

Пример 1в

Мим-би - вэ е-нуэн-ди дя - ри - ро?

«Нанайский вальс». Обработка Н. Менцера

Пример 2

13

На-шей ре-ки про-стор, си-ни-е це-пи гор

13

Менцер Н. Сюита «Нивхские сюжеты», финал «Вальс»

Пример 3а

Tri-be

Пример 3б

V-ni

Владимиров Ю. «Дальневосточный концерт», финал «Скерцо», тема трио

Пример 4

Example 4 is a musical score for a piano and violin. It consists of four systems of staves. The piano part is written in treble and bass clefs, and the violin part is in treble clef. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The score includes various musical notations such as chords, single notes, and rests. A dynamic marking 'p' (piano) is present in the first system of the violin part and the second system of the piano part.

Напреев Б. Квинтет, тема середины 2-й части

Пример 5а

Example 5a is a musical score for a violin and piano. It consists of two systems of staves. The violin part is in treble clef, and the piano part is in treble and bass clefs. The key signature has one flat (Bb) and the time signature is 3/8. The score includes various musical notations such as chords, single notes, and rests. Dynamic markings 'p' (piano) and 'pp' (pianissimo) are present in the violin and piano parts respectively.

Пример 5б

Пример 5в

«Нанайская рыбацкая». Обработка Н. Менцера

Пример 6а

Пример 6б

Пример 6в

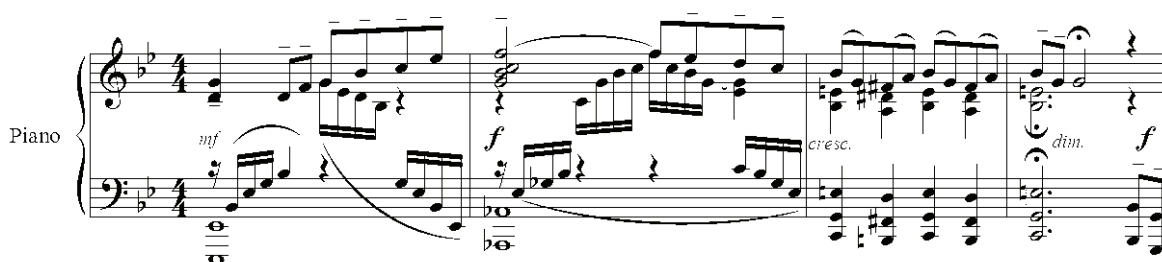

Владимиров Ю. «Дальневосточный концерт», финал «Скерцо»

Пример 7а

Пример 7б

Литература

1. Арановский М. Музыкальный текст: Структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 343 с.
2. Бушуева Л. Феномен обработки чувашской народной песни в творчестве композиторов: к проблеме композиторского фольклоризма: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Казань, 2008. – 22 с.
3. Головинский Г. Композитор и фольклор: Из опыта мастеров XIX–XX веков: очерки. – М.: Музыка, 1981. – 279 с.
4. Зак В. О мелодике массовой песни (Опыт анализа). – М.: Совет. композитор, 1979. – 358 с.
5. Земцовский И. Фольклор и композитор. – Л.; М.: Совет. композитор, 1978. – 174 с.
6. Иванова Л. Фольклоризм в русской музыке XX века. – Астрахань, 2004. – 223 с.

7. Лескова Т. Особенности фольклорно-стилевого моделирования (на примере симфонических произведений Сергея Москаева) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 2 (31). – С. 36–48.
8. Петров А. Претворение русского фольклора в современной хоровой музыке (1980–2005). Основные тенденции, новые композиторские подходы: дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2007. – 239 с.
9. Хорошайло Г. Обработки народных песен для хора а cappella в отечественной музыкальной культуре XX века и творчество А. В. Михайлова: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Ростов н/Д., 2005. – 33 с.
10. Шейкин Ю. Особенности развития музыки удэ и других народов Приамурья // Народная музыка СССР и современность. – Л., 1982. – С. 61–80.

References

1. Aranovskii M. Muzykal'nyi tekst: Struktura i svoistva [Music text: Structure and Properties]. Moscow, Kompozitor Publ., 1998. 343 p. (In Russ.).
2. Bushueva L. Fenomen obrabotki chuvashskoi narodnoi pesni v tvorchestve kompozitorov: k probleme kompozitorskogo fol'klorizma. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniia [The phenomenon of the processing of the Chuvash folk songs in the works of composers: the problem of composing folklorism. PhD of Art History diss. author's abstract]. Kazan', 2008. 22 p. (In Russ.).
3. Zak V. O melodike massovoi pesni (Opyt analiza) [About melody of song of the masses (Experience of the analysis)]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1979. 358 p. (In Russ.).
4. Zemtsovskii I. Fol'klor i kompozitor [Folklore and composer]. Leningrad; Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1978. 174 p. (In Russ.).
5. Golovinskii G. Kompozitor i fol'klor: Iz opyta masterov XIX–XX vekov: Ocherki [Composer and folklore: From the experience of masters XIX–XX centuries: Essays]. Moscow, Music Publ., 1981. 279 p. (In Russ.).
6. Ivanova L. Fol'klorizm v russkoi muzyke XX veka [Folklorism in Russian music of the XX century]. Astrakhan', 2004. 223 p. (In Russ.).
7. Leskova T. Osobennosti fol'klorno-stilevogo modelirovaniia (na primere simfonicheskikh proizvedenii Sergeia Moskaeva) [Features folklore-stylistic modeling (for example, symphonic works by Sergei Moskaeva)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 2 (31), pp. 36–48. (In Russ.).
8. Petrov A. Pretvorenii russkogo fol'klora v sovremennoi khorovoi muzyke (1980–2005). Osnovnye tendentsii, novye kompozitorskie podkhody. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Implementation of Russian folklore in the contemporary choral music (1980–2005). The main trends, new compositional approaches. Diss. PhD of Art History]. Moscow, 2007. 239 p. (In Russ.).
9. Khoroshailo G. Obrabotki narodnykh pesen dlya khora a cappella v otechestvennoi muzykal'noi kul'ture XX veka i tvorchestvo A.V. Mikhailova. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniia [Arrangements of folk songs for choir a cappella in the national musical culture of the twentieth century and the work of A.V. Mikhailov. PhD of art criticism diss. author's abstract]. Rostov-na-Donu, 2005. 33 p. (In Russ.).
10. Sheikin Yu. Osobennosti razvitiia muzyki ude i drugih narodov Priamur'ia [Features of the development of music Ude and other peoples of the Amur Region]. *Narodnaia muzyka SSSR i sovremennost'* [Folk Music of the USSR and Contemporaneity]. Leningrad, 1982, pp. 61–80. (In Russ.).

УДК 78.071.1/398(571.6)(035.3)

О ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОКАХ «ЭВЕНКИЙСКОЙ РАПСОДИИ» НИКОЛАЯ МЕНЦЕРА

Лескова Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения, музыкального образования и искусства эстрады, Хабаровский государственный институт культуры (г. Хабаровск, РФ). E-mail: leskova-1961@mail.ru

Композиторский фольклоризм на Дальнем Востоке России отличается широким кругом этнических преобразов. В основе «Эвенкийской рапсодии» (1958) дальневосточного композитора Николая Менцера (1910–1997) лежат подлинные народные мелодии, заимствованные им из собственных экспедиционных записей. Однако данные материалы остались неизданными. Автору статьи также неизвестны фонозаписи

фольклора, рукописные нотные расшифровки композитора. В связи с этим трудность представляет выявление границ цитат. Поэтому в статье применяется метод анализа, предложенный И. Земцовским и связанный с привлечением аналоговых ассоциаций из области аутентичной эвенкийской музыкальной традиции для установления жанрово-семантических связей фольклора и музыкального тематизма «Рhapsодии». Особенность цитатного метода Н. Менцера – внедрение начальных построений мелодии-цитаты в произведение с последующим досочинением оригинального материала. Варьирование композитором фольклорного материала в начальных и репризных разделах произведения способствует усилению процессуальности, созданию аналогий с фольклорной импровизационностью, преодолению композиционной «закругленности» форм. Особенностью образной драматургии являются яркие фольклорно-жанровые контрасты, придающие общей композиции произведения черты сюиты, своеобразной «антологии» эвенкийского фольклора. Фольклорные прообразы взаимодействуют с авторским контекстом двойственной природы: имитированными композитором жанровыми структурами фольклора и стилизованными структурами профессиональной западноевропейской классико-романтической музыки XIX века, что показано на примерах анализа тематизма. Такой контекстуальный синтез способствовал выведению фольклора из плана узкоэтнического в ранг общезначимого. В связи с этим в статье сделан вывод о высокой степени стилизованной адаптации фольклорных прообразов в авторском (композиторском) контексте. Однако отмечена неоднозначность приемов переинтонирования Н. Менцера: они, имитируя и/или создавая эффект фольклорности, в то же время характеризуются обобщающими качествами, способными уводить фольклорную семантику в план подтекста.

Ключевые слова: композиторский фольклоризм, эвенкийский фольклор, цитирование, переинтонирование, Дальний Восток России.

ABOUT THE FOLKLORE ORIGINS: “EVENK RHAPSODY” NICHOLAS MENTSER

Leskova Tatyana Vladimirovna, PhD of Art History, Associate Professor of Department of Art History, Music Education and Pop Art, Khabarovsk State Institute of Culture (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: leskova-1961@mail.ru

Composer's folklorism in the Russian Far East is diverse in ethnic inverse images. Folklore is at the heart of “Evenk Rhapsody” by Far Eastern composer Nikolai Mentser's (1910-1997), which was recorded during the expeditions and carefully studied. After more than half a century after the creation of “Rhapsody” in 1958, it is impossible to get acquainted with authentic folk sources recorded by N. Mentser, and analyze them. “Evenk Rhapsody” belongs to the works, which fully manifested Mentser's method of the reintoning the folklore, in particular, his creative approach to citation material.

N. Mentser's citation method lays in the fact that the folk song samples are included in the product only partially: the composer after the introduction of the initial constructions of quoted melodies was composing the continuation and texture of his own. Given the lack of information on the sources and taking into account the above-mentioned features of citation, the article developed and tested a method of analog associations. For this, it attracted a wide range of Evenk folklore genre associations. Among them: the ritual dances, lyrical and fishery songs, laments. The embodiment of a wide range of genres of folklore resulted in internally contrast dramatic, that gives “Rhapsody” features of a unique “anthology” of Evenk folklore suites.

Folklore inverse images interact with the stylistic structures of Western classic romantic music. With this reintoning of Evenk's preimages, they reveal kinship realization of other national sources with models of folk style thinking, well-known from samples of such composer folklorism as A. Dvorak and other composers of the XIX century.

The main compositional technique is a variation of folk material. Overcoming composite “roundness,” mechanistic reprises of “Rhapsody” is manifested in the fact that in the general and local reprises (inside parts), the folklore material continues to evolve and vary. The article concluded that a high degree of adaptation of folklore inverse images in copyright (composer) is the context of the work.

Keywords: composer folklorism, Evenk folklore, citation, reintoning, Far East Russia.

Выявление специфики национального остаётся актуальной задачей, несмотря на постоянное внимание отечественного музыковедения к различным аналитическим аспектам исследовательской темы «Композитор и фольклор». Это обусловлено многообразием претворения фольклорного начала в авторских произведениях.

Непосредственным побудительным стимулом и образцом в области методики анализа в предлагаемой статье стала работа И. Земцовского «Русское в “Русской тетради” В. Гаврилина» [7, с. 102–117]. Показывая жанрово-стилевую специфику многосоставной «материи» национального, учёный вскрывает источники такого эффекта. Во-первых, они кроются в самом фольклоре, во-вторых, в авторских средствах его создания и концентрации (Г. Головинский): в тончайшей интегрированной ассимиляции жанрово-стилевых элементов фольклора в тексте произведения. Органична сочетаемость композиторских приёмов переинтонирования и исследовательских инструментов теоретического осмысления. Таким инструментом представляется метод аналоговых ассоциаций И. Земцовского.

Постижение национального на материале отечественной музыки российских регионов также сохраняет свою актуальность. Так, облик произведений дальневосточного композитора Николая Николаевича Менцера (1910–1997) определила опора на стилистику и поэтику фольклора коренных этносов. «Поставщиком» впечатлений для композитора и стилистической основой музыкального материала стали многочисленные фонозаписи композитора, сделанные им в середине 1950–1970-х годов. Массу впечатлений приносили концерты, конкурсы, фестивали этнографических коллективов, общение с их участниками – носителями народной традиции и выходцами из коренной национальной среды Дальнего Востока. Руководство некоторыми ансамблями («Мелодии Севера», «Эргырон» и др.) и особенно работа над концертными программами вырабатывали навыки адаптации фольклорного материала в системе европейских музыкально-стилевых средств.

Симфоническая миниатюра «Эвенкийская рапсодия» (1958) является одним из тех первых произведений зрелого периода творчества, в которых устанавливается фольклоризованный стиль Н. Менцера [10, с. 212]. Показателен и цитатный метод «Рапсодии». Устойчивость его моделей

демонстрирует то, что десятилетие спустя они оказались в центре внимания статей Н. Крюкова, Ю. Корева (На Дальнем Востоке // Советская музыка. – 1958. – № 2. – С. 121–123) и С. Рязова (Строить и жить помогает // Тихоокеанская звезда. – 1971. – 16 марта).

Однако печатные материалы практически не раскрыли специфики цитирования, которая состояла в том, что, начав цитировать, Н. Менцер дальше сочинял мелодию сам. Свободное совмещение цитатного фольклорного и нецитатного авторского материала отмечает и исследователь творчества композитора Б. Напреев [10, с. 220–221]. В «Эскимосской увертюре» Н. Менцера «ни тема валторны, ни подголосок не являются цитатами эскимосского фольклора. Композитор в данном случае создаёт оригинальные построения, используя, однако, характерные национальные интонации и закономерности их объединения в мелодию» [10, с. 219]. О свободной контаминации фольклорного и авторского материала было известно и из личных бесед композитора с коллегами-музыкантами (например, Ю. К. Шклявером, давшим интервью автору данной статьи 02.09.2012).

Свободное совмещение цитатного метода с приёмами сложного переинтонирования фольклора характерно и для произведений позднего периода середины 1970-х – начала 1990-х годов: поэмы «Первый ревком Чукотки», симфониетты «Национальной», Симфонии-концерта для скрипки с оркестром, балета «Таю» («Охотник и нерпа»; не окончен). В них, только более сложных по композиторскому контексту, как и в «Эвенкийской рапсодии», граница фольклорного и авторского материала и стиля остаётся открытой.

В «Эвенкийской рапсодии» менцеровская интерпретация фольклорно-цитатного материала, обычно относимая исследователями к области простого переинтонирования, также не отличалась однозначностью. «Материалом для цитирования становились в основном песенные жанры, определённой функцией не обусловленные, то есть обширная область лирики, но жанровая семантика сохранялась: в “Эвенкийской рапсодии”, например, полностью воспроизводятся национальные мелодии “Песни охотника”, “Песни девушек”, “Песни о коршуне”» [13, с. 248]. Однако конкретных соответствий цитатного материала «Рапсодии» и экспедиционных материалов, нотированных расшифровок, эскизов (следов которых

не удалось обнаружить и автору данной статьи) Н. А. Соломонова не приводит, что было бы весьма показательно. Здесь и проявляет свою актуальность метод И. Земцовского: поиск адекватного музыка спектра фольклорных ассоциаций – индикаторов, «маркёров» фольклорного начала.

Подобный сравнительный анализ стал возможным благодаря изданным образцам эвенкийского фольклора в работах А. Айзенштадта, который «собирает материалы по разным локальным группам эвенков – южным, северным и восточным» [4, с. 94], Ю. Шейкина, О. Добжанской [14; 15]. Исследования восточного (то есть дальневосточного) ареала эвенкийской музыкальной традиции особо актуальны для проблематики данной статьи, поскольку фольклор этого региона также изучался и Н. Менцером.

Правомерность ассоциативного подхода в цитатном произведении объяснима не только невыясненным статусом первоисточников. Во-первых, в «Рапсодии» действительно больше музыкальных тем (четыре), чем цитат (три). Во-вторых, сочетание фольклорно-жанровых моделей заимствованного и оригинального происхождения с контекстом академической симфонической музыки усиливает полижанровость тематизма. Обогащая семантику, это приближает связи фольклорного и композиторского начал к неоднозначности. Отсюда необходимость проведения анализа на более широкой фольклорно-стилевой основе, выходящей за пределы жанровости цитат.

Если принять во внимание только фольклорную семантику, то в музыке главных тем «Рапсодии» она уже оказывается смешанной. В основном тематизме угадывается интонационность и образность трудового клича-призыва обрядово-промыслового происхождения (1) в синтезе с жанровостью хоровода (2), в темах трио – лирическая песенность (3) и плач (4), жанровость сказания (5) и элементы ономотопеи [14, с. 215] (6) – звукоподражаний «голосам» птиц.

Такой синтез образов объясним семантической проницаемостью жанров самого фольклора, что характерно не только для эвенкийской народной традиции. В ней же, например, «эпические жанры являются собирательными и непосредственно взаимодействуют со всеми другими», имея «многожанровую основу» [3, с. 94, 145]. «В напевах преданий и сказок встречаются наряду с декламационными построениями песенные и

танцевальные, отмечено и взаимопроникновение их. Однако самый способ исполнения в преданиях и сказках отличается от исполнения бытовых песен и танцев большей необычностью, тенденцией к театрализации» [3, с. 148].

Следовательно, в задачи статьи входит анализ фольклорных и контекстных составляющих, анализ новых семантических множеств, возникших на пересечении фольклорного и композиторского. Это возможно при условии по возможности адекватной реконструкции их жанрово-стилевых аналогий (на уровне элементов музыкальной выразительности: мелодики, ритмики, лада, микрокомпозиции). Поскольку автору статьи неизвестны границы цитат, стоит проблема идентификации фольклорных элементов через приведение других типовых формульно-традиционных аналогов мелодиям-цитатам Н. Менцера. Это позволяет в комплексе классико-романтических общеевропейских средств профессиональной музыки распознать и обозначить те, которые стилистически восходят к эвенкийскому фольклору и фольклорным функционально-стилевым закономерностям в целом.

В сопоставлении музыкального материала «Рапсодии» ощущается типичный для мифопоэтики принцип бинарных образных оппозиций. Так, при сопоставлении тем из экспозиции и трио (сложной трёхчастной формы) создан контраст коллективного – индивидуального, объективно-бытового – субъективно-лирического, мужественного – женственного и т. п.

Принцип бинарности, идущий от фольклора, совмещён с законами репризности, «уложен» в типовые формы: сложную трёхчастную во всём произведении, простые трёхчастные формы – внутри его разделов. Если в образном плане превалируют фольклорные закономерности (бинарность), то в композиционном ощущении приоритет репризного мышления профессиональной музыки XVIII–XIX веков. Последнее проявляется и в репризной организации выразительных средств. Среди них приёмы фактурно-оркестрового изложения (туттийность – камерность – туттийность), громкостной динамики ($f-p-f$), общего тонального плана произведения (A-dur – a-moll – A-dur).

Принцип репризной симметрии скрепляет всё произведение. Стремясь преодолеть её закруглённость, статику, Н. Менцер развивает, варьирует, динамизирует тематизм в общей и местных

репризах, внося в образно-эмоциональные трактовки отдельных разделов черты крещендирующих форм (термин В. Холоповой). Широко понимаемые принципы вариационности сопоставимы с импровизацией в фольклоре.

В основу произведения положен разнообразный по жанровым истокам фольклорный материал, скомпонованный по законам упомянутой выше бинарно-репризной логики. Первая часть «Рапсодии» подчинена сопоставлению двух образов – шуточного (начальный раздел а) и героического (середина b и местная динамическая реприза a₁). Однако середина и реприза простой трёхчастной формы объединяются логикой крещендирующей формы: сфера героики распространяется и на динамическую репризу, построенную на основной теме (табл. 1).

Таблица 1

**Композиционно-драматургический план
1-й части «Рапсодии»**

Драматургия: двухчастность (бинарность)	A	B	
Композиция: репризная трёхчастность	a	b	a ₁

Благодаря этому происходит «укрупнение» образов, возникает эффект эмоционального сре-

scendo, ассоциируемое с обрядово-ритуальной сферой. Напомним, что у эвенков во время обряда икэнипкэ (у Г. Василевич, А. Айзенштадта – икэн-ипкэ [3, с. 38]), представлявшего собой восьмидневный коллективный хоровод, имитировалась погоня, возглавляемая шаманом и его духами-помощниками, за воображаемым диким оленем (лосем), его убийство, вкушение мяса, а также весь годовой цикл жизни охотника [6, с. 34; 13, с. 134]. Обрядово-акциональный смысл хоровода состоял в подтверждении цельности социума, единства всех его членов [12].

На этих основаниях базируется образность первой темы. Своим динамизмом, открытой жизнеутверждающей эмоциональностью, энергичной моторностью она напоминает подобные хороводы. Их фактура в народной традиции организовывалась пением шамана и коллективными гетерофонными хоровыми вторами вслед за ним, со сдвигом во времени [15, с. 47]. В произведении Н. Менцера в светлой, чётко артикулированной теме солирующей трубы слышна улыбка, исходящая от характера инструментальной ритмоостинатной скороговорки. Это аналогично музыкально-этнографическому описанию манеры исполнения: «Всё интонируется подчёркнуто ясно – это определяется самой сущностью игры-переключки, где играющие как бы соревнуются в выразительности» [3, с. 38] (пример 1а).

Пример 1а

«Эвенкийская рапсодия» (основная тема экспозиции)

В комплексе выразительных средств явно преобладает ритмика, что во многом исходит от дальневосточной версии исполнения хоровода, например, Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, знакомой Н. Менцеру: «эвенки, тан-

цую, не поют, а лишь ритмическими вскриками организуют равномерное круговое движение» [3, с. 32]. В интонационном содержании темы Н. Менцера упор сделан на гармоническом варьировании кратких полутактовых ритмиче-

ских ячеек, что приближает её к мелодическому типу лаконичных напевов, основанных на одной попевке-формуле, аналогичной ритмическим вскрикам. Группа попевок с цезурированием в каждом втором такте aba_1b_1 имеет типовой характер в фольклоре [3, с. 43] и образует восьмитактовое первое предложение периода (за его пределами интонационное развитие-варьирование продолжается во второй части простой двухчастной формы).

Квадратность структур подчёркивается повторностью ритмического рисунка «с выделением “счётных” долей в двух- реже трёхдольных размерах» [3, с. 151]. Фразировка народных хороводных тем согласуется с узкофункциональными задачами обрядового интонирования – задачами строгой ритмической организации общего танца, что определяло преобладание равнослогового принципа в стиле фольклорного стихосложения [3, с. 35]. Его упорядоченность отозвалась в структурной чёткости мелодических микроструктур, ритмосинтаксиса, организованных у композитора

в четырёхтактные фразы. (Квадратность фразировки нарушается лишь в переходе к теме середины.) В плане квадратности народная и классическая профессиональная письменная традиции идут навстречу друг другу: вспомним влияние ритмической моторности в темпообразовании, например, ранних симфоний Й. Гайдна (В. Конен).

В теме Н. Менцера смоделирован небольшой звукорядный амбитус обрядовых напевов, непосредственно восходящий к цитатному материалу. Фольклористами отмечено ладовое разнообразие, простирающееся «от весьма нечётких ладовых взаимосвязей до хорошо развитых ангемитонных и гемитонных ладов» эвенкийского фольклора [3, с. 36–37]. Имитация второго типа ладоинтонационности – гемитонного тетра хорда, как часто встречаемого в фольклоре (примеры 1б, 1в), – позволила композитору органично сочетать его, как верхний тетра хорд мажорной гаммы, с европейской ладовой мажорно-минорной системой.

Пример 1б

Асорай (хороводный танец) [3, с. 181]

Типовой характер темы композитора и народного напева характерен совпадением контура серединного каданса, идущего вниз от тоники по I–VII–V ступеням лада (ср. тт. 8–9 примера 1а и т. 4 примера 1б, отмеченные скобкой).

Для понимания типичности основной темы «Рапсодии» важно замечание Е. И. Титова и о ритмосинтаксисе: «Песни, благодаря обязательному речитативному напеву, имеют более или менее

строгую ритмичность, часто воспроизводящую рисунок наших ямбов» (цит. по [2, с. 118]). Примером этого являются народные напевы, приводимые А. Айзенштадтом. Один из образцов подобен теме Н. Менцера своей ритмикой, ямбической интонацией и «нисходящей направленностью попевок от вершины к нижнему устою» [3, с. 152], который в обеих темах нижнекварттовый (ср. примеры 1а, 1б, 1в).

Пример 1в

Напев эвенкийского танца (начальные построения [3, с. 151])

Активность речевой природы первой темы «Рапсодии» исходит от её наполненности множественными возгласами. В фольклоре формульные восклицания различались по половозрастной, родовой диалектной принадлежности, а характер звукоподдачи – и по виду тотемного животного. Особая композиционная роль принадлежала рефренным словам-восклицаниям, вносящим стройность в композицию строфы [3, с. 32–35]. В теме Н. Менцера интонация возгласа ощущается в афористичности тирад солирующей трубы, её организующий характер – в периодической повторности.

Скорее всего Н. Менцер опирался на мелодию «Песни охотника» из предложенного перечня цитат [13, с. 248]. Поэтому уместно отметить возгласную природу интонирования эвенков и в других обрядовых ситуациях, в частности, во время охоты на медведя, когда охотники «подходили к его берлоге и кричали, подражая ворону: “Ки-ик! Ку-ик! Ка-ак!”... Звукоподражание воронам с целью “запутать” медведя Г. М. Василевич связывает со стадially ранним проявлением этого обряда, – в период жизни древних тунгусов [эвенков – Т. Л.] по соседству с сибирскими предками современных северо-восточных палеоазиатов, имевших культ ворона» [13, с. 102]. В связи с этим музыкальный контекст «Рапсодии» позволяет отметить опору Н. Менце-

ра и на такой широко бытующий народный источник, как формульные орнитоморфные звукоподражания.

Многообразие динамических оттенков и непрерывное ускорение темпа, отмечаемое исследователями в народной хороводной традиции [3, с. 35], выражено у композитора подвижным темпом, нарастающей «поверх» трёхчастности динамизацией реприз (местных и общей).

«Хороводные... полные энергии, динамичные» песни композиционно строились на чередовании реплик солиста и хора, повторяющего каждый куплет. Начальное инструментальное соло «Эвенкийской рапсодии» может быть уподоблено выступлению запевалы, который обладал «даром быстрой импровизации» [3, с. 32]. Именно такую персонифицированную семантику коллективного действия-обряда «соло – хор» имеет солирующий тембр трубы в сопоставлении с группами инструментов (деревянных духовых, высоких струнных), повторяющих исходную чеканную по ритму интонацию. Как видим, музыкальная стилистика первой темы имеет разнообразный функционально-обрядовый и фольклорно-жанровый ассоциативный ряд, который далее расширяется.

Вторая тема (пример 2) – середина экспозиции «Рапсодии» – отличается патетико-героическим типом образной эмоциональности.

Пример 2
«Эвенкийская рапсодия» (середина экспозиции)

Разница в композиторской подаче возгласного типа интонации заключается в том, что в первой теме он был афористичен, выдержан в характере шутливой скороговорки в узком диапазоне и окрашен танцевальностью. Во второй теме интонация-возглас широка по размаху, активно устремлена вверх, «серьёзна» по эмоциональному наполнению, что приближает её к семантике эвенкийских охотничьих песен. В них исследователями отмечаются стройная структурная организация напевов, включающих соразмерные построения, интонационная размашистость, энергичность, двусторонняя развитость интонационного контура от чётко выделенной тоники – центра притяжения двух попевок – терцовой (вверх) и квартовой (вниз) с заполнением и без него [3, с. 28]. Такая интонационная размашистость реализовывалась в терцовом ладе с субквартой, роль которой «обусловлена как исключительным распространением кадансирующей, скользящей вниз кварты, так и общим законом сопоставления устойчивости и неустойчивости» [1, с. 215]. В процессе изложения темы выявляется роль срединного упора (тоника d-moll), метрически поддерживаемого и акцентированного синкопой. По-своему, средствами одноимённого мажоро-минора, сопоставлением d-moll – D-dur Н. Менцер отражает ресурсы так называемого «переливчатого» хроматизма [1, с. 223], символизирующего ладовую вариантность фольклора.

Фактурно-ритмические, тембровые характеристики: массивность диссонирующих аккордов медных духовых, туттийное звучание, неистовость равномерно «топочущих» ударов литавр и барабанов на *ff* – всё это дополнительно затушёвывает, уводит в подтекст танцевальную жанровость, но не исключает её вовсе. Возможно, что этой героической темой композитор живописует самый напряжённый эпизод погони за космическим оленем хоровода ёхор. Тема является кульминацией динамического нагнетания, предвещающего её в небольшом переходе. Возможно также, что через тембровую сторону – выдвижение ударных инструментов – композитор вводит образ шамана, принимавшего участие в общем действе. Соединение «охотничьей» и

шаманской семантики в музыке Н. Менцера отражает то «эстетическое поле деятельности» (терминология А. Н. Илиади), у современных... эвенков», которое «имеет много общих элементов с эстетикой первобытных племен», живших в Приамурье [13, с. 5]. Таким образом, от первой темы ко второй ритуально-обрядовая семантика заметно усилена.

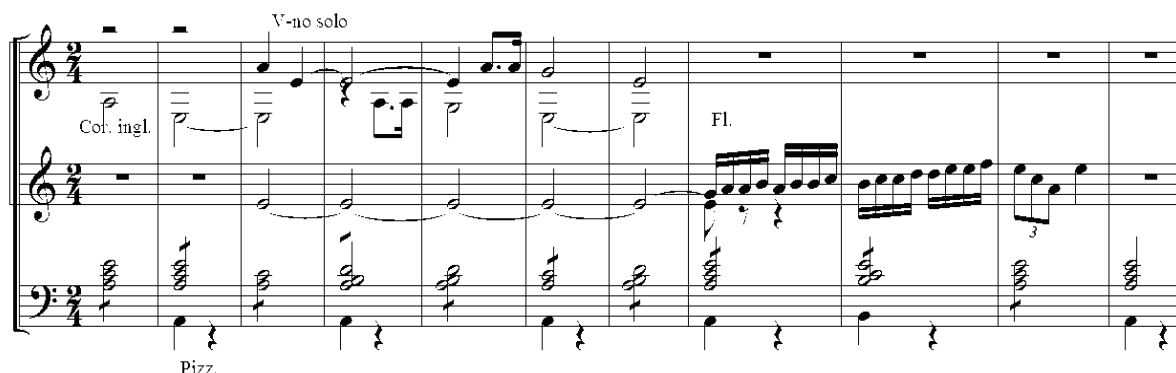
В местной репризе начальная тема подвергается существенной динамизации с возрастанием героико-драматического эмоционального накала. Образ героики утверждается типично европейскими тембровыми и интонационными средствами: множественными переключками медных духовых (труб, тромбонов) на фоне импульсивной основной темы, уходящей здесь в сопровождающий фактурный пласт и также приобретшей иное, не свойственное ей ранее мужественно-героическое звучание.

В первой части «Рапсодии» сделан образно-драматургический переход от жанровости – к героике, от «улыбчивой» эмоциональности – к серьёзности. Возможно, что этим композитор хотел подчеркнуть трудоёмкость промысла, быта эвенков. Обобщающие возможности музыки ассоциативно «дорастивают», достраивают эти смысловые мотивы до более масштабных уровней. Например, эпико-героическая образность середины, репризы связывается с осмыслением судеб коренных народов Дальнего Востока в прошлом и настоящем, что волновало Н. Менцера на протяжении всей его творческой биографии.

Темы трио характеризуются принадлежностью к иной жанровой сфере – лирики. Это обусловлено программным содержанием: легендой о любви юноши и девушки (образы которых, как это нередко свойственно народной традиции, метафорически связаны с миром природы – речками Ягдынья и Гуджалу), которым не даёт соединиться ведьма (река Тырма) [10, с. 225].

Основная тема трио (a-moll) выделяется из общего контекста чертами, присущими эвенкийской лирике: сдержанностью выражения, «мягкостью, плавностью мелодического развёртывания», «общей цельностью контура мелодических волн» [3, с. 74] (пример 3).

Пример 3
«Эвенкийская рапсодия» (основная тема трио)

В этом развивающем, довольно контрастном по мотивному наполнению мелодическом построении (пример 6а) композитор отразил характерное качество интонирования эвенкийских песен – плавность и связанную с ней «волнообразность мелодического движения», причём, в лирических песнях «нисходящий мелодический тип занимает место, примерно одинаковое с восходяще-нисходящим» [3, с. 95]. Согласно этим характеристикам, композитор поручает исполнение развивающего фрагмента скрипкам.

Вместе с тем никнущие мотивы темы (пример 3) скорее напоминают плач. Но такой жанровый признак и субъективно-лирические тона появляются благодаря тембровому оформ-

лению композитора: звучанию английского рожка и солирующей скрипки. Комплексность народно-жанровых истоков темы объясняется и в фольклористике на музыкально-стилистическом уровне. Характеризуя типы эвенкийского фольклора, А. Айзенштадт причисляет лирические песни и плачи к одной стилиевой группе по признакам подобия диапазона (сексты, октавы) и сложных диатонических, и хроматических ладовых образований. Данной теме присущ составной вид диатоники (термин Ф. Рубцова). Её звуко-ряд «растёт» вместе с включением новых попевок, расширением диапазона (см. примеры 3 и 6а).

Серединную тему трио характеризует более светлый (F-dur, соло флейты) лирико-повествовательный колорит (пример 4).

Пример 4
«Эвенкийская рапсодия» (середина трио)

Повествовательность исходит от черт, среди которых отметим «интонационную краткость и формульность, олиготонную ладовую основу и орнаментальность, музыкальную композицию в виде вариаций на один формульный напев, восьмисложный стих, делящийся на три сегмента – 2+2+4 (версия 3+3+3)» [13, с. 24–25]. Всё это присуще теме Н. Менцера, кроме мелодической

колористики, орнаментации, не свойственной дальневосточным сказаниям (на которые, видимо, в большей степени ориентировался композитор).

В теме в единую линию соединены двух-тактовые фразы. Но сегментация мелодии к концу периода неравномерна – 2+2+2+3, напоминая выше приведённую типовую структуру суммирования (2+2+4) с завершающей переменной (тер-

мин Л. Мазеля), но реализующейся по принципу неорганической неквадратности.

Ладовое развитие построено на основе разновысотных ангемитонных образований, в данной теме – пентатонических. Их нанизывание приводит к звукорядному разрастанию, смыканию с натуральным мажором, натуральным и гармоническим минором [5, с. 61], что отмечено в современных песнях северных и южных групп эвенков, где пентатоника в то же время не была господствующей ладовой системой [1, с. 219]. Возможно, что Н. Менцер воссоздал ангемитонную олиготонику и её сложносоставные виды, мысля аналогично ладовой организации не столько эвенкийской, сколько нанайской народной музыки, широко бытующей на юге Дальнего Востока России и хорошо ему знакомой. К тому же исследователи этнографии эвенков говорят об их исторически сложившихся контактах с народами Амура, монгольской языковой группы, где главенствует пентатоника [8, с. 63]. Таким образом, композитор отразил и эволюцию лада в современном фольклоре, и «музыкальные связи эвенков» (такое название одной из статей А. Айзенштадта).

Общая динамическая реприза «Эвенкийской рапсодии» предстаёт в модифицированном и сокращённом виде (период с дополнением вместо простой двухчастной формы; **A-dur**). Другим источником динамизации служит разработка второй героической темы по законам мотивного вычленения. Последнее позволило увидеть Б. Напрееву сонатность в формообразовании, на что косвенно указывает наименование трио как «эпизода вместо разработки» [10, с. 225], понятия – атрибута сонатных форм.

В ходе развития начальная фраза героической темы проходит ряд тональностей: **As-dur – b-moll – D-dur**. Согласно разработочным принципам прогрессирующего дробления, далее в секвентно-модуляционном тонально неустойчивом развитии участвуют более краткие её мотивы. Вовлеченный в него мотив основной темы в **C-dur, с одной стороны, подтверждает разработочное значение раздела, с другой, ассоциируется с «прорывом» интонаций главной партии в рамках «побочной» – героической.**

Разработочность создаёт эффект структурной текучести, процессуальности, динамизма, но и тематической и интонационной «стёртости», что особенно присуще второй героической теме.

Это приводит к тому эффекту, что звучание тем здесь лишь конспективно намечено. Этим намеренным снятием выпуклости, рельефности тематизма и упором на жёстко выдерживаемый темп при большей массивности звучания оркестра композитор имитирует ускоряющийся темп пляски, её неистовый характер, в котором самоценно движение, приводящее к неразличимости деталей.

В полевой практике исследователи не раз встречались со свидетельством информантов (например, М. П. Кульбертиновой о хороводе «Лэһо») о танце до изнеможения, выполняющем, по А. Веселовскому, компенсаторные психофизиологические функции [11, с. 23; 9]. В разработке второй темы ощутимо именно такое максимальное эмоциональное напряжение и даже перенапряжение.

В местной репризе (в рамках третьей репризной части всего произведения), совпадающей по композиционным функциям, «итоговому» характеру проведения с начальным разделом коды, основная тема (**A-dur**) дана в увеличении, с регулярными тяжёлыми, «приседающими» акцентами. Они ещё раз призваны запечатлеть повышенную энергичность общего пляса. В центральном разделе коды обобщаются интонации лирической темы-плача из трио, а в заключительном, возвращая прежний высокий эмоциональный уровень, проводится материал основной темы произведения.

«Эвенкийская рапсодия» Н. Менцера ставит в центр внимания проблемы общей композиции и приёмов развития тематизма на цитатном и оригинальном материале. Существует мнение, высказанное Н. А. Соломоновой, что «Эвенкийская рапсодия» «строится на сопоставлении народно-жанровых образов, как бы дополняющих друг друга и создающих целостную жанровую картину, что прослеживается и в других произведениях Н. Менцера <...> Ритмоинтонационные и структурные изменения почти не вносятся, в связи с этим в сочинениях подобного рода преувеличивает экспозиционный тип изложения ввиду применения цитирования фольклорного материала, в результате в них довлеют моменты статики» [13, с. 248].

С высоты позиций российского неофольклоризма 1960–80-х годов, регионального фольклоризма 1990–2000-х годов, с их принципами всеобъемлющего воплощения глубинных фоль-

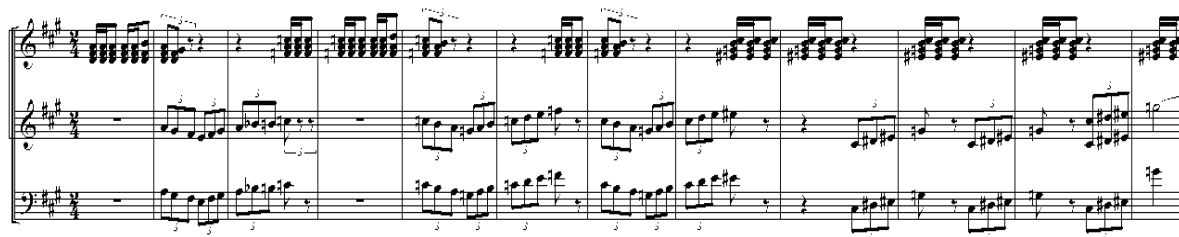
клорных механизмов мышления, в «Эвенкийской рапсодии» в первую очередь осознавался поверхностный слой композиционных приёмов. Исследователи констатировали продуцирование Н. Менцером отнюдь не фольклорных, а наиболее общих композиционных закономерностей. На макроуровне – это принципы классико-романтического формообразования (трёхчастность с чертами сюитности [10, с. 225]), на микроуровне – столь же общие, но не теряющие своей фундаментальной значимости для фольклора, вариационные принципы.

Однако проведенный нами анализ позволяет корректировать высказанное выше исследователь-

ское мнение. Работая над источниками-цитатами, Н. Менцер достаточно самостоятелен, творчески инициативен в обращении с ними. Свидетельством тому разработанные принципы, соседствующие в его произведении с вариационными процессами мелодического «продления» (термин Л. Адигезаловой; цит. по [10, с. 213]).

Дополнительно аргументируем сказанное. «Разработка» в репризе «Эвенкийской рапсодии» была подготовлена композитором прежде. Первый из таких ярких моментов разработочности примечателен мотивным дроблением в переходе от первой темы ко второй в экспозиции «Рапсодии» (пример 5).

Пример 5
«Эвенкийская рапсодия» (переход к теме середины экспозиции)

Подобное же развитие, только больше напоминающее принцип фольклорного «продления», характеризует и тему трио (пример 6а). В отличие от предшествующего образца принцип дробления соединяется здесь с вариантным развёртыва-

нием-«прорастанием», особенно в местной динамической репризе темы. Секвенцирование представлено здесь ещё шире, масштабнее и направлено композитором на более полное раскрытие лирико-драматического потенциала этого образа.

Пример 6а
«Эвенкийская рапсодия» (развитие основной темы трио)

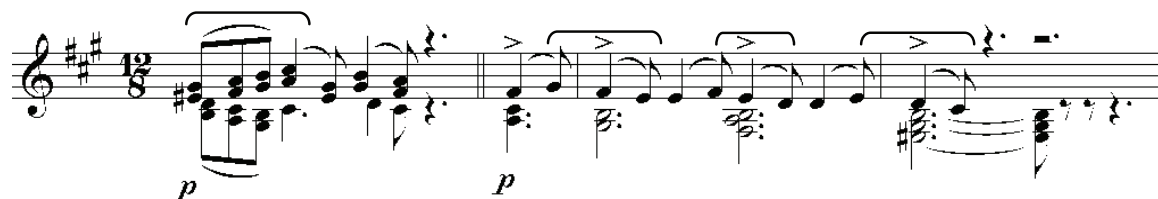

Национально-эвенкийское начало проявляется в основном в синкопах, волнообразности мелодии, в результате развития диапазона которой происходит отмечаемое выше «органичное» соединение отдельных ладовых структур в развитые мелодические построения» [5, с. 61]. Однако

развита, «распета» Н. Менцером эта тема в стиле оперно-симфонических напевно-аризных тем А. Дворжака и П. Чайковского. Можно пронаблюдать некоторые линейно-звукоточные аналогии с лирическим тематизмом из оперы «Пиковая дама» (пример 6б).

Пример 6б

Чайковский П. «Пиковая дама» (4-я картина, оркестровое вступление)

Общими чертами лирических мелодий являются волнообразность контура, сопоставление разных по протяжённости фраз, подчиняющихся принципу дробления (у Н. Менцера – дробления с замыканием) на мотивы и субмотивы, концентрирующие наиболее выразительные интонации, длительное секвенцеобразное ниспадение (в примере 6а занимающее половину приведённого фрагмента).

Совершенно разное мотивное содержание начала темы трио (пример 3) и её дальнейшего мелодического становления (пример 6а) обусловлено вариантным «прорастанием» контрастных элементов. Возникает подобие общим композиционным принципам повествовательных эвенкийских напевов. Для них характерно становление мелодии на протяжении всех песенных фрагментов и «стабилизация мелодической формулы к концу сказания» [4, с. 97]. В теме середины трио (пример 4) мотивно-секвентное вычленение более развёрнуто при варьированном повторе. Но в целом эта мелодия контрастна предыдущей чёткостью организации гомофонного тематизма «ядро – развитие».

Подводя итог анализа произведения с этническим «указателем» в названии, уместен вопрос: в чём же заключается «эвенкийское в “Эвенкийской рапсодии” Н. Менцера»? В какой мере оно номинально, в какой отражает фольклорно-жанровое содержание музыкального тематизма? Ответы возникают неоднозначные.

С одной стороны, на уровне стилистики, приёмов развития эвенкийские оттенки фольклорности «рассеиваются» в авторском контексте, имеющем высокий уровень синтеза многообразных элементов, лежащих вне фольклора. В виде аллюзий там проявлен комплекс стилизованных моделей композиторского фольклоризма XVIII–XIX веков: жанровых финалов симфоний Й. Гайдна (начальная тема у Н. Менцера), мело-

дизированного стиля и вариационности лирико-эпических симфоний Ф. Шуберта, И. Брамса (песенно-повествовательная тема середины из трио у Н. Менцера). Сильный славянский акцент поставлен в «Рапсодии» аллюзиями с фольклоризмом А. Дворжака, известным по его Симфонии «Из Нового Света» (эпико-героический тематизм первой части: тема середины и динамическая реприза, а также основная тема трио у Н. Менцера).

«Растворение» фольклорности первичных эвенкийских жанров заложено в общих композиционных приемах изложения и варьирования тематизма Н. Менцером. Здесь проявляется общий композиционный принцип сохранения национального стиля в ядре-цитате. В развивающихся построениях динамизация варьированного, мотивно разрабатываемого материала оборачивается преодолением его фольклорного облика, исчезающего в «общем потоке» развития. В системе «ядро – развитие» можно отметить движение от фольклорно-композиторского дуализма, выявляемого нами на всех аналитических уровнях, к синтезу на основе общеевропейских форм профессиональной музыки.

«Перевод» фольклорного стиля в авторский происходит и благодаря гомофонно-гармоническому письму «Рапсодии». В противоположность ему в эвенкийском фольклоре широко распространено сольное пение, а в ансамблевом исполнении хороводных песен и хоровых припевов шаманских обрядовых песен – монодическое, унисонно-гетерофонное пение, к воссозданию форм которого композитор не обращается. Лишь эпизодически внедряются в гомофонную партитуру их фактурные аналоги: полифонические приемы (в местной репризе экспозиции), оркестровые педали, принципы комплементарности в сочетании контрапунктирующих мелодических линий (в первой теме трио).

Тембровый колорит, само звучание симфонического оркестра в большой мере выступают средствами глубокого опосредования фольклорности. Поиски Н. Менцера в этом направлении, например, введении народных инструментов в партитуру, развернутся позже, в симфониете «Национальной» (введение варгана), в сюите «Нивхские сюжеты» (тембровая имитация народного инструментария средствами оркестра).

Вследствие обобщающего значения оркестрового тембра уже в начальных построениях «знаки» фольклорности представлены специфично, через призму упомянутых стилевых моделей западноевропейского профессионализма.

Отдельную проблему представляет редукция фольклорности цитат на этапе нотировки. Сравнивая, к примеру, записи А. Айзенштадта 1950–60-х годов с современными, можно отметить сильные различия. Но дело здесь не в недостаточной точности записи по памяти: Н. Менцер стремился преодолеть эту трудность с молодости [10], в чем ему с успехом помогали магнитофонные записи, сделанные в экспедициях. Дело, скорее, в композиторской записи интерпретирующего типа: композитор записывал не напев, а своё представление о нём, часто упрощая, но руководствуясь целями концентрации фольклорности за счёт этого.

Воспроизведение богатого пласта европейского музыкального профессионализма приводит к его неоспоримому первенству над фольклорно-специфичными эвенкийскими стилевыми формами, уходящими в план семантико-стилевого подтекста «Рапсодии».

С другой стороны, на уровне концепции фольклорность концентрируется, во-первых, в общей направленности драматургии. В «Эвенкийской рапсодии» она выстраивается согласно общему эмоциональному нарастанию, имеющему нередко экстатический характер [9; 11]. В обрядовой культуре эвенков такое нарастание обусловлено акциональной направленностью круговых танцев [11].

Во-вторых, заботясь о драматургии симфонического целого, призванного экспонировать и обобщать образы, Н. Менцер создал своеобразную «антологию» эвенкийских музыкальных жанров, имеющих на момент его экспедиционной работы ещё широкое бытование в народной среде. Такой жанровый отбор фольклорных прообразов концентрирует эвенкийское начало.

В-третьих, отмеченный нами количественный «зазор» между авторским и фольклорным тематизмом, его синтетическая природа, варьирование композитором жанровых соответствий в музыкальных темах говорят о самостоятельности подхода Н. Менцера к цитатам, собственным темам. В процессе имитации фольклорно-жанрового стиля «чистота» жанра, как показано выше, не выдерживается. Полижанровость приводит к множественности ассоциаций. Следовательно, за цитатами стоит более широкое жанровое содержание (термин А. Сохора). Оно имеет такую семантическую объёмность и тенденцию к обобщению национального начала, которые выходят за пределы цитатного метода, приемов вариационно-аранжировки и тяготеют к ассоциативно-интегрированным формам переинтонирования эвенкийских народных прообразов.

Литература

1. Айзенштадт А. М. Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. – М.: Музыка, 1973. – С. 212–226.
2. Айзенштадт А. М. Из истории собирания музыкального фольклора эвенков // Науч.-метод. зап. Новосиб. консерватории. – Новосибирск, 1970. – С. 117–127.
3. Айзенштадт А. М. Песенная культура эвенков. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1995. – 288 с.
4. Айзенштадт А. М., Шейкин Ю. И. Музыка эвенкийских сказаний // Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 89–124.
5. Алексеева Г. Г. Звуковысотная и ладоинтонационная организация эвенкийских песен (по материалам А. М. Айзенштадта) // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: тез. междунар. конф. – Якутск, 2000. – С. 60–62.
6. Варламова Г. И. Обрядовый и песенный фольклор эвенков // Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост.: Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск: Гео, 2014. – С. 12–41. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 32).
7. Земцовский И. И. Русское в «Русской тетради» В. Гаврилина // Земцовский И. И. Фольклор и композитор: теоретические этюды. – М., 1978. – С. 102–117.

8. Кустов А. Ф. Эвенкийское народное музыкальное творчество // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: тез. междунар. конф. – Якутск, 2000. – С. 63–65.
9. Лукина А. Г. Архаическая техника экстаза в круговых танцах // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: тез. междунар. конф. – Якутск, 2000. – С. 67–68.
10. Напреев Б. Д. Николай Менцер // Композиторы Российской Федерации. – М., 1982. – Вып. 2. – С. 191–226.
11. Николаева Н. Н. Песенное творчество М. П. Кульбертиновой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 96 с.
12. Скрынникова Т. Д. Космогоническая функция хора у бурят // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: тез. междунар. конф. – Якутск, 2000. – С. 68–74.
13. Соломонова Н. А. Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX–XX веков (Этномузыкологические очерки): дис. ... д-ра искусствоведения. – Хабаровск, 2000. – 353 с.
14. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование / под общ. ред. Е. С. Новик. – М.: Вост. лит., 2002. – 718 с.
15. Шейкин Ю., Добжанская О. Обрядовые песнопения и лирические песни эвенков // Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост.: Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск: Гео, 2014. – С. 42–78. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 32. – Т. 32).

References

1. Aizenshtadt A.M. Voprosy vidoobrazovaniia v evenkiiskoi narodnoi muzyke [Questions speciation Evenk folk music]. *Problemy muzykal'nogo fol'klora narodov SSSR [Problems of folk music of the peoples of the USSR]*. Moscow, Music Publ., 1973, pp. 212–226. (In Russ.).
2. Aizenshtadt A.M. Iz istorii sobiraniia muzykal'nogo fol'klora evenkov [From the history of collecting musical folklore Evenki]. *Nauchno-metodicheskie zapiski Novosibirskoi konservatorii [Scientific and methodological notes Novosibirsk Conservatory]*. Novosibirsk, 1970, pp. 117–127. (In Russ.).
3. Aizenshtadt A.M. Pesennaia kul'tura evenkov [Evenki song culture]. Krasnoiarsk, Krasnoiarsk book Publ., 1995. 288 p. (In Russ.).
4. Aizenshtadt A.M., Sheikin Iu.I. Muzyka evenkiiskikh skazanii [Music Evenk Evenk tales]. *Evenkiiskie geroicheskie skazaniia [Evenk heroic legends]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 89–124. (In Russ.).
5. Alekseeva G.G. Zvukovysotnaia i ladintonatsionnaia organizatsiia evenkiyskikh pesen (po materialam A.M. Aizenshtadta) [Pitch and good intonation organization Evenki songs (based on A.M. Eisenstadt)]. *Muzykal'naia etnografiia tunguso-man'chzhurskikh narodov: tezisy mezhdunar. konf. [Musical Ethnography Tungus peoples. Abstract int. Conf.]*. Yakutsk, 2000, pp. 60–62. (In Russ.).
6. Varlamova G.I. Obriadovyi i pesennyi fol'klor evenkov [Ritual and folk songs Evenki]. *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 32. Obriadovaia poeziia i pesni evenkov [Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 32. Ritual poetry and songs of the Evenki]*. Novosibirsk, Geo Publ., 2014, pp. 12–41. (In Russ.).
7. Zemtsovskii I.I. Russkoe v “Russkoi tetradii” V. Gavrilina [Russian in “Russian book” of V. Gavrilin]. *Zemtsovskii I.I. Fol'klor i kompozitor. Teoreticheskie etudy [Zemtsovsky I. Folklore and composer. Theoretical studies]*. Moscow, 1978, pp. 102–117. (In Russ.).
8. Kustov A.F. Evenkiiskoe narodnoe muzykal'noe tvorchestvo [Evenki folk music]. *Muzykal'naia etnografiia tunguso-man'chzhurskikh narodov: tezisy mezhdunar. konf. [Musical Ethnography Tungus peoples. Abstract int. Conf.]*. Yakutsk, 2000, pp. 63–65. (In Russ.).
9. Lukina A.G. Arkhaicheskaia tekhnika ekstaза v krugovykh tantsakh [Archaic Techniques of Ecstasy in a circular dance musical ethnography]. *Muzykal'naia etnografiia tunguso-man'chzhurskikh narodov: tezisy mezhdunar. konf. [Tungus peoples. Abstract int. Conf.]*. Yakutsk, 2000, pp. 67–68. (In Russ.).
10. Napreev B.D. Nikolai Mentser [Nikolai Mentser]. *Kompozitory Rossiiskoi Federatsii [Composers of the Russian Federation]*. Moscow, 1982, vol. 2, pp. 191–226. (In Russ.).
11. Nikolaeva N.N. Pesennoe tvorchestvo M.P. Kul'bertinovi [Songwriting of the M.P. Kulbertinova]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 96 p. (In Russ.).
12. Skrynnikova T.D. Kosmogonicheskaia funktsiia ekhora u buriat [Cosmogonic function ehor Buryats]. *Muzykal'naia etnografiia tunguso-man'chzhurskikh narodov. Tezisy mezhdunar. konf. [Musical Ethnography Tungus peoples. Abstract int. Conf.]*. Yakutsk, 2000, pp. 68–74. (In Russ.).
13. Solomonova N.A. Muzykal'naia kul'tura narodov Dal'nego Vostoka Rossii XIX–XX vekov. (Etnomuzykologicheskie очерки). Diss. d-ra iskusstvovedeniia [Musical culture of the Far East of Russia XIX–XX centuries. (Etnomuzykologicheskie essays). Diss. Dr. art of history]. Khabarovsk, 2000. 353 p. (In Russ.).

14. Sheikin Iu.I. Istoriia muzykal'noi kul'tury narodov Sibiri. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [History of musical culture of the peoples of Siberia. Comparative historical research]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002. 718 p. (In Russ.).
15. Sheikin Iu., Dobzhanskaia O. Obriadovye pesnopeniia i liricheskie pesni evenkov [Ceremonial songs and lyrical songs Evenki]. *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 32. Obriadovaia poeziia i pesni evenkov [Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 32. Ritual poetry and songs of the Evenki]*. Novosibirsk, Geo Publ., 2014, pp. 42-78. (In Russ.).

УДК 78.072

МНЕМОНИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ АВТОРОЛОГИИ

Чепеленко Ксения Олеговна, кандидат социологических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского (г. Саратов, РФ). E-mail: kseniya_ch@list.ru

Данная статья представляет опыт исследования мнемонического модуса в контексте композиторской практики. Термин «мнемонический» и родственные ему, однопорядковые термины и терминологические грозди используются с учетом широкого поля коннотаций, не ограниченных прямым значением, фиксируемым как «техника запоминания».

Главная особенность развертываемого «здесь и сейчас» мнемонического дискурса заключается в том, что он оказывается инспирирован самим композитором.

Поскольку композитор использует два канала художественной коммуникации, вербальный и авербальный (то есть собственно музыкальный), теоретический анализ может проводиться параллельно по двум направлениям.

Мнемоническая тональность автобиографической прозы, эпистолярное наследие, мемуары и воспоминания, заметки на память в записной книжке – все это отражает интерес композитора к литературной практике, занимающей срединное положение между научной и художественной словесностью.

В контексте музыкального произведения не вызывает сомнения возможность отнесения к мнемоническому дискурсу автомонограммического тематизма, приема автоцитирования, композиции собирательного опуса, основанной на автоколлаже.

Семантическую область «мнемонического» представляют также жанры музыкального искусства, такие, например, как постлюдия, одна из граней которой – музыкальное воспоминание, отклик на «уже звучавшее». Произведения-посвящения – распространенный жанр музыкального искусства, в котором преломляется мнемоническая интенция.

Диапазон мнемонических явлений в композиторской практике необычайно широк и их исследование актуально.

Ключевые слова: мнемонические элементы, авторология, музыкальная авторология, современный композитор.

MNEMONIC ELEMENTS OF MUSICAL AUTHOROLOGY

Chepelenko Ksenia Olegovna, PhD in Sociology, Assistant of Department of Philosophy, Humanities and Psychology, V.I. Razumovsky Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: kseniya_ch@list.ru

This article represents the role, value and semantic analysis some mnemonic elements in verbal discurs of the modern composer about his creativity and musical works. This article represents one of the new directions in traditional domestic modern musicology.

Dual research optics of work focused on such phenomena as mnemonics and authorology, manifested in the fact that the mnemonic elements are considered in the context of the composer of their creative facilities. The musical **authorology study on avanplan figure is an author of the musical output. It is considered in the context of verbal self-reflection**, which is one of the main points of the literary theory authorology by I. Karpov.

The article identified some specific presentation strategy mnemonic intentions of the composer. Theming concept “mnemonic” is associated with the actualization of a wide range of scientific concepts of memory.

It is included in terms of the phenomena under verbal genres consideration, bearing the mnemonic charge (authomonography, memories, etc.) and verbal-conceptual elements for organic authomonogramming, autocitation.

Along with this, the mnemonic view of musical semantics wordifies (“oslovesnivaetsya”) in elements of the framework of the complex. A typical example of this is the author’s title and subtitle, author of initiation into the works of the memorial theme.

Mimic semantics of music genres such as the elegy, postlude are accentuated in the article with referring to the appropriate analytic situation of composer’s statements.

Mnemonic elements of authorologic space of the musical author form mnemopoetika, actualized in its verbal and musical discourse.

Keywords: Mnemonic elements, Authorology, Authorology of Music, Modern Composer.

Устойчивый интерес к когнитивному пространству вербальной самопрезентации композитора отражен в статьях различной тематической направленности автора этих строк [14]. Новый аналитический ракурс данной работы связан с презентацией мнемонической тематики в контексте музыковедческой интерпретации авторологической проблематики. Принимая во внимание то, что ключевые понятия работы многозначны, предлагаем очертить их смысловые горизонты.

В научной литературе термин <мнемонический> используется двояко: он имеет непосредственное отношение к процессу запоминания, а также относится к памяти вообще, приближаясь «к сократовско-платоновскому пониманию памяти как духовной способности человека извлекать из своего сознания, “припоминать” сущности вещей» [2, с. 28]. Более широкое значение имеет термин <мнемология>, являясь учением о памяти вообще.

Стало негласной традицией формулировать определение «мнемонический», опираясь на теоретические положения Ф. Йейтс. В XVII главе своей книги «Искусство памяти» исследовательница, акцентируя интерес Лейбница к «мнемонической традиции», отмечает, что содержательным источником для немецкого философа служили существующие трактаты о памяти, из которых им были почерпнуты «не только знание основных черт классических правил, но и тонкости, которыми эти правила обросли в традиции памяти» [5].

Понятие <авторология> используется в одном из нескольких своих значений, сформировавшихся в русле разработанной литературоведением теории автора. В этом своем значении оно (понятие) предполагает экспликацию средств вербальной самопредставленности композитора.

Логически соединив обозначенные терминологические понятия, получим обобщающую формулировку: проблемное поле работы актуализируется в тематическом регистре, охватывающем стратегии словесно-понятийной и музыкальной автопрезентации феномена памяти.

Исходя из общепризнанной в научном сообществе когнитивной установки, согласно которой словесно-понятийное начало является основой мышления и творчества, известные высказывания композитора о своих произведениях, эстетических взглядах, художественных интенциях признаются приоритетными в данном исследовании, представляя его «концептуальный фокус» (С. А. Песина). При этом аксиоматическим смыслом наделяется принцип соответствия композиторского слова композиторской практики.

В композиторской практике мнемонический модус экспонируется посредством словесных конструкций. В одном случае он формируется вне самоинтерпретируемого музыкального текста, в другом – в единстве вербального-авербального внутри музыкального произведения. Таким образом, словесно-понятийное начало присутствует даже тогда, когда мнемоническая интенция вы-

свечивается в музыкальном произведении музыкальными средствами.

Рассмотрим каждое из этих направлений.

Характеризуя в целом вербальный аспект композиторского дискурса, прежде всего, необходимо отметить его представленность большим разнообразием структурных единиц высказывания, а также литературных и нелитературных жанровых моделей словесности.

Авторские высказывания *Homo memot*, соответствующие определенным литературным жанрам и служащие «прямым проводником памяти, ее непосредственным выражением» [1], представляют в данной исследовательской ситуации особый интерес. В этой связи, нельзя не признать, что без обращения к жанрам воспоминания, дневника, записной книжки, автобиографии, эпистолярного жанра невозможно никакое мемуаротворчество. Картина мнемонических жанров [4] будет считаться неполной, если не упомянуть о медиа-жанрах интернет-дискурса, расширяющих наше представление о современной мнемонической прозе. Помимо этого, вербальным выражением художественных интенций композитора могут стать также некоторые жанры речевого общения, такие как беседа, вступительное слово по случаю авторского концерта или диалог-интервью.

Временная дистанция между произнесенным словом композитора о своей музыке и собственном моментом рождения музыкального произведения не регламентирована, но всегда существует. И свеженapisанное произведение в момент упоминания о нем, как очевидно, принадлежит уже прошлому.

Вербальный дискурс композитора актуален, пока существует его основная тема и предмет, то есть авторское музыкальное произведение, творчество музыканта. Феномен личной памяти автора-композитора выступает основанием мнемонического дискурса, развитое аналитическое мышление создает предпосылки его осуществления. Когнитивные интенции вербального композиторского дискурса заложены образовательными стратегиями, соответствующими стандарту высшего музыкального образования: двойная вузовская специализация (композитор-теоретик, музыковед), таким образом, мотивирует автора музыкального к самоисследованию, инспирирует интерес к научному творчеству в области музыковедения. Аналогичная ситуация в целом характерна для современной художественной практики,

отмеченной склонностью к научной саморефлексии. Примеры совмещения в одном лице опыта художника-практика и искусствоведа-критика, аналитика далеко не единичны. Временной зазор между художественной практикой творца искусства и моментом ее публичной автопрезентации может варьироваться.

Научная составляющая вербального дискурса автора музыкального, свидетельствующая о приверженности традиции композиторского музыковедения, фиксирует его интерес к теоретико-аналитическому освещению собственного творчества. Закономерно, что опыт самоинтерпретации облекается в жанровые формы автокомментария и автоанализа. Особым статусом отмечены автотеория и автоконцепция, являющие собой высшие формы композиторской и, шире, искусствovedческой авторефлексии. Мнемоническая тональность такого рода аналитических изысканий определяется тем, что в них *post factum* осмысливается результат композиторской деятельности, находят теоретически адекватное выражение его эмпирический опыт.

Элементы вербального дискурса в контексте музыкального произведения облекают в словесное выражение художественную интенцию, коммуникативно «заряжают» ее. Они «работают» на установление контакта с реципиентом: внимание слушателей организуют авторские программные названия, слушательское воображение определенным образом настраивают имена адресатов авторских посвящений, как, впрочем, и любой другой комментирующий текст, исходящий от композитора.

Мнемонические элементы [3] актуализируются в разнообразных творческих стратегиях. Специфична семантика произведений, имеющих именныe посвящения, адресатом которых являются ныне здравствующие персоналии. Им чужда траурная тематика, как чужда она произведениям, созданным по случаю исторических памятных дат.

Другое дело – мемориальное искусство, мемориальные произведения, написанные в знак светлой памяти *Vis a' Vis* автора. Сюда же можно отнести произведения, воскрешающие драматические образы исторического прошлого (Реквием Б. Тищенко на текст А. Ахматовой, посвященный трагическим событиям сталинских репрессий). Смысловая константа этой содержательной раз-

новидности мемориальных жанров – философская коллизия жизни и смерти с акцентированием трагического пафоса.

Своеобразными каналами, транслирующими авторологическую информацию, выступают не только авторское название, посвящение, репрезентирующие авторскую интенцию, но также автокомментарий композитора, ставший теперь частым явлением, сопутствующим творческой практике. В качестве иллюстрации сказанного можно привести рассуждения патриарха современного отечественного музыкального искусства – С. М. Слонимского, связанные с работой над Реквиемом: «Возможно ли покаяние, отпущение грехов, очищение и, наконец, вечный свет? Я думаю, что как раз невинно убиенные заслужили вечный свет. Кульминации почти всех моих крупных сочинений – катастрофы, а коды – умирание, тихое отпевание, исчезающая память и лишь изредка таинственный свет вечной жизни человеческого духа» [8, с. 41]. Мнемоническая семантика произведения, отрефлексирующая в философском ключе, создает вербальный контрапункт музыкальной композиции, выражая в словесной конструкции ее идейное содержание.

Репрезентантом мнемонической направленности в широком контексте творчества композитора может выступать музыкальная автосемантика, включающая такие феномены, как автомонограмма, автоцитирование, автожанр. Автосемантическое значение имеет характерная для Э. В. Денисова стилиевая особенность, связанная с выбором в качестве опорных тонов музыкальной ткани звуков *d* и *D*, что имеет непосредственное отношение к звуковому автографу композитора.

Отмеченные музыкальные явления, репрезентативно воспроизводящиеся в различных

контекстах, несут «искру памяти» о моменте их музыкальной презентации, апеллируют к мнемоническому «первообразу» – прецеденту.

Мнемонический модус, «модус воспоминания» [13, с. 74] характеризует одну из наиболее значимых семантических граней древнейшего жанра элегии, получившего широкое распространение не только в лирической поэзии, но и в музыкальной литературе. Философской элегии в известной степени созвучен инструментальный жанр постлюдии. В творчестве В. Сильвестрова и Г. Канчели он становится лейтжанром, вбирающем «в себя излюбленные композиторами мотивы воспоминания, прощания» [6].

Акцентируя внимание на авторологической интенции претворения мнемонического модуса, приведем известное высказывание В. Сильвестрова: «Все менее и менее возможны тексты, начинающиеся, образно говоря, “с начала”. Мне хотелось написать нечто, не столько начинающееся, сколько отвечающее на что-то уже произнесенное» [7, с. 16]. Сегодняшнее восприятие мира дня через призму прошедшего, пребывание прошлого в настоящем – эта творческая установка находит соответствующее художественное выражение в жанре постлюдии.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть основные мысли.

Рассмотренные элементы мнемонической системы относятся к вербальному и музыкальному ракурсам. Мнемопоэтика авторологического пространства композитора может быть осмыслена на уровне жанра, элементов стиля, через структуры рамочного комплекса (заглавие, посвящение).

Мнемонические средства служат реализации мнемонических функций искусства.

Литература

1. Дневник и мемуарная литература. Функциональное, генетическое сходство и различие жанров [Электронный ресурс]. – URL: <http://refdb.ru/look/2080128.html> (дата обращения: 14.06.2015).
2. Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. – СПб., 2001. – 318 с.
3. Евдокимова О. В. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – URL: <http://cheloveknauka.com/mnemonicheskie-elementy-poetiki-n-s-leskova#ixzz3ntLmef85> (дата обращения: 02.04.2015).
4. Жиликов С. В. Жанровая традиция стихотворения-«Памятника» в русской поэзии XVIII–XX веков [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2011. – URL: <http://www.disscat.com/content/zhanrovaya-traditsiya-stikhotvoreniya-pamyatnika-v-russkoi-poezii-xviii-xx-vv#ixzz3nt8cij7O> (дата обращения: 14.06.2015).
5. Йейтс Ф. Искусство памяти [Электронный ресурс] / пер. Е. Малышкина. – СПб.: Университет. кн., 1997 // Библиотека. – URL: <http://psylib.org.ua/books/yates02/index.htm> (дата обращения: 22.03.2015).

6. Костина А. М. Жанр постлюдии в контексте тенденций времени [Электронный ресурс]. – URL: www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1779/38209_1 (дата обращения: 18.06.2015).
7. Сильвестров В. Сохранять достоинство // Совет. музыка. – 1990. – № 4. – С. 16.
8. Слонимский С. М. Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе. – СПб.: Композитор., 2000. – 96 с.
9. Умнова И. Г. Литературное творчество Сергея Слонимского: моногр. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 188 с.
10. Умнова И. Г. О Сергее Слонимском – композиторе и музыкальном писателе // Музыка. акад. – 2007. – № 3. – С. 16–22.
11. Умнова И. Г. С. М. Слонимский. Литература о жизни и творчестве. – М.: ФГОУ ВПО МСХА им. К. А. Тимирязева, 2005. – 210 с.
12. Умнова И. Г. Традиции взаимодействия музыки и слова в поэтике композитора Сергея Слонимского // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Искусство регионов / отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2012. – Вып. 10. – С. 99–116.
13. Царева Е. И. Иоганнес Брамс. – М., 1986. – 383 с.
14. Чепеленко К. О. Апология авторологии в перспективе музыковедения // Вестн. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2015. – № 33/2. – С. 98–106.

References

1. Dnevnik i memuarnaia literatura. Funktsional'noe, geneticheskoe skhodstvo i razlichie zhanrov [Diary and memoir literature. Functional, genetic similarity and difference of genres]. (In Russ.). Available at: <http://refdb.ru/look/2080128.html> (accessed 14.06.2015).
2. Evdokimova O.V. Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova [Mnemonic elements of N.S. Leskov's poetics]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
3. Evdokimova O.V. Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova. Avtoref. diss. doktora filolog. nauk [Mnemonic elements of N.S. Leskov's poetics. Author's abstract of diss. Dr of philological sciences]. St. Peterburg, 1999. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/mnemonicheskie-elementy-poetiki-n-s-leskova#ixzz3ntLmef85> (accessed 02.04.2015).
4. Zhilakov S.V. Zhanrovaia traditsiia stikhotvoreniia–“Pamiatnika” v russkoi poezii XVIII–XX vekov. Avtoref. diss. kand. filolog. nauk [Genre tradition of poem “Monument” in Russian poetry of XVIII–XX centuries. Author's abstract of diss. PhD of philological sciences]. Elets, 2011. (In Russ.). Available at: <http://www.dissercat.com/content/zhanrovaya-traditsiya-stikhotvoreniya-pamyatnika-v-russkoi-poezii-xviii-xx-vv#ixzz3nt8cij70> (accessed 14.06.2015).
5. Yates F. The Art of Memory. London, Routledge and Kegan Paul, 1966. (Russ. ed.: Ieits F. Iskusstvo pamiati. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1997). Biblioteka [Library]. Available at: <http://psylib.org.ua/books/yates02/index.htm> (accessed 22.03.2015).
6. Kostina A.M. Zhanr postliudii v kontekste tendentsii vremeni [Genre Postlude in the context of trends in time]. (In Russ.). Available at: www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1779/38209_1 (accessed 18.06.2015).
7. Sil'vestrov V. Sokhraniat' dostoinstvo [Hold one's own]. Sovetskaia muzyka, 1990, no. 4, p. 16. (In Russ.).
8. Slonimskii S.M. Burleski, elegii, difiramby v prezrennoi proze [Burlesque, elegies, praises in abject fiction]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2000. (In Russ.).
9. Umnova I.G. Literaturnoe tvorchestvo Sergeia Slonimskogo [Literary creativity Sergei Slonimsky]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2010. 188 p. (In Russ.).
10. Umnova I.G. O Sergee Slonimskom – kompozitore i muzykal'nom pisatele [Sergei Slonimsky – composer and writer on music]. Muzykal'naia akademiia, 2007, no. 3, pp. 16–22. (In Russ.).
11. Umnova I.G. S. Slonimskii. Literatura o zhizni i tvorchestve [S. Slonimsky. Literature on his life and work]. Moscow, K.A. Timiriazev FGOU VPO MSHA Publ., 2005. 210 p. (In Russ.).
12. Umnova I.G. Traditsii vzaimodeistviia muzyki i slova v poetike kompozitora Sergeia Slonimskogo [Traditions interaction of music and words in the poetics of composer Sergei Slonimsky]. Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriia i opyt. Iskusstvo regionov [Art and art history: theory and experience. Art regions]. Ed. N.L. Prokopova. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2012, iss. 10, pp. 99–116. (In Russ.).
13. Tsareva E.I. Iogannes Brahms [Johannes Brahms]. Moscow, 1986. 383 p. (In Russ.).
14. Chepelenko K.O. Apologiia avtorologii v perspektive muzykovedeniia [Apologia of authorology in the long term of musicology]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 33(1), pp. 98–106. (In Russ.).

УДК 7

АВТОРСКИЕ КЛАВИРЫ С. С. ПРОКОФЬЕВА 1911–1934 ГОДОВ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ КОМПОЗИТОРА

Коротина Алина Александровна, аспирантка, Академия хорового искусства им. В. С. Попова, преподаватель, Московское хоровое училище им. А. В. Свешникова (г. Москва, РФ). E-mail: zayka200283@mail.ru

Статья посвящена исследованию малоизученной области творчества С. С. Прокофьева – авторским клавирам 1911–1934 годов. Актуальность и новизна изучения вопросов создания и исполнения фортепианных переложений на сегодняшний день обуславливается их широким применением в сфере профессиональной концертной деятельности, в системе музыкального образования и в домашнем музицировании. Обращение к этой области творчества мастера обоснованно еще и тем, что он был не только композитором, но и превосходным пианистом и концертмейстером. Главной целью исследования является выявление авторских переложений среди прочих транскрипций сочинений Прокофьева. Для этого были сведены воедино и проанализированы факты, касающиеся истории создания клавиров сочинений 1911–1934 годов как наиболее продуктивных в области работы над переложениями. Это позволило нам установить причины их возникновения, главной из которых является практическая необходимость для профессиональной деятельности музыкантов. В статье впервые приводится определение термина «авторский клави́р». Большое внимание уделяется рассмотрению особенностей творческого метода композитора. В статье задействован широкий круг эпистолярных и архивных источников, музыкально-исторических и теоретических трудов. В результате исследования выявлены 23 авторских переложения, созданных в течение 1911–1934 годов.

Ключевые слова: Прокофьев, творческий метод, авторский клави́р, переложение.

AUTHENTIC PROKOFIEV'S PIANO SCORES OF 1911-1934: THE HISTORY OF CREATION AND FEATURES OF THE COMPOSER'S CREATIVE METHOD

Korotina Alina Aleksandrovna, Postgraduate, V.S. Popov Academy of Choral Art, Instructor, A.B. Svetschnikov Choral School (Moscow, Russian Federation). E-mail: zayka200283@mail.ru

Today the relevance of the research on writing and performing of piano scores is caused by their widespread usage in professional concert activity, system of music education and home music-making. Prokofiev strongly believed that a composer was to create scores by himself, therefore, we have a vast corpus of material for research. Moreover, Prokofiev was both an excellent pianist and accompanist, which increases significantly the value of his transcriptions for the research. The main objective of the article is to identify the author's piano scores from among other transcriptions of his works, therefore, we have put together and documented facts about history of creation of piano scores to music pieces of various genres written during the period of 1911-1934. It has allowed to establish purposes of their creation; the main one was their practical necessity for musicians' creative activity. With consideration to the genre of a music piece being transpositioned, the piano score must have been created before or after the orchestral (vocal) score was made. This article is the first one that provides a definition of the term "author's piano score." Furthermore, the study observes the features of the composer's creative method, hence, we expand our knowledge of the creative laboratory of Prokofiev and summarize basic principles that guided him. Creating the transcriptions, he set two goals: a piano score should "sound good" and to possible extent be convenient for further performing. The researched

materials are his diaries, correspondence with friends-musicians, works of musicologists and the collection from the Prokofiev archive at Russian State Archive of Literature and Art. Consequently, there have been found 24 author's transcriptions of music pieces of different genres dated in 1911-1934.

Keywords: Prokofiev, creative method, author's piano score, transposition.

Талант Сергея Прокофьева проявлялся в различных сферах художественной деятельности. Прокофьев был не только всемирно известным композитором, но и выдающимся пианистом, дирижером, выступал как ансамблист и концертмейстер.

Подобно многим композиторам-пианистам, например, Ф. Листу, К. Сен-Сансу, С. Рахманинову, И. Стравинскому и другим, музыкант сам создавал клавиры своих сочинений. Прокофьев сделал множество переложений своих музыкально-театральных и симфонических произведений для фортепиано¹.

Композитор присоединялся к идее Стравинского «непрерывно <...> делать самому» клавиры своих произведений [17, с. 199]. Прокофьев, как и Стравинский, считал, «что делание клавира тоже вид творчества или, во всяком случае, “оркестровки для фортепиано” <...>, и только сам автор, работая над ними любовно и в то же время имея право на полную свободу манипуляций, может создать настоящий клавир» [17, с. 199]. Эта мысль мастера имеет принципиальное значение для наших дальнейших размышлений, так как отражает отношение композитора к созданию фортепианных переложений.

Ниже под термином *клавир* понимается «переложение оркестровой партитуры для фортепиано или вокально-инструментальной партитуры (оперы, оратории, кантаты и т. п.) для пения с фортепиано»² [6, с. 412]. Под словосочетанием *авторский клавир* мы понимаем выполненное самим композитором переложение оркестровой или вокально-инструментальной партитуры для фортепиано, максимально сохраняющее структурно-драматургические, звуковысотные и ритмические параметры оригинала [4, с. 76–86].

¹ Термин «переложение» здесь и далее используется как синоним слова «клавир».

² Кроме упомянутого, в современном музыковедении используются следующие значения: клавир (от нем. *Klavier*) как «общее название струнных клавишных инструментов» в XVI–XVIII веках (клавикорд, клавесин, фортепиано) и клавир как мануальная клавиатура [7, с. 252].

Играя клавир на рояле, мы преследуем одну основную цель: воспроизведение сочинения. Поэтому важно, чтобы произведение было узнаваемо. Для этого необходимо выполнение двух условий: во-первых, клавир должен быть хорошо «сделан», то есть, он должен быть информативным и содержать в себе максимальное количество материала оригинального сочинения в адаптированном виде; во-вторых, он должен быть хорошо исполнен. Первая задача ложится на плечи транскриптора, который переносит фактуру оригинала в клавир так, чтобы тот, по словам Прокофьева, «прилично звучал». За выполнение второго условия отвечает исполнитель – он должен добиться при воспроизведении переложения на рояле особого оркестрового звучания (так называемая «фортепианная оркестровка»).

Достичь такого исполнения довольно сложно, так как одной из характерных особенностей клавиров является их исполнительская трудность, связанная с большой плотностью фактуры оригинала. Кроме того, при создании фортепианных переложений транскрипторы пользуются такими приемами трансформации оригинального текста, которые, зачастую, не учитывают фактор *пианистичности*, то есть удобства исполнения³.

В ракурсе этой проблемы изучение способа создания авторских клавиров Прокофьева, как композитора-пианиста, представляет для нас особый интерес. Индивидуальные особенности исполнительской манеры и музыкального мышления мастера не могли не отразиться на фактуре его фортепианных переложений. Кроме того, Сергей Сергеевич оставил подробные записи о работе над клавирами в своих дневниках и вы-

³ Об этой проблеме писали многие музыканты, занимающиеся вопросами концертмейстерского мастерства. Е. Шендерович считал, что «некоторая перегрузка фактуры, множество корявых, неудобных, а подчас и вовсе неисполнимых мест» [18, с. 5], – это характерные особенности многих фортепианных переложений. Поэтому опытный концертмейстер всегда предпочтет авторский клавир композитора-пианиста переложению, сделанному музыкантом, просто переписавшим партитуру на две нотные строчки.

сказывания по этой проблеме в переписке с друзьями музыкантами, что позволяет заглянуть в его творческую лабораторию.

Несмотря на существование большого корпуса материалов, в том числе архивных, вопросы, касающиеся создания Прокофьевым авторских переложений, до сих пор оказывались на периферии научных исследований. В частности, отсутствуют труды, обобщающие и систематизирующие историю создания авторских клавиров Прокофьева и специфические особенности творчества композитора.

Цель настоящей статьи – свести воедино и зафиксировать факты, касающиеся работы Прокофьева над переложениями, что позволит нам выявить причины их возникновения. Объектом исследования выступает творческое наследие Прокофьева: дневники, письма, а также ноты и рукописи произведений из различных архивов. Предметом исследования являются история создания авторских клавиров Прокофьева и некоторые особенности творческого процесса.

Тема исследования представляет значительный интерес, как с научной, так и с практической точки зрения. Изучение фортепианных переложений композитора позволит расширить знания о его музыкальном наследии, а также выявить некоторые особенности его творческого метода. Знакомство с работой композитора в области переложений представляет практический интерес для пианистов-транскрипторов. Предложенный перечень авторских клавиров Прокофьева послужит справочным материалом для различных дисциплин в средних и высших учебных заведениях.

Размеры статьи не позволяют нам рассмотреть все авторские клавиров Прокофьева. В связи с этим мы остановились на изучении переложений, созданных в течение 1911–1934 годов, как наиболее продуктивных в работе над авторскими клавиром⁴.

⁴ Традиционно в советском музыкознании конец русского периода творчества Прокофьева обозначают 1918 годом, а вот начало третьего периода связывают с различными датами: Л. Гаккель в своих очерках о фортепианной музыке XX века говорит о 1934 году [2, с. 196]; И. Мартынов называет годом окончания зарубежного периода 1936 год [5, с. 330]; В. Юзефович пишет о 1936, как о годе окончательного возвращения Прокофьева в Советский Союз [16, с. 364]. В данном

Первые симфонические произведения, имеющие опус и написанные в период учебы композитора в Санкт-Петербургской консерватории, авторского клавира не имеют. Это связано в первую очередь с их жанровой принадлежностью. Чтобы знакомить с этими опусами дирижеров, издателей и других заинтересованных лиц, Прокофьеву достаточно было и партитуры.

Иная творческая судьба ожидала концертные сочинения мастера. Всего в период с 1911 по 1934 годы композитором было написано пять концертов для фортепиано с оркестром и Первый скрипичный концерт.

Клавиров этих сочинений создавались Прокофьевым с определенной утилитарной целью: чтобы солисты могли готовиться к исполнению. Это становится понятно из следующей записки композитора: «...решил приняться за фортепианное переложение моего Скрипичного концерта, а то по партитуре даже Коханский⁵ отказывается учить» [8, т. 2, с. 150].

Первым дошедшим до нас целиком⁶ авторским клавиром Прокофьева является переложение Первого концерта для фортепиано с оркестром *Des-dur op. 10. Это переложение было издано Борисом Юргенсоном в 1914 году*⁷ к выпускному экзамену Прокофьева по фортепиано, на котором концерт был исполнен под аккомпанемент рояля.

Второй концерт *op. 16* был закончен в 1913 году, а клавир – в январе 1914 года [8, т. 1, с. 407]. Авторское переложение Второго концерта во второй редакции для двух фортепиано в четыре руки было издано фирмой «А. Гутхейль» в 1925 году [16, с. 462].

Премьера Третьего фортепианного концерта *C-dur op. 26* состоялась 16 декабря 1921 года в Чикаго под управлением Ф. Стока, солист –

исследовании мы ограничиваемся 1934 годом, поскольку клавиров сочинений 1934–1936 годов были закончены позже.

⁵ Павел Коханский (1887–1934) – скрипач и педагог. В 1913–1919 годах – профессор Петербургской и Киевской консерваторий. Сделал редакцию скрипичной партии Первого концерта.

⁶ Фрагменты некоторых клавиров детских сочинений Прокофьева сохранились в РГАЛИ [14].

⁷ Указание С. Шлифштейна на издание клавира у Юргенсона в 1913 году ошибочно. См. запись в дневнике композитора от 7 марта 1914 года [8, т. 1, с. 422].

автор [8, с. 563]. Клавир концерта был сделан Прокофьевым позднее, во время возвращения из Америки в Европу в конце февраля 1922 года: «...по часу или два делал клавир 3-го Концерта (мне суждено делать клавиры на пароходах)» [8, т. 2, с. 199]. Партитура и авторское переложение концерта было изданы фирмой «А. Гутхейль» в 1923 году [16, с. 462].

Четвёртый фортепианный концерт ор. 53 **B-dur был написан в Париже в 1931 году по заказу Пауля Витгенштейна.** Рукопись клавира с разметками инструментовки и партитуры⁸ находится в РГАЛИ [11]. Авторское переложение было издано в 1963 году [3].

Пятый концерт ор. 55 G-dur был сочинён в 1932 году. Авторское переложение для двух фортепиано было издано РМИ в 1933 году [16, с. 464].

Клавир Первого скрипичного концерта, сочинённого в 1913–1917 годах был сделан позже, во время возвращения композитора из Америки в Европу в начале февраля 1921 года. Работа над переложением происходила необычайно быстро и была закончена за четыре дня [8, т. 2, с. 150]. Клавир Первого скрипичного концерта ор. 19 был издан фирмой А. Гутхейля в 1921 году [16, с. 461].

В дневниках Прокофьева сохранилась информация, раскрывающая характерные особенности его творческого метода. В частности, из записей о Втором фортепианном концерте становится ясно, что над клавиром и над инструментовкой он работал параллельно: «...до вечера просидел за инструментовкой, а когда голова отказывалась соображать инструментальные комбинации, делал клавир» [8, т. 1, с. 256].

Исследователи разделяют творческую работу композитора на несколько видов деятельности⁹: работа над либретто, работа над эскизами (сбор материала), создание общего плана сочинения, соединение эскизов в единое целое, подробная отделка сочинения, создание оркестровки, переписывание, работа над клавиром, корректура. Последние три вида работы: переписывание, создание клавилов и корректуру, композитор относил к более простым видам деятельности, и, как правило, работал над ними во второй половине дня.

⁸ У С. Шлифштейна ошибочно – клавир [8, с. 574].

⁹ Подробнее об этом см.: Блок В. Метод творческой работы С. Прокофьева: Исследование [1].

В отличие от инструментальных концертов, клавиры которых были полезны, но необязательны для репетиций, переложения опер и балетов в постановочный период совершенно необходимы, поскольку репетиционный процесс в театре проходит «под рояль». Поэтому Прокофьев создал авторские клавиры всех своих опер 1911–1934 годов. Это – «Маддалена», «Игрок», «Любовь к трем апельсинам» и «Огненный ангел».

Первая редакция оперы «Маддалена» была закончена в 1911 году [17, с. 99]. За оркестровку и создание клавира Прокофьев принялся уже летом 1912 и работал над ними параллельно: «Я занимаюсь партитурой “Маддалены”, пишу не особенно торопливо, четыре прозрачных странички в день, но зато с истинным наслаждением: не партитура – а прелесть <...>. Зато клавир – размерзейший. Во-первых, его никаким образом не сыграешь, даже при участии носа и хвоста; во-вторых, он не звучит: то слишком резко, то наоборот тупо...» [17, с. 101], – писал композитор Мясковскому в июне 1912. Оркестровка оперы так и не была закончена автором.

При жизни композитора опера не исполнялась. Рукопись хранилась в Париже, в РМИ, потом перешла во владение английского издательства «Boosey & Hawkes». Дирижер Э. Даунс закончил переложение и сделал инструментовку «Маддалены», 25 марта 1979 года состоялась премьера. Клавир был издан «Boosey & Hawkes» в 1990 году.

Следующей оперой стал «Игрок» по одноименной повести Достоевского. О работе над этим сочинением композитор писал в начале 1916 года: «Расчёт такой: в январе <...> кончить второй акт. В феврале написать третий <...> и в конце марта быть в разгаре четвёртого. Тогда опера “принципиально” уже готова и может демонстрироваться кому надо» [8, т. 1, с. 575]. Прокофьев часто, прежде чем начать сочинять, составлял для себя план работы над произведением. Кроме того, по этой записи можно судить о том, что автор считал сочинение «принципиально» законченным еще до инструментовки, которая была завершена лишь в январе 1917 года.

Литографированный клавир первой редакции был выпущен Мариинским театром в 1917 году в количестве ста экземпляров для постановки, которая не состоялась [17, с. 503]. Вторая

редакция оперы была создана в 1930 году. Тогда же РМИ опубликовало авторский клави́р этой редакции, который сейчас переиздается как основной [16, с. 463].

Идею написать оперу на сюжет сказки К. Гоцци «Любовь к трем апельсинам» подал Прокофьеву С. Мейерхольд, с которым композитор познакомился во время постановки «Игрока». Согласно контракту с Чикагской оперой, по заказу которой писались «Апельсины», сначала должен был быть предоставлен клави́р оперы, что диктовалось необходимостью раздать певцам партии для разучивания.

Литографированные клави́ры опер Прокофьева делались с первоначальных эскизов, о чем свидетельствует запись за апрель 1922 года: «Литография клави́ра Чикагской оперы была сделана с моих первоначальных эскизов, и поэтому он был совершенно неудобноиграем. Надо было сделать заново весь клави́р» [8, т. 2, с. 202]. Эта запись нам наглядно объясняет, почему, несмотря на существование подобных переложений, которые можно было бы просто переиздать, Прокофьев сделал новые клави́ры и для «Игрока», и для «Апельсинов». Работа над переложением в новой редакции была закончена 12 июня 1922 года. Авторский клави́р был издан фирмой А. Гутхейля в 1922 году [16, с. 461].

Вопрос сложности и удобства исполнения клави́ров не мог не волновать Прокофьева как пианиста и как концертмейстера. Если он понимал, что переложение практически невозможно сыграть, он делал еще один, более легкий вариант. Так произошло в случае с симфонической сюитой из «Апельсинов»: «Третья часть очень трудная для клави́раусцуга, получается так сложно, что надо делать второй вариант, более доступный» – писал композитор о работе над переложением сюиты [8, т. 2, с. 276]. Этот клави́р издан не был.

Опера «Огненный ангел» ор. 37 была закончена в 1927 году. В том же году фирмой «А. Гутхейль» был издан авторский литографированный клави́р [16, с. 463].

Подобно операм, все балеты Прокофьева 1911–1934 годов имеют авторские клави́ры.

После окончания консерватории в 1914 году композитор едет путешествовать за границу, и в Лондоне его представляют С. Дягилеву. Это

знакомство сыграло значительную роль в жизни и творчестве Прокофьева. По заказу Дягилева композитором было написано три балета: «Шут», «Стальной скок» и «Блудный сын». Для всех этих сочинений Прокофьевым были сделаны авторские клави́ры, причем все эти переложения появились раньше партитур. Причиной тому послужили условия контрактов.

Сюжет для балета «Сказ про шута, семерых шутов перешутившего» был найден Прокофьевым среди сказок Афанасьева. Работа над балетом продолжалась в течение пяти лет, были созданы две редакции, и, соответственно, две редакции клави́ра – в 1915 году и в 1921.

Композитор часто работал в дороге, так он фиксирует в дневнике: «...за роялем проверял фортепианное переложение “Шута”, сделанное на пароходе. Кое-что как нельзя лучше (хотя я работал без рояля), но есть места, звучащие на рояле плохо. Вопрос – можно ли сделать, чтобы они звучали хорошо» [8, т. 2, с. 121]. Эта запись наглядно отражает требования композитора к фортепианным переложениям. Он искал возможности выразить оркестровые краски средствами фортепианной фактуры.

Клави́р «Шута» был закончен в апреле 1921 года и отправлен в Мадрид для репетиций, которые проходили под рояль. Пианистка, которая аккомпанировала при постановке танцевальной части, не знала музыки и, что особенно важно, не имела понятия об оркестровке балета. Прокофьев описывает репетиции следующим образом: «...соло трёх фаготов она играла *forte*, а *tutti* всего оркестра – вяло, и Ларионов ставил во время трёх фаготов энергичные движения толпы, а во время *tutti* – соло одного человека» [8, т. 2, с. 156]. Очевидно, что, для грамотного исполнения клави́ра необходимо иметь представление об инструментовке игаемого сочинения. Видимо, имея ввиду этот случай, Прокофьев в своих клави́рах всегда помечал инструменты. Авторский клави́р балета «Шут» был издан фирмой А. Гутхейля в 1922 году [16, с. 461].

«Стальной скок» – второй балет, заказанный Дягилевым Прокофьеву. Клави́р был сделан в декабре 1925 года: «Перед отъездом из St. Paul отправил Дягилеву клави́р с шестого по девятый номеров “Урсиньоля”¹⁰, который переложил

¹⁰ Первое название балета «Стальной скок».

в Нью-Йорке и на пароходе» [8, т. 2, с. 369]. Авторское переложение для фортепиано было издано РМИ в 1928 году [16, с. 463].

О работе над клавирами балетов «Блудный сын» и «На Днепре» подробных записей не сохранилось. Балет «Блудный сын» был написан в 1928 году на либретто Б. Кохно. Премьера балета в постановке Дж. Баланчина состоялась в Париже 21 мая 1929 году под управлением автора. Авторское переложение для фортепиано в две руки было издано РМИ в 1929 году [16, с. 463].

Балет «На Днепре» сочинялся в 1930 году. Авторское переложение для фортепиано в две руки было издано РМИ в 1932 году [16, с. 464].

Некоторые сочинения Прокофьева долго не имели клавиров. Преимущественно композитор писал на заказ или для определенной цели. Остальные произведения, среди которых первые симфонические опусы, «Маддалена», «Классическая симфония», кантата «Семеро их» и другие, гораздо дольше ждали своих исполнителей и издателей, а некоторые так и не были исполнены при жизни композитора. Соответственно и клавиры таких сочинений могли писаться спустя значительное количество времени. Так произошло с клавирами кантаты «Семеро их» и «Классической симфонии».

Кантата «Семеро их» ор. 30 была завершена в эскизе в декабре 1917 года [8, т. 1, с. 678], партитура была закончена в январе 1918 [8, т. 1, с. 681]. Работа над этим произведением – первый опыт композитора в кантатно-ораториальном жанре. При работе над сочинениями на оригинальный текст Прокофьев, прежде чем приступить к сочинению, намечал план произведения, конструкцию, следуя за текстом литературным. Композитор оставил подробное описание работы над этой кантатой: «Таким способом я ещё не писал ни одной вещи. Здесь я записывал не музыку, а какие-то общие контуры, иногда одну голосовую партию, или писал не нотами, а графически, общий рисунок и оркестровку» – писал он в сентябре 1917 года [8, т. 1, с. 670–671]. Эта запись дает нам уникальную возможность погрузиться в творческую лабораторию композитора.

Кантата довольно долго не исполнялась. Возможность премьеры забрезжила только в 1922 году: «...может быть у Кусевицкого весной будет хор и тогда он сыграет в Париже “Семеро их”».

В таком случае надо сделать клавиры...» – писал композитор в дневнике [8, т. 2, с. 220].

Авторский клавиры первой редакции вышел в Государственном музыкальном издательстве в 1922 году. Переложение второй редакции кантаты было издано РМИ в 1933 [10, с. 564].

Если известность Прокофьева в Европе мы связываем с именем Сергея Дягилева, то успех симфонических сочинений композитора, безусловно, был обеспечен его тесным сотрудничеством с Сергеем Кусевицким. Кроме того, Кусевицкому принадлежало Русское Музыкальное Издательство – одно из крупнейших в России, и он интересовал Прокофьева не только как исполнитель, но и как издатель [16, с. 8]. С 1917 года Прокофьев начинает печататься в издательствах Кусевицкого: сначала в фирме А. Гутхейля, а с 1926 года – в РМИ.

Все оперно-сценические, кантатно-ораториальные и концертно-инструментальные произведения исследуемого периода имеют авторские клавиры. Совсем иначе обстоит дело с переложениями сочинений для симфонического оркестра. Из всех симфоний Прокофьева только первая из них – «Классическая» – имеет авторский клавиры. Это было связано со сложностью переложения симфонических произведений: «Перекладывал в две руки “Классическую” Симфонию, уже давно надо бы, но я всё боялся, что от переложения для фортепиано она очень потеряет. Собственно в некоторых моментах так и есть: финал, например, на фортепиано выглядит довольно пустеньким» – писал композитор в 1930 году [8, т. 2, с. 790].

Авторский клавиры был создан только в начале 1931 года: «...сделал двуручное переложение Классической симфонии», – записал композитор в дневнике, – «издательство обещает выпустить его без задержки» [17, с. 349]. В этом же году клавиры были изданы РМИ [16, с. 464].

Таким образом, между окончанием работы над партитурой симфонии в сентябре 1917 года и созданием клавира прошло почти 15 лет [8, т. 1, с. 670].

Кроме переложения, о котором говорилось выше, из симфонических произведений исследуемого периода Прокофьевым были сделаны только клавиры третьей редакции Симфонической, Дивертисмента для оркестра ор. 43 и симфонических сюит из балетов «Шут», «Блудный сын» и «На Днепре».

Первая редакция Симфониетты A-dur была закончена 31 декабря 1909 года [9, с. 431] – это было первое симфоническое сочинение Прокофьева, получившее опус. Вторая редакция была написана в 1915 году, четырехручное авторское переложение Прокофьева упоминается в переписке с Мясковским [17, с. 166], но оно не сохранилось [17, с. 507]. Третья редакция Симфониетты под ор. 48 была написана в 1929 году, авторский клави́р для фортепиано в две руки вышел в РМИ в 1931 году [16, с. 464].

По поводу этого клави́ра сохранилось интересное высказывание Прокофьева: «3-я строка делается мною с тем расчетом, чтобы при первых проигрываниях на нее вовсе не обращалось внимания, а затем, когда играющий по привыкнет к вещи, он начнет принимать к сведению и 3-ю, глазную» [17, с. 361].

Традиционно музыкальный материал, который не помещается на двух строчках клави́ра, выписывают на третьей мелким шрифтом («пети́том»), как писал Е. Шендерович – «лишь к сведению концертмейстера» [18, с. 5]. При работе над своими переложениями Прокофьев тоже сталкивался с подобной проблемой, и во многих авторских клави́рах композитора встречается такая трехстрочная запись.

Интересно, что как эскизные наброски мастера, так и клави́ры с разметками инструментов записывались им как на двух строчках, так и на трех и даже более. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к документам архивов композитора в РГАЛИ [13]. Такой вид записи говорит об особом типе мышления Прокофьева. Он мыслил не «фортепианными» или «оркестровыми» структурами, а ритмо-высотными интонациями. Это проявляется также в трехстрочности изложения фортепианной партии, например, в каденции первой части Второго фортепианного концерта.

Дивертисмент для оркестра ор. 43 был написан в течение 1925–1929 годов. В 1930 году РМИ выпустило авторское переложение для фортепиано [16, с. 463].

В течение зарубежного периода Прокофьевым были сделаны симфонические сюиты из музыки балетов и клави́ры этих сюит. Записей о работе Прокофьева над переложением сюиты «Шут» не сохранилось. Шлифштейн указывает, что авторский клави́р был издан фирмой

А. Гутхейля в 1924 году [10, с. 560], но В. Юзефович отмечает, что издана была только партитура [16, с. 89]. Томпсон указывает на публикацию авторского переложения в 1924 году издательством «Breitkopf & Hartal» [19, с. 374].

Сюита из балета «Стальной скок» написана в 1926 году, авторское переложение для фортепиано в две руки издано в РМИ в 1927 году [16, с. 463]. Симфоническая сюита «Блудный сын» ор. 46-bis сделана композитором в 1929 году, авторское переложение опубликовано РМИ в 1930 году [16, с. 463]. В 1933 году Прокофьевым из музыки балета «На Днепре» была сделана сюита ор. 51-bis. **Указание С. Шлифштейна на издание РМИ авторского переложения в 1930 году вызывает сомнения**¹¹. Остальные симфонические сочинения композитора 1901–1934 годов авторских клави́ров не имеют.

Подводя итоги статьи, в первую очередь хотелось бы отметить, что подавляющее большинство инструментальных концертов, музыкально-сценических и симфонических сочинений Прокофьева 1911–1934 годов имеют авторский клави́р. Композитор имел принципиальную установку на необходимость создания именно автором переложений своих сочинений, потому что только автор имеет право на свободу работы с материалом, необходимую для создания «настоящего клави́ра», хорошо звучащего и удобного для исполнения.

Вопрос звучания клави́ра всегда стоял для Прокофьева на первом месте. Под этим словосочетанием композитор понимал сбалансированное звучание адаптированной для фортепиано фактуры, максимально сохраняющей краски оркестровой партитуры. Вторая задача, которую ставил перед собой Прокофьев при создании переложений, это удобство исполнения. Композитор всегда старался писать клави́ры пианистично, хоть и признавался, что это не всегда ему удавалось.

Клави́ры создавались Прокофьевым на разных этапах работы над сочинением. В большинстве случаев это было обусловлено жанровой

¹¹ Кажется маловероятным издание клави́ра сюиты в 1930 году, так как сам Шлифштейн называет годом завершения сюиты 1933 [10, с. 573]. В. Юзефович указывает на 1930, как на год публикации клави́ра, ссылаясь на исследование С. Шлифштейна и на словарь Томпсона [16, с. 464]. Однако год издания клави́ра в словаре нам обнаружить не удалось [19, с. 380].

принадлежностью произведений и практической целесообразностью. Клавиров сценических сочинений писались до оркестровки, так как были необходимой составляющей репетиционного процесса. Часть переложений делалась параллельно с оркестровкой сочинения, некоторые уже спустя значительное время после оркестровки и даже премьеры. Это в основном переложения сочинений для симфонического оркестра. В этих случаях появление клавиров связано с возникшей возможностью издания или исполнения опуса.

В результате исследования истории создания авторских клавиров Прокофьева выявлено 23 переложения сочинений различных жанров. Изучение этих клавиров и сравнение их с партитурами

позволяет проникнуть в творческую лабораторию композитора. Что, в свою очередь дает нам возможность использовать метод Прокофьева при создании новых клавиров, так как до сих пор не все сочинения мастера имеют таковые.

Чтобы составить полное представление об авторских клавирах Прокофьева, необходимо исследовать архив композитора в Лондоне, который располагается в Фонде, основанном в 1983 году первой женой композитора Линой Прокофьевой. Возможно, что именно там сохранились те неизданные клавиров, рукописей которых нет в России, и о существовании которых мы знаем только из дневников музыканта или его переписки с друзьями.

Литература

1. Блок В. Метод творческой работы С. Прокофьева: Исследование. – М.: Музыка, 1979. – 143 с.
2. Гаккель Л. Фортепианная музыка XX века: Очерки. – 2-е изд. – Л.: Совет. композитор, 1990. – 196 с.
3. Дельсон В. Прокофьев. Фортепианный концерт № 4 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belcanto.ru/prokofiev_concerto4.html (дата обращения: 08.11.2015).
4. Коротина А. А. Фортепианный клавир: области применения и функции // Вестн. АХИ. – М., 2015. – С. 76–86.
5. Мартынов И. Сергей Прокофьев. Жизнь и творчество. – М.: Музыка, 1974. – 330 с.
6. Музыкальный словарь Гроува / пер. и ред. А. О. Акопяна. – 2 изд. – М.: Практика, 2007. – 1103 с.
7. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. – М.: Совет. энцикл., 1991. – 672 с.
8. Прокофьев С. Дневник. – Paris: Serge Prokofiev Estate, 2002. – 1762 с.
9. Прокофьев С. С. Автобиография. – М.: Классика – XXI, 2007. – 528 с.
10. Прокофьев С. С. Материалы, документы, воспоминания / сост., ред., прим. и вст. статья С. И. Шлифштейн. – 2-е изд. – М.: ГМИ, 1961. – 708 с.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). – Ф. 1929. – Оп. № 1. – Ед. хр. – № 169, 170.
12. РГАЛИ. – Ф. 1929. – Оп. № 2. – Ед. хр. 72.
13. РГАЛИ. – Ф. 1929. – Оп. № 1. – Ед. хр. 70, 114.
14. РГАЛИ. – Ф. 1929.
15. Савкина Н. Буквы, запятые, ноты и паузы. Предисл. // Прокофьев С. С. Автобиография. – М.: Классика – XXI, 2007. – С. 3–4.
16. Сергей Прокофьев – Сергей Кусевский. Переписка 1910–1953 / подгот. текста и ком. В. А. Юзefовича. – М.: Дека-ВС, 2011. – 534 с.
17. С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский. Переписка / сост.: М. Г. Козлова, Н. Р. Яценко. – М.: Совет. композитор, 1977. – 600 с.
18. Шендерович Е. М. О преодолении пианистических трудностей в клавирах: Советы аккомпаниатора. – М.: Музыка, 1987. – 60 с.
19. Tompson K. A Dictionary of Twentieth Century Composers. 1911–1971. – London: Faber and Faber, 1973.

References

1. Blok V. Metod tvorcheskoi raboty S. Prokof'eva. Issledovanie [Prokofiev's creative method. Research]. Moscow, Muzyka Publ., 1979. 143 p. (In Russ.).
2. Gakkel' L. Fortepiannaia muzyka XX veka. Ocherki [Piano music of the 20th century. Feature article]. St. Petersburg, Sovetskii kompozitor Publ., 1990. 196 p. (In Russ.).
3. Del'son V. Prokof'ev. Fortepiannyi kontsert № 4 [Prokofiev. Piano concerto no 4]. (In Russ.). Available at: http://www.belcanto.ru/prokofiev_concerto4.html/ (accessed 08.11.2014).

4. Korotina A.A. Fortepiannyi klavir: oblasti primeneniia i funktsii [Piano klavier: spheres of application and functions]. *Vestnik AKHI [Bulletin of Academy of Choral Arts]*. Moscow, 2014, no. 10, pp. 76-86. (In Russ.).
5. Martynov I. Sergei Prokof'ev. Zhizn' i tvorchestvo [Prokofiev. Life and creation]. Moscow, Muzyka Publ., 1974. 330 p. (In Russ.).
6. Muzykal'nyi slovar' Grouva [The New Grove: Dictionary of Music & Musicians]. Transl. and ed. A.O. Akopian. Moscow, Praktika Publ., 2007. 1103 p. (In Russ.).
7. Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar' [Musical encyclopedia]. Ed. G.V. Keldysh. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1991. 672 p. (In Russ.).
8. Prokof'ev S. Dnevnik [Diary]. Paris, Serge Prokofiev Estate Publ., 2002. 1762 p. (In Russ.).
9. Prokof'ev Sergei. Avtobiografiia [Autobiography]. Moscow, Klassika – XXI Pub., 2007. 528 p. (In Russ.).
10. Prokof'ev S.S. Materialy, dokumenty, vospominaniia [Materials, documents, memories]. Ed. S.I. Shlifshtein. Moscow, Gosmuzizdat Pub., 1961. 708 p. (In Russ.).
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art]. F. 1929. Op. no. 1. Ed. khr. no. 169, 170. (In Russ., unpublished).
12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art]. F. 1929. Op. no. 2. Ed. khr. 72. (In Russ., unpublished).
13. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art]. F. 1929. Op. no. 1. Ed. khr. 70, 114. (In Russ., unpublished).
14. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art]. F. 1929. (In Russ., unpublished).
15. Savkina N. Bukvy, zapiatye, noty i pauzy [Letters, commas, notes and rests]. Prokof'ev Sergei. Avtobiografiia [Autobiography]. Moscow, Klassika – XXI Pub., 2007, pp. 3-4. (In Russ.).
16. Iuzefovich V.A. Sergei Prokof'ev – Sergei Kusevitskii. Perepiska 1910–1953 [Sergei Prokofiev-Sergei Koussevitzky. Correspondence 1910–1953]. Moscow, Deko-VS Pub., 2011. 534 p. (In Russ.).
17. S.S. Prokof'ev i N.Ia. Miaskovskii. Perepiska [Correspondence]. Ed. M.G. Kozlova, N.R. Iatsenko. Moscow, Sovetskii kompozitor Pub., 1977. 600 p. (In Russ.).
18. Shenderovich E.M. O preodolenii pianisticheskikh trudnostei v klavirakh: Sovety akkompaniatora [About overcoming the pianistic difficulties of clavier: Tips accompanist]. Moscow, Muzyka Pub., 1987. 60 p. (In Russ.).
19. Tompson K.A. Dictionary of Twentieth Century Composers. 1911–1971. London, Faber and Faber Publ., 1973.

УДК 7; 18:7.01

ФЕНОМЕН ТРАНСПЛАНТАЦИИ В СИСТЕМЕ ЯПОНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СИМФОНИЧЕСКОЙ НАГАУТА «ЦУРУКАМЭ»)

Максимова Анастасия Михайловна, аспирантка кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: maxalt@mail.ru

Национальная культура Японии складывалась под сильнейшим влиянием континентального Китая. В результате их культурного взаимодействия, одной из сущностных черт японской национальной культуры является механизм заимствования. Он проявляется путем приращения новых элементов к уже имеющимся. Автор обозначает данный процесс понятием трансплантации – перенесением элемента одной системы в другую с сохранением его онтологических качеств. Принцип «пересадки» элементов в иные системы проявляет себя на разных уровнях, в том числе на уровне стабильных мелодико-ритмических структур.

Явление трансплантации связано с традиционной японской полистилистичностью и находят себя в системе композиторского творчества японцев. Относительно японского композиторского твор-

чества данное явление характеризуется как склонность к совмещению признаков разнородных стилей – жанров профессиональной и традиционной музыки. В этом отношении весьма показательным является одно из последних симфонических сочинений Ямады Косаку – Симфоническая Нагаута «Цурукамэ» (1934). В данном сочинении Ямада обращается к традиционному наследию: Нагаута создана на основе сюжета классической пьесы театра Но и музыки нагаута Кинэя Рокудзаэмона Х. Уникальность сочинения заключается в том, что произведение исполняется в оригинале аутентичными музыкантами на сямисэнах и в характерной для национальной музыкальной культуры японцев манере совместно со звучанием симфонического оркестра, представленного композиторским материалом.

Таким образом, в Нагаута монодийное музыкальное мышление и соответствующая монодийная вертикаль (фактура) одновременно соплагаются с продуктом динамического мышления: европейским многоголосием, интерпретированным оркестровой партитурой.

Ключевые слова: механизм заимствования, полистилистичность, эклектика, трансплантация, Ямада Косаку, Цурукамэ.

THE PHENOMENON OF TRANSPLANTATION IN JAPANESE ARTS (ON THE EXAMPLE OF NAGAUTA'S SYMPHONY "TSURUKAME")

Maksimova Anastasia Mikhailovna, Postgraduate, Department of Ethnomusicology, M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maxalt@mail.ru

The national culture of Japan was formed under the strong influence of mainland China. As a result of their cultural interaction, one of the essential features of the Japanese national culture is the mechanism of borrowing. It is manifested by the increment of new elements to existing. The author refers to this process as the concept of transplantation – shifting element of one system to another – while maintaining its ontological qualities. The principle of “transfer” to other elements of the system manifests itself at different levels, including the level of stable melodic and rhythmic structures.

The phenomenon of transplantation is related to traditional Japanese polistilistics and finding it in the Japanese composer's creativity. Regarding the Japanese composer's creativity, this phenomenon is characterized as a tendency to reconcile disparate styles signs: professional and traditional music genres. In this respect, one of the last symphonic works Yamada Kosaku, symphonic nagauta “Tsurukame” (1934), is very revealing. In this essay, Yamada is referred to the traditional heritage: nagauta is based on the story of the classical Noh plays and music nagauta Quinet Rokudzaemona X. The uniqueness of the works lies in the fact that the work is performed by the original authentic musicians on the shamisen and typical national musical culture of the Japanese style together with the sound of a symphony orchestra in composer's submitted material.

Thus, nagauta monophonic musical thinking and appropriate monophonic vertical (invoice) at the same time with the product dynamic thinking: European polyphony, and interpreted orchestral score.

Keywords: Borrowing mechanism, polistilistics, eclectic, transplantation, Kosaku Yamada, Tsurukame.

Формирование облика национальной культуры представляет собой, как известно, сложный, многогранный и динамичный процесс, протекающий под влиянием множества внешних и внутренних факторов, таких как географическое положение, климат, общественное устройство, особенности мироощущения, степень, продол-

жительность и типология инонациональных контактов. Механизмы создания и развития каждой национальной культуры весьма репрезентативны в аспекте сосуществования в них множества различных способов формирования элементов внутри самой системы этой культуры. Контекст, уникальность, разнообразие и взаимодействие

этих элементов между собой создают тот феноменальный облик национальной культуры-страты, который мы оцениваем в качестве неповторимого. Соответственно, известные исторические появления тех или иных новых элементов в системе конкретной художественной культуры следует оценивать в качестве результата процессов заимствования из других систем, других цивилизационных источников.

Национальная культура Японии, как и другие дальневосточные культуры, своеобразна, хотя, как и корейская, складывалась под сильнейшим влиянием континентального Китая – старшего «соседа», имеющего древнюю культурную историю. В этой связи исследователи-японисты задаются вопросом о том, в чем же уникальность именно японской культурной традиции. Культуролог Т. А. Бычкова по этому поводу указывает, что, несмотря на длительный процесс заимствования чужих учений и традиций (а именно китайских) японцы постепенно создавали свою культурную страту¹ [1]. Япония восприняла из Китая важнейшие элементы культуры, религии и государственного устройства: конфуцианство (в чжусианской форме), даосизм, буддизм, науку, идеи централизованного государства, некоторые виды искусства, обычаи, традиции², в целом, китайский тип мышления³.

В результате, уже с древности **механизм заимствования** стал **важнейшей чертой национальной культуры Японии**. Он был выработан начиная со времен становления государственности и церемониала императорского двора и прочно укоренился как неотъемлемая часть ментальности японцев. В эту сферу попадает и музыкальная культура: как доказано японским и международным музыковедением, наиболее важным континентальным заимствованием стала целост-

ная система придворного церемониала, которая вошла в историю под названием *Гагаку*⁴.

В то же время существует и другая точка зрения, носители которой не признают национального своеобразия классической культуры Японии. Так, русский культуролог Н. Данилевский рассматривал японскую культуру как вариант китайской, отказывая ей в подлинной самобытности (см. [1]). Его вывод, пусть и не лишенный некоторого основания, представляется, без сомнения, несколько утрированным. Крупнейшие отечественные ученые-востоковеды, такие как А. Е. Глускина, Т. П. Григорьева, А. Н. Мещеряков, музыковеды М. В. Есипова, В. И. Сисаури, проводя линию преемственности по отношению к китайской культуре, в своих фундаментальных трудах выявляют самобытные и, как правило, совершенно уникальные особенности, присущие только японской национальной культуре. В. И. Сисаури пишет: «Японцы создали свой музыкальный образ, менее рациональный, чем китайский, в высшей степени чувственный, в котором большую роль играли поэтические образы и непосредственные впечатления от природы, влияющие на исполнителя и слушателя во время концерта» [11, с. 204–205]. Его мысль продолжает Т. А. Бычкова: «Правильнее было бы говорить о том, что уже в глубокой древности у японцев сложилась **способность к усвоению** знаний и умений в процессе контактов с другими народами. Именно эта способность делать чужое своим и доводить его до высших кондиций составляет, видимо, главную черту самобытности японской культуры» [1].

В ходе осмысления самобытности феномена японской музыкальной культуры В. И. Сисаури поднимает **проблему заимствования**, причем, что показательно, ученый оценивает последнюю в качестве неотъемлемого свойства её существования: «История японской музыки являет собой форму перехода к музыке, основанной на фикси-

¹ Японию называли «дочерью древней китайской цивилизации».

² Приведем следующий пример, подтверждающий факт нацеленной ориентации на китайскую культуру. Император Камму перенес в 794 году столицу в Хэйан (нынешний Киото) и отстроил ее по точному плану китайского города Чаньань в провинции Шеньси.

³ Важнейшим приобретением считается китайская письменность. Признаком образованности стало владение и сочинение стихов на китайском языке.

⁴ Гагаку – («совершенная музыка») один из выдающихся памятников японской культуры. Это значительное культурное явление Страны восходящего солнца привлекало внимание многих крупных отечественных и зарубежных исследователей – музыковедов и культурологов – В. И. Сисаури, С. Б. Лупинос, М. Ю. Дубровская, У. Мольм и др.

рованных ладах, благодаря *заимствованию* китайской музыки. Этот процесс характеризуется различными этапами заимствования и усвоения: от раннего заимствования цитры, которую японцы использовали скорее как священный атрибут, чем как музыкальный инструмент, до реформы заимствованной *гагаку* и создания национальных жанров» [11].

Международное искусствоведение пришло к выводу о том, что освоение и адаптация элементов в системе японской культуры происходили и происходят путем приращения к уже имеющимся. На самом деле необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о заимствованиях из других культурных систем. Данный механизм срабатывает и на почве самой японской художественной культуры, прорастает внутри нее. Об этом свидетельствуют изыскания ученых в различных областях знания, в том числе музыковедения.

В 1985 году это её доминирующее качество на материале японского традиционного театра высветила М. Ю. Дубровская: «Основные художественные принципы гуманистического искусства японского театра вытекают из традиционной системы мышления японского и других народов дальневосточного региона... базируясь на главенствующих методах японской художественной традиции – “следования изначальной песне” и “нанизывания одного на другое”» [4, с. 162–163]. В рукописи своей неопубликованной статьи «Феномен Кабуки в контексте японской музыкально-художественной культуры» тот же автор приводит следующую мысль: «Для Японии всегда был характерен эволюционный процесс трансформации самих традиций. Новые элементы лишь добавлялись к старой структуре, существовали с ней параллельно, никогда не разрушая ее полностью. Постепенно эти элементы, видоизменившиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы».

Считается, что этому способствовала естественная географическая изоляция страны, которая не только не знала вторжений извне, но вместе с тем и не испытывала насильственного насаждения чужих культурных традиций (Л. Д. Гришелева, М. В. Есипова, А. Н. Мещеряков). В отечественном японоведческом музыковедении подобное качество японского художе-

ственного мышления впервые было обозначено М. Ю. Дубровской как *полистилистичность*⁵. Продолжая исследование данного феномена, она пришла к обоснованию нового его качества, обозначенного как *эклехтика*. Родственным по содержанию представляется понятие *мозаичности*. Данный термин был обоснован в трудах Моники Курант (Courant) и М. В. Есиповой. В дальнейшем идея мозаичности японской художественной культуры была развита в исследованиях М. Ю. Дубровской и Н. И. Чабовской. Подчеркнем, что в структурном отношении взаимодействие элементов, как правило, ограничивалось их сосуществованием в общем контексте явления. Так сформировался особый, характерный именно для Японии, способ соединения разрозненных элементов в единое целое.

Таким образом, в настоящее время на основании знаний о традиционном мировоззрении японцев и научных наблюдений мы можем говорить об эклектике как феномене, органично присущем многим явлениям традиционного музыкального творчества японцев.

Приведем следующий пример. Во времена активных заимствований Японское правительство, как известно, отправило несколько миссий в Китай⁶. Их целью было перенятие культурного опыта. После одной из таких миссий в Японии появилась собственная церемониальная музыка, в некоторой степени аналогичная по функции китайской ритуальной музыке *я юэ*. Важно в этой связи то, что, как отмечает музыковед О. В. Полужуктова, на самом деле японская церемониальная музыка *гагаку* явилась точной аналогией не ритуальной *я юэ*, а светской «банкетной» музыке *яньюэ*. То есть, в данном случае, был избран более адекватный (облегченный) для восприятия элемент китайской классической музыки, который и был заимствован без каких-либо изменений и что самое главное – в таком виде и продол-

⁵ Это определение было введено в кандидатском диссертационном исследовании М. Ю. Дубровской «Музыка в традиционном театре Японии (на материале Но и Кабуки)» [4].

⁶ О периоде первоначальных заимствований подробно повествует В. И. Сисаури в своей монографии «Церемониальная музыка Китая и Японии» [11].

жают существовать в рамках японской культурной системы до настоящего времени⁷.

Согласно справедливому мнению В. И. Сисаури и ряда современных японских исследователей, например, Масумото Кикуко, с течением веков в японском классическом искусстве все же действовали некоторые адаптивные механизмы, которые перевели новый для культуры элемент в разряд национальных. Но изменения были незначительны и не затронули самой изначальной сущности данного музыкального явления. Ученый приходит к выводу о том, что, известный мировой художественной культуре механизм заимствования, предполагающий фольклорную адаптацию и ассимиляцию, в данном случае не объясняет характер этого явления. Здесь, как представляется, действуют иные механизмы, предполагающие не адаптацию, а тщательное и даже скрупулезное сохранение в веках.

Наиболее целесообразно, на наш взгляд, подобный род заимствования обозначить понятием *трансплантации*. Данный термин был почерпнут нами из медицины: «Трансплантация – изъятие жизнеспособного органа у одной особи (донора) с перенесением его другой (реципиенту)». В контексте художественного творчества это определение возможно перефразировать следующим образом: *трансплантация – перенесение элемента одной системы в другую с сохранением его онтологических качеств*. Относительно описываемого явления «донором» является китайская музыкальная система, реципиентом – японская. Показательно то, что подобный тип заимствования обнаруживает себя в различных системах национальной музыкальной культуры Японии. Ярким примером могут служить принципы музыкальной драматургии спектаклей Кабуки.

М. Ю. Дубровская в своей кандидатской диссертации пишет: «имитация в рамках *гэндоангаку* (музыка за сценой) многокрасочных стилей японского традиционного музыкального искусства, будь то звуковая палитра народного фестиваля, синтоистских или буддийских церемоний и т. п., осуществлена в определенных фрагментах Кабуки с предельной степенью достоверности. Выражается это в привлечении подлинных му-

зыкальных инструментов или звучащих атрибутов бытия крестьянина, монаха и др.» [4, с. 122]. И далее исследователь поясняет, что подобный метод выстраивания драматургии основывается на общевосточном музыкально-эстетическом принципе «привязанности» определенного эмоционального (и, как представляется, ситуативного) состояния к нормативной музыкальной модели – ладу, макому и т. д. В театре Кабуки это проявляется «в системе мигрирующих тематических образований» [4, с. 122].

Принцип «пересадки» элементов в иные системы проявляет себя на разных уровнях художественного канона японской культурной традиции – особенностях формообразования, работы с ладом, ритмоинтонационными моделями. В частности, это касается имеющего универсальный характер в рамках японской художественной традиции *принципа моделирования законченными стабильными мелодико-ритмическими структурами*. В качестве органично присущей музыкальному мышлению японцев (как и многих восточных народов) *формульности* данное явление было впервые описано на примере музыки *гагаку* В. Сисаури, на материале *ногаку* и *кабуки* – М. Ю. Дубровской.

М. Есипова истоки данного явления видит в самой специфике средневекового японского мышления, определяемого традиционной моделью, «в которой мир воспринимался как процесс непрерывного изменения (в соответствии с китайской концепцией инь-ян), а каждая отдельная вещь – как микромир, подчиняющийся тем же законам, что и макромир, вызвала особые принципы художественной организации, единые для всех видов искусств, в том числе и музыкального» [5, с. 89]. И далее исследователь описывает сам процесс работы с элементами: «Особенность применения этих клише заключается, во-первых, в том, что они могут варьироваться более или менее значительно (соответственно жанру, а также в зависимости от школы, которую представляет исполнитель), не переходя ту грань, когда архетип клише станет неузнаваемым, во-вторых, соединения нескольких мелких клише могут образовывать самостоятельную устойчивую структуру, однако находящуюся на том же композиционном уровне, что и клише (назовем ее моделью)» [5, с. 89–90].

⁷ Масумото Кикуко. Гагаку: Дэнтоонгаку-э-но атарасиапуроти [Гагаку: Новый подход к традиционной музыке]. – Токио, 1968.

Налицо уже названный принцип **мозаичного соединения** стабильных микроструктур (элементов), фигурирующий в таком виде в камерных композициях японской традиционной музыки для кото – *данмоно*. «Эти микроструктуры, – утверждает Н. Чабовская, – служат моделями-мотивами старинной музыки для кото, которые подвергаются в процессе интонационного развития различным комбинациям, отчасти близким серийной технике композиции» [12, с. 54]⁸.

М. Ю. Дубровская указывает на полиэлементность музыкальной стилистики Кабуки в силу **множества и разнородности ее генетических ключей**. Другими словами, в художественной системе Кабуки происходит соединение многочисленных направлений/школ музыки для *сямисэн*; каноническая форма *ногаку*; композиция *кумиута*; музыкально-драматургический тип Нингё Дзёрури; собственно «кабукианская» структура, действующая в танцевальных драмах (*сёсагото*), синтезирующая особенности жанров-предшественников. В результате, особое значение полиэлементности стилистики Кабуки выражается в соединении разнообразных звучащих сфер японского быта различных социальных слоев населения, как светского, так и ритуального назначения.

Все эти разнородные явления вписываются, по мнению М. Ю. Дубровской, в единый магистральный принцип, объединяющий всю музыкально-художественную традицию Японии: «Японской художественной традиции органично присущ подобный тип объединения элементов разнородного генезиса в рамках единого потока, обозначаемый в соответствии с категориями традиционной японской эстетики как «целостность разного» (*цугихаги*) или «парча из лоскутков» (*цудзурэ нисики*). Особенный характер этого явления в японском художественном контексте проявляется в *полистилистическом соположении*, но, подчеркнем, отнюдь не обязательном взаимопроникновении разнородных элементов стиля» (из неопубликованной статьи).

⁸ Проявления данного принципа мы находим в *кагура-ута* – собрании песнопений синтоистского храма Сумиёси Тайся, крупном произведении инструментальной традиции *кагура* «Эдосатокагура» (С. В. Жуковская), а также во многих других японских культурных феноменах.

Возвращаясь к явлению **трансплантации**, заявленному нами ранее, отметим непосредственную и органичную взаимосвязь его с традиционной японской полистилистичностью. Свободная и даже порой иллюзорная произвольность совмещения признаков совершенно разных элементов культуры, как правило, разнородных стилей, осуществляется посредством их «пересаживания» – трансплантации – в иной системный контекст.

Исследования показали, что феномены трансплантации и полистилистичности⁹, выявленные отечественными и зарубежными исследователями, проявляют себя и в системе композиторского творчества японцев. М. Ю. Дубровская указывает на *стилевой плюрализм*, характерный для послевоенного периода развития культуры страны, который в полной мере соотносится с понятием *полистилистичности*. Относительно японского композиторского творчества данное явление было охарактеризовано исследователем как склонность к совмещению признаков разнородных стилей – жанров профессиональной и традиционной музыки. Автор настоящей статьи присоединяется к данной позиции в силу имеющихся неопровержимых доказательств, которые подтверждают наличие принципа трансплантации в японском композиторском творчестве.

В этом отношении весьма показательным, на наш взгляд, является одно из последних симфонических сочинений Ямады Косаку – **Симфоническая Нагаута «Цурукамэ» (1934)**. Само по себе обращение композитора к феноменам традиционного наследия отнюдь не редкость. Еще до Ямады Косаку существовали подобные прецеденты, к примеру, Комацу Косукэ в своей первой опере обращался к сюжету драмы театра Но. Сам Ямада, еще до «Цурукамэ», создал в области фортепианной музыки несколько произведений, в основе которых лежат сюжеты и музыкальный материал традиционного японского искусства. Это фортепианные циклы «Рокудан» (1916), «Нот-

⁹ Эти два явления связаны, но не синонимичны. Трансплантация и полистилистичность являются взаимообусловленными дифференциальными понятиями, составляющими звенья цепи «чужое – свое». Трансплантация представляет собой изъятие элемента из иной структуры, в то время как полистилистичность является результирующим художественным соединением ряда элементов в едином контексте.

ная тетрадь Гэндзи», вариации на тему «Кодзё-но цуки» (1917), пьеса «Цурукамэ» (1918).

Как показали наши изыскания, на раннем этапе композиторского творчества Японии (конец XIX – первые десятилетия XX веков) Симфоническая Нагаута «Цурукамэ» не имела аналогичных примеров, где столь смело и решительного совмещались художественные реалии двух систем музыкального мышления. Это позволяет нам оценить данное сочинение как уникальный композиторский опыт.

Данное сочинение было создано на основе сюжета классической пьесы театра Но и музыки нагаута Кинэя Рокудзаэмона Х. Уникальность «Цурукамэ» заключается в том, что произведение исполняется в оригинале аутентичными музыкантами на традиционных инструментах – сямисэнах, и в характерной для национальной музыкальной культуры японцев манере совместно со звучанием симфонического оркестра, представленного композиторским материалом.

Как представляется, сам Ямада не делал каких-либо существенных изменений в музыкальном материале традиционного пласта (оставляет вокальное интонирование традиционного текста в сопровождении сямисэнов), лишь исключив из его текста целиком инструментальные фрагменты, исполняемые сямисэнами. В результате материал нагаута получился весьма концентрированным – исполнители нагаута поют практически непрерывно, следовательно, общее время звучания сократилось. Композиторский тематизм (музыкальный материал, сочиненный самим Ямадой) неукоснительно следует за партией традиционных исполнителей, как бы «исходя» из его музыкального текста. Вполне очевидно, что оркестр в данном случае выполняет функцию поддержки, служа своеобразным «фоном». Данная мысль подтверждается тем, что соотношение двух онтологически различных пластов партитуры порой выстраивается по тому же принципу, что и партии исполнителей нагаута: вокалистов и сямисэна. Как известно, их взаимодействие основывается на принципах традиционной фактуры нагаута, которые сродни «имитационной полифонии» – партия сямисэна повторяет партию исполнителей с некоторым отставанием (обычно, на одну долю). Однако оркестровая партия, как правило, повторяет только общий контур движения мело-

дии из партии традиционных певцов. Поэтому, следует полагать, что оркестр частично заменяет партию сямисэнов. Однако композитор не идет по пути точного претворения имитационного принципа, оставляя за собой право свободы творческого воплощения.

В структурном отношении (на уровне элементов системы) Нагаута отвечает принципам теории *дзё-ха-кю*¹⁰ и системы данов – ведущим способом формообразования в традиционной музыке Японии. Закономерно, что музыкальный текст традиционного пласта функционирует и развивается по ладовым – модальным законам. Аналитический разбор позволил выявить наличие здесь, по меньшей мере, двух ладовых структур: *ин-сэн* и *ё-сэн*.

Система данов, воплощенная в музыкальном тексте традиционного пласта, находит частичное отражение и в материале оркестровой партии. В частности, было обнаружено, что границы между данами, звучащими в партии традиционных певцов, подчеркиваются различными метроритмическими средствами в партии оркестра: остановками (паузы, выдержанные длительности), замедлениями (*accelerando*), сменой темпа.

Мелодико-гармоническая сторона оркестровой партии развивается по тонально-гармоническим законам. Характер тональных отклонений свидетельствует о преобладании плагальности, что было вызвано, как представляется, необходимостью органичного соединения традиционного музыкального текста, основанного на натуральноладовых структурах (модальности), и композиторского, координирующегося тональными соотношениями. Любопытно в свете сказанного, что смены гармонических функций в композиторском тексте определяются переменой опор в музыкальном материале певцов нагаута. Выбор тональности в партии оркестра напрямую зависит от высотного положения функционирующего в конкретный момент ладозвукоряда. К примеру, экспозиция лада *миякобуси* происходит в момент модуляции из тональности *h-moll* в тональность *cis-moll*, которая, как представляется, наиболее других коррелирует с данной ладовой структурой. В целом принцип гармонических смен и модуляций в партии оркестра в моменты наделения

¹⁰ *Дзё* – введение, вступление, экспозиция. *Ха* – основная часть, развитие. *Кю* – завершение.

функциями опорности прочих тонов ладозвуко-рядов становится основным в процессе взаимной координации двух музыкальных текстов.

Таким образом, в данном сочинении *традиционное японское вокально-инструментальное искусство, взятое в снятом виде, совмещено с творением выдающегося национального композитора*. Пролонгируя сущность этого уникального образца на взаимодействие двух систем музыкального мышления – канонической и динамической, можно сделать следующий вывод. В Симфонической Нагаута «Цурукамэ» К. Ямады каноническое – *моноподийное музыкальное мышление и соответствующая моноподийная верти-*

каль (фактура) – одновременно сопологается с продуктом динамического мышления: европейским многоголосием, интерпретированным оркестровой партитурой.

Типологически неповторимое совмещение в данном произведении двух исторически сложившихся уровней художественного мышления (канонического и динамического), элементов двух стадияльно различных композиционных структур, двух стилей и др., причем с сохранением сущностных свойств каждого феномена, на наш взгляд, является исторически первым и ярчайшим образцом функционирования механизма **трансплантации** в системе композиторского творчества японцев.

Литература

1. Бычкова Т. А. Культура традиционных обществ Китая и Японии [Электронный ресурс]: учеб. пособие к специализальному курсу лекций. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. – URL: <http://refdb.ru/look/2844957-pall.html> (дата обращения: 17.05.2015).
2. Глускина А. Е. Заметки о японской литературе и театре. – М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. – 205 с.
3. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. – М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. – 368 с.
4. Дубровская М. Ю. Музыка в традиционном театре Японии (на мат-ле Но и Кабуки): дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1985. – 241 с.
5. Есипова М. В. Сущностные черты японской традиционной музыки (к проблеме исторической эволюции основных принципов музыкальной организации): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Ташкент, 1988. – 28 с.
6. Жукова О. В. Некоторые черты традиционной японской музыки // Проблемы музыкознания: ст. молодых музыковедов. – Новосибирск, 2000. – С. 34–45.
7. Лескова Т. В. Композиторский фольклоризм на Дальнем Востоке России. – Хабаровск: Хабаров. гос. ин-т искусств и культуры, 2014. – Ч. 1: Становление и развитие. – 164 с.
8. Мещеряков А. Н. Внешний фактор в культуре Японии // Азия – диалог цивилизаций. – СПб.: Гиперион, 1996. – С. 17–56.
9. Полуэктова О. В. Китайская дворцовая музыка эпохи Тан из японских источников (структурно-аналитический аспект): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1999. – 20 с.
10. Сисаури В. И. Роль континентальных заимствований в формировании национального стиля японской музыки // Традиции музыкального искусства и музыкальная практика современности. – Л.: ЛГИТМИК, 1981. – С. 127–143.
11. Сисаури В. И. Церемониальная музыка Китая и Японии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 292 с.
12. Чабовская Н. И. Рокудан: интонационное строение, формообразование // Проблемы музыкознания: ст. молодых музыковедов. – Новосибирск, 2000. – С. 46–67.

References

1. Bychkova T.A. Kul'tura traditsionnykh obshchestv Kitaia i Iaponii [The culture of traditional societies of China and Japan]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2003. (In Russ.). Available at: <http://refdb.ru/look/2844957-pall.html> (accessed 17.05.2015).
2. Gluskina A. E. Zametki o iaponskoi literature i teatre [Notes on Japanese literature and theater]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 205 p. (In Russ.).
3. Grigor'eva T.P. Iaponskaia khudozhestvennaia traditsiia [Japanese artistic tradition]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 368 p. (In Russ.).
4. Dubrovskaya M.Yu. Muzyka v traditsionnom teatre Iaponii (na materiale No i Kabuki). Diss. kand. iskusstvovedeniia [Music in the traditional theater of Japan (based on the Noh and Kabuki). Diss. PhD of Art History]. Moscow, 1985. 241 p. (In Russ.).

5. Esipova M.V. Sushchnostnye cherty iaponskoi traditsionnoi muzyki (k probleme istoricheskoi evoliutsii osnovnykh printsipov muzykal'noi organizatsii). Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniia [Essential features of Japanese traditional music (to the problem of the historical evolution of the basic principles of musical organization). Author's abstract of diss. PhD of Art History]. Tashkent, 1988. 28 p. (In Russ.).
6. Zhukova O.V. Nekotorye cherty traditsionnoi iaponskoi muzyki [Some characteristics of traditional Japanese music]. *Problemy muzykoznanii: stat'i molodykh muzykovedov* [Problems of musicology: article young musicologists]. Novosibirsk, 2000, pp. 34-45. (In Russ.).
7. Leskova T.V. Kompozitorskii fol'klorizm na Dal'nem Vostoke Rossii. Ch. 1. Stanovlenie i razvitie [Composer folklorism in the far East of Russia. Part 1. The formation and development]. Khabarovsk, Khabarovskii gosudarstvennyi institut iskusstv i kul'tury Publ., 2014. 164 p.
8. Meshcheriakov A.N. Vneshnii faktor v kul'ture Iaponii [External factor in the culture of Japan]. *Aziia - dialog tsivilizatsii* [Asia - dialogue of civilizations]. St. Petersburg, Giperion Publ., 1996, pp. 17-56. (In Russ.).
9. Poluektova O.V. Kitaiskaia dvortsovaia muzyka epokhi Tan iz iaponskikh istochnikov (strukturno-analiticheskii aspekt). Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniia [Chinese Palace music era of the Tang from Japanese sources (structural-analytical aspect). Author's abstract of diss. PhD of Art History]. Novosibirsk, 1999. 20 p. (In Russ.).
10. Sisauri V.I. Rol' kontinental'nykh zaimstvovaniy v formirovani natsional'nogo stil'ia iaponskoi muzyki [The Role of continental borrowing in the formation of the national style of Japanese music]. *Traditsii muzykal'nogo iskusstva i muzykal'naia praktika sovremennosti* [Tradition of the art of music and musical practices of modernity]. Leningrad, LGITMIK Publ., 1981, pp. 127-143. (In Russ.).
11. Sisauri V.I. Tseremonial'naia muzyka Kitaia i Iaponii [Ceremonial music of China and Japan]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2008. 292 p. (In Russ.).

УДК 778.5

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В. ШУКШИНА И М. ШОЛОХОВА В КИНЕМАТОГРАФЕ

Тюрин Юрий Петрович, доктор искусствоведения, профессор кафедры операторского мастерства, Академия медиаиндустрии, ведущий научный сотрудник НИИ киноискусства, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова (г. Москва, РФ). E-mail: k_redactor@mail.ru

Два больших художника и две культовые фигуры В. Шукшин и М. Шолохов окружены аурой легендарности. В их творчестве отражены проблемы осмысления духовных основ народной жизни, отношений личности, власти и народа. Научная ценность настоящей статьи состоит в том, что автор обращается к малоизученной теме их взаимоотношений. Исследователи творчества Шукшина почти не отмечали духовную близость двух выдающихся русских художников. В статье рассматривается стремление Шолохова и Шукшина к высотам истины и нравственности, которые всегда сопровождали их гражданскую и художественную жизнь. Используя сравнительно-типологический и биографический методы, автор статьи выявляет нравственные и творческие источники великих мастеров, их типологическое соотношение в поэтике и эстетике. Оба – и Шукшин, и Шолохов – вышли из толчи народа и до последнего вздоха оставались певцами родного народа, говорили с ним на одном языке. В своей творческой эволюции они продемонстрировали схождение от бесценного накопления бытовых подробностей казачье-крестьянской жизни своих персонажей к высотам всечеловеческих обобщений.

Автор статьи, основываясь на строго документальных данных, показывает, как пересекались параллельные миры Шукшина и Шолохова. При анализе темы «Шукшин и Шолохов» было установлено, что творческий диалог возникает на идейно-эстетическом уровне, затрагивающем общие уровни бытийственной проблематики. В их творчестве соединена предельная естественность с творческой изобретательностью, жизненная достоверность со смелым вымыслом. При этом в поле зрения исследователя попадает преимущественно одна область культуры – кино.

Ключевые слова: традиция народного правдоискательства, духовное и нравственное воздействие, летописец, казачество, крестьянство, воля, правда характера.

THE QUESTION OF TYPOLOGICAL RELATIONSHIPS V. SHUKSHIN AND M. SHOLOKHOV IN CINEMA

Tyurin Yury Petrovich, Dr of Art History, Professor of Department of Operator Skill, Academy of Media Industry, Leading Researcher of Research Institute of Cinema, S.A. Gerasimov All-Russian State Institute of Cinematography (Moscow, Russian Federation). E-mail: k_redactor@mail.ru

History and modernity are the main contents of the creative heritage of Sholokhov and Shukshin. Imagery of their works confirms the idea of the inexhaustible spiritual, moral and physical potential of the people. The article considers the spiritual ascent of Sholokhov and Shukshin to the heights of the Truth and Morality, which always accompanied their civic and creative life. It is important to identify moral and creative sources of the great Masters while conceptualization of their national life foundations to define their mission as arbiters of fate of the Russian literature and cinema. The history of their contacts in Shukshin's lifetime is partly idealized and mythologized Sholokhov in his stories in the late 1970s.

The relevance of this work is emphasized by the fact that interest in film creativity of V. Shukshin continues to occupy the minds of the representatives of Russian science. The scientific value of this article by the author, who is no stranger to the creativity of Shukshin, refers to a little known topic, Sholokhov and Shukshin. Researchers of the creativity of Shukshin were busy with other (important) problems, not noticing seemingly unimportant fact in the creative biography of Vasily Makarovich, what spiritual closeness united two outstanding Russian artists. First of all, it is necessary to indicate the profound national value of their creativity. Both, Sholokhov and Shukshin, came out of strata of people and to the last breath remained singers of the native people, spoke to them in one language, figurative and truthful. Sholokhov and Shukshin understand freedom as a possibility for an individual to live and develop in accordance with internal beliefs, principles, regardless of external conditions and foreign interests, foreign intervention in private life. The author of the article, strictly based on documentary data, shows how the parallel worlds of Sholokhov and Shukshin crossed. Herewith the field of view of the researcher falls mainly on one area of culture, cinema.

Keywords: tradition of folk search for the truth, spiritual and moral impact, chronicler, Cossacks, peasantry, will, true nature.

Жизнь и творчество В. Шукшина многими нитями связаны с фигурой М. Шолохова: начиная с эпизодов схождения начала кинематографического пути Шукшина в картине С. Герасимова «Тихий Дон» и кончины на съёмках картины «Они сражались за Родину» вплоть до взаимных оценок творчества. Об их личных взаимоотношениях, творческих связях, любви к «малой родине», схожести образов писали П. Глушаков, О. Левашова, Г. Павлюков. Общее и связующее в этих творческих личностях пытались найти Н. Толченова, В. Коробов. По замечанию Н. Стопченко, «основные координаты художественных миров М. А. Шолохова и В. М. Шукшина: правда, добро, красота – постоянны. Они пропускали через свое сознание болевые проблемы истории и современности, судьбы людей с мятущимися, ищущими Истину душами» [2, с. 123]. Проблема взаимодействия двух мастеров также интересует автора данной статьи [3].

Промыслительно, что Шукшин-кинематографист начинался и завершился Шолоховым. Впервые как актер Шукшин, тогда студент ВГИКа, выступил в крошечном эпизоде в финале второй серии «Тихого Дона» С. Герасимова. Он изобразил выглядывающего из-за плетня матроса в тельняшке. Роль эпизодическая, даже микроскопическая. Как известно, Шукшин служил на Черноморском флоте радистом, а тельник был предметом его гордости.

Практически Шолохов стал автором в кинематографе со второй половины 1950-х годов, исключение составила довоенная «Поднятая целина» Ю. Райзмана (в 1931 году вышла картина И. Правова и О. Преображенской «Тихий Дон» – первая и во многом удавшаяся попытка экранизации романа М. Шолохова). В сознание миллионов, в сердца двух поколений, если брать в расчет участников Гражданской и Великой Отечественной войн, прочно вошли герои шолоховских про-

изведений, его вера в духовную силу человека, его глубокое сочувствие народному стремлению к правде, справедливому миростроительству. Вот почему столь живо, нетерпеливо откликнулись эти читатели – миллионы будущих зрителей – на известие о постановке в кино «Тихого Дона», вот почему так горячо принимали фильм – его ждали.

В середине 1950-х советский кинематограф переживает перелом. Тут-то и настал черед Шолохова. За ним была мощная традиция великой русской литературы, психологическая бездна Л. Толстого, традиция народного правдоискательства. Такой писатель не учил борьбе хорошего с лучшим. Точнее, лучшего – с хорошим, что прокламировал тогдашний кинематограф, что было и на страницах текущей прозы и драматургии. Шолохов попал в этот зазор вчерашнего кино и кинематографа нового, давшего результаты мирового значения. Для стыка кинорежиссуры с реальной жизнью народа его творения сыграли роль исключительной важности. Прямым результатом этого духовного и нравственного воздействия шолоховской правды явились экранизации «Тихого Дона» и «Судьбы человека». Последний фильм рывком продвинул кинопроцесс в целом.

В картине «Они сражались за Родину» зрители увидели последнюю большую актерскую работу Шукшина. Он играл броневойщика Лопехина, вчерашнего шахтера, неунывающего остролиста, надежного товарища. «Личное знакомство с Шолоховым изменило его представление не только о писательском труде, но и об искусстве и о жизни», – напишет С. Бондарчук о Шукшине [1, с. 193]. А сам актер тогда, в период съемок на Дону, говорил: «К тому же проза Шолохова – это проза Шолохова: ее всегда легко работать. Может быть, не так сказано... Есть радость от общения с правдой. У Шолохова все по-народному точно» [5, с. 186].

Лопехин воюет зло, убежденно, яростно. Это ему в лицо бросила горький упрек, прозвучавший проклятием, старуха-казачка (работа мхатовской актрисы А. Степановой): «Сколько можно отступать, когда же армия защитит, не даст в обиду свой народ?». И Лопехин, с обиженным, расстроенным лицом даже не возражает – да, немцы пока сильнее, жмут... Но когда свой брат солдат, да еще дружок закадычный, Стрельцов сетует на отступление, Лопехин напористо возражает. Науке ненависти Лопехин сполна

обучился за эти тягостные, кровавые дни отхода полка к переправе через Дон. Врага он встречает беспощадным огнем, из своего ПТР сбил даже немецкий самолет. Такой солдат непобедим. А на марше, на кратком отдыхе, в минуты затишья преобразается Лопехин. То в медсанбате на военврача засмотрится, то подшутит над поваром: надоела постная каша! То за солью для вареных раков на хутор в момент сбегает, то «сдобную» казачку попытается «приручить». Шукшин виртуозно, молниеносно – а такое дается только талантливому актеру – переходит из одного психологического состояния в другое. Роль расцвечена оттенками. Характер Лопехина лепится у зрителя на глазах, и мы истинно наслаждаемся искусством замечательного перевоплощения.

Эта роль – двадцать третья в послужном списке Шукшина-актера. Формально последней актерской работой могла стать двадцать четвертая роль провинциального драматурга Феди в картине Г. Панфилова «Прошу слова». На 9 октября 1974 года на «Ленфильме» была намечена съемка эпизода с участием Шукшина. Эту съемку пришлось отменить. Шукшин внезапно скончался в ночь с 1 на 2 октября 1974 года от острой сердечной недостаточности. Ему пошел всего-навсего сорок шестой год. Он умер в каюте теплохода, на котором размещалась съемочная группа фильма «Они сражались за Родину». Умер на Дону-батюшке, великой реке Шолохова.

Можно сказать, что 1974 год прошел для Шукшина под знаком Шолохова. В июне месяце участники съемочной группы фильма – С. Бондарчук, Ю. Никулин и В. Шукшин – побывали в станице Вешенской в гостях у Михаила Александровича. Встреча произвела глубокое впечатление на Шукшина. Есть фотография: за чаепитием Шолохов с гостями, в руках стопочка с домашней наливкой. Шукшин сидит рядом с хозяином. Вид у Шолохова больной, тому была серьезная причина.

Писатель был готов работать над рукописью трилогии – да-да, трилогии – «Они сражались за Родину». Будущий роман целиком сложился в голове творца, трилогия захватила бы и 1941 год, и ход Сталинградской битвы, в которой принимали бы участие герои уже напечатанных глав: и Лопехин, и Звягинцев, и Стрельцов. Особое место в замысле отводилось старшему брату Стрельцова – генералу, прототипом которого служил бы

Михаил Федорович Лукин, герой Смоленского сражения, жертва сталинского произвола. Но вот в канун шолоховского 70-летия в Париже вышла книга Д* «Стремя “Тихого Дона” (загадки романа)», где отвергалось авторство Михаила Александровича. В который уже раз писатель объявлялся «фикцией» и «мифом». Книгу сопровождали предисловие и послесловие А. Солженицына, поддержавшего исследование Д*. Тогда на Западе высланный из Советского Союза Александр Исаевич пользовался завышенным авторитетом. Зачем Солженицын посягнул на Шолохова? Из литературной зависти? Шолохова поразил инсульт. Больше ничего не смог он сочинить. Бондарчук и Шукшин своим приездом и встречей нравственно поддержали больного писателя. Через месяц, еще находясь под впечатлением посещения Вешенской, Шукшин говорил корреспонденту «Литературной газеты» Г. Цитриняку: «Я тут сказал бы про свое собственное, что ли, открытие Шолохова. Я его немножко упрощал, из Москвы глядя. А при личном общении для меня нарисовался образ летописца. <...> Шолохов лишний раз подтвердил, что не надо торопиться, спешить, а нужно основательно обдумывать то, что делаешь. Основательно – очевидно, наедине, в тиши... <...> Надо, наверное, прекращать заниматься кинематографом. Для этого нужно осмелеть и утвердиться в мысли, что литература – твое изначальное и главное дело. Я как-то не могу еще отважиться... <...> Я под обаянием встречи с Шолоховым – всё вам говорю» [5, с. 184–185].

Из кинематографа Шукшин бы не ушел. Более того, той осенью 1974 года Василий Макарович получил долгожданное разрешение на запуск на «Мосфильме» своей двухсерийной исторической картины «Степан Разин». Сценарий и киноман «Я пришел дать вам волю» (киноман – термин самого автора, он так и говорил: «Я пишу киноман») киноведческая наука вправе рассматривать и как факт киноискусства. Ибо итогом многолетней, не останавливающейся работы над образом Степана мыслился именно эпический, масштабный фильм. Для Шукшина картина его о народном вожде была в главнейших своих чертах ясна и определена.

Разумеется, в ходе съемок Шукшин, как это не раз бывало с ним, вносил бы в режиссерскую разработку некоторые коррективы, что-то на ходу

придумывал, уточнял, но общее направление замысла, движение характера Степана, развитие образов его сподвижников было выбрано твердо, проверено годами раздумий. В круг размышлений Шукшина были вовлечены и его друзья и единомышленники – оператор А. Заболоцкий, актеры В. Санаев, Г. Бурков, Е. Лебедев, И. Рыжов, писатель В. Белов, которые затем повторили все, что успел сказать о будущем фильме Шукшин.

Несомненно, Шукшин искал в истории русской характер сугубо героический, активный, сочный в своих жизненных проявлениях, искал широкую, нерастрченную душу. И вот этот-то поиск является ценнейшим уроком для нынешнего киноискусства, для современного исторического фильма.

Киноман «Я пришел дать вам волю», соотносясь со всем творчеством Шукшина-писателя, занимает в нем, этом пестром и шумном мире, все-таки особое место. Дело даже не в масштабности формы, тоску по которой, как отмечали некоторые биографы и критики Шукшина, он чувствовал в последние годы. Вспомним здесь, что сценарий Шукшин напечатал еще в 1968 году, когда жанр рассказа его, прозаика, как будто несколько не ограничивал, и рассказы эти публиковались достаточно регулярно.

Видимо, особенность киномана и заключается в самом выборе главного героя, натуры незаурядной и незаурядность свою реализовавшей в конкретности исторического деяния. Под категорию шукшинских «странных людей» Разин, очевидно, подпадает; только этого определения мало. Иные «коленца» героев шукшинских рассказов объясняли действием бешенства, что кипит в озлобленной душе. Бешенство же Степана иного рода – это святая ярость народного заступника, великой души, не серой. Бунт Разина глубоко осмыслен, взлет его духа согласен с правдой народа, поправление несправедливого закона оборачивается высшей законностью. Шукшин подчеркивал: «Разин... Почему я так привязался к этой фигуре? В Разине я вижу средоточие национальных особенностей русского народа, вместилища в одну фигуру, в одну душу» [5, с. 174].

У меня нет прямых свидетельств непосредственного влияния Шолохова на Шукшина – автора романа «Я пришел дать вам волю». Но позволю себе высказать гипотезу, достаточно научную:

каким-то образом Шолохов (на уровне подсознания?) оказывал творческую помощь Шукшину, пусть скрытую, не явную, шепотом.

Первое. Под пером Шукшина донские казаки выглядят как военное сословие, это часть родного народа, вольнолюбивая порода. Взгляд на казачество как уникальное явление исторической жизни Руси совершенно шолоховский. В «Тихом Доне» показана общенациональная трагедия: большевистская ненависть Свердлова и Троцкого к донцам привела в 1920 году к полному и беспощадному запрещению казачества. С кровью из тела России была вырвана эта вольнолюбивая порода.

Шукшин преданно любил свою «малую родину» – алтайское село Сростки: здесь он родился, здесь научился крестьянствовать, ценить красоту природы, отсюда вывел на страницы книг и на киноэкран немалую часть своих персонажей. Надо помнить, что Сростки – знаменитое на Катунь-реке старинное большое село – было аж с середины XVIII века казачьей станицей.

«Редко кому завидую, – писал Шукшин, – а завидую моим далеким предкам – их упорству, силе огромной... <...> Представляю, с каким трудом проделали они этот путь – с севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай» [5, с. 52].

Корни казачьи – они в Шукшине жили. Казаки – это целое сословие, прошедшее многовековой путь. Представление о Степане у Шукшина трагедийно-героическое. Силу образа мятежного атамана в художественной системе киноромана синтезируют правда характера и правда истории. Шукшин не любил слов «положительный герой». Но именно подлинным положительным героем и виделся ему Разин. Он не льстил своему любимцу. Просто понимал сущность характера этой крупной исторической фигуры, олицетворявшей в жизни своего времени героическое начало, – при всех человеческих слабостях и недостатках Разин был идеальным героем.

Одна из сцен в романе. Степан, не совладав с собой, решает убить вестника дурных вестей, а потом истово кается: «*Братцы, срубите!* <...> *Не могу больше: грех замучает*» [4, с. 259].

Это же дословно из покаяния Мелехова, после того как казачий сотник рубит в капусту красный отряд. Та самая сцена, в которой снимался у Герасимова студент Шукшин.

Второе. Связь, союз казаков с крестьянством, мужиками. Как показан курень Мелеховых в «Тихом Доне»? Это – трудовые люди на родной земле. Григорий Мелехов – это «сеятель наш и хранитель». Центральная идея киноромана «Я пришел дать вам волю» – Разин как крестьянский заступник. «Почему мне хочется сделать этот фильм? – разъяснял Шукшин. – Не разъезжается ли он с постоянной моей тематикой? Я думаю, что нет, потому что Степан Разин – это тоже крестьянство, но только триста лет назад. Почему эта фигура казачьего атамана выросла в большую историческую фигуру? Потому что он своей силой и своей неумностью, своей жалостью даже воткнулся в крестьянскую боль» [5, с. 173–174]. И далее: «Но почему же один так прочно пойман народной памятью? Потому что он неким образом ответил вот той крестьянской боли. <...> Отсюда он у меня и появился как яркий, неповторимо яркий, сильный, вольный, могучий заступник крестьянства» [5, с. 174].

Измену мужикам при неудачной осаде Симбирска кинорежиссер оценивает как роковую ошибку Разина, приведшую к исторической трагедии – гибели восстания и к трагедии самого атамана – его четвертованию. Смерть Степана – это искупление его тяжкой вины перед народом, перед крестьянством. Кстати, в своем романе Шукшин делает Разина крестьянским сыном – его отец, Тимофей Разя, был беглым холопом из воронежских краев. Значит, Степан был истинным сыном тихого Дона.

Итак, и Шолохов, и Шукшин, став выразителями духовных исканий русского народа, в своем творчестве продемонстрировали художественную смелость и гражданское мужество в создании русского национального характера. Их книги и фильмы, вобравшие в себя все народные печали и надежды, продолжают оставаться на службе духовного возрождения России.

Литература

1. Бондарчук С. Первородство // О Шукшине: Экран и жизнь. – М.: Искусство, 1979. – С. 191–212.
2. Стопченко Н. И. М. А. Шолохов и В. М. Шукшин: творческие связи // Шолоховские чтения. – Ростов н/Д., 1992. – С. 122–137.

3. Тюрин Ю. П. Перспектива памяти. – М.: Материк, 2004. – 149 с.
4. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. – Барнаул, 2009. – Т. 4. – 468 с.
5. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. – Барнаул, 2009. – Т. 8. – 536 с.

References

1. Bondarchuk S. Pervorodstvo [The Primogeniture]. *O Shukshine: Ekran i zhizn [On Shukshin: Screen and life]*. Moscow, Art Publ., 1979, pp. 191-212. (In Russ.).
2. Stopchenko N. I. M.A. Sholokhov i V.M. Shukshin: tvorcheskie sviazi [M.A. Sholokhov and V.M. Shukshin: Creative communication]. *Sholokhovskii chteniia [Sholokhov readings]*. Rostov-on-Don, 1992, pp. 122-137. (In Russ.).
3. Tiurin I.P. Perspektiva pamiati [The Prospect of memory]. Moscow, Continent Publ., 1979. 149 p. (In Russ.).
4. Shukshin V. M. Sobranie sochinenii. V 8 t. [Collected Works in 8 vol]. Barnaul, 2009, vol. 4. 468 p. (In Russ.).
5. Shukshin V. M. Sobranie sochinenii. V 8 t. [Collected Works in 8 vol]. Barnaul, 2009, vol. 8. 536 p. (In Russ.).

УДК 008

РЕЦЕПЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Тюлюнева Анна Ивановна, соискатель, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: annxen2007@rambler.ru

В настоящей статье рассматривается художественная литература эпохи постмодерна на предмет рецепции средневекового искусства. Автором делается предположение о том, что в силу современного эстетического предпочтения и господствующих культурологических концепций время традиции в художественной литературе давно исчерпано. Сегодня появляются мотивы инноваций внутри традиции: это – особая форма диалога, точнее, полилога культур. Постмодернистский язык повествования все превращает в игру, где возможны разнообразные варианты. На пути создания художественного текста осуществляется диалог разных эстетических направлений. Рожденные таким образом тексты изобилуют диссонансами, противоречиями, разнообразными стилистическими элементами. Рецепции средневекового искусства в художественной литературе наблюдаются в жанрах, формах, стилистике и ассоциативных элементах. В этом проявляется инстинкт самосохранения культуры, через синтез и возврат к прошлому.

Забытые средневековые литературные жанры сегодня в культуре постмодерна обретают второе дыхание. Авторы, работающие в подобных направлениях, по-новому раскрывают их содержание, вкладывают иное культурологическое значение. Возникающие рецепции отдаленной эпохи в художественной литературе последней трети XX – начала XXI века имеет смысл констатировать и актуализировать. Исследованный материал в области художественной литературы последней трети XX – начала XXI века на предмет рецепций средневекового искусства выбран относительно случайно. Очевидно, что «за кадром» осталось множество рецептивных примеров, восходящих к поэтике Средневековья и реминисценциям элементов культуры давно ушедшей эпохи. Однако проведенный обзор и анализ отдельных произведений вполне достаточен, чтобы констатировать наличие рецепций средневекового искусства. Жанры средневековой литературы весьма просты по художественному языку, но достаточно глубоки по своему внутреннему содержанию – это, может быть, то, что весьма необходимо охваченному жизненной суетой современному читателю.

Ключевые слова: рецепция, художественная литература, постмодернизм, эпоха Средневековья.

THE RECEPTIONS OF MEDIEVAL ART IN LITERATURE IN THE LAST THIRD OF XX - BEGINNING OF XXI CENTURY

Tyuleneva Anna Ivanovna, Applicant, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: annxen2007@rambler.ru

This paper reviews the literature of the postmodern age, on the subject of reception of the medieval art. The author assumes that due to modern aesthetic preferences and prevailing cultural concepts of time, traditions in literature have long been exhausted. Today's motives of innovations are based within tradition: this is a special form of a dialogue, or even a polylogue of cultures. The narrative postmodern language turns everything into a game in possible various ways. A dialogue of different aesthetic directions goes towards the creation of a literary text. Born this way lyric is full of dissonances, contradictions, and variety of stylistic elements. The reception of medieval art in literature is seen in genres, forms, style and associative elements. It reflects the instinct of self-preservation of culture through the synthesis and return to the past. The forgotten medieval literary genres gain a second wind in today's postmodern culture. Working in similar directions, in new ways that reveal their contents, the authors create a different cultural value. The reception of a distant epoch emerge in the literature of the last third of XX - beginning of XXI century, and it makes sense to acknowledge and actualize them. The studied material in the field of artistic literature of the last third of XX - beginning of XXI century on the subject of the reception of medieval art is chosen relatively randomly. It is obvious that behind the scenes there is a set of receptive examples dating back to the poetics of the Middle Ages and the reminiscences of the cultural elements of a bygone era. However, the review and analysis of individual works is sufficient to ascertain the presence of the reception of medieval art. Genres of medieval literature are very simple in artistic language but rather deep in their inner content, perhaps, what is rather necessary to the modern reader covered by the bustle of life.

Keywords: reception, fiction, postmodernism, the era of the Middle ages.

Художественная литература последней трети XX – начала XXI века, обогащенная семиотическим языком повествования и интертекстуальными открытиями, вынуждена вести рецептивный диалог с эпохой Средневековья. Настоящее художественной литературы – это эхо прошлого, поскольку, как говорил У. Эко, «раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности» [10, с. 461]. Время традиции в художественной литературе давно исчерпано и подошло к своему логическому завершению. Сегодня возникают мотивы инноваций внутри традиции, но в особой форме диалога, точнее, полилога культур. Художественный язык повествования формируется посредством постмодернистских литературных явлений, таких как: «осознанная цитатность, интертекстуальность, использование гетерогенных элементов различных семиотик, принцип ризомы, отстранение посредством языковой маски, ирония, метаязыковая игра, организующая роль ритма, занимательность/развлекательность и одновременно суперинтеллектуализм/сверхэрудированность» [9, с. 60].

Одновременно постмодернизм не брезгует ничем, даже литературным штампом, разговорным жаргоном, неприемлемыми для художественной литературы оборотами, которые в другие эпохи осознанно пренебрегались и обесценивались. Постмодернистский язык повествования все превращает в игру, где возможны разнообразные варианты: «постмодернисты сочленяют языки разных эпох и культур, обыгрывают стереотипы восприятия жизни» [7, с. 160]. На пути создания художественного текста осуществляется диалог разных эстетических направлений. Рожденные таким образом тексты изобилуют диссонансами, противоречиями, разнообразными стилистическими элементами. Рецепции средневекового искусства в художественной литературе наблюдаются в жанрах, формах, стилистике и ассоциативных элементах. В этом проявляется инстинкт самосохранения культуры, через синтез и возврат к прошлому. Забытые средневековые литературные жанры сегодня в культуре постмодерна обретают второе дыхание. Среди них жанры притчи, жития, многообразные комментарии и словари и даже плутовской роман, переживший, как извест-

но, фазу своего расцвета в эпоху Ренессанса, но зародившийся во времена Средневековья. Авторы, обращающиеся к названным литературным жанрам-формам, по-новому раскрывают их содержание, вкладывают в них иное культурологическое значение.

К примеру, евангельский жанр притчи, унаследованный от эпохи Средневековья, в художественной культуре нашего времени эволюционировал и достаточно преобразился: «притча – эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме» [6, с. 808]. Назидательный рассказ, заключающий в себе нравственное поучение (премудрость), сегодня оказался в центре пристального внимания литературы. Об этом пишется множество статей, исследований, аннотаций к российским и зарубежным изданиям. Типологические черты жанра притчи широко представлены в современном романе, повести или других жанрах прозы, поскольку в чистом виде притчи как жанра в наше время не существует.

Писателей эпохи постмодерна настоящий жанр привлекает своей направленностью к «первоосновам человеческого существования», в доступной, не откровенно назидательной форме повествующий о смысле жизни, честности, добродетели, верности и других основополагающих ценностях. Среди авторов эпохи постмодерна, работающих в данном жанре можно назвать Марину Сазонову с книгой «Сказки, истории, притчи» (1996), Светлану Богданову с повестью «Последняя притча» (1998), Алексея Цветкова, который относит к жанру притчи собственный текст «Подмосковные ангелы» из второго сборника «Сиди-ромов».

Замысел рассказа «Семь колечек из булочной» Ильи Бражникова возник под влиянием аллегории из книги «Пять шагов ко Христу» архиепископа Серафима (Звездинского), погибшего в 1937 году. Крупин Владимир Николаевич использует жанровые признаки притчи в рассказах последнего времени в сборнике «Прошли времена, остались сроки» (2005), рассказ «Спаси и спасешься». Среди более старшего поколения, можно перечислить следующих авторов: Дмитрий Гайдук, Николай Байтов, Саша Соколов и многие другие.

В греческой Библии притчи называются паремиями. «Паре» – «при», «мия» – «путь», значит, «припутное», «при пути», то есть изречение, которое руководит человеком на жизненной дороге. В средневековые времена притча научала, вдохновляла, наставляла, наделяла мудростью и несла глаголы жизни, посредством этического экзистенциального, философского смысла. В культуре заимствования писатели, обращающиеся к данному жанру, соотносят героев в масштабную общезначимую ситуацию этического выбора: не только научают и наставляют, но временами отрезвляют, напоминают, проводя параллель между событиями былых времен и теми, что описаны в современных произведениях.

Словосочетания «Роман-притча», «повесть-притча», «сказка-притча», «современная притча», «страшная притча» и многие другие можно сегодня встретить в предисловиях и послесловиях к изданиям произведений таких несхожих писателей, как У. Голдинг, Р. Бах, П. Брюкнер, С. Кинг. Современный жанр притчи или жанр «новой притчи» как ее называют современники, работающие в данном литературном направлении, создают тексты, эклектичные по генезису, но очень ценные по результатам. По мнению литературного критика Юлии Качалкиной, «притча помогает быть медленнее в скоростном мире, а следовательно – быть глубже и умнее» [4, с. 194].

Житие или агиография (греч. «*hagios*» – святой, «*grapho*» – пишу) – «один из основных эпических жанров церковной словесности, расцвет которого пришелся на Средние века. Объект изображения жития – подвиг веры, совершаемый историческим лицом или группой лиц (мучеников веры, церковных или государственных деятелей)» [6, с. 268]. Сегодня факт обращения к жанру жития в художественной культуре эпохи постмодерна выглядит рецепцией средневекового искусства, поскольку настоящему исследователю он любопытен как явление в структуре светской художественной литературы, а не религиозной, в которой он органично существовал и существует.

Среди европейских авторов, обращавшихся в художественной литературе к агиографическому жанру, можно назвать Кристиана Бобена «Всесмирнейший» (1992), Фредерика Тристана «Загадка Ватикана» (1997) и Франсуа Купри «Глаз Цыгана» (2000), что свидетельствует о возрождении и явном интересе современных авторов

к данному стилю повествования. Обозначенные произведения не принадлежат к религиозной литературе, а имеют светскую художественную, жанрово-повествовательную направленность.

В качестве примера можно привести сюжет романа «Загадка Ватикана» Ф. Тристана, представляющего собой особого рода интеллектуально-детективное повествование. В центре событий – странный манускрипт, найденный в библиотеке Ватикана, якобы древняя рукопись «Жития святого Сильвестра», открывающая неизвестную страницу раннего христианства, которая оказывается в результате гениальной подделкой, сработанной мастерами интриг – венецианцами. Изучать и перевести эту рукопись папа поручил группе доверенных лиц и в том числе канонику Тортелли, монсеньеру Караколли, профессорам Стэндапу и Сальве. Последний был еще и детективом-любителем. Попытка выяснить возникновение фальшивки ведет к череде убийств, обнаружению разветвленной шпионской сети и к срыву покушения на Папу Римского, когда тот навещает главного раввина Рима. Сама же рукопись оказывается шифром, содержащим имена нацистов, спасенных католической церковью после Второй Мировой.

Сюжет, как и положено детективу, конспирологический. Где же здесь агиография? Герои романа читают древнюю рукопись – текст в тексте. Она начинается как благостное агиографическое житие, в котором понемногу начинают появляться явно глумливые нотки, затем житие постепенно превращается в плутовской роман, а ближе к финалу становится неприкрытой сатирой на Церковь как организацию. В процессе развития драматургии происходит своеобразная жанровая модуляция¹, в результате которой сюжетные ходы произведения находятся на периферии читательского интереса и представляют скорее издевательство автора над сюжетами конспирологических романов. Основной смысл несет сама фальшивая рукопись. Те, кто хоть раз читал агиографические описания жизни святых или знаком с плутовскими романами, может оценить насколько удачна авторская стилизация. Споры о подлинности или

поддельности рукописи актуализируют проблему жанровых признаков агиографии, благодаря чему создается изящная стилизация средневековой агиографии и одновременно – ее деконструкция.

Е. Егорова, заимствуя термин С. Н. Бройтмана «жанровая модальность», выдвигает по аналогии понятие «агиографическая модальность», которое «подразумевает проникновение черт агиографических произведений в современные прозаические (а иногда и в поэтические) произведения». На примере довольно большого числа произведений XX века она наблюдает, как агиография влияет на поэтику романа, как видоизменяются под ее влиянием персонажи, как появляются нехарактерные для современной литературы повествовательные приемы.

Среди отечественных писателей эпохи постмодерна, обращавшихся к жанру жития в литературе, можно назвать Владимира Крупина – создателя таких произведений, как «Великорецкая купель», «Святые Русской земли» (2003), которые имеют явные признаки житийных повествований. В его главных героях есть что-то от мудрости православных святых.

Жития, как правило, крайне скудны в точном описании конкретных исторических фактов, сама задача агиографа не располагает к этому: главное – показать путь святого к спасению и дать благочестивому читателю еще один образец. Именно в таком направлении ведет свою праведную и покаянную жизнь главный герой повести «Великорецкая купель» Николай Иванович Чудинов. Культ смирения и подвижничества создают специфический художественный стиль писателя, который очень напоминает тон житийного повествования.

В. Крупин, будучи глубоко верующим человеком, в своих произведениях выражает мысль о том, что именно православная вера, отталкивающая «западные» ценности, может спасти нашу страну. Сочувственная, умиротворенная тональность большинства произведений Крупина, особый вкус к народной речи, фольклору, ведущий к восхвалению традиционных семейных добродетелей и покаяния как пути к православию. «Мне кажется, литература, которая не говорит о Боге, – бесполезна. Литература должна вводить если не в храм, то хотя бы в церковную ограду», – говорит В. Крупин [8].

¹ Термин «жанровая модуляция» использован по аналогии с термином В. П. Бобровского «композиционная модуляция», который он применял к сходным процессам в области музыкального формообразования.

Особую группу произведений составляет детская литература, которая сейчас представляет ответвление житийного жанра и активно развивается в данном направлении. Появились адаптированные для детей жития святых. Например, про местночтимого св. старца Феодора Томского существует помимо канонического жития, также жития, обработанные авторами: например, С. В. Фоминым «Святой праведный Феодор Томский», С. В. Татаркиной «О дивном старце, стороне Сибирской и о людях добрых», Ю. А. Успеневой «Благословенный старец». Причину популярности жанра жития нужно искать в самой его сути – житие помогает разяснить нечто сокровенное, зачастую неподвластное воображению. И создает оно это как бы вскользь, косвенно – на страницах возникают библейские идеи христианских добродетелей, порой ассоциативным способом. Подобный абстрагирующий характер весьма свойственен художественному искусству постмодерна, объектом абстрагирования становятся культурные накопления исторической эпохи (см. [9, с. 62]).

Другой эстетической рецепцией средневекового искусства в художественной литературе постмодерна можно считать появление множественного числа комментариев, заметок, которые в эпоху Средневековья были очень распространены. Очевидно, что применение, значение и функциональность данного заимствования весьма отличны, тем не менее, пространство настоящей и давно ушедшей эпохи вмещает в себя данное явление, на уровне диалога культур.

Жанр комментариев традиционен для философской литературы эпохи Средневековья. В форме комментариев была создана большая часть средневековых сочинений. Культура того времени определялась теоцентрической традицией, следовательно, комментарии создавались, прежде всего, для интерпретации священного писания и откровений. Позже вошли в практику комментарии философских и религиозных повествований. В области философского творчества, также как в религии, отдавалось предпочтение авторитету, высказыванию, освященному традицией, перед мнением, изложенным от своего лица. Философское мышление Средних веков было ретроспективным, обращенным в прошлое. Для средневекового сознания «чем древнее, тем подлиннее, чем подлиннее, тем истиннее».

В современной традиции комментарий реализуется в качестве литературного приема, а не жанра, выполняет пояснительную функцию. Автор, во избежание полного или частичного недопонимания текста читателем, помещает на страницах текста комментарии, в которых разъясняет читателю свой замысел. Естественно, в данной ситуации автор «обезличивается», вступает в прямое речевое обращение с читателем, сбрасывает так называемую «авторскую маску». Согласно Ю. Кристевой, «комментарий в контексте постмодернистского дискурса представляет собой фено-текст, фено-тип, то есть то, что зафиксировано в тексте» [5, с. 83]. Не редко встречаются комментарии к другим примечаниям.

Обратим внимание на жанр средневекового словаря, в котором описывалось множество явлений, природных тайн и загадок. Для средневекового монаха, который постигал знания и тайны мироздания, словари служили своего рода энциклопедиями. В эпоху Средневековья был весьма распространен данный вид книг, существовали наиболее известные авторские словари – ни одна средневековая библиотека не могла существовать без подобных изданий.

Современный роман-лексикон Милорада Павича «Хазарский словарь» (1983) представляет рецепцией средневекового искусства в художественной культуре постмодерна. Роман построен как последовательность трех книг – красной, зеленой и желтой, – в которых соответственно представлены «три монотеистические религии (христианство, ислам, иудаизм)» [2, с. 38]. Роман построен как гипертекст, так как в нем имеется основательное количество ссылок. Одновременно текст крайне философски насыщен. Книга содержит большое количество религиозной мудрости, повествований и притч, где раскрываются загадки человеческого существования.

Рассмотрим рецепции средневекового искусства в художественной литературе последней трети XX – начала XXI века, заключающиеся непосредственно в художественном плане. Мирощущение средневекового человека складывалось из двух миров: естественного, в котором проживал человек, где с ним что-то случалось, и символического как знака присутствия Бога. Средневековый символизм создавал совокупный порядок бытия: во всех сферах культуры и искусства

эпохи применялся язык символов и аллегорий. В эпоху постмодерна подобный язык повествования возвращается, поскольку постмодернистская эстетика плюралистически направлена и весьма онтологична. Яркий пример тому – поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» (1970), в которой весьма наглядно просвечиваются различные диалоги со средневековым символизмом. Автор определил свое произведение как поэму, хотя по стилю и жанру это проза.

Во-первых, главный герой Венечка Ерофеев – не сам автор, а его экзистенциальный герой, наделенный авторским мировосприятием, жизненный путь которого сравним с самоистязанием и страданием юродивого, «ассоциируется с жизнью и смертью Христа» [7, с. 179]. Постмодернистский пример смирения и кротости, в оформлении безобразной эстетикой нищенства, соседствует с ассоциацией средневекового мученичества. Невольно вспоминается библейский текст, являющийся средневековым принципом бытия: «страдающий плотью, перестает грешить». Однако страдания главного героя, его бесконечное пьянство в тексте описывается едва ли не как религиозный акт, ритуал, «особенно откровенно ритуальность просвечивает в приготовлении коктейлей по рецептам Венечки. Духовный результат, вызванный ими, ассоциативно приравнивается к гиперболизированной кротости юродивого» [7, с. 179]. Примечательна смерть героя-автора, он как бы обезличивается, растворяется в тексте. Заканчивается история Венечки по-юродски вывернуто, напоминая средневековое распятие, «распятие совершилось ровно через тридцать дней после Вознесения» [3, с. 36]. Воскрешает его «белобрысая дьяволица», «блудница». Но после воскрешения опять следует распятие и уже всерьез. И что-то острое – шило или гвоздь – вонзается Венечке в горло. Не помогла молитва: «Господь молчал... И ангелы – засмеялись» [3, с. 127].

Во-вторых, сюжетная линия поэмы «Москва – Петушки» линейная, подобная средневековой концепции исторического времени: «рождение, второе пришествие и страшный суд». Связь двух миров в поэме – это исключительно средневековый эстетический принцип. Текст поэмы симметричен: «В первой части – Петушки – рай, ангелы, Господь, любимая женщина и ребенок. Во второй – Кремль – ад, чудовища, Сатана,

царь Митридат с ножиком, перерезанный пополам поездом человек, глумящиеся над ним дети» [7, с. 180]. Противостояние добра и зла как двух противоборствующих сил Бога и дьявола, разделенных согласно «Граду Земному» и «Граду Небесному» средневекового богослова Аврелия Августина. Петушки в поэме являются раем, это место, где не умолкают птицы ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Кремль ассоциируется с адом, где и находит смерть главный герой.

В-третьих, рецепция средневековой эстетики в данной поэме явно проявляется в числовой символике. В средневековых числовых представлениях мерилось все пространство, числовые основания определяли большинство философско-культурных рассуждений. Аллегии чисел автор текста использует в богословском контексте: «Действие поэмы происходит в пятницу (день казни Христа), во время 13-й (символ дьявольских сил) поездки Венечки в Петушки. Символом смерти становится буква «Ю», которую знал ребенок героя и которая как бы была его эмблемой» [7, с. 180].

Текст поэмы Венедикта Ерофеева непроизвольно отсылает наше мышление к эстетике Средневековья, заимствуя элементы прошлой эпохи, обогащая настоящую культуру. Символизм в эпоху Средневековья пронизывал все области жизни человека и культуру: люди не только говорили символами, но и иной речи не понимали. В этой связи многие авторы, в сотворении текста приближаясь к эстетике Средневековья, применяют символически-знаковый контекст в создаваемых произведениях.

Приведем пример ярко выраженного символизма – роман «Имя розы» известного постмодернистского автора Умберто Эко. Дочитав роман до конца, понимаешь, что название имеет символический контекст, а на память приходят символы розы в Средние века: роза – символ преклонения и пламенной любви, бесконечности и неба, девственности и целомудрия, роза символизировала небесное блаженство, Деву Марию и Иисуса Христа. Символом розы в романе наделяется неизвестная возлюбленная, которая единожды яркой пленительной любовью является в жизни Адсона, одного из героя романа, даря незабываемые минуты блаженства и счастья. Сам автор в заметках

на полях «Имени розы» по поводу названия романа оставляет следующий комментарий: «Заглавие “Имя розы” возникло почти случайно и подошло мне, потому что роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет: роза мистическая, и роза нежная жила не дольше розы, война Алой и Белой розы...» [10, с. 429].

Кроме того, рецепцией средневековой культуры в постмодернистской литературе можно считать цитату самого жанра средневекового романа. Сюжет в романе «Имя розы» разворачивается в Аббатстве средневекового монастыря, хранители которого пытаются разгадать тайну совершенного убийства, преодолевая множество приключений на своем пути. Более того, Эко закладывает в сюжет произведения библейское символическое пророчество из книги «Откровения» «О трех трубах», по плану которого происходят серийные убийства. Этот факт наделяет произведение современностью и в то же время отсылает нас в средневековое схоластическое представление. Эко, цитируя и комбинируя средневековые образы и идеи, обогащает культуру при помощи современных эстетических концепций.

Обратим внимание на фантастические элементы в художественной литературе постмодерна, достаточно широко применяемые в контексте реалистического повествования – это миф и магия. Современный автор намеренно отказывается от жизнеподобия и понятия мимесиса в сотворении художественного замысла, прославляя вымысел и чистое творчество, именуемое фабуляцией. Понятие «фабуляция», заимствованное из психиатрии, характеризуется как небылица, которую придумывает психически больной, чтобы обойти факты, о которых не знает или которые не желает принять. Фабуляция включает в реалистическое повествование фантастические элементы, такие как миф и магию, или элементы из популярных жанров, таких как научная фантастика. Все это изменяет традиционную структуру романа и роль рассказчика.

Вплетение в художественную канву или явление на страницах литературных произведений магии напоминает средневековое прошлое. Феномен воздействия магии на практику и жизнь человека, несмотря на осуждение отцов церкви, тревожил умы средневековой общественности.

В настоящее время возрожденное явление фабуляции приобретает широкое распространение. В связи с этим имеет смысл констатировать рецептивный характер в художественной литературе постмодерна. Это подтверждается появлением огромного количества современных жанровых разновидностей фантастической литературы, таких как приключения, фэнтези, фантастический реализм, апокалипсический реализм, научная фантастика и многие другие.

Суть фабуляции заключается в том, что берутся несколько подлинных фактов, на которых строится художественный сюжет, обогащенный вымыслом. В результате получается некое навязчивое видение, содержащее в себе черты реальные и абсурдные одновременно. Подобное можно встретить в художественной литературе эпохи Средневековья: рыцарский роман, героический эпос, волшебные сказки повествовали о фантастических действиях, героях, легендах. По мнению средневекового исследователя Жака Ле Гоффа, «происходит подлинное вторжение чудесного в ученую культуру» [1, с. 45]. Средневекового писателя не интересовала достоверность как таковая – она для него была лишь видимостью. Он был увлечен описанием бытийной структуры, увидеть которую можно было трансцендируя фактическим зрением.

В данной связи иллюстративен роман Владимира Сорокина «Теллурия» (2013), где представлено будущее Европы в средневековой раздробленности: никакого Евросоюза, Российской империи и увеличенной в полтора раза Москвы больше нет. Новое Средневековье по замыслу автора достаточно понятно и реально, узнаваемо и неузнаваемо, населенное кентаврами, маленькими людьми и великанами, крестоносцами и православными коммунистами, которых объединяет одно – поиск абсолютного счастья, которое приносит Теллурия. Подобно средневековому поиску Царства Божия на земле, в романе таавтологично все обращены к поиску теллура – наркотика, из которого изготавливают гвозди, забивают их в голову, что приносит счастье и эйфорию. Счастье – это гвоздь, забитый в мозг.

Владимира Сорокина на страницах «Теллурии», подобно средневековым писателям, не интересовала достоверность как таковая, поскольку он изобрел сюжет столь же фантастический,

сколь реальный. Рецептивный характер в романе представлен в сюжете так называемого нового Средневековья. Вымышленные персонажи приближаются к фабуляции и приравниваются к рецепции средневекового искусства. Все, «живущие» в романе, озадачены поиском абсолюта, смысла жизни, нахождением истины, которая приносит счастье.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что исследованный материал в области художественной литературы последней трети XX – начала XXI века на предмет рецепций средневекового искусства выбран относительно случайно. Очевидно, что «за кадром» осталось множество рецептивных примеров, восходящих к поэтике Средневековья и реминисценциям элементов культуры давно ушедшей эпохи. Однако проведенный обзор и анализ отдельных произведений вполне достаточен, чтобы констатировать наличие рецепций средневекового искусства.

В результате, важнейшей темой постмодернизма в искусстве становится проблема амбивалентности сознания, связи физической и духовной смерти. Отсюда возникает средневековый символизм как следствие темы ведущей начало с библейского сказания о грехопадении Адама и Евы. Средневековый символизм в постмодернистской художественной литературе достаточно широко распространен – символ и его загадка в художественном тексте погружает нас в образ отдаленного, средневекового мышления. След-

ствием этого можно считать возрождение литературных жанров Средневековья, таких как притча, житие, полюбившихся современным авторам и ставших широко распространенными. Сегодня на каждой полке книжного супермаркета в отделе художественной литературы можно найти сочинения данных жанров. Это не удивляет нас, но приближает к средневековой мудрости, которая господствовала изначально на страницах подобных романов и повестей. Жанры средневековой литературы весьма просты по художественному языку, но достаточно глубоки по своему внутреннему содержанию – это, может быть, то, что весьма необходимо охваченному жизненной суетой современному читателю.

Явление фабуляции в художественной литературе постмодерна, подобно средневековому рыцарскому роману или героическому эпосу, рассказывающим о фантастических действиях, героях, легендах, обращает нас к эстетике Средневековья и рождению рецепций средневекового искусства. Лабиринты смысла в литературе постмодерна подобны лабиринтам средневековых библиотек, весьма красочно описанных на страницах романа У. Эко «Имя розы», со своими загадками, зеркалами, дурманящими благовониями. Просвечивающиеся отблески средневековой эпохи на страницах художественной литературы постмодерна наглядно подтверждают научное предположение о рецептивном характере современного художественного творчества.

Литература

1. Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: пер. с фр. / общ. ред. С. К. Цатуровой. – М.: Прогрес, 2001. – 440 с.
2. Демина А. И. Византийская концепция знака в романе Милорада Павича «Хазарский словарь» // Вестн. СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 3–44.
3. Ерофеев В. Москва – Петушки: поэма. – М.: Интербук, 1990. – 128 с.
4. Качалкина Ю. Ойкумена сердца // Дружба народов. – 2003. – № 12. – С. 194.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – 458 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкин; Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. – М.: Интелва, 2001. – 1600 стб.
7. Нефягин, Г. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века: учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов. – Минск: Экопресс, 1997. – 231 с.
8. Русский писатель Владимир Крупин [Электронный ресурс] // Православие и мир. Ежедневное интернет-издание о том, как быть православным сегодня. – URL: <http://www.pravmir.ru/russkij-pisatel-vladimir-kрупin-video>.
9. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
10. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». – М.: Кн. палата, 1989. – 496 с.

References

1. Goff Zh. Srednevekovyi mir voobrazhaemogo [Medieval imaginary world]. Ed. S.K. Tsaturova. Moscow, Progress Publ., 2001. 440 p. (In Russ.).
2. Demina A.I. Vizantiiskaia kontseptsia znaka v romane Milorada Pavicha "Khazarskii slovar'" [Byzantine concept of character in the novel, Milorad Pavic "Dictionary of the Khazars"]. *Vestnik SSU [Bulletin of SSU]*, 2007, no. (55), pp. 3-44. (In Russ.).
3. Erofeev V. Moskva – Petushki. Poema [Moscow-Petushki. Poem]. Moscow, Interbuk Publ., 199. 128 p. (In Russ.).
4. Kachalkin Iu. Oikumena serdtsa [Oecumene heart]. *Druzhba narodov [Friendship of People]*, 2003, no. 12, p. 194. (In Russ.).
5. Kristeva Iu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, the word, the dialogue and the novel]. *Frantsuzskaia semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French semiotics from structuralism to post-structuralism]*. Moscow, 2000. 458 p. (In Russ.).
6. Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Ed. A.N. Nikoliukina. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences Publ., Intelvak Publ., 2001. 1600 col. (In Russ.).
7. Nefiagina G. Russkaia proza vtoroi poloviny 80-kh nachala 90-kh godov XX veka. Uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov vuzov [Russian prose of the second half of the 80's early 90-ies of XX century. The textbook for students of Philology faculties of universities]. Minsk, Ekonom-press Publ., 1997. 231 p. (In Russ.).
8. Russkii pisatel' Vladimir Krupin [The Russian writer Vladimir Krupin]. *Pravoslavie i mir. Ezhdnevnoe internet-izdanie o tom, kak byt' pravoslavnym segodnia [Orthodoxy and the World. Daily online edition on how be Orthodox today]*. (In Russ.). Available at: <http://www.pravmir.ru/russkij-pisatel-vladimir-krupin-video>.
9. Skoropanova I. Russkaia postmodernistskaia literatur. Uchebnoe posobie [Russian postmodern literature: Textbook allowance]. Moscow, Flint Publ., Nauka Publ., 2001. 608 p. (In Russ.).
10. Ieko U. Zametki na poliakh "Imeni rozy" [Field Notes "Name of the Rose"]. Moscow, Book Chamber Publ., 1989. 496 p. (In Russ.).

УДК 730(571.17)

ЧЕРТЫ ЭСТЕТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ КУЗБАССКОГО СКУЛЬПТОРА А. П. ХМЕЛЕВСКОГО

Ткаченко Людмила Анатольевна, кандидат искусствоведения, директор Института дополнительного профессионального образования, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ludmilatk@bk.ru

Ткаченко Андрей Викторович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: idpokemgyki@mail.ru

В статье рассматриваются произведения мелкой пластики кемеровского скульптора А. П. Хмелевского. Отличаясь многогранностью творческих устремлений, этот мастер, работавший на рубеже XX – начала XXI века, создал ряд значительных и глубоких по содержанию произведений, во многих из которых присутствуют черты постмодернизма. В статье приводится анализ нескольких работ А. П. Хмелевского, которые были представлены на его персональной выставке, посвященной 40-летию творческой деятельности, проходившей в Кемеровском областном музее изобразительных искусств в 2006 году. Постмодернизм – широкое культурное и художественное движение второй половины XX – первой трети XXI века, которое не находит однозначной оценки, являясь переходным этапом в истории духовного развития человечества. Его характерным признаком стало отсутствие большого стиля, а художественные достижения прежних эпох воспринимаются с иронией и превращаются в гротеск. Многие коллеги А. П. Хмелевского пошли в этих условиях по пути отхода от реализма и традиционных принципов изобразительного искусства. Не остался в стороне от этого процесса и сам

А. П. Хмелевской, при этом в его произведениях изображение человека и других объектов проявляется без существенных изменений и деформаций. Человеческая фигура является для художника главным объектом творчества. С особой силой яркая индивидуальная манера исполнения проявляется в произведениях мелкой пластики. Авторы статьи рассматривают произведения современного мастера в контексте эстетики постмодернизма, показывая, что ему удалось создать возвышенные и трагические образы, не меняя смысла этих понятий.

Ключевые слова: постмодернизм, эстетика постмодернизма, черты постмодернизма, скульптор, произведения мелкой пластики, индивидуальный творческий стиль.

POSTMODERN AESTHETICS FEATURES IN KUZBASS SCULPTOR A. KHMELEVSKIY'S CREATIVE HERITAGE

Tkachenko Lyudmila Anatolievna, PhD in Art History, Director of the Institute of Continuing Professional Education, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ludmilatk@bk.ru

Tkachenko Andrey Viktorovich, PhD in Art History, Associate Professor of Arts and Crafts Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: idpokemgyki@mail.ru

The article examines the work of A. Khmelevsky, Kemerovo small plastic sculptor. Featuring multifaceted creative aspirations, this master, who worked at the turn of X - beginning of XXI century, created a number of significant and profound in content products, many of which feature postmodernism.

The article gives the analysis of several works by A. Khmelevsky, which were presented at his solo exhibition dedicated to the 40th anniversary of creative career, held at Kemerovo Regional Museum of Fine Arts in 2006. Postmodernism, broad cultural and artistic movement of the second half X - the first decade of the XXI century, which finds no unambiguous assessment, is a transitional stage in the history of the spiritual development of the humanity. Its characteristic feature is the lack of great style and the fact that artistic achievements of the previous epochs are perceived with irony and become grotesque. Many of A. Khmelevsky's colleagues, in these circumstances, followed the escape routes away from the realism and the traditional principles of art. Khmelevsky did not become an exception of this process, however, in his works the image of man and other objects show no significant change and deformation. The human figure is the main object of the artist's creation. With special power, his bright individual manner of creation is manifested in the works of small plastic. The authors of the article study the works of the modern master in the context of postmodern aesthetics, showing that he managed to create sublime and tragic images, without changing the meaning of these concepts.

Keywords: post-modernism, post-modernism aesthetics, postmodern traits, sculptor, small plastic works, individual creative style.

Период творческой жизни А. П. Хмелевского приходится на последнюю треть XX век – начало XXI века. Многие искусствоведы и теоретики искусства отмечают господство постмодернизма в этот период. Причем не считают его художественным направлением, течением или стилем, а определяют как исторический период в развитии искусства, имеющий достаточно четкие хронологические рамки: 30 – годы XX век – начало XXI века [3, с. 376].

Для искусства XX века было характерно отсутствие «большого» стиля и проявление совокупности авторских стилей, ярко выраженных

индивидуальностей в русле разнообразных интернациональных течений. Определяющей тенденцией развития западной культуры во второй половине XX столетия становится возрастающее влияние постмодернизма, когда искусство все больше становится своеобразным знаком. Постмодернизм (анг. post-modernism, от лат. post – после и модернизм), постмодерн – термин, обозначающий широкое культурное и художественное движение, содержащее в себе структурно сходные явления в общественной жизни современных развитых стран и включающее в свою орбиту философию, эстетику, гуманитарные науки

и искусство [1, с. 542]. Сформировавшись в эпоху преобладания информационных и коммуникационных технологий, теоретических знаний, широких возможностей выбора для каждого индивида, постмодернизм несет на себе печать плюрализма, алогизма, адогматизма и терпимости, в художественном проявлении вылившихся в эклектизм. Единственной нормой, которую признают постмодернисты, является отсутствие норм и канонов. Его характерной особенностью стало объединение в рамках одного произведения стилей, мотивов и приемов, заимствованных из арсенала разных эпох, регионов и субкультур. Постмодернизм во многом обязан своим возникновением развитию новейших технических средств массовых коммуникаций — теле-, видеотехнике, компьютерной технике. Возникнув, прежде всего, как культура визуальная, постмодернизм в архитектуре, живописи, кинематографе, рекламе сосредоточился не на отражении, но на моделировании действительности путём экспериментирования с искусственной реальностью — видеоклипами, компьютерными играми [3, с. 112].

Идя по пути свободного заимствования из уже существовавших и существующих художественных систем, постмодернизм как бы уравнивает их в правах, значимости и актуальности, создавая единое мировое культурное пространство, охватывающее всю историю духовного развития человечества. Глубинное значение постмодернизма заключается в его переходном характере, создающем возможности прорыва к новым художественным горизонтам на основе нетрадиционного осмысления традиционных эстетических ценностей.

Концентрация внимания на проблемах человека и гуманизма, поиски места индивида в современной технотронной цивилизации свидетельствуют о том, что человек вернулся в искусство постмодернизма, хотя и занял в нём не центральное, как в Ренессансе, а периферийное положение, о чём свидетельствуют хрупкость, ущербность, парадоксальность персонажей. В этой перемене философско-эстетических акцентов отразилась общая тенденция перехода от классического антропологического гуманизма к универсальному гуманизму, включающему в свою орбиту не только всё человечество, но и всё живое, природу в целом, космос, Вселенную [4, с. 15–160].

Особенности современного постмодернизма своеобразно преломляются в различных видах и жанрах искусства. Наиболее выпукло они представлены в живописи и архитектуре. Тем интереснее наблюдать постмодернистские тенденции на примере творчества современного скульптора. Особый интерес в данном контексте представляют произведения мелкой пластики скульптора А. П. Хмелевского. Произведения мелкой пластики занимают особое место в творчестве кузбасского скульптора А. П. Хмелевского. Это определяется, во-первых, их смысловой неоднозначностью и сложностью интерпретации, поскольку именно данный вид искусства способен в наибольшей мере передать внутренний мир художника. Во-вторых, потому, что их художественное своеобразие не позволяет отнести их к какому-либо из направлений в искусстве.

Черты постмодернизма отчётливо проявляются в его творчестве с начала 1990-х годов. При создании произведений мастер обращается к различным стилям прошедших эпох. Художник использует аллегорический язык классики, эпохи Возрождения, барокко, обращается к символике древних культур и первобытных цивилизаций и создает на этой основе собственную мифологию, соотношенную с личными переживаниями автора. Многие его произведения можно охарактеризовать как относящиеся к постмодернизму. Они представляют собой игровое пространство, в котором происходит свободное движение смыслов — их наложение, перетекание, ассоциативная связь. Художник широко использует приемы художественного цитирования, коллажа, повторения.

Однако при всем этом, он не отказывается от поисков современных пластических решений и в рамках реализма — основополагающего метода художественно-образного отображения действительности. Стремясь к обновлению изобразительно-выразительных средств, он, тем не менее, изображает человека объективно, без каких-либо существенных изменений и деформаций. Человеческая фигура становится главным объектом его творчества. Он демонстрирует хорошее владение академическим рисунком, живописью, композиционным мышлением [7, с. 90].

Включив в орбиту своих произведений опыт мировой художественной культуры, А. П. Хмелевской делает это не всегда путем шутки, гро-

теска, пародии, иронии, как большинство художников-постмодернистов. Чаше в произведениях А. П. Хмелевского звучат пронзительные ноты «трагического», без подмены этой категории и представления ее как парадоксального в искусстве. Ощущаются чистые звуки возвышенного и прекрасного. Как отмечает С. Грачёва, «его персонажи не имеют классически правильных пропорций и форм, скорее наоборот, они намеренно искажены, ради большей выразительности... чтобы подчеркнуть грациозность, пластичность человеческой фигур... сам автор говорит, что его в мире гораздо сильнее привлекает красота и он не желает воспевать уродство, не считая это задачей искусства» [2, с. 19].

Хмелевской опирается на основные положения эстетики постмодернизма. В «Новой философской энциклопедии» сказано, что «эстетикой постмодернизма выдвинут ряд принципиальных положений... это относится, прежде всего, к утверждению плюралистической эстетической парадигмы, ведущей к расшатыванию внутренней трансформации категориальной системы и понятийного аппарата классической эстетики [5, с. 548]. Одной из важнейших категорий постмодернизма является «деконструкция», под которой понимается принципиальная невозможность содержательного истолкования бытия, а вместо этого выдвигается возможность множественного истолкования одного текста посредством другого без соблюдения каких-либо жестких рамок и правил. Этот тезис справедлив и относительно работ А. П. Хмелевского, допускающих множество интерпретаций.

Действительно, впечатления разных людей от одного и того же произведения могут быть противоположны. Хмелевской стремится показать многогранность мира и в то же время его единую сущность. В начале своего творческого пути он затрагивает эту тему в декоративной пластике «Три весны» (1976), в которой три тонких, высоких, изящных женских фигуры объединены и читаются общим объемом. Постепенно приходит осознание, что скульптор показывает одну женщину, но в разных лицах – прием, позволяющий показать многомерность мира и женского образа.

Совершенно по-другому скульптор воплощает этот же сюжет в работе «Три грации» (1990), которая отражает одну из характерных черт пост-

модернистской эстетики – ироничное отношение к предшествующим художественным ценностям. В данном случае объект этой иронии – каноны классического искусства. Предмет вечного поклонения художников предстаёт в несколько странном, с точки зрения настоящего классического искусства, свете. Красивая, изящная нижняя часть обнаженного женского тела, олицетворяющая природное женское естество, держит на себе три верхних полуфигуры. Тем самым выражается идея расщепления женской сути. В произведении проявляется стремление к эпатажу. По сути, перед нами эксперимент, результатом которого становится разрушение единой классической формы. Возникают ассоциации разъединения, распада, разложения как тела прекрасной женщины, так и ее души и, в конечном итоге, – современного мира.

Ироничные реплики встречаются в творчестве А. П. Хмелевского и в дальнейшем в работах «Торс на подставке» (1991) «Маска» (1996), «Всё, что нашёл» (1998). Скульптор концентрируется на передаче двойственности, переменчивости запечатлённых им предметов и явлений, стремясь отразить различные состояния окружающего мира. Для решения этой задачи нужен особый выразительный пластический язык. Одна из наиболее востребованных для художника тем – тема двойственности, раздвоения мира.

Наиболее наглядно эти поиски в области отражения дуальности окружающего мира видны в работе, которая так и называется «Раздвоение» (1996). Художник изобразил обнаженную женскую фигуру. В верхней части она полая и «распластанная», напоминает вырезанную из листа металла выкройку. Возникают ассоциации с манекеном, графическим знаком «человек». Причем верхняя часть скульптуры разрезана вдоль, образуется двумя симметричными полуфигурами. Разрез заканчивается в области солнечного сплетения. Нижняя же часть фигуры выполнена объемно в реалистической манере. Верхняя и нижняя части фигуры женщины как бы противопоставлены. Продольный разрез верхней части и схематизм в изображении головы символизируют раздвоенное и измененное сознание человека. Нижняя реалистически выполненная часть тела говорит о примитивности желаний современного человечества.

В рассматриваемом произведении двоимире дополнительно подчеркнуто использованием двух разных материалов: дерева, из которого выполнен постамент, и бронзы, из которой отлита скульптура. Личное авторское отношение к изображаемому можно определить как протест. Подчеркивая аномальность, неестественность раздвоения сознания, художник помещает фигуру внутрь постамента, который к тому же велик относительно скульптуры. Скульптор применяет оригинальное пластическое решение. Символом его протеста против изображаемого разлада, раздвоения явились накладные стяжки наподобие тех, что применяют, когда хотят приостановить процесс разрушения здания. Этими стяжками скреплены детали верхней части скульптуры. Создается эффект высокого напряжения, сила внутреннего разлада настолько велика, что стяжки вот-вот разорвутся.

Это произведение воплощает идею изменчивости окружающего мира и человеческого сознания. Разрушаются материальные объекты, необратимо меняется действительность, и вместе с этим трансформируется внутренний мир личности.

Несмотря на явную ориентацию на классические образцы, художник остается носителем идей и проблем современности, что прочитывается в его работах, и в содержательной части, и в форме.

Постмодернистские концепции сложились под влиянием разочарования в идеалах и ценностях, потери веры в прогресс, в торжество разума, в безграничность человеческих возможностей. Общим для различных национальных вариантов постмодернизма можно считать его отождествление с именем эпохи «усталой», «энтропийной» культуры, отмеченной эсхатологическими настроениями [6, с. 649].

По своей художественной направленности скульптурная композиция «Прощание» (1996) соответствует эстетике постмодернизма. В ней используются выразительные средства, присущие сюрреализму, символизму, романтизму. Произведение отражает впечатление трагичности происходящего. Мысленно следуя за плавной, тягучей, в чём-то сюрреалистической пластикой этой скульптуры, зритель незаметно втягивается в его повествовательную драматургию. Если бы автор не указал нам в названии произведения на опреде-

ленное прочтение композиции, то зритель мог бы найти несколько смыслов, идей, концептуальных пластов. Как сказано в «Современном словаре-справочнике по искусству», «языковые системы путем наложения образуют пересекающиеся сетки, в которых происходит свободное движение смыслов – их перетекание, ассоциативные сцепления» [6, с. 650]. В частности, разворачивающуюся сцену можно трактовать как единение мужчины и женщины, их союз, который на наших глазах перерастает в неделимую субстанцию. Однако название произведения выражает иной смысл – долгое, затянувшееся прощание, медленное расставание двух людей. Для того чтобы ярче показать неразрывную близость двух людей, автор представляет пластические объёмы двух фигур так, что зритель воспринимает их как единое целое. Причём при круговом обзоре данная особенность проявляется постепенно и имеет некий символический подтекст, говорящий о стремлении приостановить бег времени, отложить трагический момент. Движение женской руки к сердцу подчёркивает благородную возвышенность происходящего.

В композиции запечатлен момент прощания, разъединения, разобщения. Однако это предполагает, что до того был момент соединения, объединения, сплочения. Это один из характерных приемов современного искусства: многократное повторение, «коллаж», «клип». В произведении заложен философский смысл: все течет, все изменяется, все повторяется... Момент соединения сменяется разъединением. Художник ставит перед собой задачу показать средствами пластического искусства сложный, многогранный, всеобъемлющий процесс перерождения и находит ответ с помощью соответствующего художественного языка.

Предпринятый обзор произведений А. Хмелевского позволяет определить следующие особенности его авторского стиля: смысловая недосказанность, обращение к многозначным символам, оставляющим простор для зрительских интерпретаций; ирония, органичное использование стилизованных черт некоторых направлений искусства, позволяющее достичь максимальной выразительности, экспрессии. Перечисленные особенности позволяют говорить о приверженности скульптора эстетике постмодернизма.

Литература

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминологический словарь / под общ. ред. А. М. Кантора. – М.: Эллис Лак, 1997. – 736 с.
2. Грачёва С. Реализм или маньеризм?! Творческие искания скульптора Алексея Хмелевского // Кузбасские ведомости. – 1996. – № 6. – С. 16–19.
3. Культурология. XX век: энцикл.: в 2. – СПб.: Университет. кн.: Алетея, 1998. – Т. 1. – 447 с.
4. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетея, 2000. – 348 с.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – 692 с.
6. Современный словарь-справочник по искусству / науч. ред. и сост. А. А. Мелик-Пашаев. – М.: Олимп: АСТ, 1999. – 816 с.
7. Ткаченко Л. А. Формирование молодежных объединений художников в Кузбассе в 1980-х годах XX века (на примере творческого объединения «Бедная Лиза») // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 27. – С. 88–91.

References

1. Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arkhitektura: terminologicheskii slovar' [Fine and Decorative Art. Architecture: Terminology Dictionary]. Ed. A. M. Kantora. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997. 736 p. (In Russ.).
2. Gracheva S. Realizm ili man'erizm?! Tvorcheskie iskaniiia skul'ptora Alekseia Khmelevskogo [Realism or Mannerism?! Creative quest of Aleksey Khmelevskoy, the sculptor]. *Kuzbasskie vedomosti* [Gazette of Kuzbass], 1996, no. 6, pp. 16–19. (In Russ.).
3. Kul'turologiia. XX vek: Entsiklopediia [Culture Studies. XX century: Encyclopedia]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1998, vol. I. 447 p. (In Russ.).
4. Mankovskaia N.B. Estetika postmodernizma [The Aesthetics of Postmodernism]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000. 348 p. (In Russ.).
5. Novaia filosofskaia entsiklopediia [New Philosophy Encyclopedia]. Moscow, Mysl' Publ., 2001, vol. 3. 692 p. (In Russ.).
6. Sovremennyi slovar'-spravochnik po iskusstvu [Modern reference dictionary of Art]. Ed. A.A. Melik-Pashaev. Moscow, Olimp, AST Publ., 1999. 816 p. (In Russ.).
7. Tkachenko L.A. Formirovanie molodezhnykh ob"edinenii khudozhnikov v Kuzbasse v 1980-kh godakh XX veka (na primere tvorcheskogo ob"edineniia "Bednaia Liza") [Young Artists Union's Formation in Kuzbass of the 1980-s of the XX century (a Study of a Creative Union "Poor Lisa")]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo of State University of Culture and Arts]. Kemerovo, 2014, no. 27, pp. 88–91. (In Russ.).

УДК 745/749

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА В ФИЛОСОФСКОЙ, ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Камалиева Айгуль Салаватовна, кандидат технических наук, докторант Московского педагогического государственного университета (г. Москва, РФ). E-mail: 456kostum@mail.ru

Данная работа является продолжением темы начатой в статье «Башкирский народный костюм: историография вопроса» [5], в которой рассматривалась историческая и этнографическая литература, так или иначе связанная с исследованиями в одежде башкир. Однако историография вопроса значительно шире и охватывает многочисленные работы в других областях – в искусстве, философии, технических науках.

Если до начала нашего столетия в исследованиях башкирского народного костюма преобладали работы исторической направленности, то с появлением ряда трудов, принадлежащих таким учёным, как А. Р. Абдуллин, Г. Г. Салихов, И. Д. Ахмедьянова и др., вектор исследований значительно поме-

нялся. Познание башкирской духовной культуры, фольклора и мировоззренческих концепций народа, обращение к архетипам в искусстве открыли перед исследователями колоссальные возможности в интерпретации орнаментики, структуры и самого костюма в аспекте традиционной эстетики, ценностно-смысловых ориентиров и архаичных представлений о мироздании в целом.

Характеризуя подобные работы в русле заявленной темы, то есть традиций башкирского народного костюма, следует отметить, что одежда как таковая не всегда являлась предметом отдельного исследования. Так, труды Н. Х. Хисматуллиной, являющиеся одними из первых в данном ряду, посвящены выявлению устойчивых закономерностей орнаментально-колористической системы и принципов художественно-композиционной организации орнаментального декора в народном искусстве. Текстиль в убранстве башкирского жилища художественному анализу подвергла А. Г. Янбуктина, известный учёный, исследователь. Она ставила целью выявление ансамблевых связей между предметами и их художественно-эстетической ролью в организации интерьера. Также изучению художественной организации предметно-пространственной среды посвятила свои работы Т. А. Масленникова, однако народный костюм в исследованиях автора рассматривался отдельно и, более того, осмысливался как основа целостной композиции среды. Автором настоящей статьи было осуществлено научное исследование конструктивно-композиционного строя башкирской одежды с целью разработки базы данных для проектирования этнографически достоверных национальных костюмов. Впервые были получены развертки деталей кроя более двухсот образцов одежды, зафиксированы отдельные узлы обработки, получены схемы расположения декора. Таким образом, в отечественной историографии прослеживается несколько крупных периодов, базирующихся на различных методологических подходах к изучению башкирского народного костюма.

Ключевые слова: костюм, Южный Урал, историография, башкиры, искусство, проектирование.

HISTORY OF THE BASHKIR FOLK COSTUME STUDIES IN PHILOSOPHICAL, ART AND TECHNICAL LITERATURE OF THE XX-XXI CENTURIES

Kamalieva Aigul Salavatovna, PhD in Techniques, Doctoral Candidate, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: 456kostum@mail.ru

Historiography of the Bashkir folk costume, the analysis of which was started in the previous article is much broader and is not limited only to works of historical orientation. It also includes scholarly works in the field of art, philosophy, and engineering sciences. National science works, devoted to the study of spiritual culture and traditions in terms of philosophical traditions of the people, greatly expanded the opportunities of researchers in deciphering ornamentation and structure of the costume.

Describing the national historiography of the stated theme, it should be noted that the folk costume was not always an object of a separate study. Thus, in one of the first studies of its kind by N.H. Khismatullina, the attention was paid to ornamental and colouristic basis of the Bashkir folk art, including the pattern creation in weaving, embroidery, leather manufacturing, metal and wood works. The studies by famous scientist A.G. Yanbukhtina were conducted to identify ensemble connections between the objects and their artistic and aesthetic role in the organization of the interior, the art textiles, including the costume were also objects of the study. T.A. Maslennikova dedicated her works to study the artistic organization of objective-spatial environment, however, the folk costume was considered separately in the author's works and more over was comprehended as a basis of the integral arrangement of the environment. The author of this article, whose works are exclusively devoted to the Bashkir costume, solved the tasks of a different kind, namely of identification of structural and compositional costume system through design, technology and decor. The analysis of the structural frames of clothing, manufacturing techniques and the decor arrangement allow further exploring patterns of fabricating and decorating the costume. Thus, historiography on the issue of the Bashkir folk costume revealed several significant stages in domestic science based on different methodological approaches to its study.

Keywords: costume, Southern Urals, historiography, Bashkirs, art, design.

Как показал анализ библиографической базы по истории башкирского народного костюма, время наиболее масштабных и научно обоснованных исследований пришлось на середину и вторую половину XX века. Собственно в этот период были организованы многочисленные экспедиции, охватившие буквально все территории исторического проживания башкир, в том числе за пределами Республики Башкортостан. Было проведено тщательное картографирование предметов костюма, выделены устойчивые костюмные комплексы, материальные пласты, возникшие в одежде в разное время и разной этнической среде. Такова была общая тенденция в изучении народной одежды, стремившаяся вначале выяснить корни традиций и определить генез костюма в целом через его элементы.

Однако уже в конце XX века научное сообщество всё больше обращается к теме семантики костюма и в попытках философского осмысления народной одежды в контексте народного мировоззрения выстраивает собственную концепцию духовности материальной культуры. Народный костюм перестаёт быть лишь обрядовым и повседневным одеянием, в его декоре, крое и украшениях прочитывается особый смысл, вложенный еще в эпоху сакрализации природы, обожествления живой среды и отождествления человека со структурой вселенной. Костюм – это картина мира, отражение вселенной, модель миров....

Башкирский народный костюм в исследованиях XX–XXI веков (искусствоведение, философия:

*Н. Х. Хисматуллина, Г. Х. Казбулатова,
Р. Г. Янбухтина, Т. А. Масленникова)*

Вектор научных исследований, посвященных башкирскому костюму, в последние десятилетия приобрел философский характер. Теперь, владея глубокими знаниями о генезисе костюма, о существовании устойчивых костюмных комплексов, оригинальных по своей художественной выразительности и стилистике, обусловленных тесной взаимосвязью со многими сферами бытового уклада, учёные ставят своей целью объяснение символично-смыслового содержания одежды. Бесспорно, объективной предпосылкой для начала нового этапа исследований костюма стало осмысление костюма как единой знаково-символической системы, принадлежащей более к области духовного искусства, и прежде всего к

мифологии, космогонии и мировоззрению народа. Вместе с тем к началу нашего столетия появились серьезные работы, направленные на изучение истоков мировоззрения древних башкир (Г. Г. Салихов) [10], выявление архетипов в башкирском фольклоре (А. Р. Абдуллин) [1], мифоритуальных традиций башкир (А. Ф. Илимбетова) [2].

Первые шаги в изучении проблемы символично-смыслового содержания орнаментальной композиции как отражения традиционного мировоззрения были сделаны в работах Н. Х. Хисматуллиной [11; 12]. Исследователю удалось проследить эволюцию башкирского орнамента и взаимообусловленность его сложения историческими, культурными, мировоззренческими и социальными условиями. Изучая, главным образом, традиционные виды башкирского народного искусства последних двух столетий, среди которых вышивка, аппликация, искусство создания костюма, а также тамга как форма изобразительной деятельности, автор уделяет внимание, прежде всего, выявлению устойчивых закономерностей орнаментально-колористической системы и принципов художественно-композиционной организации орнаментального декора. В научных поисках Н. Х. Хисматуллиной, в отличие от исследований предыдущих времен, орнамент мыслился как «результат художественного освоения мира, результат обобщения знаний об окружающем мире, связанных с развитием мышления человека, сумевшего перейти от конкретно-изобразительного восприятия жизни к сложным абстракциям» [11]. Автор впервые проводит глубокий анализ мировоззренческих основ национального своеобразия башкирского орнамента, опираясь, с одной стороны, на выводы по анализу художественно-образного строя видов декоративно-прикладного искусства башкир, а с другой – на знания эволюционных процессов преобразовательной и познавательной деятельности человеческого коллектива. Справедливо связывая идейную содержательность древнейших форм орнамента с архаическим мироощущением и мифологической космогонией, автор при проведении семантико-структурного анализа обращается к культурам земледельческих финно-угорских, славянских народов, и племен тюрко-монгольского кочевнического мира. Особого внимания заслуживает вторая глава научного исследования «Устойчивые художественно-образные средства и приемы

как основа национального своеобразия народного искусства башкир», в которой Н. Х. Хисматуллина раскрывает взаимосвязь орнаментики с мировоззренческими представлениями, включающими древнейшие знания мироустройства, культовые религии, космологию и многое другое. Примечательно, что предложенная автором классификация орнаментов, проведенная в мировоззренческом аспекте значительно отличается от предыдущих, имеющих преимущественно этнографическую направленность. Так, «классификация башкирской орнаментики подразделяется на три группы основных символов: 1 – астральная, 2 – зооморфная, 3 – растительная», 4 – абстрактно-геометрическая. Особое место в исследованиях занимает вопрос содержательной и художественной структуры цветового образа в народном искусстве.

По сути, труд Н. Х. Хисматуллиной является одной из первых зрелых искусствоведческих работ, выполненных на качественно ином уровне понимания объекта исследования – орнамента как художественно-образной единицы в орнаментальной системе башкирского искусства, наделенной глубоким семантическим смыслом и отражающей все грани мировоззренческой концепции народа. Позднее автором было опубликовано учебное пособие «Орнаментально-колористическая основа башкирского народного искусства» (2000), в которой были представлены ключевые выводы по теме исследования [12].

Свой взгляд на развитие народного костюма в аспекте эстетической деятельности, то есть региональной истории эстетической практики в Башкортостане представила Г. Х. Казбулатова [3]. Одним из важнейших для нашего исследования положений, защищенных автором в рамках диссертационной работы, является то, что «костюм формировался в мифологическую эпоху и в нем отразилось своеобразное духовно-практическое освоение мира. Автор подвергает убедительному анализу свой тезис о том, что «костюм – есть знаковая система», в которой отчетливо проступает история формирования эстетики традиционного костюма. Г. Х. Казбулатова на многочисленных примерах выявления семантики отдельных предметов и элементов одежды последовательно приходит к выводу о том, что развитие костюма берет начало в «недрах синкретической культуры мифологической языческой эпохи. Опираясь на

известные работы А. Б. Рыбакова, исследователь значительно расширяет понимание костюма как эстетической единицы, в которой в полной мере отражены духовные ценности и мировоззренческие представления народа. В частности, автор впервые указывает на присутствие в костюме трех орнаментально выделенных уровней, соответствующих трехчастной структуре мира. Заслуживают внимания и те примеры, представленные исследователем в работе, которые обнажают способы и приемы выражения в костюме мировоззрения и мироощущения ислама, скажем в орнаменте. Помимо прочего, Г. Х. Казбулатова провела обширное исследование средств гармонизации костюма, сводя его к анализу цвета, формы, материалов и конструкции.

Значительными в рассматриваемой теме являются работы известного искусствоведа А. Г. Янбухтиной, которые хоть и не посвящены непосредственно народному костюму, но в определенной мере освещают вопросы художественного своеобразия текстильных изделий, в том числе в одежде. В кандидатской диссертации «Ткань и интерьер», защищенной ею в 1977 году, были рассмотрены место и роль узорных тканей в башкирском интерьере [14]. Выставляя на первый план рассмотрение ансамбля текстильных предметов, понимаемого в работе как сложная художественная система интерьерного пространства, автор решает несколько задач, в том числе выявление типов убранства башкирского жилища в его естественном историческом развитии, а также художественно-эстетическое предназначение тканей в организации интерьера. Позднее в известной монографии «Народные традиции в убранстве башкирского дома» (1993), целью которой ставилось осмысление башкирского народного искусства как некоего синтеза искусства и быта, автор излагает основные выводы по диссертации, значительно дополнив содержание новым фактическим материалом. В отдельной главе «Художественная роль тканей и предметов из мягких тканей и предметов в современном интерьере башкирского народного жилища» А. Г. Янбухтина, основываясь на обширный фактический материал полевых экспедиций и республиканских музеев, представила художественный анализ таких предметов, как скатерти, занавеси (шаршау), декоративная полоса, кошмы, ковры и др. [13]. Подводя итог, она выделила основные принципы

организации интерьерного пространства в башкирских жилищах различного типа (юртах, избах и современных домах), особо подчёркивая важность функциональной взаимосвязи предметов, являющейся фундаментом для сложения малых ансамблей.

Тема традиций башкирского костюма освещена в искусствоведческой работе Т. А. Масленниковой. Несмотря на то, что целью исследования являлось «комплексное рассмотрение общих закономерностей формирования традиционного искусства башкир с точки зрения художественной организации предметно-пространственной среды жилища, усадьбы, поселения...» [9, с. 11], костюму отведено значительное место. Собственно костюм рассматривался автором как основа художественной организации пространства в башкирском народном искусстве, как явление, занимающее центральное место в жилой среде. Учёному впервые удалось провести анализ приёмов пластического выражения в народном костюме, и выявить их зависимость от историко-культурного пути развития башкирского народа, традиционного мировоззрения и особенностей хозяйственной деятельности. Сравнивая костюм с жилищем, автор вычленяет основные художественные взаимосвязи между элементами, иерархию их составных частей по вертикали и горизонтали. Так, со входом в жилище автором ассоциируются различные отверстия в одежде – низ рукавов, воротник, нижний край платья. Головные уборы и передняя часть наряда, напротив, символизируют центр – гостевое место в доме [9, с. 56]. В целом учёному удалось создать общую картину формирования пространственной среды, принятой в башкирской культуре, в которой не последнее место занимает костюм.

*Башкирский народный костюм
в исследованиях XX–XXI веков
(технические науки: А. С. Камалиева)*

Отдельный аспект развития народного костюма, заключающийся в выявлении способов формообразования через конструкцию, технологию, декор рассматривался автором настоящей работы в рамках диссертационного исследования [7]. За несколько лет экспедиций (1998–2005) был проведён сбор материала и конструктивно-композиционный анализ (по методике доктора искусствоведения И. Н. Савельевой) более 200

натурных образцов башкирской одежды, преимущественно женской. Были разработаны развертки деталей кроя, систематизированы методы обработки платьев, фартуков, верхней одежды, а также ряда головных уборов и украшений. Некоторые данные, полученные в ходе исследования стали подтверждением выдвинутых ранее другими авторами выводов. Например, применение методики фотографирования со специально разработанной установкой, позволяющей фиксировать вещи в распрямлённом виде дали возможность получить фотографии предметов в плоскостном изображении, на основании которых были выделены схемы расположения декора относительно поверхности изделия. Очерчивание контуров орнамента на вещи полностью подтвердили идею об отражении на одежде трёх уровней, из которых, по мнению древних, состоял мир. Так, по подолу верхней одежды елян юго-восточные башкиры, проживавшие в самом центре Южноуральских гор, пришивали позумент исключительно по зигзагообразной линии, образуя ряд треугольников, заполненных мелких декором в виде монет и коралла, символизовавшим Седой Урал с его многочисленными горными массивами [4, с. 65–71]. Северо-восточные башкиры, расположенные в самой красочной части Башкортостана, богатой разнотравьем и лесными растениями, заполняли всю поверхность платья и фартуков, начиная от верхней части спины и заканчивая подолом, тамбурной вышивкой ярких крупных цветочных узоров [4, с. 82–105]. Таким образом, древние башкиры не просто отождествляли себя с родной природой, но и подчиняли своё существование мировому устройству, подчеркивая его в структуре декоративной композиции и выборе природных объектов. Заслуживает внимания технология изготовления одежды, в которой были переплетены и утилитарность, и духовность в равной мере. Выражалось это, прежде всего, в том, что каждый шов настрачивался тесьмой или орнаментировался любым видом украшений – вышивкой, аппликацией или монетами, таким образом сохранялось место соединения от разрыва и оберегался «слабый участок», символизирующийся в древности со входом во внутреннее пространство человека (к ним относятся различные швы, разрезы, вход в карман, воротник, низ рукавов и изделия). Это ещё раз подтверждает мысль о том, что народный костюм относится скорее к области духовного искусства.

В настоящее время автором работы проводится комплексное междисциплинарное исследование традиций башкирского народного костюма в аспекте их художественного развития. Выводы, уже сейчас полученные в ходе работы, показывают, что глубокое изучение художественных традиций в контексте наук, так или иначе изучавших проблему народного костюма башкир, раскрывают целый пласт нерассмотренных ранее вопросов, касающихся художественной самобытности костюма в его материальном и духовном воплощении. Осмысление исторических, религиозных, мировоззренческих, географических причин и мотивов, вызвавших к жизни те или иные формы, покрои, орнаменты, стилистические особенности в декоре башкирской одежды позволяют взглянуть по-новому на сложный путь развития костюма. Некоторые результаты работы были освещены ранее в статьях «Художественная выразительность башкирской мужской шапки колаксын» и «Особенности художественного стиля башкирских женских украшений» [6; 8].

Подводя итог анализу историографии традиций башкирского народного костюма в ис-

кусствоведческой, философской и технической литературе XX–XXI веков следует отметить общую тенденцию к осмыслению художественно-стилистической структуры одежды, определению ее художественно-эстетической сущности как предмета, сложившегося под влиянием множества факторов из духовной и материальной жизни народа. В определённой мере прорывом можно назвать исследования народного искусства, костюма сквозь призму мировоззренческих концепций башкирского народа, обнаживших истинные мотивы и смыслы орнамента, формы и структуры одежды. Детальное изучение конструктивной основы и композиционного решения, их анализ в контексте духовной, эстетической, жизненно-ценностной концепции башкир раскрыло основные принципы формообразования одежды и полифункциональность элементов в отдельности и всего костюма в целом. В совокупности с выводами по историческому пути развития башкирского костюма данные материалы представляют богатейшие знания, но всё же требующие систематизации и углублённого дополнительного изучения по ряду вопросов.

Литература

1. Абдуллин А. Р. Символы народного творчества как основа воссоздания традиционного искусства: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 1995. – 315 с.
2. Илимбетова А. Ф. Культ животных у башкир: дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2006. – 345 с.
3. Казбулатова Г. Х. Костюм и знаково-эстетическая деятельность: На примере традиционных костюмов народов Башкортостана: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2002. – 154 с.
4. Камалиева А. С. Башкирский костюм. Технология. Конструкция. Декор. – Уфа: Китап, 2012. – 216 с.
5. Камалиева А. С. Башкирский народный костюм: историография вопроса // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33/2. – С. 150–159.
6. Камалиева А. С. Особенности художественного стиля башкирских женских украшений // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 187–195.
7. Камалиева А. С. Технология проектирования национальной одежды на примере башкирского народного костюма: дис. ... канд. техн. наук. – М., 2005. – 429 с.
8. Камалиева А. С. Художественная выразительность башкирской мужской шапки колаксын // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 183–187.
9. Масленникова Т. А. Художественная организация предметно-пространственной среды в башкирском народном искусстве: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 2011. – 62 с.
10. Салихов Г. Г. Картина мира в башкирском фольклоре: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 1992. – 298 с.
11. Хисматуллина Н. Х. Орнаментально-колористическая система в народном искусстве башкир (к вопросу преемственности развития национальных художественных традиций): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1990. – 26 с.
12. Хисматуллина Н. Х. Орнаментально-колористическая основа башкирского народного искусства: учеб. пособие. – Уфа: УТИС ИИЯЛ УНЦ РАН, 2000. – 100 с.
13. Янбухтина А. Г. Народные традиции в убранстве башкирского дома. – Уфа: Китап, 1993. – 131 с.
14. Янбухтина А. Г. Ткань и интерьер. К вопросу художественного ансамбля башкирского народного жилища: дис. ... канд. искусств. – М., 1977. – 207 с.

References

1. Abdullin A.R. Simvoly narodnogo tvorchestva kak osnova vossozdaniia traditsionnogo iskusstva. Diss. kand. filos. nauk [Symbols of folk art as a basis for recreating traditional art. PhD in philosophy diss.]. Ufa, 1995. 315 p. (In Russ.).
2. Ilimbetova A.F. Kul't zhivotnykh u Bashkir. Diss. kand. ist. nauk [Animal worship among the Bashkirs. PhD in history diss.]. Ufa, 2006. 345 p. (In Russ.).
3. Kazbulatova G.Kh. Kostium i znakovno-esteticheskaia deiatel'nost': Na primere traditsionnikh kostyumov narodov Bashkortostana. Diss. kand. filos. nauk [Costume and iconic aesthetic activity: the example of the traditional costumes of the peoples of Bashkortostan. PhD in philosophy diss.]. Moscow, 2002. 154 p. (In Russ.).
4. Kamaliev A.S. Bashkirskii kostium. Tekhnologiya. Konstruktsiia. Dekor [Bashkir suit. Technology. Design. Decor]. Ufa, Kitap Publ., 2012. 216 p. (In Russ.).
5. Kamaliev A.S. Bashkirskii narodnyi kostium: istoriografiia voprosa [Bashkir folk costume: the historiography of the subject]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 33/2, pp. 150-159.
6. Kamaliev A.S. Osobennosti khudozhestvennogo stilia bashkirskikh zhenskikh ukrashenii [Features of the artistic style of the Bashkir women's jewelry]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 32, pp. 187-196. (In Russ.).
7. Kamaliev A.S. Tekhnologiya proektirovaniia natsional'noi odezhdy na primere bashkirskogo narodnogo kostiuma. Diss. kand. tekhn. nauk [Design technology national dress by the example of the Bashkir national costume. PhD in techniques diss.]. Moscow, 2005. 429 p. (In Russ.).
8. Kamaliev A.S. Khudozhestvennaia vyrazitel'nost' bashkirskoi muzhskoi shapki kolaksyn [Artistic expression of bashkir men's hat kolaksyn]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 32, pp. 183-187. (In Russ.).
9. Maslennikova T.A. Khudozhestvennaia organizatsiia predmetno-prostranstvennoi sredy v bashkirskom narodnom iskusstve. Avtoref. diss. dokt. iskusstvovedeniia [The artistic organization of subject-spatial environment in Bashkir folk art. Dr. of Art History diss.]. Moscow, 2011. 62 p. (In Russ.).
10. Salikhov G.G. Kartina mira v bashkirskom fol'klore. Diss. kand. filos. nauk [Picture of the world in the Bashkir folklore. PhD in philosophy diss.]. Ufa, 1992. 298 p. (In Russ.).
11. Khismatullina N.Kh. Ornamental'no-koloristicheskaia sistema v narodnom iskusstve Bashkir. K voprosu preemstvennosti razvitiia natsional'nykh khudozhestvennykh traditsii. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniia [Ornamental-color system in the folk art Bashkirs. To the question of continuity in the development of national artistic traditions. PhD in Art History diss.]. Moscow, 1990. 26 p. (In Russ.).
12. Khismatullina N.Kh. Ornamental'no-koloristicheskaia osnova bashkirskogo narodnogo iskusstva. Ucheb. posobie [Ornamental-as the basis of Bashkir folk art. Studies manual]. Ufa, 2000. 100 p. (In Russ.).
13. Ianbukhtina A.G. Narodnye traditsii v ubranstve bashkirskogo doma [Folk tradition in the decoration of the Bashkir home]. Ufa, Kitap Publ., 1993. 131 p. (In Russ.).
14. Ianbukhtina A. G. Tkan' i inter'er. K voprosu khudozhestvennogo ansamblia bashkirskogo narodnogo zhilishcha. Diss. kand. iskusstvovedeniia [The fabric and the interior. To the question of the artistic ensemble of the Bashkir people's homes. PhD of Art History diss.]. Moscow, 1977. 207 p. (In Russ.).

УДК 74.01/09

РОЛЬ АРХЕТИПА В ВИЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ БРЕНДА

Габриелян Тигран Олегович, преподаватель кафедры книжной графики и дизайна печатной продукции, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, РФ). E-mail: tigrangabr@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос влияния архетипа на визуально-графический язык бренда. Анализируются процессы системообразования и комплексобразования как основа для создания стиля. Системообразование иллюстрируется как процесс выявления главной идеи бренда – архетипа и уточнение

его в проектных типологиях, которые, в свою очередь, также могут быть детализированы. Принцип иерархической связи от архетипа к типологиям и их детализации объединяет элементы бренда между собой. Смысл, заложенный в архетипе, проявляется графически в каждом визуальном сообщении бренда. Комплексообразование уточняет образ в измеряемых характеристиках – подход, позволяющий говорить о создании графического языка, который может быть описан, а впоследствии понят и воссоздан различными дизайнерами, сохраняя при этом единый, целостный визуальный язык бренда.

На примере «Nike» проверяется гипотеза о возможности построения модели представления базового архетипа бренда. Выявляются три проектные типологии (гольф, футбол, баскетбол). В типологии «футбол», исследуются визуально-графические комплексы трех продуктов (подтипов), обладающие семантической связью с основной типологией. На основе полученных теоретических и эмпирических данных иллюстрируется принцип взаимосвязи базового архетипа бренда с типологиями и их подтипами.

Ключевые слова: архетип, бренд, графический дизайн, тип, подтип.

THE ROLE OF ARCHETYPE IN VISUAL GRAPHIC TYPOLOGY OF THE BRAND

Gabrielyan Tigran Olegovich, Instructor, Department of Book Graphics and Design of Printed Materials, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: tigrangabr@rambler.ru

This article examines the influence of archetypes (images of the collective unconsciousness) on visual and graphic language of the brand. System formation is considered as a process of realization (formation of system design features, such as letterhead) from elements that are in deconstruction state (e.g., logo). The basis of system are the principle of identifying the main idea of a brand archetype, and clarifying the project typologies. Main idea leads to the formation of clarifying the characteristics of style in further details, which has a communication with an archetype. This illustrates in the form of hierarchical relations from the archetype to the typologies and their drill that combines the elements of the brand to each other forming the style. Thus, the meaning of the main idea, graphically represented in every visual message of the brand.

In turn, the complexation clarifies the way in the measured characteristics of the approach, allowing to speak about creating a graphic language that can be described, subsequently understood and recreated by various designers, maintaining the single, coherent visual language for the brand.

Using Nike (manufacturer of sportswear and footwear) as an example, it tested the hypothesis about the possibility of constructing the model representations of the underlying archetype brand typologies. First, explored the archetypal element of the Nike trademark, which is the basic graphical symbol and conveys the basic idea of the brand – Just do it. After that, it identified three design typologies (golf, football, basketball). Each of them is a separate socio-cultural space of the group of persons, requiring individual visual and graphic design approach. There are three (Mercurial, CTR360, Total90) visual-graphical systems of the products (subtypes) in the typology of “football” that have a semantic relationship with the main typology. They are revealed through the following meanings: Mercurial – speed, CTR360 – full control, Total90 – accuracy. Each product has its own logo, which reflects the basic idea of the brand is transmitted through a local sense in the context of the subtype. Mercurial sign graphic depicts the transition from bold font to normal – acceleration idea; in contrast, CTR360 is thin and drenched in bold letters, renders the idea of absolute control; 0 Total90 mark is graphically represented as the target passes the sense of precision and accuracy.

It also analyzes Nike posters graphics on the subject of the semantic relationships of the subtypes with the basic archetype. Thus, the brand gets another level of detail of design typology to more accurately interact with the consumer. Made conclusion about the need to describe the style of the brand in the system formation and complexing the categories to design a long-term communicative visual-graphic strategies.

Keywords: archetype, brand, graphic design, type, subtype.

Реклама как глобальная коммуникация обладает высокой скоростью распространения по всему миру и большой силой воздействия на массовое сознание. В сфере дизайна находится важный стилеобразующий центр, который оказывает все большее влияние на общие процессы формообразования в предметно-пространственной среде. Реклама и мода, как коммуникативные системы, имеют между собой много общего. В их основе лежит один из базовых, основных архетипов коллективного бессознательного – рождение нового. Бренд развивается, «рождается» из заложенной в него идеи, которая должна проявляться в каждом его графическом воспроизведении.

Дизайнер работает обычно с распредмеченной информацией о бренде (например, логотип) и опредмеченной (деловая документация и пр.), но на деле получается некий разрыв – отсутствие описания перехода из одного состояния к другому. Такая задача может быть решена только системно, то есть должна быть разработана определенная система, которая не только будет содержать распредмеченные характеристики графического языка бренда, но также и процесс достижения опредмеченного состояния. Такое понимание процесса брендинга делает связь с адресатом системной. Сознание реагирует не на единичные визуальные «всплески», а начинает воспринимать общий язык коммуникации бренда. Одним из средств достижения целостного восприятия образа бренда является архетип. Архетипическое кодирование образа в процессе брендинга подробно раскрывается в работе М. Марк и К. Пирсон [4], где на конкретных брендах иллюстрируется связь архетипа с визуальным образом.

Архетипы в рекламе, в частности, в мире моды, рассматривает российский исследователь М. Ковриженко [2]. Эмпирический анализ работы С. Лиска [3] позволяет сопоставить теоретические модели с реальным воплощением их в жизни.

Цель статьи – охарактеризовать роль архетипа в проектной типологии бренда.

Дизайн в целом можно представить состоящим из двух процессов: системообразования и комплексообразования [5, с. 53, 109]. Принцип системообразования является основой для создания единого целостного образа, а принцип комплексообразования уточняет этот образ в измеряемых единицах.

Системообразование, или, иначе, процедура типологизации, призвана показать неоднородность и многовекторность социокультурного пространства (наличие различных типологий). Тип как базовая целостная единица отражает определенное проявление действительности, то есть тип является некой ситуацией, неким образом жизни, некоей идеальной моделью, несущий в себе определенную культурную программу. Задача дизайнера выявить или сконструировать в социокультурном пространстве эти типы. Примером может служить типологическое проектирование в дизайн-программе БАМЗ, разработанной ВНИИТЭ, в которой магнитофоны проектировались в соответствии со стилем жизни их будущих потребителей [5, с. 69, 157]. Были выделены четыре типа: «походный», «молодежный», «классический», «технический». Таким образом, тип – это еще не определение конкретных функциональных или стилеобразующих характеристик проектируемого объекта, это выявление основной идеи.

Как известно, в основе мифов лежит коллективное бессознательное, оно идентично у всех людей и образует всеобщее основание душевной жизни каждого. Мифология отражает жизненное отношение к душевным процессам, которые не зависят от сознания, но протекают вдали от него [6, с. 121]. Составные части мифов имеют «типическую природу» и обозначаются как «мотивы», «первообразы», «типы» или как «архетипы». Понятие «архетип» К. Юнг ввел в культуру XX века в значении «универсального образа», символа [7].

Архетипические знаки и символы являются определенным образом конкретизированными архетипами, выявленной их сущностью, в которых собран весь эмоциональный опыт многих поколений, живших на земле. Архетипы присутствуют во всех культурах и демонстрируют единство мифологического фундамента. Применение архетипов, например, в рекламе, является одним из способов организации восприятия реальности. Как отмечает М. Ковриженко, около 84 % всего массива рекламы содержит элементы, апеллирующие к архетипическому содержанию в коллективном бессознательном человечества [2, с. 107].

Важным свойством архетипа является его присутствие в жизни человека на самых разных понятийных, символических, семантических срезах. В брендинге типологию можно сравнить

с архетипами. В процессе построения бренда М. Марк и К. Пирсон выделяют двенадцать архетипов, такие как: «простодушный», «искатель», «мудрец», «герой», «бунтарь», «маг», «славный малый», «любовник», «шут», «заботливый», «творец», «правитель» [4, с. 33]. Основное различие между типом и архетипом заключается в уровне обобщения социокультурной ситуации. Если архетип является отвлеченным, размытым образом, то тип призван быть более определенным – направленным на конкретный образ жизни. Можно сказать, что архетип является и фоном, и границами, в которых должен выявляться или проектироваться тип.

Термин «тип» может носить разный контекстуальный смысл. Под этим термином кроется целый спектр смыслов и понятий типа, выросших из разных историко-философских корней и методологических традиций. В данном исследовании под «типом» подразумевается многозначная структура бренда, и для изучения особенностей этой структуры возникает необходимость упорядоченного изучения и описания наиболее характерных признаков. Выстраивая типологию,

исследователь стремится отразить структуру исследуемого объекта в интересующем его аспекте.

Отметим, что бренд не может создаваться с использованием множества архетипов. Бренд – это образ *конкретной* мечты. Характер человека всегда один и тот же, но он может проявляться по-разному в различных ситуациях – это уже имидж. Таким образом, можем утверждать, что имидж – это внешняя оболочка проектной типологии (типа).

Архетипический элемент в товарном знаке бренда является базовым графическим символом, определяющим природу данного знака и нашедший свое отражение в этом знаке, прежде всего с целью указания на характер деятельности фирмы. В качестве примера рассмотрим бренд «Nike», который занимается производством спортивной одежды. Согласно классификации и утверждению М. Марк и К. Пирсон, «Nike» основан на архетипе «героя» [4, с. 108]. Это подтверждает и название, которое означает имя богини Ники (в древнегреческой мифологии – богиня победы) и в слогане компании – «Just do it» («Просто сделай это»). Как базовая идея, он проявляется во всей коммуникации бренда.

Архетип			
Проектные типологии	Тип 1	Тип 2	Тип 3
			

Рисунок 1. Архетип и проектные типологии (гольф, футбол, баскетбол) бренда «Nike» в логотипах

Бренд «Nike» производит одежду для представителей различных видов спорта, здесь мы рассмотрим только три из них: гольф, футбол и баскетбол. На рисунке № 1 представлена классификация направлений деятельности бренда в логотипах. Архетип отражается в логотипе бренда – динамичного движения вперед. В свою очередь, данная смысловая нагрузка представлена графически и в проектных типологиях (гольф, футбол, баскетбол). Каждая из них является от-

дельным социокультурным пространством группы людей, что требует уникального и индивидуального подхода к разработке визуальной коммуникации. В руководстве по визуальной идентификации бренда для каждой проектной типологии сформулирован свой личный графический язык: правила построения и использования логотипа, основной и дополнительный шрифт, рекомендации по верстке полиграфической рекламной продукции, связь с брендом и т. п.

Ранее мы сказали, что архетип – это некая смысловая граница, в которой находится набор типов. Данное утверждение показано на примере логотипов бренда «Nike». Графически это можно представить в виде квадрата, разбитого на несколько частей, где каждая часть определена как конкретный тип, то есть область, в которой разрабатывается визуальная

коммуникация данной конкретной типологии. В свою очередь, каждая из частей также может быть разбита на дополнительные уточняющие типологию области. Так как архетип является фоном, он включает в себя наличие как минимум двух планов, переднего и заднего, при этом задний план всегда присутствует в каждой из типологий (рис. 2).

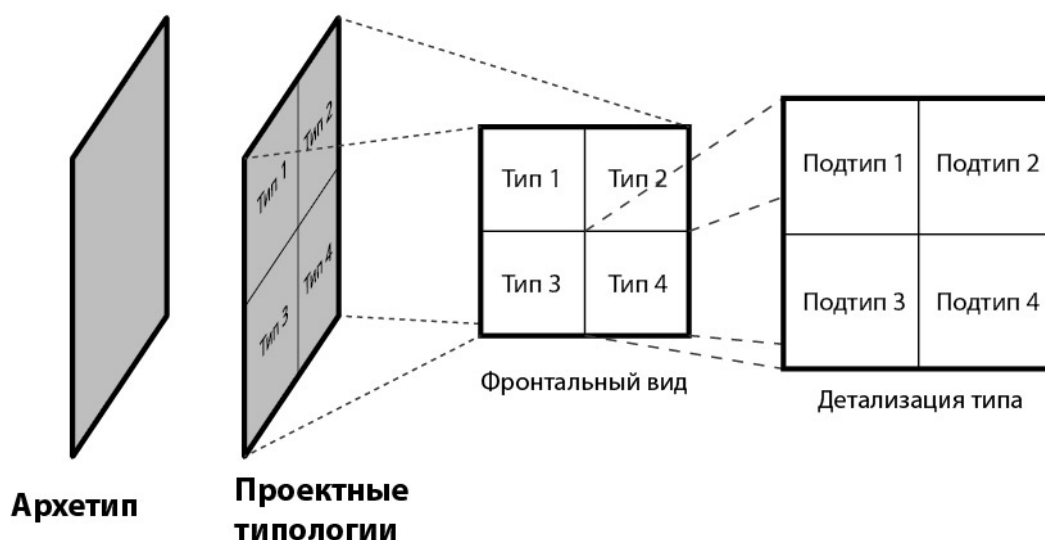

Рисунок 2. Принцип типологического разбиения пространства базового архетипа, а также принцип детализации типа

Детализацию проектной типологии можно проиллюстрировать на примере компании «Nike» в категории продукции для любителей футбола. Проанализируем только три из них: Mercurial, CTR360, Total90 [8, p. 26–28]. В них заложены следующие смыслы: скорость; полный (360°) контроль; точность (рис. 3). Компания решила детализировать проектную типологию и разработала для каждой свой графический язык. Во-первых, каждый из продуктов имеет свой логотип, в котором отражена базовая идея (переход от полужирного начертания к нормальному – ускорение; контраст тонких и залитых жирных букв – абсолютный контроль; цифра 0, графически представленная как мишень, – точность и аккуратность). Во-вторых, под каждым из логотипов размещена информация, уточняющая суть

продукта. В-третьих, для каждого разработана индивидуальная иконка, отражающая его смысл. Для каждого продукта определен собственный шрифт, на основе которого выполняется индивидуальная типографика. Таким образом, мы получаем дополнительный уровень детализации проектной типологии, позволяющей более точно взаимодействовать с потребителем.

Во втором примере практически отсутствует графическая связь с брендом производителем, то есть если разрабатывать рекламный визуальный ряд только на основе графического языка продуктов, то потребитель не сумеет идентифицировать его с брендом. Данную задачу «Nike» решает следующим образом: на объекте визуальной коммуникации часть информации размещается в формате базовой типологии. На рис. 4 представ-

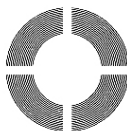
	Продукт 1	Продукт 2	Продукт 3
Логотип продукта	MERCURIAL	CTR360	TOTAL90
Логотип с уточнением сути продукта	MERCURIAL <i>SPEED</i>	CTR360 CONTROL	T90 ACCURACY
Индивидуальные графические образы продуктов			

Рисунок 3. Принцип детализации проектной типологии на примере графического языка трех продуктов для любителей футбола компании «Nike»

лены три плаката, в разработке которых используется как графический язык продуктов (шрифт и типографика), так и главной проектной типологии (логотип «Nike» и слоган «Make the difference» – «Почувствуй разницу»).

Таким образом, соблюдая принцип иерархической связи между архетипом, проектными типологиями и детализацией типологий можно получить единую систему графического языка бренда.

Рисунок 4. Принцип графической связи архетипа, типологии и ее детализации

Отметим, что речь идет о построении долгосрочного взаимодействия с адресатом, что проявляется в общем стиле. Поэтому должна быть четко определена классификационная характеристика как единичного объекта, так и всего ансамбля визуальных сообщений. Можно сказать, что классификация – это набор правил, *следуя* которым дизайнер проектирует объект. Тем не менее правила не являются догмой или каноном, они являются стилеобразующими характеристиками. Если дизайнер примет решение внести изменения в визуальные характеристики, то он должен привести в соответствие и все связанные с ним элементы объекта.

В свою очередь принцип взаимосвязанности элементов системы должен проявляться и в конкретных характеристиках элементов графического языка. Определение данных характеристик и объединение их в группы согласно принципу типологического проектирования будем называть процессом комплексобразования (классификации).

Выводы

Системообразование иллюстрируется как процесс выявления главной идеи бренда – архетипа и уточнение его в проектных типологиях, которые, в свою очередь, также могут быть детализированы. Принцип иерархической связи от архетипа к типологиям и их детализации объединяет элементы бренда между собой. Смысл, заложенный в архетипе и типологиях, проявляется графически в каждом визуальном сообщении бренда.

Комплексообразование уточняет образ в измеряемых характеристиках. Такой подход позволяет говорить о создании графического языка, который может быть описан, а впоследствии понят и воссоздан различными дизайнерами, сохраняя при этом единый, целостный визуальный код бренда. Таким образом, мы определили, что процедура типологизации позволяет выявить целевую группу, а также отобразить возможность и целесообразность разработки индивидуального графического языка для каждой из проектных типологий и даже для последующей их детализации.

Литература

1. Аакер Д. А. Создание сильных брендов. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. – 440 с.
2. Ковриженко М. К. Креатив в рекламе. – М.: Питер, 2004. – 253 с.
3. Лиска С. Бизнес-графика. – М.: РИП-Холдинг, 2007. – 320 с.
4. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. англ., под ред.: В. Домнина, А. Сусенко. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.
5. Сидоренко В. Ф., Кузьмичев Л. А., Дижур А. Л. [и др.]. Методика художественного конструирования. Дизайн программа: метод. мат-лы. – М.: ВНИИТЭ, 1987. – 172 с.
6. Юнг К. Г. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Изд-во полит. культуры, 1991. – С. 119–129.
7. Юнг К. Архетип и символ. – М., 1991. – 297 с.
8. Nike football. Brand standards [Электронный ресурс]. – URL: http://issuu.com/logobr/docs/brandbook_nikefootball (дата обращения: 17.11.2015).

References

1. Aaker D.A. Sozdanie sil'nykh brendov [Building strong brands]. Moscow, Izdatel'skii dom Grebennikova Publ., 2003. 440 p. (In Russ.).
2. Kovrizhenko M.K. Kreativ v reklame [Creative in advertisement]. Moscow, Piter Publ., 2004. 253 p. (in Russ.).
3. Liska S. Biznes-grafika [Business Graphics]. Moscow, RIP-Holding Publ., 2007. 320 p. (In Russ.).
4. Mark M., Pirson K. Geroi i buntar'. Sozdanie brenda s pomoshch'iu arkhetipov [Hero and rebel. Building a brand using archetypes]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 336 p. (In Russ.).
5. Sidorenko V.F., Kuz'michev L.A., Dizhur A.L. Metodika khudozhestvennogo konstruirovaniia. Dizain programma: metodicheskie materialy [Method of artistic design. Design Program: methodological materials]. Moscow, VNIITE, Publ., 1987. 172 p. (In Russ.).
6. Iung K.G. K ponimaniu psikhologii arkhetipa mladentsa [By understanding the psychology of child archetype]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi kul'tury Publ., 1991, pp. 119–129. (In Russ.).
7. Iung K. Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol], Moscow, 1991. 297 p. (In Russ.).
8. Nike football. Brand standards. (In Engl.). Available at: http://issuu.com/logobr/docs/brandbook_nikefootball (accessed 17.11.2015).

СВЕТОВАЯ ПРОЕКЦИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ НЕПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ

Ворожейкина Вера Александровна, аспирант, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусства (г. Новосибирск, РФ). E-mail: saalha@mail.ru

В настоящее время общепринятым считается рекламирование товаров и услуг путем размещения рекламной продукции в среде города. Основная функция рекламы – донести до потребителя положительную ассоциацию с предметом рекламы, сделать информацию запоминающейся. При этом позитивный образ должен хорошо вписываться в окружающую среду и хорошо читаться как вблизи, так и издали. С учетом сложности размещения в городской среде печатной рекламы в качестве альтернативного способа подачи информации рассматривается проекционная реклама.

Актуальность темы обусловлена тем, что при размещении информации в архитектурной среде города Новосибирска нередко нарушается закон о рекламе, не учитываются колористические особенности архитектуры, смена времен года, влияние цвета на психофизиологическое состояние людей. Вопросы размещения наружной рекламы в городской среде напрямую связаны с рекламным законодательством, что предполагает некоторые ограничения в процессе проектирования и размещения полиграфической рекламы.

Используется метод сравнения зарубежного и отечественного опыта в области применения неполиграфической рекламы в городской среде Новосибирска, проводится анализ особенностей цветового восприятия с учетом географического положения и климатических условий.

Доказано, что неполиграфическая реклама имеет потенциал для размещения в городе Новосибирске. После исследования зарубежного опыта сделано заключение о том, что наиболее приемлемым способом размещения наружной рекламы в городе Новосибирске является способ светового проецирования. Технология основана на том, что свет проецируется на любую поверхность в виде цветных лучей и может создавать изображение на площади более 150 кв. м. В результате исследования сделан вывод, что неполиграфическая реклама имеет потенциал для размещения в городе Новосибирске.

Ключевые слова: дизайнер, проекционная реклама, средовой дизайн, колористика, наружная реклама, инновации.

LIGHT PROJECTION ADVERTISEMENT AS A POTENTIAL FOR DEVELOPMENT OF NON-PRINT OUTDOOR ADVERTISING IN NOVOSIBIRSK

Vorozheykina Vera Aleksandrovna, Postgraduate, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Art (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: saalha@mail.ru

Nowadays promoting the companies' products and services by placing the advertising materials in urban environment is popular.

The basic function of advertisement is to convey to a consumer a positive association with the presented goods and services and to make information memorable, at the same time, this positive image should be well integrated into the urban environment and good to be read close and from distance.

Considering the complexity of print outdoor advertising installation in urban environment, Project Scheduling Tool Advertisement (Project Advertisement) is offered as an alternative way of presenting information.

What actual use of Project Advertisement does in Novosibirsk is some often occurring disadvantages of the print outdoor advertising such as disregarding the coloristic architectural features, seasonal changes, color influence on a psychophysiological state of the people, and difficulties of coordination with the rules on advertising. It involves restrictions in the course of design.

The aim of the study is to investigate the potential for development of non-print advertising in Novosibirsk, as well as the possibility of using the Project Advertisement and the advantage of this method over printing.

A comparison of foreign and home experience in the use of non-print advertising in Novosibirsk in a view of geographical location and climatic terms analysis of color perception performed.

Taking into account the international experience, the author comes to conclusion that the way of light projection should be used along with other types of outdoor advertising.

This way of non-print presenting information has a number of advantages over printing types of outdoor advertising, including creating the image of more than 150 sq. m size.

As a result of research the conclusion is drawn that non-printing outdoor advertising has potential for placement in Novosibirsk.

Keywords: designer, projection advertising, environmental design, coloring, outdoor advertisement, innovations.

Наружная реклама зачастую формирует пространственный облик городской среды наряду с колористическими особенностями архитектуры. Реклама может быть расположена на архитектурных сооружениях в печатном виде, может быть нанесена на различные поверхности при помощи красящих элементов, может существовать в виде отдельных рекламных конструкций на специально отведенных для этого площадях, может быть представлена на городских экранах в мультимедийном виде, а также в виде текстовой информации, бегущей строки и т. п. Наряду с традиционными используются и инновационные высокотехнологичные способы подачи информации. Например, реклама на воде, в воздушной среде, в виде световой проекции. Выбор способа подачи информации зависит от финансовых возможностей компании и ее популярности на рынке. Чем крупнее предприятие, тем больше денежных средств будет вложено в рекламный процесс.

Архитектурный облик Новосибирска, как и других городов, формируется исходя из нескольких факторов, включая исторические, географические, климатические. Важную роль играют колористические особенности зданий, контраст между зданием и окружающей средой, цветовые соотношения. В Сибирском регионе холодная погода преобладает над теплой и солнечной, поэтому колористика архитектурного облика города Новосибирска решается с преобладанием светлых, теплых тонов.

Актуальность темы подтверждается тем, что средовое пространство города Новосибирска изменяется в связи с размещением большого количества рекламной продукции на архитектурных сооружениях, в зоне пешеходных маршрутов, в воздушной среде в виде рекламных баннеров или перетяжек. Рекламные конструкции и перетяжки могут видоизменять исторические памятники города, не позволяя рассмотреть сооружение полностью, неправильная подборка цвета может оказывать неблагоприятное воздействие на физическое и психологическое состояние человека.

Зачастую разнотипная реклама, размещенная на отдельном здании или другой отведенной под рекламу поверхности, придает этому месту вид страницы из рекламного журнала, которая или вызывает раздражение своей навязчивостью, или воспринимается как единое цветовое пятно, на которое мало кто обращает внимание. Ведь в рекламном журнале обычно ищут определенную информацию, а наружная реклама привлекает внимание людей, которым, на первый взгляд, представленная информация может оказаться не нужной. А ведь исполнение и расположение рекламы должно быть таким, чтобы действовать ненавязчиво и вызывать интерес целевой аудитории к размещенной информации. Использование в одном месте нескольких видов подачи рекламы вызывает конкурентную борьбу, в которой чаще побеждают инновационные технологии. В большинстве случаев реклама ориентирована именно на активную, более обеспеченную часть насе-

ления, обладающую образным и эстетическим восприятием, приветствующую новые идеи и технологии.

Полиграфическая наружная реклама – достаточно дорогой вид рекламы, стоимость которой складывается из оплаты рекламного места, затрат на печать и на услуги дизайнера. На рынке существует переизбыток товаров и услуг различных компаний, которые порой могут отличаться только рекламой, продавая по сути один и тот же товар. Кандидат искусствоведения А. В. Шолохов считает: «Стремительно развивающиеся информационные технологии меняют все области человеческого действительности, порождая проблему переизбытка поступающей информации. В процессе решения этой проблемы реклама стала выполнять, кроме своих изначальных коммерческих задач, еще и другие, не присущие ей ранее функции, трансформировавшись в развитую систему образного и эстетического воздействия на социум» [6].

В этом плане проекционная реклама (рис. 1) по сравнению с обычной обладает целым рядом преимуществ: такая реклама заставит обратить на себя внимание за счет контраста в темное время суток, можно использовать в качестве рекламной поверхности любую плоскость, есть возможность демонстрации нескольких информационных слайдов поочередно, отсутствие конкурентов в этой нише в городе Новосибирске.

Рисунок 1. Проекционная реклама

Способ светового проецирования основан на том, что свет проецируется на любую поверхность в виде лучей и может создавать изображение на площади более 150 кв. м. Поскольку этот вид рекламы широко применялся на западном рынке,

российским специалистам пришлось оптимизировать его под требуемые климатические особенности различных по географическому положению регионов.

Проведя анализ отечественных научных исследований, автор пришел к выводу, что вопрос проекционной рекламы не поднимался. Гармоничное сочетание цвета в наружной рекламе сможет облагородить архитектурный облик построек. Световая реклама в отличие от полиграфической обладает мобильными свойствами. При проведении праздничных и других масштабных мероприятий можно использовать мультимедийные ролики, смену кадров и т. п., а обычная реклама статична. В спальных районах на стенах домов можно отображать информацию, необходимую для повседневной жизни, например, о проведении собраний, мероприятий, праздников, аварийных ситуациях, уборке снега, изменениях тарифов ЖКУ и т. п. Поскольку в городе Новосибирске в зимний период преобладает темное время суток, проекционная реклама будет выступать в качестве дополнительного освещения улиц. Используя теплые цвета, например, желтый и оранжевый, в световой проекции можно создать ощущение света и тепла. Информативная функция проекционной рекламы значительно выше, чем у полиграфической, так как в темное время суток яркий свет особенно хорошо заметен и может добавить эстетическую составляющую в облик здания.

В городе Новосибирске имеется большое количество построек, торцы которых не имеют окон или дверей с целью пожарной безопасности. Заполнение таких элементов при помощи проекционной рекламы в светлое время суток позволило бы создать комфортную пространственную среду и рекламировать продукцию, не мешая жителям домов в темное время суток. Если проектор мощный, то световое изображение достаточно хорошо различается в светлое время суток за исключением времени прямого попадания солнечных лучей. Также световую рекламу легко можно отключить или изменить, если это потребуется, например, в связи с траурными событиями.

Как правило, большинство рекламодателей стремятся разместить рекламу в наиболее посещаемых местах города, это приводит к тому, что один носитель может содержать несколько информационных блоков разных рекламодателей.

При этом не учитываются колористические особенности соседствующей рекламной продукции, в связи с чем нарушается целостность восприятия архитектурного сооружения. Нарушение цветовых гармоний не только приводит к снижению эстетических качеств, но и оказывает влияние на информативную функцию рекламы. Колористические особенности наружной рекламы, как правило, не учитывают цвет архитектурной среды, которая выступает в качестве носителя рекламы, также не учитываются географические и климатические условия. Реклама, расположенная на архитектурных сооружениях, зачастую занимает достаточно широкую площадь и не всегда считывается с близкого расстояния, при большом удалении графическое изображение распознается как цветное пятно. Теория цвета предполагает соблюдение некоторых правил сочетания цветов. Использование негармоничных цветовых пятен может оказать негативное воздействие на психофизиологию человека. Красный цвет привлекает большее внимание, чем синий, поэтому большие рекламные плоскости красного цвета могут раздражать человека и провоцировать его на агрессивные действия. Ситуация может обостриться, если вблизи такой рекламы расположены места длительного пребывания, например, кафе на открытом воздухе или парк отдыха.

Некоторые дизайнеры не обладают нужными теоретическими и практическими навыками для создания наружной рекламы, что приводит к появлению наружной рекламы, имеющей существенные недостатки в исполнении, грамматические ошибки, некорректную допечатную подготовку, вследствие чего искажаются цвета при печати. Кандидат культурологии Д. А. Бакеева заявляет: «Изготовители рекламных сообщений в большинстве случаев подходят к цветовому решению рекламы эмоционально-интуитивно, полагаясь в одних случаях на собственную культурно-генетическую память, а в других – на стихийные предпочтения аудитории» [1].

Также в процессе проектирования макета дизайнер не всегда учитывает закон о размещении рекламы [7], который устанавливает определенные правила при выборе носителей для рекламы, указывает на ограничения в масштабе и цензурирует информацию.

Процесс проектирования макета полиграфической рекламы для размещения в городской сре-

де должен охватывать знания законов о рекламе, теории цвета, принципов верстки и допечатной подготовки. Как пишет кандидат искусствоведения Л. К. Козырева: «Часто на этапе реализации рекламы, когда найдено, казалось бы, оптимальное решение, появляется «новое» условие – необходимость создания объектов рекламы, не нарушающих федеральный закон. Хорошо, если дизайнер обладал опытом и профессиональной интуицией, тогда велика вероятность принятия проекта с минимальными изменениями» [4].

Создание и размещение наружной рекламы – достаточно дорогой, трудоемкий процесс, который предполагает длительное нахождение рекламы на арендованном пространстве. Это приводит к тому, что реклама теряет свою актуальность.

Цель работы: учитывая влияние зарубежного опыта применения неполиграфической рекламы, исследовать преимущества способа проекционной рекламы в городе Новосибирске.

Для выполнения этого условия требуется решить несколько задач:

- исследование существующего опыта на мировом рынке для выявления необходимых условий применения проекционной рекламы в городе Новосибирске;

- анализ особенностей географического положения, климатических условий и особенностей пространственной среды города Новосибирска для выявления потенциала размещения проекционной рекламы.

При исследовании зарубежного и отечественного опыта применения рекламы рассматривались исторические данные, учебные пособия, статьи и публикации, научные публикации по рекламе, цветоделению и колористике.

Вызывают интерес работы по рекламе кандидата искусствоведения А. В. Шолохова, научные статьи О. О. Савельевой, посвященные исследованиям интерактивной городской рекламы, кандидата искусствоведения В. Б. Устина, который не только описывает исторический опыт, но и дает рекомендации о размещении рекламы в книге «Искусство наружной рекламы». В книге А. С. Кармина «Психология рекламы» рассказывается о том, какое воздействие оказывает реклама на психологию людей. В работах О. Феофанова и М. Тангента учитываются исторические данные о рекламе, упорядочиваются концепции подачи рекламы и то, какое воздей-

ствие они оказывают на психологию восприятия. Рассмотрены принципы эффективной рекламы.

По инновационным способам подачи рекламы рассматривались работы профессора университета Осаки Шигеру Наито.

По теории цвета наиболее интересны труды И. В. Гете, И. Иттена, А. Монселла.

Исследуя литературу как зарубежных, так отечественных специалистов в области рекламной деятельности, автор выделяет несколько инновационных способов подачи неполиграфической рекламы, которые могли бы применяться в городской среде Новосибирска. Например, в Японии применяются высокотехнологичные способы рекламирования с использованием воды (рис. 2). Японские ученые совместно с профессором университета Осаки Шигеру Наито разработали устройство, которое позволяет с помощью волн вырисовывать текст и картинки на поверхности воды [8]. При помощи некоторых технологий реклама может появиться на водной поверхности в виде искажения на небольшой период времени. Такой высокотехнологичный способ будет привлекать внимание за счет необычных технологий. Для города Новосибирска такой способ подошел бы только в летний период, так как погодные условия не позволяют воде находиться в жидком состоянии в течение всего года.

Ученые и инженеры из Университета Бристоля разработали устройство, которое использует вместо экрана водяной туман. Устройство способно отображать объемные фигуры и может использоваться в качестве способа проецирования визуальной информации в городской среде. Изображение проецируется при помощи лазерных лучей, цветовая палитра получается довольно ограниченной. Такой вид рекламы неактуален для города Новосибирска, так как является дорогостоящим и может применяться в определенных погодных условиях, исключено использование устройства в светлое время суток. Такой способ широко применяется для создания визуальных эффектов в помещениях, например, в клубах.

Японской компанией «Aerial Burton» был продемонстрирован новый способ рекламы, который может спроецировать объемные движущиеся изображения и текст прямо в воздухе. Изображения создаются без каких-либо дополнительных технологий типа насыщения воздуха водяным паром. Такое устройство было разработано от-

носительно недавно и является эксклюзивным и очень дорогостоящим, а потому неприемлемо для использования в городе Новосибирске в ближайшем будущем.

Рисунок 2. Реклама на воде

Архитектура города Новосибирска весьма эклектична. Спальные районы отличаются преобладанием так называемых «хрущевок». Сооружения сталинской эпохи граничат с современными высотками и строящимися жилыми комплексами. В ночной период времени с учетом того, что уличное освещение в основном сконцентрировано в центре города, окраины и спальные районы остаются без освещения, что затрудняет перемещение пешеходов. Проекционная реклама решит вопросы освещения улиц, но она может мешать жителям соседних домов готовиться ко сну и спать, если, отражаясь от проецируемой поверхности, будет попадать в окна жилых домов. В этом случае возможно использовать ее как в дневное, так и в вечернее время. Это возможно, поскольку в зимний период темнеет очень рано. Необходимо предусмотреть регламент времени, отведенного на рекламу, чтобы не тревожить жильцов домов в ночное время и выполнять функцию освещения улиц в темное время суток.

Световая проекция уже используется в городе Новосибирске при проведении различных мероприятий на открытом воздухе, таких как световое шоу, рекламные акции. Например, использовалась рекламная световая проекция на фасад здания при открытии универмага «Lukse». Проекционная реклама основана на тех же принципах работы дизайнера, что и полиграфическая, но в случае ошибки достаточно будет поменять

слайд, а не перепечатывать рекламное полотно целиком. Это выгодно в техническом и финансовом плане. Также такой вид рекламы будет более бюджетным вариантом, если заказывать ее в фирме, где уже имеется проектор. Приобретая проектор, нужно учитывать то, что есть возможность аренды времени на рекламную проекцию у различных фирм. С учетом того, что проекция может быть анимированной или виде слайдов, действует тот же принцип покупки времени, что и на телевидении. Проектор может как устанавливаться в специально отведенном месте с защитой от непогоды, так и быть передвижным, располагаясь в машине. Усовершенствованные технологии световой проекции позволяют использовать полноцветные изображения, которые могут быть представлены сменяющимися кадрами или анимацией. Световая реклама, помимо функции освещения улиц в темный период, может создать настроение, может быть отключена в связи с различными событиями города, например, в связи с трауром. Такой вид рекламы помог бы решить сразу несколько проблем: проблему финансового порядка, проблему постоянного воздействия на городскую среду, проблему освещения улиц в темный период времени.

Выявлено, что в настоящее время в городе Новосибирске наружная полиграфическая реклама преобладает над неполиграфической. Световая проекция может как подчеркнуть архитектурный элемент, так и полностью растворить его в среде. Поскольку световая проекция выглядит ярче в темное время суток, для Сибири это оптимальный вариант, так как в зимнее время световой день очень короткий. Если полиграфическая реклама оказывает значительное влияние на архитектурную среду, то проекционная сможет полностью ее преобразить. Проекционная реклама как дополнительный источник освещения может изменить восприятие окружающей среды при различных погодных условиях с учетом времени года. Так, теплый оранжевый цвет может создать ощущение тепла в зимнее время, в то время как синий цвет будет оптимальным решением для теплой погоды.

Ночные огни ассоциируются с праздничным настроением, с парком развлечений, создают атмосферу уюта и делают пространство более жилым.

В городе Новосибирске спальные районы, как правило, имеют плохое освещение в темное время суток. Наружная проекционная реклама на торце дома без окон стала бы оптимальным решением проблемы, так как она выступит в качестве элемента освещения и не будет направлена в окна дома.

Проектор для рекламных изображений может находиться как на улице, так и в соседнем здании или машине, то есть использование проекционной рекламы в течение небольшого периода времени из окон автомобиля позволит обратить на себя внимание прохожих. К примеру, чтобы спровоцировать информацию таким способом, можно перевозить проектор в автомобиле и включать рекламу на небольшой период времени, оставляя его в автомобиле.

После анализа трудов по колористике И. Иттена [2] становится очевидным, что для проекционной рекламы следует использовать наиболее благоприятные цветовые сочетания, которые будут оказывать благоприятное воздействие на психофизиологию людей. Например, гармоничные цветовые пары: красный – зеленый, желтый – фиолетовый, синий – оранжевый. Используя три цвета, стоит выбирать их в следующих сочетаниях: красный, синий, желтый или зеленый, фиолетовый, оранжевый. Также стоит учитывать следующие свойства цвета: насыщенность, контрастность, цветовой тон.

В. Б. Устин [5] в книге «Искусство наружной рекламы: практическое руководство» подробно описывает принцип наружного рекламного оформления фасадов современных зданий. После анализа сделан вывод, что размещать рекламу следует с учетом ее хорошей видимости, контрастов фона и элементов рекламы. Также необходимо учитывать особенности восприятия различных элементов среды, расположенных рядом с местом рекламы. Целостное восприятие информационного блока будет создавать правильная композиция.

Психологические концепции восприятия рекламы учитывались с опорой на выводы А. С. Кармина [3] в книге «Психология рекламы». Автор говорит, что каждый конкретный элемент рекламы несет смысловую нагрузку. Мы придерживаемся его вывода, что близко расположенные источники информации в большом количестве способны сделать рекламу неэффективной, так

как она воспринимается как единое цветовое пятно. Чем больше однотипной рекламы расположено рядом друг с другом, тем меньше внимания человек обращает на каждую по отдельности. Если реклама создана некорректно, она может не только не быть эффективной, но и навредить имиджу предприятия.

Информация о проекционной рекламе, ее характере и особенностях размещения в российских научных источниках отсутствует.

Проекционная реклама в городе Новосибирске может иметь потенциал для развития, так как:

- на данный момент в городе отмечается невысокий уровень конкуренции в сфере использования неполиграфической рекламы;

- в городе имеется достаточное количество архитектурных сооружений, имеющих плоскости без окон для размещения рекламной проекции больших размеров;

- проекционная реклама как элемент архитектурной среды будет представлять собой яркое изображение, привлекающее внимание, особенно в темное время суток;

- возможно использовать не только статичные изображения, но и динамичную смену слайдов;

- условия размещения проекционной рекламы экономически более выгодны и оправданы с точки зрения законодательства, запрещающего размещать полиграфическую рекламу на объектах исторического наследия.

Литература

1. Бакеева Д. А. Цвет в рекламной коммуникации: особенности, функции, символика: дис. ... канд. искусствоведения. – Саранск, 2013. – 187 с.
2. Иттен И. Искусство цвета / под ред. Л. Монаховой. – М.: Издат. дом Д. Аронов, 2010.
3. Кармин А. С. Психология рекламы. – СПб.: ДНК, 2004. – 512 с. – (Психология и культура).
4. Козырева Л. К. Эффективный дизайн рекламы: от мыслительного акта к требованиям законодательства РФ // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2015. – № 10 (41), ч. 5. – С. 106–108.
5. Устин В. Б. Искусство наружной рекламы: практ. рук. – М.: Астрель, 2009. – 304 с.
6. Шолохов А. В. Образно-художественные аспекты формирования визуального содержания в рекламной графике: на материале наружной рекламы Байкальского региона: дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2011. – 208 с.
7. Федеральный закон «О рекламе». – Новосибирск: Норматика, 2015.
8. Устройство, которое использует волны для «печати» на поверхности воды [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.watersoundimages.com/news/printdevice.htm> (дата обращения: 26.11.2015).

References

1. Bakeeva D.A. Svet v reklamnoi kommunikatsii: osobennosti, funktsii, simbolika. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Color in advertising communication: features, functions, symbolism. Diss. PhD. sci. art history]. Saransk, 2013. 187 p. (In Russ.).
2. Itten I. Iskusstvo tsveta [Art of color]. Trans. with German. 6th edition, Foreword by L. Monakhova. Moscow, Publishing House D. Aronov, 2010. (In Russ.).
3. Karmin A.S. Psikhologiya reklamy. Seriya. Psikhologiya i kul'tura [The psychology of advertising. Series. Psychology and culture]. St. Petersburg, DNK Publ., 2004. 512 p. (In Russ.).
4. Kozyreva L.K. Effektivnyi dizain reklamy: ot myslitel'nogo akta k trebovaniyam zakonodatel'stva RF [Effective advertisement design: from the mental act to the requirements of the legislation of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International research journal]*, 2015, no. 10 (41), part 5, pp. 106-108. (In Russ.).
5. Ustin V.B. Iskusstvo naruzhnoi reklamy. Prakticheskoe rukovodstvo [The art of outdoor advertising. A practical guide]. Moscow, Astrel Publ., 2009. 304 p. (In Russ.).
6. Sholokhov A.V. Obrazno-khudozhestvennye aspekty formirovaniia vizual'nogo sodержaniia v reklamnoi grafike: na materiale naruzhnoi reklamy Baikal'skogo regiona. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Figuratively artistic aspects of the formation of visual content in advertising graphics: the material of the outdoor advertising of the Baikal region. Diss. PhD. sci. art history]. Moscow, 2011. 208 p. (In Russ.).
7. Federalnyi zakon "O reklame" [Federal Law "On Advertising"]. Novosibirsk, Normatika Publ., 2015, p. 8. (In Russ.).
8. Device uses waves to 'print' on water surface. (In Engl.). Available at: <http://www.watersoundimages.com/news/printdevice.htm> (accessed 26.11.2015).

УДК 72.036

АРХИТЕКТУРА СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЙНЫХ ЗДАНИЙ. ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Бакушкина Елена Сергеевна, аспирант кафедры художественного образования и декоративно-го искусства, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: Bes862004@mail.ru

Современная архитектура музейных зданий второй половины XX века – начала XXI века представлена как инструмент создания уникального опыта пребывания в музейном пространстве, подготавливающего посетителя к восприятию музейной коллекции. Сегодня архитектура музейных зданий создаёт нужную эмоцию раньше, чем посетитель музея увидит сам экспонат. Такую эмоцию, которая является непосредственным предвосхищением отношения субъекта к объекту.

Музей должен «подготовить» человека для взаимодействия с его коллекцией – сначала надо человека преобразовать, сделать из зрителя созерцателя. Создавая физическую оболочку для хранения и экспонирования коллекций, архитектор формирует особое музейное пространство, вовлекает посетителя в мир музея, воздействуя на людей только ему присущими средствами художественной выразительности: фактурами, текстурами материалов, освещением, формами и пропорциями пространства. Наблюдающий зритель сразу схватывает образные особенности архитектуры музейного здания и, невольно отталкиваясь от этого образа, строит свои ожидания. И эти ожидания напрямую связаны с той практикой видения, которая свойственна визуальной культуре эпохи и самого наблюдателя. Но архитектурные композиции современных музеев несут нам не представления о месте и времени их создания, о тематической направленности хранящихся в них коллекций, а предлагают нам различные программы, сценарии современных визуальных практик.

Сегодня актуальным становится изучение взаимосвязи архитектуры музейного здания со специфическими запросами современного музея. В связи с этим в статье рассматривается принцип разработки метода формирования смысловых моделей в музейной архитектуре, который строится на создании новых оснований порождения визуальных образов, через реализацию архитектурных сценариев визуальных практик, формируемых на чувственно-эмоциональных типах взаимосвязи человека с окружающим миром.

Ключевые слова: современная музейная архитектура, музейный опыт посещения, архитектурные сценарии, чувственно-эмоциональные типы взаимосвязи человека с окружающим миром.

ARCHITECTURE OF MODERN MUSEUM BUILDINGS. FORMATION OF SEMANTIC MODELS

Bakushkina Elena Sergeevna, Postgraduate of Department of Art Education and Decorative Art, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: Bes862004@mail.ru

The modern architecture of museum buildings of the second half of the XX century - the beginning of the XXI century as the instrument of creation of unique experience is presented. Also it prepares the visitor for perception of a museum collection. Today the architecture of museum buildings creates the necessary emotion earlier, than the visitor of the museum will get up face to face to an exhibit. Such emotion which is a direct anticipation of the attitude of the subject towards object.

The museum should to “prepare” the person for interaction with its collection - at first it is necessary to transform viewer to contemplator. The architect forms special museum space, involves the visitor in the museum world. This world influences people only to it inherent means of art expressiveness: invoices, textures of materials, lighting, forms and proportions of space. The observing viewer grabs at once figurative

features of architecture of the museum building, and builds the expectations on the basis of this image. And these expectations are directly connected with visual culture practice of vision and practice of the observer. But architectural compositions of the modern museums offer us various programs, modern scenarios of visual practice.

Today actual is a study of interrelation of the museum's architecture with specific inquiries of the modern museum becomes actual. In this regard, the principle of development of a method of formation of semantic models in museum architecture is considered in article. This principle is based on creation of the new bases of generation of visual images, through implementation of architectural scenarios of visual practitioner. The scenarios of visual practitioner are based on sensual and emotional types of interrelation of the person with the world around.

Keywords: modern museum architecture, museum experience of visit, architectural scenarios, sensual and emotional types of interrelation of the person with world around.

Сегодня среди архитекторов, искусствоведов, музееведов, активно обсуждаются вопросы современного музея. В связи с появлением качественно новых подходов получения и передачи информации возникает вопрос, каким образом музейная институция приспосабливается и трансформируется к новому времени – времени информационных технологий. А также времени, в котором меняются парадигмы, разрабатываются инвайроментальные подходы, как в архитектуре, так и в других сферах жизни. Экологическое сознание человека, взаимодействие с природой и понимание себя в единстве с миром выходят в поле активного осмысления.

В настоящее время исследованиями проблем проектирования музейного пространства занимаются специалисты многих ведущих архитектурных школ мира. Но отсутствуют исследования, необходимые для научного понимания специфики формирования *смысловых моделей* – концептуальных *архидей*, отражающих практику музейного дела конкретного периода и влияющих на создание у посетителя опыта пребывания в музейном пространстве, соответствующего запросу своего времени.

На протяжении истории развития музейной архитектуры облик музейных зданий менялся в зависимости от концепций и подходов к пониманию музейной институции. С конца XIX века, когда началось строительство зданий, спроектированных специально под нужды музея, и до второй половины XX века, можно говорить про возможность создания определенной типологии музейной архитектуры по стилям, критериям, течениям, в контексте общей теории архитектурных стилей. Однако в современное время сложно

говорить, про какой-то конкретный выраженный архитектурный стиль, в то же время в архитектуре все больше возникает новых течений и направлений, связанных с появлением научных и технических открытий или новых философских и мировоззренческих концепций [3]. Таким образом, выявляется необходимость разработки других оснований для систематизации архитектуры современных музеев.

Автором данной статьи предпринята попытка разработать метод формирования смысловых моделей в музейной архитектуре с учетом понимания инвайроментального подхода современности, идущего от природы и рассматривающей человека как «элемент целостной природной системы». Особенности инвайроментального подхода описываются в статье И. В. Родичевой: «Новая инвайроментальная экологическая парадигма, предполагает целостное восприятие объектов “человек-природа” в рамках одной системы “окружающая среда”» [9].

Архитекторы, проектируя современные музейные здания, создают смысловые модели архитектурного пространства, посредством реализации определенных архитектурных сценариев визуальных практик, которые могут усиливать чувственное переживание музейного пространства при пребывании в нем, тем самым способствуя формированию у человека целостной сенсорной картины – индивидуального опыта посещения.

Анализируя работы ученых, занимающихся исследованиями в области психологии, физиологии движения, восприятия архитектурных форм и возникновения визуальных образов, таких как Л. М. Веккер «Психика и реальность. Единая тео-

рия психических процессов», В. Вундт «Введение в психологию», Р. Арнхейм «Искусство и визуальное восприятие», можно выделить различные чувственно-эмоциональные типы взаимосвязи человека с окружающим миром:

- осязательный тип;
- тип, связанный с чувствительностью к пороговым сигналам;
- структурный тип.

Соответственно данным чувственно-эмоциональным типам восприятия архитектурного пространства можно распределить сценарии визуальных практик, которые используют архитекторы при проектировании современных музейных зданий, в следующие группы:

- сценарий, связанный с формированием тактильных ощущений (детальная работа с материалами и фактурами);
- сценарий, связанный с чувствительностью к свету (свет становится содержанием архитектурного объекта, наполняя архитектурное пространство особыми смыслами и переживаниями);
- сценарий, связанный с построением пространства индивидуального сенсорного поля (создание возможности выстроить собственную пространственную структуру своего сенсорного поля).

Ниже приведены музейные здания, выделенные из более 150 исследуемых музеев со всего мира. На их примере рассмотрим, как архитекторы, создавая уникальные музейные здания, усиливают чувственно-эмоциональное восприятие музейного пространства, реализовывая определенные сценарии визуальных практик.

Реализацию сценария, связанного с восприятием пространства через формирование тактильных ощущений можно наблюдать в музее Шаулаггер (*Schaulager*) (рис. 1), построенном в Швейцарском городе Базеле. Музей спроектирован швейцарскими архитекторами, лауреатами притцкеровской премии 2001 года Жаком Херцогом и Пьером де Мерином (*HdM*). Архитекторов называют «самыми чувственными и загадочными архитекторами современности». Они часто говорят о повороте к сенсорной и чувственной архитектуре. По их мнению, архитектуру не следует подвергать рациональному анализу, она должна воздействовать на человека через восприятие материалов, запахов, атмосферы [1].

Рисунок 1. Музей Шаулаггер. Базель. Швейцария

Большое влияние на архитекторов оказало сотрудничество с художником Йозефом Бойсом. Для Бойса важное значение имеет работа с природными, «естественными» материалами и запахами, персональное переживание их каждым человеком.

Внешняя форма основного выставочного корпуса имеет очертания многоугольника, что обусловлено функциональными требованиями, и создает ощущение, будто она «вытеснена» из земли. Стены музея напоминают поверхность, сделанную из плотного войлока, и производят удивительное ощущение мягкости и теплоты. Первоначально они задумывались как уплотненный грунт с клеевой связкой, но по техническим причинам такое решение уступило «своего рода бетону, смешанному с местным гравием» (рис. 2) [8, с. 39].

Рисунок 2. Материал стен основного корпуса музея Шаулаггер

Фасад многоугольника формирует отдельную от основного корпуса зону входа, своеобразную «сторожку», выделяющуюся еще издали и построенную из того же самого «земляного» материала. Музей не имеет яркого запоминающегося сложной формой фасада и выразительных объемов корпусов, но в нем чувствуется заложенная еще Бойсом теория скульптурности и глубокая работа с материалами, позволяющая человеку индустриальной эпохи преодолевать разграничение с природным началом через взаимодействие с теплыми и жизненными материалами в их «докультурном» понимании.

Сценарий, связанный с чувствительностью к свету, реализуется в новом здании музея Кимбелл (*The Kimbell Art Museum*) (рис. 3), построенного итальянским архитектором, лауреатом притцкерской премии 1998 года Ренцо Пьяно (*Renzo Piano*). Ренцо Пьяно является учеником знаменитого архитектора Луиса Кана, для которого качество натурального света являлось одной из важнейших составляющих всего архитектурного пространства. От проекта к проекту он возвращался к собственным приемам, чтобы найти наиболее утонченное решение. Он утверждал, что «нельзя считать пространство архитектурным, если в нем нет места натуральному свету». Что же касается внешнего облика зданий Кана, то мастер никогда не стремился сделать их похожими на что-то известное или знакомое. Они больше напоминают древние руины [4].

Рисунок 3. Музей Кимбелл. Форт-Ворт. Техас. США

Новый павильон музея Кимбелла, открытый в 2013 году, устанавливает близкий, почтительный и откровенный диалог со старым зданием,

построенным в 1972 году Луисом Каном. Передняя его секция – «Летающий павильон» – взаимодействует с западной стороной здания Кана и имеет трехчастное строение. В его центре – легкая, прозрачная, застекленная секция, служащая новым входом в музей. С обеих сторон, позади внешних стен, расположены две галереи для временных и постоянных выставок. Как и его учитель, Ренцо Пьяно уделяет огромное внимание разработке программы освещения и создания световых эффектов, которые влияют на восприятие пространства, усиливают воздействие от музейной коллекции. Для этого архитектор создал сложную систему проникновения дневного света, используя особую, уложенную послойным образом крышу, деревянные лучи, стекло и алюминиевые жалюзи (фотогальванические клетки) (рис. 4). Пьяно создал, по его словам, «управляемую, освещенную днем окружающую среду» [2].

Рисунок 4. Освещение естественным светом пространства музея Кимбелл

Архитектор, как и во многих своих проектах, хочет погрузить посетителя в световой поток, понимая, что в природе сила этого потока постоянно меняется. Световые лучи естественного освещения, пронизывая воду, воздух и твердь в постоянном живом изменении, будут создавать живописный пейзаж наяву.

К следующей группе сценариев визуальных практик, связанных с построением пространства индивидуального сенсорного поля и соответственно относящихся к структурному типу взаимосвязи человека с окружающим миром можно отнести здание музея Слияния (*Musée des Confluences*) (рис. 5). Музей построен во французском городе Лионе в 2014 году австрийской компанией Соор Himmelb(l)au. Здание называют объектом деконструктивизма, оно имеет сложную замысловатую конструкцию со стеклянной наклонной крышей и расположенным в ней непонятным отверстием (рис. 6).

Рисунок 5. Музей Слияния. Лион. Франция

Австрийских архитекторов вдохновили формы алмаза, кристалла и облака. Каждый уровень здания, а их три, имеет свое название. Первый –

«Плентус». Здесь распложены конференц-залы, лекционные аудитории. Второй уровень – «Кристалл» – выполнен из прозрачных стёкол, служит местом для встречи гостей. Под самой крышей находится третий уровень – «Облако»: здесь расположены семь временных выставочных галерей и три постоянные [6].

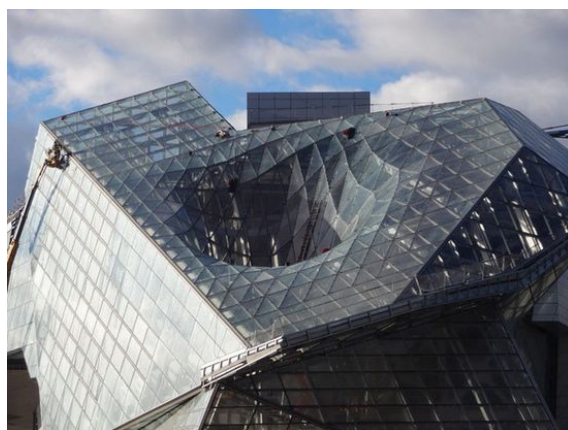

Рисунок 6. Наклонная крыша с отверстием в музее Слияния

Художественный образ музея не имеет каких-либо понятных образных аналогов в обычном окружающем человека мире. Деконструктивистские здания – это здания, не похожие ни на что. Разрывается связь человека с известными и узнаваемыми наглядными образами наблюдаемой части мира. Еще при подходе к зданию посетитель подготавливается к непредвзятому, открытому восприятию пространства музея и его коллекции через глубокое удивление, возникающее от непонимания сложного образа здания и его конструкции. Таким образом, посредством архитектуры музея посетитель строит новые связи своего сознания с неизвестными образами и смыслами современного времени, создавая индивидуальную пространственно-временную структуру ощущений [5].

За последние двадцать лет было построено большое количество новых музеев. Архитектура музейных пространств помогает решать различные задачи, которые ставят перед собой владельцы коллекций и музейщики, заказывая новые здания. Главное в современной архитектуре музеев с точки зрения её созерцания то, что мы должны

охватить её в целом, в противовес к фрагментарному рассматриванию историцистской архитектуры. Архитекторы решают эти задачи посредством создания различных *сценариев визуальных практик*, от чего, как следствие, и зависят поведенческие сценарии посетителей.

Архитектура музейных зданий изменяется вместе со сменой модели взаимосвязи «человек – мир». Современные визуальные практики особенно эмоциональны. Ещё в начале XX века было установлено, что эмоциональное явление всегда двухкомпонентно [7]. Эмоция, как известно, представляет собой и отношение субъекта к объекту (первый компонент), и, что важно, это отношение человека к внешнему миру неотделимо от отображения своего переживания, состояния (второй компонент). Вот на этом втором компоненте и делают акцент современные архитекторы, формируя их художественный образ и программируя восприятие зданий музеев. Они используют чувственно-эмоциональные типы порождения визуальных образов: тип осязательный – через детальную работу с материалами и фактурами в музее Шаулаггер; тип, связанный с чувствительностью к свету, – через разработку системы натурального освещения пространства в музее Кимбелла; тип, связанный с построением

пространства сенсорного поля, – через создание определенной структуры в музее Слияния.

Выявляется принцип порождения визуальных образов музейных зданий, через построение определенных сценариев визуальных практик. Сценарии визуальных практик современных музеев основаны на чувственно-эмоциональных типах взаимосвязи человека с окружающим миром:

- тип, связанный с формированием тактильных ощущений;
- тип, связанный с чувствительностью к свету;
- тип, связанный с построением пространства сенсорного поля.

Предложенные в статье типологии показывают различные грани эмоциональности как характеристики современной музейной архитектуры и могут быть использованы при разработке метода формирования смысловых моделей. В данном методе смысловые модели музейного пространства строятся посредством использования при проектировании музея определенных архитектурных сценариев визуальных практик, которые формируют у посетителей особый опыт посещения, способствующий внутреннему преобразованию и помогающий настроиться на восприятие музейной коллекции.

Литература

1. Herzog & de Meuron [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: <https://www.herzogdemeuron.com/index/projects/complete-works/151-175/169-schaulager.html> (дата обращения: 25.01.2016).
2. Renzo Piano. Building Workshop [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: <http://www.rpbw.com/project/38/beyeler-foundation-museum/> (дата обращения: 25.01.2016).
3. Бакушкина Е. С., Блинова Е. К. Архитектура зарубежных музейных зданий второй половины XX века. Опыт типологического исследования [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2014. – № 48. – URL: http://archvuz.ru/2014_4/6 (дата обращения: 25.01.2016).
4. Белоголовский В. Музей Кимбелл. Личные впечатления [Электронный ресурс] // Архитектур. Вест. – 2009. – № 4. (109). – URL: <http://archi.ru/press/russia/19949/muzei-kimbell-lichnye-vpechatleniya> (дата обращения: 25.01.2016).
5. Блинова Е. К., Бакушкина Е. С. Пространство и время музея // Знание – сила. – 2016. – № 2.
6. В Лионе открыт Музей слияния // ТВ Канал Культура. Новости Культуры. Эфир от 13.05.2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/126542/ (дата обращения: 25.01.2016).
7. Вундт В. М. Введение в психологию. – М.: КомКнига, 2007. – 168 с.
8. Невлютов М. Р. Жак Херцог и Пьер де Мерон. Искусство и архитектура [Электронный ресурс] // Артикульт: науч. электрон. журн. – 2014. – № 2. (14). – С. 37–46. – URL: http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/014/ARTICULT-14_%282-2014,P37-46%29-Nevlyutov.pdf (дата обращения: 25.01.2016).
9. Родичева И. В. Инвайроментальные экологические воззрения как ориентир массового осмысления взаимоотношений человека и биосферы // Общество: политика, экономика, право. – 2008. – № 2. – С. 29–30.

References

1. Herzog & de Meuron. Official website. (In Engl.). Available at: <https://www.herzogdemeuron.com/index/projects/complete-works/151-175/169-schaulager.html> (accessed 25.01.2016).
2. Renzo Piano. Building Workshop. Official website. (In Engl.). Available at: <http://www.rpbw.com/project/38/beyeler-foundation-museum/> (accessed 25.01.2016).
3. Bakushkina E.S., Blinova E.K. Arkhitektura zarubezhnykh muzeinykh zdaniy vtoroi poloviny XX veka. Opyt tipologicheskogo issledovaniia [Foreign Architecture Museum buildings of the second half of the 20th century. The experience of typological research]. *Arhitekton: izvestiia vuzov [Architecton: proceedings of higher education institutions]*, 2014, no. 48. (In Russ.). Available at: http://archvuz.ru/2014_4/6 (accessed 25.01.2016).
4. Belogolovskii V. Muzei Kimbell. Lichnye vpechatleniia [The Kimbell Museum. Personal experience]. *Arkhitekturnyi Vestnik [Architectural Bulletin]*, 2009, no. 4(109). (In Russ.). Available at: <http://archi.ru/press/russia/19949/muzei-kimbell-lichnye-vpechatleniya> (accessed 25.01.2016).
5. Blinova E.K., Bakushkina E.S. Prostranstvo i vremia muzeia [Space and time Museum]. *Znanie – sila [Knowledge Is Power]*, 2016, no. 2. (In Russ.).
6. V Lione otkryt Muzei sliianiia [In Lyon Museum opened to the merger]. *TV Kanal Kul'tura. Novosti Kul'tury. Efir ot 13.05.2015 [TV Channel Culture. News Culture. Aired on 13.05.2015]*. (In Russ.). Available at: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/126542/ (accessed 25.01.2016).
7. Vundt V.M. Vvedenie v psikhologiiu [Introduction to psychology]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 168 p. (In Russ.).
8. Nevliutov M.R. Zhak Khertsog i P'er de Meron. Iskusstvo i arkhitektura [Jacques Herzog and Pierre de Meuron. Art and architecture]. *Artikul't: nauchnyi elektronnyi zhurnal [Artcult. Scientific electronic journal]*, 2014, no. 14(2), pp. 37-46. (In Russ.). Available at: http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/014/ARTICULT-14_%282-2014,P.37-46%29-Nevlyutov.pdf (accessed 25.01.2016).
9. Rodicheva I.V. Inviromental'nye ekologicheskie vozzreniia kak orientir massovogo osmysleniia vzaimootnoshenii cheloveka i biosfery [Enviromentally environmental perspectives as a point mass understanding of the relationship between man and the biosphere]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society. Politics, Economics, Law]*, 2008, no. 48, pp. 29-30. (In Russ.).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 101.2

ФИЛОСОФИЯ В РУНЕТЕ: КРАТКИЙ ЭКСКУРС¹

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России) (г. Москва, РФ). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Статья ставит своей задачей обзор представленности философского содержания в русскоязычном фрагменте Интернета. Автор использует следующие критерии: форм представленности философского знания, его тематизаций, степени институционализации, степень интерактивности, мотивы участников коммуникации. Он представляет типологию, согласно которой философский Рунет образуем из ингредиентов: сводных, официальных, специализированных, журнальных сайтов, электронных библиотек и онлайн-новых сообществ.

Сводные сайты образуют собой самый общий уровень в Интернете. Они сводят всю имеющуюся информацию о философских сайтах воедино, а также сводят ее с пользователями, интересующимися этими темами.

Официальные сайты философских научных и образовательных учреждений представляют административную и отчетную информацию.

Три сайта представляют три академических института философии, а именно: московский, екатеринбургский и новосибирский. Из них институт философии в Москве имеет самый большой, разветвленный и многостраничный сайт, который может быть назван порталом.

Профессионалы и любители, интересующиеся каким-либо разделом, направлением или периодом в истории мировой мысли, создают специализированные сайты.

Например, существуют сайты, посвященные методологии, истории идей, логике, философии науки, философской антропологии. Они отличаются от тематических образовательных порталов или онлайн-новых библиотек тем, что здесь происходит интерактивное общение профессионалов в этих областях, которые выкладывают свои работы, обсуждают их, организуют встречи-семинары и конференции.

Другой тип сайтов с философским содержанием – это журналы, которые делятся на электронные аналоги бумажных и электронные. Большинство – это электронные версии бумажных журналов как самых известных, так и электронные аналоги университетских и институтских «Вестников».

Существует много сайтов электронных библиотек, которые приходят на смену традиционным библиотекам, где находится наибольшее скопление гигабайт философской информации.

Наконец, самые интересные философские сайты, действительная новая форма коммуникации – это философские клубы и сообщества. Их основные типы – это клубы, самостоятельные сообщества и сообщества в рамках «живых журналов».

Ключевые слова: типология философского содержания русскоязычного Интернета.

PHILOSOPHY IN RUNET: A BRIEF TOUR²

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of Research Centre for All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the RF (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russian Federation). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РГНФ, проект № 15-03-00087.

² This article was prepared with financial support in the framework of the grant RHF, the project № 15-03-00087.

The article aims to review the representation of philosophical content in the Russian language Internet fragment. The author uses the following criteria, namely the representation of forms of philosophical knowledge, its theming, the degree of institutionalization, degree of interactivity, motives of participants of communication. It presents a typology according to which philosophical Runet form from the following ingredients, namely: consolidated, formal, specialized, magazine websites, electronic libraries and online communities.

Aggregated sites form a very general level on the Internet. They reduce all available information on the philosophical sites together, as well as reduce it to users interested in these topics.

Official sites philosophical research and educational institutions are administrative and reported information.

Three sites are three academic institutes of philosophy, namely, Moscow, Yekaterinburg and Novosibirsk. Of these, the Institute of Philosophy in Moscow has the largest, branched and multi-site, which can be called a portal.

Professionals and amateurs interested in any section, direction or period in the history of world thoughts create specialized sites.

For example, there are sites dedicated to the methodology, history of ideas, logic, philosophy of science, philosophical anthropology. They differ from the thematic educational portals and online libraries that are going interactive communication for the professionals in these fields, who share their works, discuss them, organize meetings, seminars and conferences.

Another type of websites philosophical content is magazines, which are divided into electronic equivalents of paper and electronic. The majority are electronic versions of paper journals as the most famous and electronic analogs of university and college "Bulletins."

There are many sites of electronic libraries, which are replacing the traditional libraries, where there is the greatest concentration of philosophical gigabytes of information.

Finally, the most interesting philosophical sites are philosophical clubs and communities. There is really a new form of communication. Their main types are club amateur and "live journal" communities.

Keywords: typology of philosophical content of the Russian-speaking Internet.

Великое случается буднично. В этом все более и более убеждаешься по мере разворачивания компьютерно-мобильной-интернет-революции, которая тихо и повседневно происходит на наших глазах последние 20 лет. Многие, наверное, в детстве и юношеском возрасте грезил великими событиями романтического прошлого (революций, восстаний, войн и пр.), сокрушаясь о прозаичности текущего. Теперь можно уверенно сказать, так было всегда, и в казавшиеся нам героико-романтические времена – как только новое и неожиданное приходит – оно тут же, чуть ли не на следующий день, опривычивается.

Всю свою жизнь я был книжником и сейчас у меня осталась большая библиотека, где представлено практически все, что у нас издавалось приличного по философии до конца XX века. Но вот уже лет десять, если не более, я практически не покупаю книг. Зачем? Сейчас большинство из них есть в Интернете и чем дальше, тем больше их становится. Доступ к ним лимитируется лишь

временем включения компьютера, загрузки Интернета и поисковых программ.

И информационная вавилонская башня растет, все выше и выше. Конечно, у многих интеллектуалов это рождает серьезные фрустрации: зачем творить, писать, когда всегда рядом, в состоянии «клика мышки» – невообразимые парсеки информации, вся планетная мудрость тысячелетий окружает тебя в шаговой доступности и нет сил в нее погружаться, тем паче еще что-то добавлять в этот мировой океан.

Метафора «океана» хорошо подходит к обозначению этого громадьи информации, предстоя перед нами в виде кажущегося мало упорядоченным и анархическим образования. Известно, однако, что реальный познанный океан оказался в высшей степени самоорганизованным целым: со сложнейшим рельефом, береговыми линиями, течениями и ветрами.

И сейчас Интернет становится одним из фокусов современного междисциплинарного ис-

следовательского интереса, тем более, что невозможно найти более доступный предмет познания. Эта доступность создается программами (роботами) – поисковыми системами, которые способны в секунду предоставить многотысячные страницы электронных документов на интересующую вас тему, пусть и более 90 % эта информация косвенная, а то и вообще к делу не относящаяся. Вероятно, разработка более точных алгоритмов поиска, отбора и анализа – дело будущего. Пока каждая из научных дисциплин должна брать на себя аналитические функции, самолично производить рефлексию своего интернет-содержания.

Задача настоящей статьи – дать обзор представленности философского содержания в русскоязычном фрагменте Интернета – Рунете. В каких формах знания, деятельности и отношениях существует здесь философия?

Критерии выделяемых и упорядочиваемых интернет-элементов в представляемой здесь модели родились можно сказать эмпирически – через просмотр, анализ разных срезов (интернет-страниц) изучаемого, философского содержания, которое модифицировалось в зависимости от поставленных перед поисковыми системами вопросов. Это критерии: форм представленности философского знания, его тематизаций, степени институционализации, степень интерактивности, мотивов участников коммуникации.

Самый общий уровень представленности можно обозначить как *сводные* сайты, они как *сводят* всю имеющуюся информацию о философских сайтах воедино, так и *сводят* ее, информацию, с любопытствующими на эту тему людьми, пользователями. Вообще же генерализация подобного «сводничества» – создание соответствующего дисциплинарного портала или сайта, призванного сверх сугубо информационной функции выполнять еще и дополнительные активные функции «порта»: регистрировать пользователей данной профессии; обеспечивать им медиацию, профессиональное и личное общение (форумы и чаты); публиковать работы членов сообщества; организовывать интернет-конференции; создавать модерлируемые информационные и аналитические разделы [22]. Такое есть, к примеру, у культурологов, у них существует уже лет пять соответствующий портал, он активен и прекрас-

но развивается, имея 1841 зарегистрированного участника на 10.11.2015.

Философия имела подобный портал, созданный в 1997 Максимом Лебедевым, который в настоящее время влечет жалкое существование. На прежнем web-адресе осталась лишь on-line библиотека, в которой пребывают крохи прежнего изобилия, большинство книг недоступны или удалены [9]. На том же адресе, но с добавлением цифры 2 вроде как расположен образ прежнего портала, но это скорее симулякр. Меню портала в видимом порядке: форум, новости (последние датированы 2011 годом), библиотека, философские ресурсы (отечественные философские организации и центры, тематические ресурсы, «Вестник РФО»), важнейший и необходимый для преподавателей раздел «Философия в образовании» (справочники, учебники, энциклопедии, программы курсов, госстандарты, требования, сетевые энциклопедии, словари, журналы), партнеры (ИФ РАН, журналы ИФ).

Все это, однако, оказывается «потемкинской деревней» [26]. Как только какой-нибудь любопытный попытается постучаться сюда, кликнуть по многообещающим ссылкам, так сразу получит мелькание разочаровывающих пояснений: «не доступна», «в разработке», «ошибка», «страница не найдена». Раздел «Философия в образовании», столь востребуемый в сообществе, представляет собой зияющую пустоту: нет ни справочников, ни учебников, ни программ курсов и госстандартов. Из сетевых энциклопедий, обозначенных пяти позиций есть лишь две. Раздел «Журналы» также представлен ссылками на сайты, половина которых не действует. Ни о какой связи речи тоже не идет: то, что выставлено как сайты кафедр философии (22) является университетскими порталами. Таким образом, общероссийский портал по философии просто «лежит», и это, похоже, мало кого не волнует.

Отчасти компенсацией отсутствия признанного дисциплинарного философского портала является официальный сайт Российского философского общества [12]. Однако нужно иметь в виду, что это, прежде всего, сайт добровольной ассоциации и представлена здесь именно информация о ее структурах и членах: устав, региональные подразделения, список членов, журналы ас-

социации («Вестник РФО», «Век глобализации»), труды и презентации наиболее активных членов ассоциации.

В ситуации безвластия в философском сегменте Рунета отсутствует и профессионально изготавливаемая «дорожная карта». Есть лишь единицы интернет-сводников, чей инвентарь нехитрый и скудный. Здесь нет профессионалов и их подборки, которые они выкладывают, представляют собой либо:

- порталы общенаучных подборок, где есть позиция «Философия» и свалены в одну кучу самые разные ссылки на сайты, имеющие хоть какое-то отношение к философии – здесь и библиотеки, и справочники, и блоги, и порталы, причем годность ссылок, конечно же, не отслеживается [28];

- какой-либо конфессиональный портал (религии любят аффилиации с философией), к примеру, это сайт Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, где выложена подборка философских сайтов и журналов, естественно она весьма поверхностна [14];

- уже совсем специфические порталы любителей мистики, оккультизма или же тоталистских философий (интегральной философии, неовсеединства, «мыследеятельностей о мире» и т. п.) – понятно какой ассортимент здесь предложат искателям мудрости [10].

Далее, содержание, относящееся к профессиональной деятельности на ниве философии, – в виде деятельности исследовательской и педагогической – представлено на **официальных** сайтах научных и образовательных учреждений.

В отношении исследовательской деятельности – это три Института философии: московский, екатеринбургский и новосибирский, составляющие собой остов философско-академической структуры в России. Последние два представлены в Рунете совсем лапидарно – только административная и отчетная информация, но вот ИФ РАН имеет очень представительный, разветвленный, многостраничный сайт, который по сути может называться порталом [8]. На нем содержатся не только сведения о структуре организации и ее сотрудниках, не только научные отчеты и книги, выпускаемые здесь. Имеется большой образовательный сектор – со студентами (ГАУГН) двух

факультетов, аспирантурой, докторантурой, диссертационными советами. Есть информация по конкурсной, экспертной, фондовой деятельности, многочисленным конференциям. В разделе «Философские ресурсы» содержатся сведения о некоторых организациях (добровольных ассоциациях, клубах), в очень представительном разделе «Текстовые ресурсы» есть ссылки на 34 электронные библиотеки (и русские, и англоязычные). Наряду со сведениями о периодических изданиях Института философии есть также ссылки на сайты журналов [23]. Наконец, есть раздел об интернет-проектах и сообществах.

Государственные образовательные учреждения, готовящие профессиональных философов-педагогов в России, – 11 «чистых» философских факультетов, 10 «комбинированных» (философия в ассоциации с социологией, политологией, культурологией или же с психологией и социальной работой) и 12 выпускающих кафедр. У всех них есть свои странички на университетских порталах. Некоторые, особо энергичные преподаватели даже имеют на них свой листаж. В основном там размещается текущая административная, отчетная информация.

Профессионалы и любители, живо интересующиеся каким-либо разделом или направлением в философии, периодом в истории мировой мысли, темой или же фанаты какого-либо философа, – создают **специализированные** сайты.

Так, существуют сайты, посвященные методологии (СМД-методологии), истории идей, логике, философии науки, философской антропологии [11]. Их отличие от соответствующих тематических образовательных порталов или же онлайн-библиотек в том, что здесь имеет место интерактивное общение профессионалов в этих областях, которые выкладывают свои работы, обсуждают их, организуют живые встречи-семинары и конференции.

Направлениям в истории философии посвящены, к примеру, сайты – от феноменологии, постмодернизма, герметической и гностической философии – вплоть до «философии Матрицы» и философских мультимедиа [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Много сайтов, посвященных знаменитым философам, к примеру: Ф. Ницше, Даниилу Ан-

дрееву, Ж.-П. Сартру, А. Шопенгауэру, М. Хайдеггеру и мн. др. [2; 3; 4; 5; 6].

Причем существуют не только так сказать «мемориальные» сайты, но и посвященные «самому себе», ныне живущим и активно творящим философам: от широко известного правого метафизика А. Дугина – до малоизвестного А. Шухова, последний только в качестве примера, несть числа подобным авторским сайтам [1; 13]. И не только отдельным личностям, но целым «философским местностями», типа «философия и философы Самары» [25].

Следующий типаж сайтов с философским содержанием – *журналы*, которые делятся на электронные аналоги существующих бумажных и «чисто» электронные. Первых не в пример больше, сюда включаются не только самые известные («Вопросы философии», «Философские науки», «Логос», «Человек» и др.), но каждый университетский и институтский «Вестник» сегодня также имеет свой электронный аналог. Наиболее широкие списки журналов представлены на сайте «Интелроса» [7].

На смену традиционным библиотекам приходят *электронные библиотеки*, наиболее концентрированное скопление гигабайт философской информации. Здесь явственны следующие типы электронных библиотек [24]:

- крупные авторские книжные оцифрованные коллекции, собиравшиеся продолжительное время усилиями (по оцифровке) многих тысяч добровольцев, в которых есть разделы «Философия»: Максима Мошкова, Алексея Злыгостева, священника Якова Кротова, Библиотеки Гумер, Платона Нет, Славы Янко и др.;

- образовательные порталы, также с соответствующей философской рубрикой, они состоят, как правило, при философских факультетах, кафедрах, университетах, отдельно следует выделить библиотеку диссертаций;

- тематические, посвященные какому-либо периоду мировой философской мысли или же разделу философии (Античности, Средневековья, Ренессанса, русской философии, психологии, антропологии и мн. др.).

Наконец, самые, может быть, интересные философские сайты, действительная новая форма коммуникации, – это *философские клубы и со-*

общества. Основные их типы: клубы, самодеятельные сообщества и сообщества в рамках ЖЖ (живых журналов).

В качестве примера философского интернет-клуба можно привести проект, созданный Иваном Шкуратовым [29; 30]. Он имеет своего рода «правление» или 9 полноправных членов, своего рода «академиков» – во главе с администратором, самим И. Шкуратовым и институт «кандидатов» в члены. Здесь вели философский журнал, имели форум, публиковали свои статьи, весной 2014, однако, деятельность клуба существенно поухля.

Проиллюстрировать тип «сообщества» можно, приведя пример интернет-образования под названием «Философский штурм». Основу сайта составляют записи пользователей, которые тематически разделяются на две секции – философскую и гуманитарную. В первую попадают все записи, для которых в качестве предметного раздела выбраны темы от «Истории философии» до «Философского творчества». Эти записи обсуждаются теми, кого они привлекают, по ним ведется статистика активности пользователей [27].

Сообществ в рамках ЖЖ (живых журналов) много, чисто философских – около десятка («Истинная философия», «Политическая философия», «Общество», «Форум философия», «Актуальная философия», «Когнитивные науки», «Первокурсники философского факультета МГУ» и т. п.), а одно из них так вообще покрыто значительностью и таинственностью – так называемое «Закрытое философское сообщество», куда не так-то просто вступить. И это радует, право лучше такая конспирология мудрости и серьезности, нежели какие-либо религиозно-сектантские игры.

Итак, мы рассмотрели общую представленность философского содержания в русскоязычном фрагменте Интернета. Использовались следующие критерии: форм представленности философского знания, его тематизаций, степени институционализации, степень интерактивности, мотивы участников коммуникации. Представлена типология, согласно которой философский Рунет образуем из следующих ингредиентов: сводных, официальных, специализированных, журнальных сайтов, электронных библиотек и онлайн-обществ.

Литература

1. Арктогея. Философский портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://arcto.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
2. Для всех и для никого. Фридрих Ницше. 1844–1900 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nietzsche.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
3. Даниил Андреев. Роза мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://mirosvet.narod.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
4. Жан-Поль Сартр [Электронный ресурс]. – URL: <http://sartre.hpsy.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
5. Артур Шопенгауэр [Электронный ресурс]. – URL: <http://sopenga.narod.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
6. Martin Heidegger [Электронный ресурс]. – URL: <http://heidegger.narod.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
7. Журнальный клуб «Интелрос». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intelros.ru/index.php?do=cat&category=readroom> (дата обращения: 11.11.2015).
8. Институт философии Российской академии наук [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
9. Информационно-справочный философский портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philosophy.ru> (дата обращения: 10.11.2015).
10. Каталог сайтов на портале «Воздушный замок». Философия [Электронный ресурс]. – URL: <http://rmvoz.ru/sites/filosofiya> (дата обращения: 10.11.2015).
11. Методология в России. Публичный некоммерческий информационный ресурс Методологического Движения [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.circle.ru>
12. Официальный сайт РФО. Диалог XXI век. Интерактивный сайт Российского философского общества [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dialog21.ru> (дата обращения: 10.11.2015).
13. Портал «Концепция двух продолжений». А. Шухов [Электронный ресурс]. – URL: <http://nounivers.narod.ru/Index.html> (дата обращения: 11.11.2015).
14. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Наука и вера. Философские сайты [Электронный ресурс]. – URL: http://pstgu.ru/scientific/seminars/science_faith/links/philosophic (дата обращения: 10.11.2015).
15. Санкт-Петербургский Центр истории идей [Электронный ресурс]. – URL: <http://ideashistory.org.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
16. Anthropology. Web-кафедра философской антропологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://anthropology.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
17. Lebenswelt. О феноменологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://lebenswelt.narod.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
18. Сайт о культуре и философии постмодерна [Электронный ресурс]. – URL: <http://postmodern.in.ua> (дата обращения: 11.11.2015).
19. Человек. Мир. Гнозис. Сайт герметической и гностической философии [Электронный ресурс]. – URL: <http://mir-gnozis.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
20. Ложки. NET. Философия матрицы [Электронный ресурс]. – URL: http://lozhki.net/matr_philosophy.shtml (дата обращения: 11.11.2015).
21. Интернет-сайт международного общества «Вектор духовности». Философские мультики [Электронный ресурс]. – URL: <http://vectork.org/smeshnye-multiki> (дата обращения: 11.11.2015).
22. Сетевое общество «Российская культурология». О проекте [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.culturalnet.ru/main/page/contacts.html> (дата обращения: 10.11.2015).
23. Текстовые ресурсы. ИФ РАН [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/page52248384.htm> (дата обращения: 11.11.2015).
24. Традиция. Русская энциклопедия. Философские сайты [Электронный ресурс]. – URL: <https://traditio.wiki> (дата обращения: 11.11.2015).
25. Философская Самара [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.phil63.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
26. Философский портал philosophy.ru: Философия в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philosophy2.ru> (дата обращения: 10.11.2015).
27. Философский штурм. Совместное философское творчество [Электронный ресурс]. – URL: <http://philosophystorm.org/tracker> (дата обращения: 11.11.2015).
28. Философское сообщество ЖЖ [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru-philosophy.livejournal.com/> (дата обращения: 11.11.2015).
29. [Links-Guide.ru](http://www.links-guide.ru). Научно-образовательные и деловые порталы Рунета. Философские порталы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.links-guide.ru/filosofskie-portaly> (дата обращения: 11.11.2015).

30. Nauki-online.ru. Наука и техника, экономика и бизнес. Философии [Электронный ресурс]. – URL: <http://nauki-online.ru/filosofija> (дата обращения: 10.11.2015).
31. Phenomen.Ru. Философия online [Электронный ресурс]. – URL: <http://phenomen.ru> (дата обращения: 11.11.2015).

References

1. Arktogeia. Filosofskii portal [Arctogaia. Philosophical portal]. (In Russ.). Available at: <http://arcto.ru> (accessed 11.11.2015).
2. Dlia vsekh i dlia nikogo. Fridrikh Nitsshe. 1844–1900 [For all and for anyone. Friedrich Nietzsche]. (In Russ.). Available at: <http://www.nietzsche.ru> (accessed 11.11.2015).
3. Daniil Andreev. Roza mira [Daniel Andreev. Rose of the World]. (In Russ.). Available at: <http://mirosvet.narod.ru> (accessed 11.11.2015).
4. Zhan-Pol' Sartr [Zhan-Pol' Sartr]. (In Russ.). Available at: <http://sartre.hpsy.ru> (accessed 11.11.2015).
5. Artur Shopenhauer [Artur Shopenhauer]. (In Russ.). Available at: <http://sopenga.narod.ru> (accessed 11.11.2015).
6. Martin Heidegger [Martin Heidegger]. (In Russ.). Available at: <http://heidegger.narod.ru> (accessed 11.11.2015).
7. Zhurnal'nyi klub "Intelros" [Coffee Club "Intelros"]. (In Russ.). Available at: <http://www.intelros.ru/index.php?do=cat&category=readroom> (accessed 11.11.2015).
8. Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk [The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.). Available at: <http://iph.ras.ru> (accessed 11.11.2015).
9. Informatsionno-spravochnyi filosofskii portal [A background philosophical portal]. (In Russ.). Available at: <http://www.philosophy.ru> (accessed 10.11.2015).
10. Katalog saitov na portale "Vozdushnyi zamok". Filosofia [Web directory portal "castle in the air." Philosophy]. (In Russ.). Available at: <http://rmvoz.ru/sites/filosofiya> (accessed 10.11.2015).
11. Metodologiya v Rossii. Publichnyi nekommercheskii informatsionnyi resurs Metodologicheskogo Dvizheniia [Methodology in Russia. Public non-profit information resource Methodological Movement]. (In Russ.). Available at: <http://www.circle.ru>
12. Ofitsial'nyi sait RFO. Dialog XXI vek. Interaktivnyi sait Rossiiskogo filosofskogo obshchestva [The official website for SFA. Dialogue CSI century. Interactive website of the Russian Philosophical Society]. (In Russ.). Available at: <http://www.dialog21.ru> (accessed 10.11.2015).
13. Portal "Kontseptsii dvukh prodolzhenii". A. Shukhov [Portal "concept of two continuation". A. Shukhov]. (In Russ.). Available at: <http://nounivers.narod.ru/Index.html> (accessed 11.11.2015).
14. Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. Nauka i vera. Filosofskie saity [Saint Tikhon's Orthodox University. Science and faith. Philosophical sites]. (In Russ.). Available at: http://pstgu.ru/scientific/seminars/science_faith/links/philosophic (accessed 10.11.2015).
15. Sankt-Peterburgskii Tsentri istorii idei [St. Petersburg Center for History of Ideas]. (In Russ.). Available at: <http://ideashistory.org.ru> (accessed 11.11.2015).
16. Anthropology. Web-kafedra filosofskoi antropologii. (In Russ.). Available at: <http://anthropology.ru> (accessed 11.11.2015).
17. Lebenswelt. O fenomenologii [Lebensvelt. About phenomenology]. (In Russ.). Available at: <http://lebenswelt.narod.ru> (accessed 11.11.2015).
18. Sait o kul'ture i filosofii postmoderna [Site about the culture and philosophy of the postmodern]. (In Russ.). Available at: <http://postmodern.in.ua> (accessed 11.11.2015).
19. "Chelovek. Mir. Gnozis". Sait germeticheskoi i gnosticheskoi filosofii ["Man. Peace. Gnosis." Site Hermetic and Gnostic philosophy]. (In Russ.). Available at: <http://mir-gnozis.ru> (accessed 11.11.2015).
20. Lozhki. NET. Filosofiya matrity [Spoons. NO. The philosophy of the matrix]. (In Russ.). Available at: http://lozhki.net/matr_philosophy.shtml (accessed 11.11.2015).
21. Internet-sait mezhdunarodnogo obshchestva "Vektor dukhovnosti". Filosofskie mul'tiki [Website of the International Society "Vector of spirituality." Philosophical cartoons]. (In Russ.). Available at: <http://vectork.org/smeshnye-multiki> (accessed 11.11.2015).
22. Setevoe obshchestvo "Rossiiskaia kul'turologiia". O proekte [The Networked Society "Russian cultural studies." About the project]. (In Russ.). Available at: <http://www.culturalnet.ru/main/page/contacts.html> (accessed 10.11.2015).
23. Tekstovye resursy. IF RAN [The text resources. IF RAN]. (In Russ.). Available at: <http://iph.ras.ru/page52248384.htm> (accessed 11.11.2015).
24. Traditsiia. Russkaia entsiklopediia. Filosofskie saity [Tradition. Russian encyclopedia. Philosophical sites]. (In Russ.). Available at: <https://traditio.wiki> (accessed 11.11.2015).

25. Filosofskaja Samara [Philosophical Samara]. (In Russ.). Available at: <http://www.phil63.ru> (accessed 11.11.2015).
26. Filosofskii portal philosophy.ru: Filosofija v Rossii [Philosophical portal filosofy.ru Philosophy in Russia]. (In Russ.). Available at: <http://www.philosophy2.ru> (accessed 10.11.2015).
27. Filosofskii shturm. Sovmestnoe filosofskoe tvorchestvo [The philosophical assault. Joint philosophical creativity]. Available at: <http://philosophystorm.org/tracker> (accessed 11.11.2015).
28. Filosofskoe soobshchestvo ZhZh [Learn the philosophical community]. (In Russ.). Available at: <http://ru-philosophy.livejournal.com> (accessed 11.11.2015).
29. Links-Guide.ru. Nauchno-obrazovatel'nye i delovye portaly Runeta. Filosofskie portaly [Links-Guide.ru. Scientific, educational and business portals Runet. Philosophical portals]. (In Russ.). Available at: <http://www.links-guide.ru/filosofskie-portaly> (accessed 11.11.2015).
30. Nauki-nline.ru. Nauka i tekhnika, ekonomika i biznes. Filosofija [Science-nline.ru. Science and technology, economics and business. Philosophy]. (In Russ.). Available at: <http://nauki-online.ru/filosofija> (accessed 10.11.2015).
31. Phenomen.Ru. Filosofija online [Fenomen.Ru. Philosophy online]. (In Russ.). Available at: <http://phenomen.ru> (accessed 11.11.2015).

УДК 908(571.17)“1775/1860”

МЕНТАЛЬНОСТЬ КУЗНЕЦКИХ КРЕСТЬЯН (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Статья I. Психология крестьянского труда

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено не только отсутствием специальных исследований, но и потребностью в изучении культурологических аспектов трудовой деятельности жителей Кузнецкого края в рассматриваемый период, способствующих всестороннему осмыслению его локальной истории. Выделены историографические итоги в изучении структур психики человека исторического. Дано определение понятиям «менталитет» и «ментальность». Поставлена задача конкретизировать проявления ментальных установок крестьянства в труде.

Определён общий культурно-исторический фон, способствовавший трансформации поведенческих привычек жителей кузнецкой деревни. По материалам представителей сибирского областничества выделены черты обобщающего психологического портрета коренного сибиряка. Рассмотрены установки приписных крестьян в отношении к собственности на землю и выполнению повинностей на Колывано-Воскресенских заводах. Отмечена специфика стереотипного понимания прав и обязанностей населения приписной деревни представителями горной администрации, а также меры наказания провинившихся.

Выделена устойчивая мотивация крестьян на достижение материального достатка. Установлены её объективные условия, связанные с неблагоприятными природно-климатическими условиями и коротким периодом для выполнения календаря сельскохозяйственных работ, отсутствием развитого местного рынка, занятостью селян на заводских отработках. Обращено внимание на смысловую нагрузку народных выражений, характеризующих высокую интенсивность труда. Сделан вывод о значительном влиянии статуса приписного крестьянина на его ментальные установки в трудовой деятельности.

Ключевые слова: культурологические аспекты трудовой деятельности, менталитет, ментальность, кузнецкие крестьяне, установка, стереотип, достаток.

MENTALITY OF KUZNETSK PEASANTS (THE END OF XVIII - THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

Article I. Psychology of Farming

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused not only by lack of special researches, but also need for studying the culturological aspects of work of the residents of Kuznetsk region during the considered period of promoting the comprehensive judgment of its local history. Historiographic results in studying the structures of mentality of the historical person are outlined. Definition is given to the concepts “state of mind” and “mentality.” The task to concretize manifestations of mental installations of the peasantry in work is set.

The general cultural and historical background promoting transformation of behavioural habits of residents of a Kuznetsk village is defined. On materials of representatives of the Siberian oblastnichestvo the lines of generalizing the psychological portrait of the indigenous Siberian are marked out. Installations of assigned peasants in the relation to ownership of land and performing the duties at Kolyvano-Voskresensky plants are considered. Specifics of stereotypic understanding the rights and duties of the population of the assigned village are noted by representatives of mountain administration, and also measures of punishment of the guilty.

The steady motivation of peasants is allocated for achievement of prosperity. Its objective conditions connected with adverse climatic conditions and the short period for performance of a calendar of agricultural works, absence of the developed local market, employment of peasants on factory working off are established. The attention to semantic meaning of the national expressions characterizing the high intensity of work is paid. The conclusion is drawn on considerable influence of the status of the assigned peasant on his mental installations in work.

Keywords: culturological aspects of work, state of mind, mentality, Kuznetsk peasants, installation, stereotype, prosperity.

Общеизвестно, что описание историко-культурных сюжетов, характеризующих специфику того или иного сообщества, набором «сухих» фактов, не передающих моменты психологического напряжения, оставляя их как бы неодушевлёнными, а значит умалчивающими об опыте нравственных и иных переживаний, малопродуктивно для будущих поколений. В противном случае формируется почва для абсолютизации технократизма, равнодушия «к родному пепелищу и отеческим гробам», а значит – повышаются шансы и дальше пребывать в забвении для прошедших естественно-исторический отбор алгоритмов отношений, повышающих жизнеспособность общества, необходимых для выработки достойных ответов на вызовы современности.

Понять суть событий, какими они были «на самом деле» помогает не только поиск их материальной обусловленности. Важна реконструкция проявлений духовного мира человека в истории, разделяемого представителями психологических

наук на две взаимосвязанные сферы: мышления (осознанного восприятия реалий) и неосознаваемого (области бессознательного и неосознаваемых стереотипов). В истории общества постоянно идёт процесс, с одной стороны, вытеснения коллективных переживаний в глубины бессознательного, с другой – ощущается обратное влияние бессознательного на сферу осознанного. Проявление этой динамики в терминах, смыслах, привычках, моделях мышления и поведения свидетельствует о наличии в психологии больших коллективов пограничной между указанными сферами области – ментальности.

Традиция изучения данной области знаний восходит к трудам русских философов XIX века, использовавших ряд ключевых понятий с трансцендентальными смыслами: национальный характер, коллективный разум, картина мира, мировосприятие, мироощущение, миропонимание, мирочувствование и другие. Как смысловые фигуры, они подчёркивали роль чувственного вос-

приятия индивидом окружающего пространства, но были слабо сопряжены с техникой логического описания в однозначно понятых терминах. В интерпретации различных авторов они становились самоценными и самодостаточными, между ними не прослеживались родовидовые взаимосвязи, поэтому их содержание до сих пор остаётся не определённым, с отсутствием чёткого перевода на язык рационального мышления. В настоящее время, к примеру, сомнение вызывает правомерность употребления мировоззренческого понятия «национальный характер» для строго научного описания психологического портрета общества, так как научные смыслы термина «характер» сфокусированы исключительно на отражении индивидуальной специфики личности.

Многим исследователям более удачной представляется практика культурологического осмысления сферы неосознаваемого с помощью понятий «менталитет» и «ментальность». Не останавливаясь на анализе разногласия по поводу их определений [9, с. 195–283], отметим как положительный результат дискуссий факт их смыслового разграничения, который очевиден в следующих дефинициях.

Регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психогенетическом уровне определённых форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов¹. Менталитет состоит из конфигурации определённых архетипических образов – наследуемых форм психики, которые постоянно актуализируются в режиме длительного влияния таких устойчивых факторов жизнедеятельности, как: природно-климатическая среда; характер внешнеполитического окружения; особые свойства ресурсной базы; религиозные и другие ценностные императивы, сплотившие индивидуумов в этническое сообщество. Менталитет невозможен

но изменить, но возможно разрушить путём уничтожения этноса.

Ментальность представляет собой иерархически упорядоченную систему сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющуюся у её членов благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности (например, ментальности: сибирская, городская, чиновников и т. д.). Исследователю она интересна в качестве способа осмысления событий прошлого.

Ментальность представляет собой одно из ключевых звеньев механизма ежедневного, ежечасного и ежеминутного принятия человеком решений. Это область подсознания, где с раннего детства неосознанно усвоенные стереотипы мышления и поведения, выработанные многими поколениями, соприкасаются с рациональным (осмысленным) уровнем восприятия действительности. Ментальность транслируется через идеальные или мифические образы, исторически сформированные в головах «безмолвствующего» большинства. Это непроговариваемый и скрытый от посторонних глаз внутренний мир человека, совокупность установок и предрасположенностей, непроизвольно «подсказывающих» ему и ближайшему окружению (семье, общине и др.), имеющему сходный механизм психологической защиты – с наступлением определённых обстоятельств какие «вызываются» чувства, вектор направленности мысли и каким образом практически реагировать.

Проблема ментальности кузнецких крестьян рассматриваемого периода ещё не удостоивалась специального исследования, но фрагментарно в научных трудах Б. Е. Андрюсева, А. Н. Бачинина, Ю. С. Булыгина, Е. А. Коляскиной, Н. А. Миненко, И. В. Побережникова, Е. В. Почеревина, М. Е. Сорокина, О. Г. Усенко, Л. И. Шерстовой [1; 2; 4; 7; 8; 10; 11; 13; 15; 16] и др. была представлена примерами, иллюстрирующими их поведение в процессе трудовой деятельности и в быту. В этой связи поставим задачу конкретизировать ментальные установки сельского мира в различных сферах его жизни и, в частности, в трудовой деятельности.

¹ Архетипы обуславливают содержание всех направлений социализации людей, в том числе всех элементов их социокультурного опыта, являются продуктом исторически подавленных переживаний, поэтому несут в себе потенциал как созидательной, так и деструктивной психической энергии. Структурными компонентами личного бессознательного являются комплексы и установки, но принципы их структурирования заложены в архетипах [5, с. 26–33; 12, с. 20–87].

Представления о ритме жизни кузнецких крестьян, её духовной насыщенности мы получаем в процессе изучения деревенской повседневности. Речь идёт о сложившейся в тот или иной период совокупности практик: трудовой, семейной, воспитательной, ритуальной и других, в которых находили своё выражение предпочтения людей относительно вокруг происходящего, проявлялись различного рода личностные ценностные ориентации (жизни, власти, материальные, морально-этические, конфессиональные и др.) и конкретные типы поведения.

Несмотря на значительную удалённость Кузнецкого края от арены событий мирового масштаба, коллективное сознание населения в первой половине XIX века испытывало их косвенное влияние. Ещё в конце того века священник-историк Д. Н. Беликов относительно прежних столетий заметил, что «постоянная борьба с дикой и суровой природой выработала в томском простолюдине сильный, крепкий организм, выносливый в какой угодно работе и, бесспорно, жизнеспособный. Но духовной стороной в жизни и быте томича в прежние времена не занимался никто. И удивительно-ли, что на далёкой окраине нашего отечества русский человек так сильно (нравственно – Н. М.) огрубел» [3, с. 112].

Такие события, как насильственное включение приписной деревни в орбиту хозяйственных интересов Колывано-Воскресенских заводов, крестьянская война под предводительством Е. Пугачёва, особенности восприятия народом войны с Наполеоном, результаты новаций поколения просвещённых консерваторов во главе с Николаем I и их внимание к низовым органам управления на местах, активизация Православной церкви в Среднем Притомье в связи с учреждением в 1834 году Томской епархии и многие другие, способствовали постепенной трансформации поведенческих установок жителей кузнецкой деревни. При этом нельзя не согласиться с Л. И. Шерстовой, утверждающей, что сознание русских «содержало в себе прямо противоположные ментальности в некоем парадоксальном единстве, не замечаемом его носителями» [16, с. 33], и, как нам представляется, связанном с природной, конфессиональной и производственной спецификой их жизнедеятельности.

Во второй половине XIX века историк А. П. Щапов, а вслед за ним – и один из осново-

положников сибирского областничества Н. М. Ядринцев, выделили черты обобщающего психологического портрета коренного сибиряка. У русского населения Востока, отмечали они, заметна «наклонность к простору, воле и равенству»; «ассоциации идей не так сложны, как у великоруса»; «холодно-рассудочная, практическая расчётливость сибиряков или преобладающая наклонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое уmonoстроение». Оттого сибиряки менее мистичны и религиозны, чем «российские люди»; «сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, не текуч и малословен»; «умonoстроение сибиряков в значительной степени отличается ещё юмористическими наклонностями». Но эта способность не проявляется пока ни в критике, ни в сатире, а сохраняется только в проявлениях обыденной «просмешиливости», выражающейся, по словам некоторых наблюдателей, «нередко в простых и грубых формах»; «печать сибирского молчания, как и замкнутость населения в себе точно также, при подобных условиях, являются весьма понятными. Это плод исторического раздумья» [17, с. 71–72].

Несомненно, указанные качества, в целом, были присущи и жителям кузнецкой деревни, но пока лишь приближают нас к пониманию всего многообразия бытовавших в их среде представлений об окружающем мире, настроениях, привычках и тревогах, предопределявших способы решения повседневных проблем.

Мотивация крестьянского труда всегда обуславливалась как природно-физиологическими потребностями человека в продолжении своего рода и обеспечении семьи прожиточным минимумом, так и социальными факторами, связанными с правами на землю и размером пашни. Господствовавшая в политике государства традиция считать землю российской там, где прошел плуг русского пахаря, была созвучна внутренней установке сибиряка, признававшего своей землю ту, которую сам занял и в последующем обрабатывал.

Убеждённость в этом подкреплялась отсутствием в Кузнецком крае недостатка в пашенных, лесных, сенокосных и пастбищных угодьях. Она настолько оказалась глубокой, что в 1859 году накануне отмены крепостного права начальник

Алтайских заводов генерал-майор А. Д. Озерский в представлении Председателю Кабинета отмечал, что местные «крестьяне считают земли, которыми пользуются, своею неотъемлемою собственностью. Понятие это до такой степени укоренилось у крестьян, что самые отдаленные слухи об установлении поземельного оброка и денежных сборов за пользование угодьями возбуждали в них живое и весьма неблагоприятное сочувствие» [4, с. 137].

Заводские повинности приписные крестьяне не связывали с владением землей, и при малейшей возможности стремились уклониться от несвойственной им деятельности. Но по-иному считало горное начальство, смотревшее на обязательные работы приписного населения как на прямую плату за уступки в земельном вопросе, сделанные Кабинетом на территории, принадлежащей монарху. Как один из способов разрешения этой дилеммы, а также проблемы загруженности заводов углем и рудой, крестьянам было позволено ввиду низких расценок «по плакату» и как следствие – отсутствия материальной заинтересованности в единоличном выполнении «душевых уроков», отдавать их на подряд более состоятельным сельчанам, получавшим на этом промысле значительные заработки.

Горная администрация морально воздействовала на подневольного работника постоянной пропагандой важности и «общенародной пользы» заводского производства. Но более эффективным способом принуждения являлось введение коллективной ответственности крестьян, сгруппированных в десятки или сотни, выполнявших одно и то же задание. Таким образом, устанавливалась привычная для общинника атмосфера круговой поруки, слежки друг за другом, и в случае необходимости – применения мер принуждения. Все были заинтересованы в скорейшем окончании работ на уровне, достаточном для того, чтобы не придиралось начальство, не заставляло переделывать, не выдало дополнительных заданий. Вместе с тем представители администрации действовали без промедления в случае наказания провинившихся – плетью, шпицрутенами или палкой. Нередко порке подвергались не только непосредственные виновники, но и каждый второй, третий или пятый в его команде – для урока на будущее. Экзекуции поддерживали у жителей приписной

деревни чувство постоянного присутствия страха перед начальством.

Производственные возможности хозяйства крестьянского двора ограничивали, по мнению Ю. С. Булыгина, не только длительные отвлечения мужчин на казенные работы, но также узость рынка сбыта продукции, поставляемой, в основном, в заводские посёлки с их бедным населением [4, с. 138]. В данных условиях труд сельского жителя был ориентирован на получение достатка, который восполнялся за счёт занятий земледелием, попутных промыслов и незначительных размеров товарообмена на местных ярмарках. Его ощущение материальной достаточности подразумевало удовлетворение определённых потребностей семьи, не выходя за рамки самообеспечения, с опорой на физическую выносливость и трудовые навыки её членов. В данной ситуации лишние деньги чаще выполняли функцию «жира про запас» для экстренных случаев.

Достаток крестьянского двора находился в прямой зависимости от климатических условий, размеров пашни, количества рабочих рук и голов скота. Признаки интенсификации труда имели в основном временное выражение – в ещё большем увеличении продолжительности рабочего дня, в сжатости сроков сельскохозяйственных работ.

Устойчивая мотивация на достаток, характерная для жителей Кузнецкого края, была следствием проживания в местности, которая в XIX веке, как и ранее, являлась менее благоприятной для занятий земледелием и скотоводством в сравнении с центральными и южными губерниями европейской части российской империи.

Среднее Притомье отличается наличием короткого тёплого периода – в среднем четыре месяца в году. В источниках XVIII–XIX веков зафиксированы экстраординарные проявления сибирского климата. Так, в 1782 году «весна стояла вельми мразна и студена», во время страды шли непрерывные проливные дожди; в 1799 году стояло необычно засушливое лето; в 1810–1811 годах были отмечены необычно холодные и продолжительные зимы; в 1813 году «в Иркутской и Томской губерниях первоначально была засуха, а 13 июля (25 июля по новому стилю) ударил ужасный мороз, истребивший хлеб на пространстве 1500 верст»; в 1842 году «местные власти

уведомляют, что еще 2 июня (по новому стилю 14 июня) по Сибирскому тракту ездили на сани. В 1838 году с середины июля до 9 сентября на территории Кузнецкого уезда стояли невиданно жаркие дни. Пострадали не только посевы, но и люди. От сильного зноя днём и нестерпимого холода ночью в Кузнецке с 26 июля стали фиксироваться случаи «воспалительной горячки». Из Томска срочно был вызван лекарь Врачебной управы Попов, с помощью которого 127 заболевших удалось спасти, но 5 человек скончались [6].

XIX век принес в Сибирь 51 более морозную зиму, 32 случая заморозков в конце и 45 возвратных заморозков в начале лета [1]. Тем не менее в летние, зимние и другие месяцы, крестьянская семья ежедневно просыпалась с первыми петухами (4–5 часов утра) и до позднего вечера (23–24 часа) в определённой последовательности, отвлекаясь при этом на общественные и заводские нужды, занималась привычным кругом сезонных работ.

Последствия тяжёлого труда можно было наблюдать уже у молодых мужчин, у которых, к примеру, во время рекрутских осмотров врачебные комиссии нередко фиксировали такие недуги, как «киловат», «правую ногу сволокло», «ноги гниют от ознобления», «от ознобу не имеет у правой руки перстов», «правая нога и левая рука сухи», «хром» и т. д. [8, с. 116–117].

Таким образом, насыщенная всевозможными заботами жизнь предполагала наличие у крестьян длительных периодов перенапряжения физических и моральных сил. В их сознании постоянно подспудно присутствовала установка успеть выполнить весь календарь сельскохозяйственных работ, и при остром дефиците времени она служила мощным стимулом, проявлявшимся в трудолюбии.

В деревенском обществе приветствовался «сурьёзный» человек, имевший строгий (по-сибирски «свирепый») внешний вид и размеренную речь. Высокая интенсивность труда вытесняла из лексикона слово «идти» и делала более употребительным слово «бежать» (характерные фразы: «Куда бежишь?», «Сбегай на пашню, посмотри...») [1].

Вследствие различных объективных и субъективных обстоятельств среди жителей кузнецкой

деревни имело место имущественное расслоение на бедных и зажиточных. Семья крестьянина могла попасть в разряд неимущих только вследствие стечения многих причин – гибели кормильца, устойчивого неурожая, падежа скота, гибели посевов, стихийного бедствия. В данном случае, ей оказывали помощь родственники, и нередко, через какое-то время, положение выправлялось. Но самую распространенную причину бедности – пьянство и лень в труде и домашнем хозяйстве – в сельском обществе презирали.

На глазок состояние крестьянского двора оценивалось по количеству тягловой силы. В первой половине XIX века хозяйства, имевшие до трех лошадей, считались бедными или слабыми, 3–7 – средними и свыше 7 – зажиточными. В некоторых лесостепных волостях Кузнецкого уезда (Верхотомской, Касминской и Тарминской) средний двор приписного крестьянина, в различные годы владевший табуном численностью от 3,9 до 7,8 голов, можно было отнести ко второй группе. На этом фоне традиционное российское неприятие «стяжательства» в сознании более рационального сибиряка уступало место взгляду на богатство как на меру «угодности Богу».

На исходе XVIII и первые два десятилетия XIX века наиболее яркой иллюстрацией редкой удачливости и предприимчивости являлась персона приписного крестьянина деревни Берёзовой Верхотомской волости Ивана Степановича Новикова. В его обширном хозяйстве только в животноводстве было занято до 80 постоянных работников. Всё крестьянство волости имело перед ним долговые обязательства. Для организации торговли зерном, часть которого сплавлялась по рекам: Томи, Оби и Иртышу на продажу в Сургут и Берёзов, – он держал более 40 приказчиков под руководством томского мещанина Фёдора Корчуганова.

Волостное правление фактически превратилось в канцелярию Новикова, который, «не будучи чужд корыстолюбия, богатства приобретал не совсем добросовестными средствами... крестьяне лишены были всякой возможности противодействовать ему и раболепно подчинялись всем его приказаниям» [14]. Каждый день, утром или после обеденного отдыха, усаживаясь в кресло на крыльце отстроенного как у знатного помещика дома с богатым убранством комнат, фигурными

беседками, цветниками и скамейками для отдыха, он диктовал решения сходов по всем без исключения вопросам. Единлично разбирал тяжбы сельчан, вершил над ними свой суд и здесь же во дворе провинившихся ремнями привязывали к столбу и били плетью до тех пор, пока было угодно Ивану Степановичу. По своему усмотрению этот «крестьянин» распоряжался всей продукцией, произведённой жителями близлежащих 30 деревень. Он был желанным гостем у высших горных и губернских гражданских властей, по каким-то причинам закрывавших глаза на демонстрацию очевидного своеволия. Удовлетворяя личные амбиции, поездки в Барнаул или Томск Новиков совершал в составе кортежа из четырёх экипажей, в том числе коляски, выписанной из Москвы. На

станциях ему, по предварительному оповещению, заранее для смены готовили до 20 лошадей. Однако в 1820 году уже вскоре после смерти хозяина, накопленные богатства частью были расхищены предприимчивыми лицами, а частью – «промотаны» наследниками.

Нетрудно заметить, что психология деревенского труда выражалась совокупностью разнонаправленных установок и привычек. Внутренняя мотивация хозяйственной инициативы кузнецких крестьян корректировалась практикой принуждения к выполнению заводских работ, осуществлявшейся в атмосфере пропаганды святости интересов государства и наличия у горного начальства, по существу, неограниченной власти над местным населением.

Литература

1. Андрюсов Б. Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (дата обращения: 02.12.2015).
2. Бачинин А. Н. Материалы для гендерной истории края в фондах Кузнецкого суда (первая четверть XIX века) // Архивы Кузбасса: информ.-метод. и ист.-краевед. бюл. архив. управления администрации Кемеров. обл. – Кемерово, 1999. – № 1 (3). – С. 31–37.
3. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). – Томск: Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. – 138 с.
4. Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Ч. II. – 155 с.
5. Васильева К. К. Менталитет: онтоэтнологическое измерение: (На примере бурятского этноса). – М.: Рус. мир, 2002. – 199 с.
6. Живописцев М. Ю. «Земля Беловская». Очерки об истории нашего города и края [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belovo42.ru/city/kraevedenie/Zemlya_Belovskaya/ (дата обращения: 10.12.2015).
7. Коляскина Е. А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Бийск, 2010. – 23 с.
8. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.
9. Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI века. – Кемерово: Практика, 2014. – 401 с.
10. Побережников И. В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1989. – 80 с.
11. Почеревин Е. В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX века // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2007. – № 4–3 (56). – С. 148–150.
12. Седаков Н. Э. Архетипы бытия и символы культуры: Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004. – 126 с.
13. Сорокин М. Бунт // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. – Кемерово, 1992. – Вып. 2. – С. 41–45.
14. Томские губернские ведомости. – 1858. – № 43.
15. Усенко О. Г. Лжемонархи в Сибири до XIX века // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения: мат.-лы окруж. науч. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера, Нижневартовск, 24–26 марта 2005 года. – Нижневартовск: Нижневартов. пед. ин-т, 2005. – С. 103–107.
16. Шерстова Л. И. Ментальность и этногенез: методологические подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия История. – 2009. – № 2. – С. 30–33.
17. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

References

1. Andriusev B.E. Mir starozhilov Sibiri [World of old residents of Siberia]. (In Russ.). Available at: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (accessed 02.12.2015).
2. Bachinin A.N. Materialy dlia gendernoi istorii kraia v fondakh Kuznetskogo suda (pervaia chetvert' XIX veka) [Materials for gender history of edge in funds of Kuznetsk court (the first quarter of the XIX century)]. *Arkhivy Kuzbassa: informatsionno-metodicheskii i istoriko-kraevedcheskii biulleten' arkhivnogo upravleniia Administratsii Kemerovskoi oblasti* [Archives of Kuzbass: information and methodical and local history bulletin of archival management of Administration of the Kemerovo region]. Kemerovo, 1999, vol. 1 (3), pp. 31-37. (In Russ.).
3. Belikov D.N. Pervye russkie krest'iane-nasel'niki Tomskogo kraia i raznyia osobennosti v usloviakh ikh zhizni i byta. (Obshchii ocherk za XVII i XVIII stoletii) [The first Russian peasants monks of Tomsk edge and разные features in the conditions of their life and life. (The general sketch for XVII and XVIII centuries)]. Tomsk, Tipoligrafia M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo Publ., 1898. 138 p. (In Russ.).
4. Buligin Iu.S. Pripisnaia derevnia Altaia v XVIII veke [The assigned village of Altai in the XVIII century]. Barnaul, Altai University Publ., 1997, part II. 155 p. (In Russ.).
5. Vasil'eva K.K. Mentalitet: onto-etnologicheskoe izmerenie: (Na primere buriatskogo etnosa) [Mentality: onto-ethnological measurement: (On the example of the Buryat ethnos)]. Moscow, Russkii mir Publ., 2002. 199 p. (In Russ.).
6. Zhivopistsev M.Iu. Zemlia Belovskaia. Ocherki ob istorii nashego goroda i kraia ["Earth Belovskaya". Sketches about stories of our city and edge]. (In Russ.). Available at: http://www.belovo42.ru/city/kraevedenie/Zemlya_Belovskaya (accessed 10.12.2015).
7. Koliaskina E.A. Obraz zhenshchiny v kartine mira russkikh Altaia vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX veka. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Image of the woman in a picture of the world of Russians of Altai of the second half of XIX – the first third of the XX century. Author's abstract Dr. ist. sci. diss.]. Biisk, 2010. 23 p. (In Russ.).
8. Minenko N.A. Russkaia krest'ianskaia sem'ia v Zapadnoi Sibiri (XVIII pervaiia polovina XIX veka) [The Russian country family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 350 p. (In Russ.).
9. Morozov N.M. Kontseptualizatsiia istoricheskogo znaniia o rossiiskoi tsivilizatsii na rubezhe XX–XXI vekov [Conceptualization of historical knowledge of the Russian civilization at a boundary of the XX–XXI centuries]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014. 401 p. (In Russ.).
10. Poberezhnikov I.V. Obshchestvenno-politicheskie vzgliady russkikh krest'ian Sibiri v period pozdnego feodalizma. Ucheb. posobie [Political views of the Russian peasants of Siberia in the period of late feudalism. Manual]. Novosibirsk, Novosibirsk University Publ., 1989. 80 s. (In Russ.).
11. Pocherevin E.V. Otnoshenie krest'ian Zapadnoi Sibiri k gosudarstvennym organam upravleniia i chinovnikam v nachale XX veka [The relation of peasants of Western Siberia to government bodies of management and officials at the beginning of the XX century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai state university], 2007, vol. 4-3 (56), pp. 148-150. (In Russ.).
12. Sedakov N.E. Arkhetipy bytiia i simvoly kul'tury: Karl Gustav Iung i Mircha Eliade. Diss. kand. filos. nauk [Archetypes of life and symbols of culture: Carl Gustav Jung and Mircha Eliade. Diss PhD in philosophy]. Moscow, 2004. 126 p. (In Russ.).
13. Sorokin M. Bunt [Revolt]. *Razyskaniia. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Investigations. Local history almanac]. Kemerovo, 1992, vol. 2, pp. 41-45. (In Russ.).
14. Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk provincial sheets], 1858, no. 43. (In Russ.).
15. Usenko O.G. Lzhemonarkhi v Sibiri do XIX veka [Pseudo-monarchs in Siberia till XIX century]. *Zapadnaia Sibir': problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia. Materialy okruzhnoi nauch. konf., posviashch. 300-letiiu so dnia rozhdeniia G.F. Millera, Nizhnevartovsk, 24–26 marta 2005 goda* [Western Siberia: problems of history, historiography and source study. Materials of the district scientific conference devoted to the 300 anniversary since the birth of G.F. Miller, Nizhnevartovsk, on March 24–26, 2005]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk ped. Institute Publ., 2005, pp. 103-107. (In Russ.).
16. Sherstova L.I. Mental'nost' i etnogenez: metodologicheskie podkhody [Mentality and ethnogenesis: methodological approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Istoriia* [Bulletin of Tomsk state university. History series], 2009, vol. 2, pp. 30-33. (In Russ.).
17. Iadrintsev N.M. Sibir' kak koloniia. K iubileiu trekhstoletiia. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Eia nuzhdy i potrebnosti. Eia proshloe i budushchee [Siberia as colony. To tercentenary anniversary. Modern position of Siberia. Еа needs and requirements. Еа past and future]. Sankt-Peterburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1882. 471 p. (In Russ.).

УДК 908(571.17)(1920/1931)

РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КУЗБАССЕ В 1920–1931 ГОДАХ

Усков Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово, РФ). E-mail: Yskov74@gmail.com

В статье раскрывается процесс организационного оформления краеведческого движения в Кузбассе в 1920-х годах (складывание локального сообщества краеведов, мероприятия проводимые местными органами власти в сфере охраны историко-культурного наследия и музейного строительства); выявлены его особенности в контексте развития массового краеведения в Западно-Сибирском регионе. Методологической основой исследования стал подход к краеведению как направлению историко-культурного познания территории силами местного сообщества, связанного с изучением локального топоса («Кузнецкий край», «Кузнецкий бассейн – Кузбасс»). Автором был использован историографический опыт по проблеме, выявлены новые источники, позволяющие уточнить и дополнить введенные в научный оборот сведения.

Анализ эмпирического материала позволил прийти к выводу о том, что обозначенный временной период стал первоначальным этапом в истории краеведческого движения в Кузбассе с присущими ему следующими характеристиками: а) появление объекта краеведческого изучения («родного края»); б) ограниченная численность формируемого локального краеведческого сообщества, территориально охватывающая преимущественно города Кузнецк и Щегловск; в) сосредоточение деятельности (при поддержке окружных органов управления) на решении хозяйственных вопросов жизни края (историко-производственное краеведение); г) организация местных музеев в Кузнецке и Щегловске – главный результат практической деятельности. Кроме того, определен персональный состав учреждений первых краеведческих обществ.

Ключевые слова: музейное строительство, Щегловское отделение Общества изучения Сибири и ее производительных сил, Общество изучения Кузнецкого края, топоним «Кузнецкий бассейн – Кузбасс».

DEVELOPMENT OF LOCAL HISTORY OF MOTION IN THE KUZBASS IN 1920-1931

Uskov Igor Yurievich, PhD in History, Researcher of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of SB RAS (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Yskov74@gmail.com

The article reveals the process of institutionalization of the lore movement in Kuzbass in 1920s (the folding of the local community of local historians, activities carried out by local authorities in the field of protection of historical and cultural heritage and museum construction), its features are identified in the context of development the massive of local history in the West Siberian region. The methodological basis of the study was the approach to the study of local lore as the direction of the historical and cultural knowledge of the territory by the local community, associated with the study of the local topos (“Kuznetsk kray,” “Kuznetsk basin-Kuzbass”). The author used the historiography experience on the issue, reveal new sources, which allow to clarify and supply the introduced scientific information.

An analysis of empirical data led to the conclusion that the indicated time period it was the initial step in the history of local lore movement in Kuzbass with its inherent following characteristics: a) the appearance of the object study of local lore (“Native Land”); b) a limited number of formed lore local community persons, geographically covering mainly Kuznetsk and Scheglovsk; c) concentration of activities (with the support

of the district authorities) on solving the economic issues of life in territory (historical and productional regional studies); d) organization of local museums in Kuznetsk and Shcheglovsk is the main result of practice. In addition, the personal composition of the founders of the first local history societies was defined.

Keywords: museum construction, Scheglovsk Department of Society for the Study of Siberia and its productive forces, Society for the Study of the Kuznetsk Krai, place name “Kuznetsk basin-Kuzbass”.

Первое десятилетие советской власти знаменуется зарождением массового краеведения. Это явление рассматривается исследователями как творческая активность масс, а процесс познания края – средство овладения культурным наследием прошлого [42, с. 103]. Краеведческое движение характеризуется наличием организованной структуры, информационным и программно-методическим обеспечением деятельности низовых краеведческих организаций и отдельных краеведов-любителей, координацией их деятельности посредством проведения съездов и конференций, непосредственной связью проводимых исследований с потребностями данного исторического момента (краеостроительство) [16, с. 74–75].

Краеведческое изучение Кузбасса в 1920-х – начале 1930-х годов стало предметом историографических исследований преимущественно в работах, посвященных истории краеведческого движения в Западной Сибири, в частности – деятельности региональных краеведческих обществ (см. [16; 19; 29] и др.), формировании системы охраны историко-культурного наследия в регионе (см. [10; 28; 35]). В достаточной степени раскрыт в литературе вопрос организации краеведческих музеев в Кузнецке и Щегловске (см. [3; 18; 31; 36] и др.). Между тем, сосредоточение исследовательского внимания на отдельных аспектах проблемы не обеспечило ее комплексного всестороннего изучения. В частности, вне поля зрения исследователей остался вопрос об административно-территориальной трансформации в это время для местных жителей объекта изучения – «родного края», не в полной мере освещены особенности краеведческого движения в Кузбассе в сравнении с региональным (в Западной Сибири). Таким образом, состояние историографии проблемы ставит задачу максимально полного в рамках специального исследования изучения краеведческого движения в Кузбассе в обозначенный период.

Составной частью культурной политики молодого советского государства стало создание

законодательной базы и управленческой структуры в области сохранения историко-культурного наследия [28]. В Томской губернии с этой целью в январе 1920 года в составе отдела народного просвещения губревкома создается секция охраны памятников искусства и старины, преобразованная в августе этого же года в подотдел по делам музеев, охраны памятников искусства и старины. На базе подотдела не позднее 1 июля 1921 года был организован Томский губернский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Губмузей) [10, с. 138]. На данный орган управления возлагались функции: организация и направление деятельности в губернии музеев; охрана произведений искусства, памятников старины, народного быта и природы, регистрация и взятие на учет; производство археологических раскопок и др. [35, с. 121]. Деятельность Губмузея распространялась и на Кузбасс – южную периферию Томской губернии (Мариинский, Кузнецкий и Щегловский уезды).

Уже летом 1920 года сотрудники уездных отделов народного образования были ознакомлены с характером работы секции и проинструктированы по вопросам охраны историко-культурных памятников [12]. В связи с активизацией деятельности «бугровщиков» особое внимание со стороны губернских властей уделялось охране археологических памятников. Среди принятых мер: постановление губревкома № 246 «Об охране памятников искусства и старины» (опубликовано 12 августа), согласно которому запрещались самовольные археологические раскопки; выступления с докладом на конференциях представителей района о значении памятников археологии; наконец, инспекторские проверки [13; 14; 15; 35, с. 125]. Губмузей уведомлял органы местной власти о недопустимости грабежа археологических памятников, ссылаясь на действующее законодательство в этой области. Сохранилось несколько таких уведомлений о предотвращении самовольных раскопок на территории Куз-

басса, адресованные весной 1925 года Ижморскому, Ленинскому и Прокопьевскому РИКа́м (см. [35, с. 140–142]).

Сотрудники губмузея с целью комплектования фондов краевого музея активно совершали археолого-этнографические обследования в регионе. Так, с 7 по 20 августа 1920 года И. М. Мягков на лошадях обследовал берег р. Томи от г. Щегловска до станции Литвиновой, а в сентябре посетил Мариинский уезд; в 1923 и 1924 годах осуществлял археологические наблюдения и этнографические сборы З. С. Гайсин; в 1925–1927 годах этнографический материал в Горной Шории собирал директор этнолого-археологического музея Томского университета А. К. Иванов [30, с. 190; 35, с. 130].

Активная просветительная позиция губмузея выражалась в том числе в привлечении к сотрудничеству частных лиц, равнодушных к судьбе исторических раритетов: «Все сознательные граждане... должны сообщить об имеющихся на местах памятниках старины и по возможности доставлять их в Томск, в губмузей» [22]. 15 декабря 1922 года в губернской газете было опубликовано письмо из г. Кузнецка, в котором сообщалось о разрушении местных достопримечательностей – остатков крепости и «домика Достоевского» [26]. Фактически автором письма, известным журналистом и писателем Анд. Кручиной (А. Н. Огурцовым), впервые (в послереволюционный период) был поставлен вопрос о сохранении двух наиболее значимых для горожан памятников историко-культурного наследия (к этому времени бывший фортификационный объект перешел в разряд бесхозных). В одной из заметок А. Кручина особо отметил: «...охраной памятников старины здесь вообще не интересуются» [27, с. 101].

С целью обследования культурно-просветительных учреждений, сбора материалов об имеющихся памятниках старины и сведений о наличии на местах музеев, с 15 июля по 15 августа 1923 года в Кузнецкий и Щегловский уезды совершил поездку председатель губмузея З. С. Гайсин (отчет опубликован в [35, с. 136–140]). Выявленное им плачевное состояние объектов историко-культурного наследия (крепость, церкви, домик Ф. М. Достоевского в г. Кузнецке; коллекция картин художника В. Д. Вучичевича в г. Щегловске;

«курганы» вблизи Кольчугинского рудника) подвигло к принятию административных решений по их спасению. В конце 1923 года губисполком обязал уездные исполкомы взять на учет памятники старины и принять все меры к охране их от расхищения и всевозможных изменений [23; 35, с. 126–127; 41, с. 11–12]. Но только по прошествии более полугода Кузнецкий уисполком издает обязательное постановление об охране находящихся в городе объектов [24].

Одной из задач поездки З. С. Гайсина было установление связи с местными музеями. Музейное строительство в Кузбассе в начале 1920-х годов было обусловлено, по мнению исследователей, субъективными факторами – желанием энтузиастов и амбициями местной номенклатуры [35, с. 131]. В 1922 году музей действовал в г. Мариинске. В своем отчете З. С. Гайсин отмечает, что в Щегловске создана специальная комиссия для организации музея, но экспонатов, кроме картин В. Д. Вучичевича, не имеется; на Кольчугинском руднике – лиц, знакомых с музейным делом нет, хотя интересуются вопросом многие; музей отсутствует, а ископаемые породы камней и кости животных попадают в частные руки; на Прокопьевском руднике – собраны коллекции каменного угля, магнетита и других пород камней, которые хранятся при библиотеке; в г. Кузнецке – при школе II ступени – музей и библиотека, «в сложенном виде ввиду ремонта помещения».

Отмечен в отчете Гайсина и частный музей в Кузнецке «часового мастера» Ярославцева. С его фондами инспектору познакомиться не удалось, так как они к моменту его прибытия в город (2 августа) были отправлены в Москву на Всероссийскую выставку. Зато застал экспозицию музея Д. Т. Ярославцева и охарактеризовал ее в своей корреспонденции, побывавший летом 1923 года в г. Кузнецке, А. Кручина [27, с. 98–100].

Музей на Прокопьевском руднике стал действующим в 1924 году, об этом свидетельствует обращение его руководителя М. А. Большакова в губмузей с просьбой помочь инструкциями и указаниями по налаживанию работы. Из бюджета губмузея в это время финансировались музеи в Кузнецке и Мариинске [35, с. 131, 143].

Имя Дмитрия Тимофеевича Ярославцева (1869–1926/27) олицетворяет рождение кузбас-

ского краеведческого сообщества. В дореволюционном Кузнецке краеведческие общества отсутствовали (см. список городских общественных неполитических организаций в [11, с. 267–268]). Уроженец г. Златоуста, слесарь-кустарь Ярославцев в конце XIX века прибывает в Кузнецк и увлекается историей ставшего для него родным Кузнецкого края. Он собирает палеонтологический, геологический, этнографический материал в экспедициях и походах по Горной Шории. В начале 1920-х годов собранную в своем доме коллекцию Дмитрий Тимофеевич открывает для публичного просмотра. В 1922 году его музей был зарегистрирован Кузнецким районо. Путевым очерком «По Горной Шории» (поездка состоялась в мае-июне 1923 года) Ярославцев внес весомый вклад в этнографию и фольклористику шорцев. Среди его знакомых – маститые журналисты и писатели – А. Кручина, В. Зазубрин, М. Кравков, которые в томских и новосибирских органах печати излагали со слов краеведа пространные экскурсии из истории Кузнецка (роговщина, пребывание Ф. М. Достоевского в городе и т. д.). В марте 1926 года Д. Т. Ярославцев в единственном числе (!) представлял Кузбасс на первом сибирском съезде писателей в г. Новосибирске [6, л. 65об.; 32; 36, с. 3–4; 37; 43].

В г. Мариинске в конце 1922 года уездным отделом народного образования было объявлено об учреждении «Общества изучения Мариинского уезда Томской губернии», перед которым ставились задачи: 1) изучать природу и быт населения уезда; 2) управлять музеем и библиотекой-читальней уполитпросвета и 3) оказывать содействие учреждениям, организациям и отдельным лицам, изучающим Мариинский уезд. В информационном сообщении указывалось, что Устав общества отправлен на утверждение, а запись в члены общества производится в уотнаробразе (ул. Советская, 4) и завмузеем (ул. Ленинская, 2) [5]. К сожалению, сведений о деятельности Общества в известных нам источниках не выявлено, возможно, оно так и не сформировалось. По крайней мере, общество не значится в списках краеведческих организаций Западной Сибири ни 1925, ни 1928 годов [16, с. 279–280, 283–284]. По причине административного переустройства Томской губернии

в 1925 году, когда реформирование аппарата управления приводило к ликвидации структурных учреждений, в г. Мариинске был закрыт местный музей [35, с. 131].

В 1925 году территория Кузбасса впервые получает административно-территориальное обозначение в рамках Кузнецкого округа Сибирского края (Анжеро-Судженские копи вошли в состав Томского округа). Государственный подход по созданию многоотраслевого промышленного комплекса в восточных районах (план ГОЭРЛО) способствовал появлению новой административно-территориальной единицы. В практическом плане был поставлен вопрос о кооперации уральских железных руд и кузнецкого угля в едином производственном цикле (Урало-Кузнецкая проблема) (подробно см. [39]). Об огромных потенциальных возможностях развития угольной промышленности в регионе не раз сообщалось на страницах губернской газеты «Красное знамя»: «О богатствах Кузнецкого бассейна» (1920, № 286), «Кузбасс» (1921, № 254), «Гордость Сибири. Кузбасс» (1922, № 238) и др.

Термин «*край*» отражает восприятие какой-либо территории с позиций ее обитателей, осознание местным сообществом с опорой на комплекс природных и исторических факторов своей специфики [20]. Обретение территорией (Кузнецкой котловины) административных границ значительно ускорило организационное оформление здесь локального сообщества краеведов, так как появился сам объект («родной край») изучения. Причем, восстановление народного хозяйства страны (разрешение топливного кризиса) и разработка курса на индустриализацию закрепляет наименование данной территории по ее производственной специализации – *Кузбасс* (сокращенная форма предложенного в 1842 году П. А. Чихачевым термина *Кузнецкий бассейн*).

Верным помощником и сподвижником Д. Т. Ярославцева был Г. С. Блынский (1889–1953) – служащий «Кузбассугля» (руководил лесозаготовками для шахт). После смерти своего товарища Георгий Степанович перевозит экспонаты к себе на усадьбу и ставит задачу создания настоящего городского музея. К осени 1927 года экспозиция, состоящая из четырех отделов: геологического, зоологического, археологическо-

го и этнографического (около тысячи экспонатов), с помощью друзей-единомышленников была полностью оформлена. 7 ноября, в юбилейную годовщину Октябрьской революции, Георгий Степанович передал свой дом-музей (ул. Достоевского, 1, ныне не сохранился) в дар городу. Так возник «Кузнецкий краеведческий музей имени десятилетия Октября», который принято считать первым из открывшихся в Кузбассе музеев [1; 36, с. 4].

В этом же году была предпринята попытка организовать музей и в административном центре Кузнецкого округа – в г. Щегловске, при этом инициатива исходила от местных властей. 27 сентября на совещании окружного отдела народного образования для создания «музея местного края» формируется комиссия из представителей: окроно (Филимонов), редакции газеты «Кузбасс» (Плотников), и окружного совета профсоюзов [40]. Однако без привлечения широкой общественности поставленная задача оказалась не выполнимой.

В ноябре 1928 года по инициативе окроно и представителей городской интеллигенции создается комиссия по организации *Кузнецкого окружного краеведческого общества*. За короткий срок в организацию было привлечено 40 человек, что позволило 4 декабря провести общее собрание и избрать правление общества (председатель – И. Миклич, секретарь – С. Ф. Иванов) [9, л. 112; 18, с. 13; 34]¹. Вскоре выяснилось, что окружной административный отдел прекратил регистрацию общественных организаций «до издания всеобщего закона». Это вызвало обращение Кузнецкого окружного краеведческого общества к правлению Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС; г. Новосибирск) с просьбой войти в него на правах отделения (ОИС предложило вступить в ассоциацию в письме от 24 января). Организационно это было оформлено на общем собрании общества 17 мая 1929 года [9, л. 240, 275, 289–289об.]. Председателем *Щегловского отделения ОИС* был избран землемер (бывшего губзу) Евгений Владимирович Богословский, известный агроном и садо-

вод (в 1923 году заложил на своем приусадебном участке первый в Щегловске плодовый сад [2, с. 116]). Его отец – Владимир Николаевич (избран в члены бюро отделения) – до революции был землевладельцем в Константиноградском уезде Полтавской губернии, применял передовые методы земледелия, занимался метеорологическими наблюдениями. Членами бюро отделения были также избраны П. Ф. Успенский, В. И. Скок, кандидатами С. Ф. Иванов, А. И. Кожакин, секретарем отделения – С. К. Кумашинская, казначеем – Н. П. Федоров [9, л. 9, 10, 289об.]. В состав общества входили: учителя – 35 чел., инженеры – 19, агрономы – 10, служащие – 18, медики – 24, учащиеся школ – 75, а также «индивидуальные корреспонденты» из районов – 39 человек [9, л. 113].

Основными направлениями деятельности краеведческого общества являлись: всестороннее изучение своего края, пропаганда знаний о нем среди населения и создание окружного музея. Для достижения поставленных задач был осуществлен ряд организационных и методических мероприятий (установлена связь с научно-исследовательскими учреждениями Москвы и Ленинграда; при содействии окрисполкома сделаны предложения хозорганизациям войти в общество на правах юридических членов; разработаны программы-инструкции для местных краеведов по сбору материалов для описания района, селений городского типа и др.) [4; 16, с. 202–204; 17, с. 115; 19, с. 100]. Главным в работе общества оставался сбор экспонатов для музея, при этом преимущественное внимание при создании экспозиции уделялось промышленному развитию края. Такой подход был предписан правлением ОИС, которое при анализе плана работы общества на 1929 год, рекомендовало уделить больше внимания Урало-Кузнецкой проблеме [9, л. 249–249об.]. Изучение природных богатств Кузбасса декларировано одним из важнейших направлений в исследовательской работе ОИС. Производственный уклон становится неотъемлемой особенностью краеведения в регионе, экспедиционная деятельность строилась преимущественно на материальной помощи хозяйственных органов и учреждений и отвечала их интересам [16, с. 163–169; 29, с. 141–142].

¹ В апреле 1999 года осуществлена реставрация архивного дела, при которой листы были перенумерованы. Этим объясняется необходимость в определенных случаях (при введенных в научный оборот сведениях) повторной ссылки на первоисточник.

Краеведческий музей открылся 6 октября 1929 года во Дворце труда. Посетители могли ознакомиться с экспозициями геологического, производственного, антирелигиозного, сельскохозяйственного отделов [25]. Первым заведующим музеем стала С. К. Кумашинская, однако уже 2 ноября она переходит на работу в индустриальный техникум, а на свое место рекомендует «специалиста-археолога» С. Ф. Иванова [9, л. 197–197об.].

С именем Семена Федоровича Иванова (1869–1953) связано становление кемеровского краеведческого музея. Выпускник химикотехнического отделения Томского Алексеевского реального училища, С. Ф. Иванов до революции работал дорожным мастером, участвовал в строительстве Среднесибирского участка Транссибирской железной дороги, с 1909 года – в торговых учреждениях г. Томска. В Иркутске (1901–1905) вступил в Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. Увлекался коллекционированием монет, предметов старины, при этом свои коллекции жертвовал различным сибирским музеям. В 1927 году С. Ф. Иванов переехал с семьей в Щегловск и стал одним из активнейших участников краеведческого движения в городе, проявил себя прекрасным специалистом уже на новом поприще: «Прекрасно знает коллекции музея и библиотеку... Обладает большой эрудицией, дает консультации посетителям по разным вопросам, особенно по нумизматике, орнитологии и зоологии. Прекрасный экскурсовод, кроме экскурсий внимателен к отдельным посетителям музея, ведет дополнительный рассказ, чем привлекает посетителей в музей» (из характеристики 10.09.1936) [3].

Немаловажной задачей, стоящей перед окрестным краеведческим обществом было придание ему характера массового движения, вовлечение в орбиту своей деятельности широких кругов населения. Уже в постановлении окрисполкома от 22.02.1929 для решения данной задачи признавалось необходимым «организовать в Ленинском и Прокопьевском районах отделения, а в остальных районах – ячейки об-ва, обязав РИКи и гор-, поссоветы оказать всемерное содействие» [9, л. 247]. В апреле этого же года в письме в Правление ОИС И. Миклич пишет об организации отделений в Ленинске-Кузнецке, Топках,

на Гурьевском заводе [9, л. 275]. О наличии отделений общества в указанных населенных пунктах отмечается в историографии [16, с. 202–203; 17, с. 115; 21, стлб. 983], но представляется, что их практическая деятельность не наступила. По крайней мере, в июле 1930 года Е. В. Богословский в своем докладе на заседании окружного съезда ОИС констатировал: «нам надо создать ячейки в Кузнецке, Прокопьевске, Ленинске и других местах и на месте пополнить наши ряды...» [7, л. 10].

Практически одновременно с г. Щегловском краеведческое движение организуется в форме общества и в г. Кузнецке. 11 февраля 1929 года при музее создается *Общество изучения Кузнецкого края*, которое ставило перед собой широкие задачи: а) научное исследование края, б) всестороннее содействие краеведческому музею, в) научно-популяризаторская работа в области краеведения среди населения и г) идейное объединение работников краеведения [38]. На организационном собрании присутствовали Г. С. Блынский, Р. М. Борисенко, Н. П. Кайдалов, К. А. Кобелев, А. И. Пахомов, А. Ф. Чудинов, Ф. А. Николаев, И. А. Козмин, П. Г. Зенков (учитель), Т. Е. Тайдонова. Секретарем Общества был избран Н. П. Кайдалов, в конце 1929 года сменивший Блынского (в силу занятости его на основной работе) на месте заведующего музеем. Николай Порфирьевич имел большой жизненный опыт (служба в начале XX веке приставом в г. Томске, участие в действующей армии во время Русско-японской войны, работа в охотоведческих организациях в советское время), в 1927 году был привлечен Блынским для изготовления чучел для экспозиции музея. При Кайдалове (заведовал до октября 1932 года, оставаясь единственным в штате сотрудником) подлинной жемчужиной экспозиции становится коллекция чучел животных, благодаря которой кузнецкий музей характеризовался современниками как «единственный в своем роде среди музеев Сибири» [31; 33].

Сохранилась копия письма (март 1929 года) И. Миклича Г. Блынскому с предложением войти организуемому им обществу отделом в окружное краеведческое общество, «чтобы не было параллелизма в работе» [9, л. 281]. К сожалению, ответ Блынского на данное предложение неизвестен, в июле 1930 года его приемник Н. П. Кайдалов

в протоколе заседания окружного съезда ОИС указан как «зав. Кузнецким районным музеем» [7, л. 5].

3–4 июля 1930 года в г. Щегловске прошло заседание I окружного съезда Кузнецкого (так в протоколе) отделения ОИС. На нем деятельность краеведческого общества получила резкую критику за «оторванность от широкой общественности», замкнутость; констатировалось отсутствие ячеек на местах, принятие активного участия в работе лишь 35–45 человек, что привело к слабости проделанной работы по сравнению с заданиями, которые ставило развитие промышленности Кузбасса (Урало-Кузнецкая проблема). В очередной раз была поставлена задача вовлечения масс в работу общества. В докладе Е. В. Богословского были подведены итоги проделанной работы (оборудование метеорологической станции, организация музея, собирание сведений для геологоразведочных организаций) и обозначены трудности. Среди последних отмечают: нежелание хозорганизаций (за исключением «Сибторга» и Геологоразведочной партии) сотрудничать с обществом, отсутствие откликов на доклады об идеях общества, прозвучавших на общих собраниях рабочих, на комсомольских, на культконференциях [7, л. 5–11].

В целом, в деятельности общества был уклон в сторону музейного строительства, что отмечалось на заседании бюро отделения 6 декабря 1930 года: «работа общества в данное время пока ограничивается только музеем, пополнением его экспонатами, проведением их в порядок» [8, л. 24]. Между тем, смета общества на 1930/31 бюджетный год (20119,4 руб.) предусматривала расходы на содержание окружного музея в г. Щегловске, районных музеев в Кузнецке, Прокопьевске и Гурьевске (следовательно, предполагалось создание двух последних), на научно-исследовательскую работу, организацию экспедиций, реставрацию Кузнецкой крепости [16, с. 203–204]. Однако многим планам не суждено было сбыться. В 1931 году общество подготовило одного работника на курсах коллекторов; смонтировало шорскую коллекцию, доставленную А. И. Ивановым; организовало экспедицию С. К. Кумашинской на поиски кварцевых песков в районе ст. Юрги; совместно с «Кузбасстроем» участвовало в обследовании торфяников. Беспе-

ребойно функционировал музей, в то же время работа метеорологической станции по причине изъятия здравотделом и отделом труда своих инструментов была сведена на нет; от разных организаций поступило лишь 5513 руб., израсходовано 5140 руб. [8, л. 20–20об.].

На основании постановления СНК РСФСР от 30 марта 1931 года «О мероприятиях по разветвлению краеведческого движения» произошла структурная реорганизация краеведческого движения в республике. Добровольные краеведческие организации упразднялись, на их место приходили краеведческие бюро – структурные подразделения горсоветов. Постановлением Западно-Сибирского крайисполкома № 447 от 12 апреля 1931 года ОИС ликвидировалось. 8 октября 1931 года состоялось последнее заседание общего собрания Щегловского отделения ОИС, на котором было принято постановление о его ликвидации и передаче дел и имущества организуемому Бюро краеведения [8, л. 18; 19, с. 100].

Таким образом, период 1920–1931 годов стал первоначальным этапом в истории краеведческого движения в Кузбассе. Ему присущи следующие характеристики:

1. Появление объекта краеведческого изучения («родного края»), административно-территориальное обособление Кузбасса в рамках Кузнецкого округа Сибирского края.

2. Ограниченная численность формируемого локального краеведческого сообщества, территориально охватывающего преимущественно города Кузнецк и Щегловск. Основными причинами этого являлись: отсутствие дореволюционных краеведческих традиций и малочисленность культурного слоя в крае.

3. Методологической основой деятельности стало изучение местного общества под экономическим уклоном (историко-производственное краеведение). Проводимые научные исследования были привязаны к практической работе краевых органов и выражались в целенаправленном обследовании отдельных объектов природных богатств региона.

4. Преимущественное внимание в работе уделялось музейному строительству, главный результат практической деятельности краеведческого движения – организация местных музеев в Кузнецке и Щегловске.

Литература

1. Агафонов И. Отражатели Блынского // Кузнецкий рабочий (г. Новокузнецк). – 2003. – 15 марта.
2. Балибалов И. А. Кемерово вчера, сегодня, завтра. – Кемерово: Кн. изд-во, 1982. – 144 с.
3. Баронская О. Н. История одного музейного предмета // Разыскания. – Кемерово, 1999. – Вып. 5. – С. 23–28.
4. Богословский В. Свой богатый край мы должны изучить // Кузбасс. – 1929. – 21 июня.
5. Бюллетень Мариинского уездного исполнительного комитета. – 1922. – 22 дек. // Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). – Ф. р-600. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 14–17.
6. ГАКО. – Ф. д-60. – Оп. 1. – Д. 716.
7. ГАКО. – Ф. р-6. – Оп. 1. – Д. 4.
8. ГАКО. – Ф. р-1088. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ГАКО. – Ф. р-1088. – Оп. 1. – Д. 6.
10. Григорьева С. Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 137–140.
11. Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917). – Бийск: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2002. – 288 с.
12. Знамя революции. – 1920. – № 137 (6 июля).
13. Знамя революции. – 1920. – № 169 прил. (12 авг.).
14. Знамя революции. – 1920. – № 173 (17 авг.).
15. Знамя революции. – 1920. – № 200 (19 сент.).
16. Кабанов К. А. Краеведческие общества Западной Сибири (с XIX века до 1930-х годов). – Кемерово, 2001. – 308 с.
17. Киселев А. В. Опыт историко-краеведческого исследования населенных пунктов. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2002. – 221 с.
18. Китова Л. Ю. Из истории создания Кемеровского краеведческого музея (1920–1930-е годы) // Разыскания. – Кемерово, 1999. – Вып. 5. – С. 11–22.
19. Китова Л. Ю., Ананьина Н. А. Из истории Кузнецкого краеведческого общества // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: Тез. регион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Кемер. обл. краевед. музея. – Кемерово: Фирма Полиграф, 1999. – С. 99–101.
20. Клубков П. А. «Регион», «край», «краеведение» как слова и понятия // Методология региональных исторических исследований: мат-лы междунар. семинара 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нота бене, 2000. – С. 23–25.
21. Краеведение // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1931. – Т. 2. – Стлб. 976–988.
22. Красное знамя. – 1922. – № 176 (10 авг.).
23. Красное знамя. – 1923. – № 226 (30 дек.).
24. Красное знамя. – 1924. – № 202 (4 сент.).
25. Кузбасс. – 1929. – 6 окт.
26. Кручина А. Храните памятники старины (гор. Кузнецк) // Красное знамя. – 1922. – № 281 (15 дек.).
27. Кручина А. В глухом углу, в Кузнецке // Повествование о Земле Кузнецкой. – Кемерово, 1992. – С. 92–103 (перепечатка из газ. «Советская Сибирь». – 1923. – № 168).
28. Кулемзин А. М. Формирование системы государственного руководства охраной памятников в Западной Сибири в первые годы советской власти // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. – Вып. 2. – С. 193–205.
29. Курочкина Е. Ф. Из истории организации научно-исследовательской работы в Сибири (Общество по изучению Сибири и ее производительных сил) // Бахрушинские чтения 1966 года. – Новосибирск, 1968. – Вып. III: Сибирь в эпоху социализма. – С. 134–147.
30. Курьянова Т. С. История шорской коллекции // Томские музеи. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 188–192.
31. Кушникова М. М. Новые архивные находки по истории НКМ // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: тез. регион. конф. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. – С. 44–48.
32. Лизогуб П. П. Они были первыми // Кузнецкий рабочий. – 2007. – 25 окт.
33. Лизогуб П. П. Проверка на прочность // Кузнецкий рабочий. – 2007. – 03 нояб.
34. Микулич И., Филимонов А. Надо организовать Кузнецкое окружное краеведческое общество // Кузбасс. – 1928. – 25 нояб.

35. Сениюкова Н. Л., Яковлев Я. А. Об охране историко-культурного наследия в Томской губернии в 1919–1924 годах // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 4. – С. 120–145.
36. Сущенко Е. М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: тез. регион. конф. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. – С. 3–7.
37. Тогулев В. Возвращение из забвения // Литературный Кузбасс. – 1997–1998. – № 1–2. – С. 148–151.
38. Устав Общества изучения Кузнецкого края при Кузнецком краеведческом музее // Новокузнецкий краеведческий музей. – НФ-Д. – Оп. 1. – Р. 10. – П. 1.
39. Федорович И. И. Урало-Кузнецкая проблема. – М.; Л.: ВСНХ, 1926. – 96 с.
40. Филимонов А. И. Организация музея местного края // Кузбасс. – 1927. – 16 окт.
41. Шатилов М. Исторический очерк и обзор Томского Краевого музея // Тр. Том. краевого музея. – Томск, 1927. – Т. 1. – С. 1–37.
42. Юрченков В. А. Региональная историография: российский опыт // Регионология. – 1993. – № 1. – С. 96–106.
43. Ярославцев Д. По Горной Шории (Путевой очерк) // Литературный Кузбасс. – 1997–1998. – № 1–2. – С. 151–166 (перепечатка из ж. «Сибирские огни». – 1926. – № 4).

References

1. Agafonov I. Otrazhateli Blynskogo [Reflectors Blynskogo]. *Kuznetskii rabochii [Kuznetsk worker]*, 2003, 15 marta. (In Russ.).
2. Balibalov I.A. Kemerovo vchera, segodnia, zavtra [Kemerovo yesterday, today, tomorrow]. Kemerovo, 1982. 144 p. (In Russ.).
3. Baronskaya O.N. Istoriia odnogo muzeinogo predmeta [The story of a Museum item]. *Razyskaniia [Research]*. Kemerovo, 1999, iss. 5, pp. 23–28. (In Russ.).
4. Bogoslovskii V. Svoi bogatyi kraj my dolzhny izuchit' [Its vast territory we must explore]. *Kuzbass [Kuzbass]*, 1929, 21 iunia. (In Russ.).
5. Biulleten' Mariinskogo uezdnogo ispolnitel'nogo komiteta, 1922, 22 dek. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti*. F. r-600. Op. 1. D. 1. L. 14–17. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti. F. d-60. Op. 1. D. 716. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti. F. r-6. Op. 1. D. 4. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti. F. r-1088. Op. 1. D. 1. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti. F. r-1088. Op. 1. D. 6. (In Russ.).
10. Grigor'eva S.E. Osnovanie i otkrytie Tomskogo kraevedcheskogo muzeia [The base and opening of the Tomsk Museum of local lore]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Istoriia [Vestnik of Tomsk State University]*, 2011, no. 1 (13), pp. 137–140. (In Russ.).
11. Degal'tseva E.A. Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoi Sibiri (1861–1917) [Non-political public organizations of West Siberia (1861–1917)]. Biisk, 2002. 288 p. (In Russ.).
12. Znamia revoliutsii [The banner of revolution], 1920, no. 137 (6 iulia). (In Russ.).
13. Znamia revoliutsii [The banner of revolution], 1920, no. 169 pril. (12 avg.). (In Russ.).
14. Znamia revoliutsii [The banner of revolution], 1920, no. 173 (17 avg.). (In Russ.).
15. Znamia revoliutsii [The banner of revolution], 1920, no. 200 (19 sent.). (In Russ.).
16. Kabanov K.A. Kraevedcheskie obshchestva Zapadnoi Sibiri (s XIX veka do 1930-kh goda) [The local history society Western Siberia (from the XIX century to the 1930s)]. Kemerovo, 2001. 308 p. (In Russ.).
17. Kiselev A.V. Opyt istoriko-kraevedcheskogo issledovaniia naselennykh punktov [Experience local history study of settlements]. Kemerovo, 2002. 221 p. (In Russ.).
18. Kitova L.Iu. Iz istorii sozdaniia Kemerovskogo kraevedcheskogo muzeia (1920–1930-e gody) [From the history of the Kemerovo regional Museum (1920–1930-ies)]. *Razyskaniia [Research]*. Kemerovo, 1999, iss. 5, pp. 11–22. (In Russ.).
19. Kitova L.Iu., Anan'ina N.A. Iz istorii Kuznetskogo kraevedcheskogo obshchestva [From the history of the Kuznetsk local history society]. *Kraevedenie Sibiri. Istoriia i sovremennye problemy [The History of Siberia. History and contemporary issues]*. Kemerovo, 1999, pp. 99–101. (In Russ.).
20. Klubkov P.A. "Region", "krai", "kraevedenie" kak slova i poniatia ["Region", "krai", "local history" as words and concepts]. *Metodologiya regional'nykh istoricheskikh issledovaniy [Methodology of regional historical research]*. St. Peterburg, 2000, pp. 23–25. (In Russ.).

21. Kraevedenie [local history]. *Sibirskaia sovetskaia entsiklopediia [Siberian Soviet encyclopedia]*. Novosibirsk, 1931, vol. 2, stlb. 976-988. (In Russ.).
22. Krasnoe znamia [Red flag], 1922, no. 176 (10 avg.). (In Russ.).
23. Krasnoe znamia [Red flag], 1923, no. 226 (30 dek.). (In Russ.).
24. Krasnoe znamia [Red flag], 1924, no. 202 (4 sent.). (In Russ.).
25. Kuzbass [Kuzbass], 1929, 6 okt. (In Russ.).
26. Kruchina A. Khranite pamiatniki stariny (gor. Kuznetsk) [Keep the monuments (the city of Kuznetsk)]. *Krasnoe znamia [Red flag]*, 1922, no. 281 (15 dek.). (In Russ.).
27. Kruchina A. V glukhom uglu, v Kuznetske [In a remote corner, in the Kuznetsk]. *Povestvovanie o Zemle Kuznetskoi [The story of the Earth Kuznetsk]*. Kemerovo, 1992, pp. 92-103 (perepechatka iz gaz. "Sovetskaia Sibir" [Soviet Siberia], 1923, no. 168). (In Russ.).
28. Kulemzin A.M. Formirovanie sistemy gosudarstvennogo rukovodstva okhranoi pamyatnikov v Zapadnoi Sibiri v pervye gody sovetskoi vlasti [The formation of the system of state management of protection of monuments in Western Siberia in the first years of Soviet power]. *Kuznetskaia starina [Kuznetsky old]*. Novokuznetsk, 1994, iss. 2, pp. 193-205. (In Russ.).
29. Kurochkina E.F. Iz istorii organizatsii nauchno-issledovatel'skoi raboty v Sibiri (Obshchestvo po izucheniiu Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil) [From the history of the organization of research work in Siberia (the Society for the study of Siberia and its productive forces)]. *Bakhrushinskii chteniia 1966 goda. Vyp. III. Sibir' v epokhu sotsializma [Bakhrushin reading 1966. Iss. III. Siberia in the socialist era]*. Novosibirsk, 1968, pp. 134-147. (In Russ.).
30. Kur'ianova T.S. Istoriia shorskoii kollektsii [The history of the Shor collection]. *Tomskie muzei [Tomsk museums]*. Tomsk, 2010, pp. 188-192. (In Russ.).
31. Kushnikova M.M. Novye arkhivnye nakhodki po istorii NKM [New archival discoveries on the history of CCM]. *Novokuznetskomu kraevedcheskomu muzeiu 70 let [Novokuznetsk Museum of local lore 70 years]*. Novokuznetsk, 1998, pp. 44-48. (In Russ.).
32. Lizogub P.P. Oni byli pervymi [They were the first]. *Kuznetskii rabochii [Kuznetsk worker]*, 2007, 25 okt. (In Russ.).
33. Lizogub P.P. Proverka na prochnost' [Test of strength]. *Kuznetskii rabochii [Kuznetsk worker]*, 2007, 3 noiab. (In Russ.).
34. Mikulich I.A. Filimonov. Nado organizovat' Kuznetskoe okruzhnoe kraevedcheskoe obshchestvo [It is necessary to organize the Kuznetsk district local history society] *Kuzbass [Kuzbass]*, 1928, 25 noiab. (In Russ.).
35. Seniukova N.L., Iakovlev Ia.A. Ob okhrane istoriko-kul'turnogo naslediiia v Tomskoi gubernii v 1919-1924 godakh [On the protection of historical and cultural heritage in the Tomsk province in the 1919-1924 years]. *Kuznetskaia starina [Kuznetsky old]*. Novokuznetsk, 1999, iss. 4, pp. 120-145. (In Russ.).
36. Sushchenko E.M. Iz istorii Novokuznetskogo kraevedcheskogo muzeia [From the history of Novokuznetsk Museum of local lore]. *Novokuznetskomu kraevedcheskomu muzeiu 70 let [Novokuznetsk Museum of local lore 70 years]*. Novokuznetsk, 1998, pp. 3-7. (In Russ.).
37. Togulev V. Vozvrashchenie iz zabyt'ia [Return from oblivion]. *Literaturnyi Kuzbass [Literary Kuzbass]*, 1997-1998, no. 1-2, pp. 148-151. (In Russ.).
38. Ustav Obshchestva izucheniia Kuznetskogo kraia pri Kuznetskom kraevedcheskom muzee [The Charter of the Society for the study of the Kuznetsk region of the Kuznetsk Museum of local lore]. *Novokuznetskii kraevedcheskii muzei [Novokuznetsk Museum of local lore]*. NF-D. Op. 1. R. 10. P. 1.
39. Fedorovich I.I. Uralo-Kuznetskaia problema [Ural-Kuznetsk problem]. Moscow; Leningrad, 1926. 96 p.
40. Filimonov A.I. Organizatsiia muzeia mestnogo kraia [The organization of the Museum of the local region]. *Kuzbass [Kuzbass]*, 1927, 16 okt.
41. Shatilov M. Istoricheskii ocherk i obzor Tomskogo Kraevogo muzeia [Historical sketch and an overview of the Tomsk Regional Museum]. *Trudy Tomskogo kraevogo muzeia [Proceedings of the Tomsk regional Museum]*. Tomsk, 1927, vol. 1, pp. 1-37. (In Russ.).
42. Iurchenkov V.A. Regional'naia istoriografiia: rossiiskii opyt [Regional historiography: the Russian experience]. *Regionologiya [Regionology]*, 1993, no. 1, pp. 96-106. (In Russ.).
43. Iaroslavtsev D. Po Gornoi Shorii (Putevoi ocherk) [In Mountain Shoria (Travel essay)]. *Literaturnyi Kuzbass [Literary Kuzbass]*, 1997-1998, no. 1-2, pp. 151-166 (perepechatka iz zh. *Sibirskie ogni [Siberian lights]*, 1926, no 4). (In Russ.).

СЕМИРЕЧЕНСКИЙ ОТРЕЗОК ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ

Баитанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

В статье рассматриваются современные интеграционные процессы в Центральной Азии вдоль трасс Великого шёлкового пути, излагаются результаты археологических исследований средневековых городищ, расположенных на его Семиреченском участке.

Великий шёлковый путь представляет собой систему караванных дорог, которые связывали в древности и Средневековье Запад и Восток – от Средиземноморья до Китая и Японии. Вдоль этих путей осуществлялись торговые и культурные связи между народами и государствами, вовлечёнными в их орбиту. Изучение феномена Великого шёлкового пути началось во второй половине XIX века. Только за последние 25 лет проведено несколько международных конференций, в некоторых странах организованы специальные исследовательские институты. Реализуются трансграничные инфраструктурные проекты, среди которых особое значение имеет строительство авто- и железных дорог, связывающих Китай через государства Центральной Азии с Европой.

Начало евразийских культурных и торговых контактов восходит к III–II тыс. до н. э., когда фиксируется распространение в широтном направлении бадахшанского лазурита, прибайкальского нефрита и агальматолита. Ко II веку до н. э. Великий шёлковый путь уже являлся устойчивой системой дорог, которыми пользовались торговцы и дипломаты. В VI–XII веках наиболее устойчивым, безопасным и оживлённым являлся Семиреченский отрезок Великого шёлкового пути, пролежавший вдоль северных предгорий Тянь-Шаня. Здесь существовала устойчивая политическая власть, представленная тюркскими каганатами, правители которых покровительствовали торговле, а элита обеспечивала стабильный спрос на престижные иноземные товары, прежде всего шёлк. В это же время фиксируется всплеск урбанизационных процессов, седентеризации кочевников, рост числа городов, крупнейшими из которых были Каялык (Антоновское городище), Талгар, Тараз, Орнек и комплекс археологических памятников Акыртас.

Ключевые слова: Великий шёлковый путь, археология, земледелие, Семиречье.

SEMIRECHYE SHORTCUT OF THE GREAT SILK ROAD

Bashtannik Sergey Vasilievich, PhD in History, Researcher, Laboratory of Archaeology, The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

Silk Road is a system of caravan roads, which in ancient times and the Middle Ages crossed Eurasia from the Mediterranean to China and served as the sources of the emergence and development of trade and cultural relations of the peoples of the region, are in the area this way. The study of the Silk Road in the historical, geographical and cultural aspects yet started in the second half of the XIX century. Over the past 25 years have been devoted to Silk Road several international conferences. Some countries of the East (India, China, Sri Lanka) set up special research institutes to study the Great Silk Road. In addition, the scientific and cultural programs are transport and economic revival of the Great Silk Road. The transcontinental railroad at rank connects Europe with the countries of the Far East. In 2009, a construction of the highway Western China - Western Europe via Kazakhstan and the Russian Federation has begun. The cross-border project as a whole follows the main directions of the Great Silk Road.

Start of Eurasian exchange and trade relations date back to the 3000-2000 BC. In the middle of II century BC, Great Silk Road began to function as united diplomatic and commercial artery. In VI-XII centuries, it becomes the most lively way through the Semirechye, where the rate Turkic Hagens, who controlled the trade routes were large consumers of imported goods, mainly silk. At this time, there has been a surge of urbanization, growing number of cities, caravanserais and castles. The largest cities are Antonovka (medieval Kayalyk, the capital of Karluk Jhabgu), complex of medieval buildings (stone castle and caravanserai) Akyrtaş, and medieval towns of Talgar and Ornek. They were centers of adjacent agricultural area.

Keywords: Great Silk Road, archeology, agriculture, Semirechye.

Шёлковый путь – это система караванных дорог, которые в древности и Средневековье пересекали Евразию от Средиземноморья до Китая и служили истоками возникновения и развития торговых и культурных связей народов, государств регионов, находившихся в зоне этого пути. На 24-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1987 году был одобрен Международный проект по комплексному изучению Великого шёлкового пути «Шёлковый путь – путь диалога».

Изучение Великого шёлкового пути в историческом, географическом и культурологическом аспектах началось ещё во второй половине XIX века учеными многих стран. В 1877 году в классическом научном труде «Китай» немецкий ученый фон Рихтгофен назвал систему дорог, связывающих различные части обширного евразийского материка, «Шёлковый путь», позднее утвердился термин «Великий шёлковый путь».

Библиография научных и научно-популярных работ о Великом шёлковом пути насчитывает тысячи названий: монографии, сборники, альбомы, брошюры, статьи. В них дана история Великого шёлкового пути, описание основных и вспомогательных дорог; характеристика городов, этнический состав населения; перечисление товаров; архитектура и искусство, музыка и эпос, религии. В рамках проекта «Шёлковый путь – путь диалога» проведены научные конференции и семинары.

Из большого числа научных международных конференций, посвящённых Великому шёлковому пути, можно назвать: «Формирование и развитие трасс Великого шёлкового пути в Центральной Азии в древности и Средневековье» (Самарканд, октябрь 1990 года); «Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шёлковом пути» (Алма-Ата, 15–16 июня 1992 года); «Эпос государств вдоль Шёлкового пути» (Турку, Финляндия, 3–7 июня 1993 года); «Языки и

письменности вдоль Шёлкового пути» (Кипр, 30 сентября – 1 октября 1994 года); «Возрождение Шёлкового пути: культурный туризм и возрождение наследия в Узбекистане» (Бухара, 21–22 февраля 1996 года).

В некоторых странах Востока (Индия, Китай, Шри-Ланка) созданы специальные научные институты по изучению Великого шёлкового пути: Институт Хироямы в Камакуре (Япония), издающий ежегодник «Археология и искусство Великого шёлкового пути»; по решению ЮНЕСКО Международный Институт по изучению Центральной Азии (МИЦАИ – ICAS) в г. Самарканде; Международный Институт изучения кочевых цивилизаций в г. Улан-Баторе.

Помимо научных и культурных программ осуществляется транспортное и экономическое возрождение Великого шёлкового пути. Трансконтинентальная железная дорога призвана соединить страны Европы со странами Дальнего Востока. В мае 1997 года было завершено строительство участка Мешхед – Серахс, и тем самым страны Центральной Азии получили выход к Персидскому заливу, а страны Европы в Центральную Азию. Должно произойти полное возрождение Великого шёлкового пути в его «железнодорожном» варианте, от Атлантического до Тихого океана.

В 2009 году начато строительство автомагистрали Западный Китай – Западная Европа, через Казахстан и Российскую Федерацию. Трансграничный проект в целом повторяет основное направление Великого шёлкового пути.

Можно с полным основанием считать, что началу процесса глобализации положил Великий шёлковый путь. Он в своё время был самым быстрым способом распространения и обмена информацией [7, с. 87–89]. Это и прообраз современной Всемирной торговой организации:

в Средние века международные купеческие организации договаривались о ценах на товары и о пошлинах на них, заключая торговые сделки в рамках общепризнанных правил.

Сейчас рассматривается возможность внесения всего или части Великого шёлкового пути в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Начало евразийских обменных и торговых контактов восходит к III–II тыс. до н. э. Они были налажены благодаря разработке месторождений лазурита в горах Бадахшана. Лазурит, добываемый в Бадахшане, вывозили в Иран Месопотамию, Анатолию, Египет и Сирию. В середине I тыс. до н. э. бадахшанский лазурит появился в Китае [10, с. 3–9]. Наряду с «Лазуритовым путем», существовал еще «Нефритовый путь», который связывал Восточный Туркестан с Китаем [9, с. 352–353;] и «агальматолитовый путь», соединявший Южную Сибирь с Восточным Туркестаном и Китаем [8, с. 104–113].

В середине II века до н. э. Великий шёлковый путь начинает функционировать как единая дипломатическая и торговая артерия. Начало этому событию положил Чжан Цзянь. В 138 году из Ханьской столицы вышел посольский караван, сопровождавший князя Чжан Цзяня, посланного императором У Ди в страны Запада. Через тринадцать лет Чжан Цзянь вернулся назад. Он смог добраться до районов современного Афганистана и первым прошел прямым путем из внутренних районов Китая в Центральную Азию. Вслед за ним по этому пути пошли на Запад караваны с шёлком, а в Китай – караваны с товарами из Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии [6, с. 147–168].

Великий шёлковый путь начинался в Чанъане – столице Китая и шёл к переправе через Хуанхэ в район Ланчжоу, далее вдоль северных отрогов Нань-Шаня к западной окраине Великой Китайской стены и «Заставе Яшмовых ворот». Здесь единая дорога разветвлялась, окаймляя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная трасса шла через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо в долину р. Или и далее на запад вдоль северных предгорий Тянь-Шаня; средняя – от Гаочана к Карашару, Аксу и через перевал Бедель к берегам Иссык-Куля; южная – через Дунхуан, Хотан, Яркенд и Кашгар в Сред-

нюю Азию, Бактрию, Индию и Средиземноморье – это так называемый «Южный путь». «Северный путь» шел из Хами, Турфана в Семиречье, на юг Казахстана, Приаралье, Восточную Европу [8, с. 352–353].

В VI–VII веках наиболее оживленным становится северный путь, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в Жетысу-Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути, а во-вторых, богатые тюркские каганы и их окружение стали крупными потребителями заморских товаров [1, с. 91–92].

Так, этот путь стал главным, и основное число посольских и торговых караванов в VII–XIV веков шло здесь. В Семиречье из Китая, точнее западных территорий, попадали через Джунгарские ворота, к побережью оз. Алакуль и по предгорьям Джунгарского Алатау к долинам Лепсы и Каратала, переправу через Или в районе Капчагая. Затем дорога вела к Заилийскому Алатау и вдоль него через Кастекский или Курдайский перевал в Чуйскую и Таласскую долину к городам Суяб, Навакет, Тараз и приводила в крупнейший город Южного Казахстана Испиджаб, он же Сайрам. Отсюда шел путь в Ташкент и далее в Самарканд, Бухару, Мерв, Иран, Афганистан, Индию.

Из Испиджаба караванная дорога шла в Арсубаникет на Арыси, в Отрар-Фараб и далее вниз по Сырдарье в Приаралье.

От основной трассы Великого шёлкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Семиречье, отходили дороги на север и восток, которые вели в районы Центрального и Восточного Казахстана, в степь Дешт-и Кыпчак, позднее известную как Сары-Арка, к берегам Иртыша, на Алтай, в Сибирь и Монголию [1, с. 91–92; 2, с. 14–17].

Период функционирования Великого шёлкового пути можно разделить на два этапа.

Первый этап, который можно назвать «Протошёлковый путь», датируется VI – первой половиной II века до н. э. Он связан с формированием в Средней Азии и Казахстане первых государств (Бактрия, Хорезм, государства саков Жетысу и Приаралья). Китайский шёлк и иранские ковры широко представлены в материалах из раскопок

широко известных «царских» курганов Алтая – Пазырыка, Башадара, Тузкты, Шибе, Катанды, Уландрыка, Узуктала, Ак-Алаха и Береля; могильников Синыцзяня – Субаши, Кызылока, Затхунлука, Семиречья – Иссика; Тувы – Аржана. К нему привязываются города-ставки и «царские» могильники саков и усуней, хунну, савроматов и сарматов, античные города Центральной Азии.

Второй этап функционирования Великого шёлкового пути начинается с поездки Чжан Цзяня в 138 году и заканчивается с приходом к власти династии Мин в 1405 году, когда сухопутный отрезок Великого шёлкового пути приходит в упадок из-за самоизоляции Китая и бурного развития морского пути.

Когда Улугбек, внук Тимура, в 1449 году был убит, и закончилась сильная власть, в Центральной Азии началась смута. Торговые караваны, шедшие по Великому шёлковому пути, подвергались нападению и грабежам [11, с. 13–14].

Спорной является дата прекращения функционирования Великого шёлкового пути. Однако ненадежность сухопутных путей и успехи китайского торгового флота с XVI столетия в Индийском океане означает, что к концу его Великий шёлковый путь как торговое и культурное связующее звено между Востоком и Западом перестал существовать.

Семиреченский отрезок Великого шёлкового пути выглядел следующим образом (рис. 1).

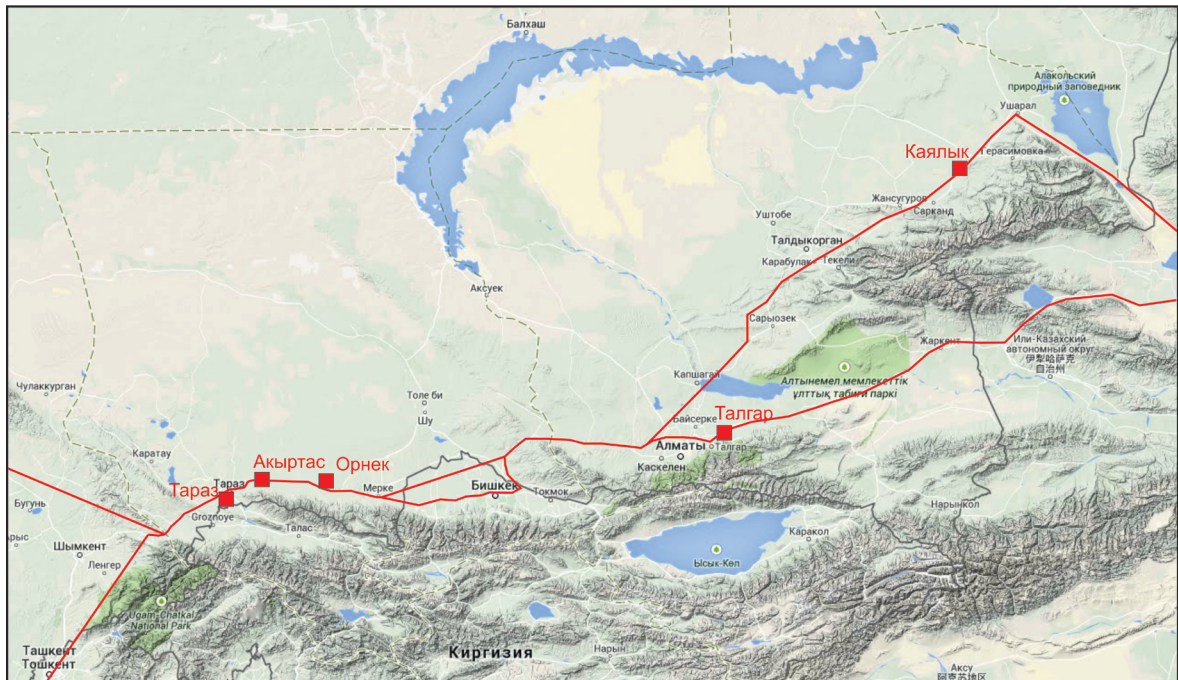

Рисунок 1. Семиреченский отрезок Великого шёлкового пути

Условные обозначения
 — Трассы Великого шёлкового пути
 ■ Каялык - Крупнейшие городища

На востоке в него попадали из Приджунгарья и из Синьзяня через Джунгарские ворота, далее к побережью Алакуля и по предгорьям Джунгарского Алатау в долины Лепсы и Каратала, переправу через Или в районе Капчагая. Затем дорога вела к Заилийскому Алатау и вдоль него через

Кастекский или Курдайский перевал в Чуйскую и Таласскую долину к городам Суяб, Навакет, Тараз и приводила в крупнейший город Южного Казахстана Испиджаб, он же Сайрам. Отсюда шел путь в Ташкент и далее в Самарканд, Бухару, Мерв, Иран, Афганистан, Индию.

На этом участке Великого шёлкового пути расположено несколько крупных городищ, которые были столицами или важными региональными центрами средневековых государств.

Городище Антоновка – средневековый Каялык (Кайлак). Городище расположено на восточной окраине с. Койлык (Антоновка), на берегах р. Ащи-Булак, в 190 км северо-восточнее г. Талдыкорган. Городище датируется VIII – концом XIV века.

Внешние глинобитные стены представляют собой оплывшие валы шириной 11–13 м, с сохранившейся высотой до 2–3,5 м, четырехугольный в плане участок, протяженностью 1290 м с востока на запад и 840 м – с севера на юг, – представляет собой центральную часть городища. За стеной четко прослеживается ров шириной 10–17 м, глубиной 1–2 м. Въезды в городище были устроены в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторонах. Внутри вся обширная территория городища покрыта многочисленными буграми, впадинами – следами былой застройки. Посредине вышеописанного четырехугольника стен выделяется центральная часть размерами 241х225 м, ориентированная углами по сторонам света.

Город известен в источниках XI – начала XIII века как столица карлукских джабгу – самостоятельное владение тюрков-карлуков в каганате караханидов. В середине XIII века город посетил Гильом Рубрук, посол французского короля Людовика IX, направляясь к монгольскому хану Мункэ. Он описал город как крупный торговый центр. В нем, по его словам, были храмы «идолопоклонников», мечеть и рядом с Каялыком – христианская церковь.

Археологические исследования городища начались в 1964 году. В 1998 году раскопан объект, идентифицированный как «буддийский храм», а также исследована жилая усадьба на цитадели городища. В 1999–2000 годах проводились работы на «усадьбе богатого человека», локализованной в юго-восточной части городища. В 2001 году вскрыта баня типа «хаммам», сложенная из жженого кирпича, и исследованы два мавзолея. В 2002–2003 годах работы были сконцентрированы на изучении стратиграфии, создании цифровой трехмерной топографической основы памятника, а также консервационных мероприя-

тиях и мониторинге. С 2004 года на городище ведутся работы по программе «Культурное наследие Казахстана». За прошедшее время вскрыты два мусульманских мавзолея XIII века, ханака этого же времени, пятничная мечеть, согдийские кварталы, манихейский храм и другие объекты [3, с. 5–20].

Город был центром обширной земледельческой округи, о чём свидетельствуют находки большого числа культурных растений – нескольких видов пшениц и ячменей, проса, плодово-ягодных культур [4, с. 122–130, 5 с. 45–47, 121–123].

Археологический комплекс Акыртас находится в 40 км восточнее современного Тараза, в 6 км южнее железнодорожной станции Акчулак, у подножия Киргизского Алатау. Сейчас это сухие предгорья, изрезанные руслами пересыхающих ручьев, истоки которых берут начало из родников, расположенных в горных ущельях. Объекты комплекса имеют широкий хронологический диапазон – IV–II века до н. э. – XIX век н. э.

Комплекс включает в себя несколько разновременных археологических и археолого-архитектурных памятников. Дворец – монументальное сооружение, четырехугольное в плане, выложенное из массивных каменных блоков красного песчаника высотой от 1 до 1,5 м. Размер постройки 169х145 м. Сооружение ориентировано длинными сторонами по линии север – юг. План постройки читается хорошо: главная улица соединяет северный и южный входы. Перпендикулярно ей с востока на запад проходит еще одна улица, упиравшись в глубокие айваны. Улицы делят постройку на четыре части, из которых три состоят из помещений, расположенных вокруг дворов, а одна (северо-западная) свободна от застройки. Центр всей постройки занимает двор, по периметру которого поставлены каменные базы колонн размерами 5х5 м. В южной части двора прослеживаются котлованы двух водоемов-хаузов. Постройка дворца датируется серединой VIII века. Рядом находится садово-парковая зона. Это участок подпрямоугольной формы. Размеры его 250х250 м. Загородные усадьбы, или по-иному «жилой квартал», находятся к северу от «дворцового комплекса». Вблизи комплекса, западнее, обнаружена каменоломня и карьер для добычи камня. Обнаружена и исследована смотровая башня,

караван-сарай X–XII и XIII–XIV веков, поселение XIX века, сакские курганы.

Изучение комплекса ведется на протяжении более 130 лет. Первые сведения о постройках Акыртаса относятся к центральному монументальному сооружению комплекса – дворцу. Первым, кто обратил внимание на него, был русский художник М. С. Знаменский. В составе военной экспедиции генерала М. Г. Черняева в 1864 году он посетил его развалины и оставил интересные зарисовки панорамы и фрагментов стен.

В 1867 году памятник обследовал известный ориенталист П. И. Лерх. Он дал предварительное описание, сделал обмеры отдельных блоков, привел сведения о развалинах Акыртаса, собранные буддийским монахом Чан-Чунем, к которому обращался Чингисхан в надежде найти эликсир вечной жизни. В начале XIII века монах застал лишь руины сооружения. П. И. Лерх считал Акыртас буддийским монастырем.

Несколькими годами позднее серьезные исследования провел здесь геолог Д. Л. Иванов. В его статье об Акыртасе имеется подробное описание плана сооружения, каменоломни, откуда брались камни для строительства. Он же дал характеристику стеновых блоков, сделал зарисовки тех из них, которые были орнаментированы.

В 1893 году памятник посетил известный востоковед В. В. Бартольд. Он привел легенды о памятнике и свою версию о том, что это – монастырь христиан-несторианцев. Такая гипотеза родилась благодаря рассказам некоторых очевидцев, якобы видевших каменный блок из Акыртаса с изображением рыбы – одного из символов христианства. Член Туркестанского кружка любителей археологии В. А. Каллаур, исследуя Акыртас, обнаружил водопроводные трубы, каменные желоба и пришел к выводу, что вода подводилась к постройке из родников, расположенных в 4–5 км выше – в горных ущельях.

В 1936–1938 годах в Таласской долине работает Семиреченская археологическая экспедиция, возглавляемая А. Н. Бернштамом. Затем (1940, 1945–1946 годы) Акыртас исследовал Г. И. Пацевич, посвятивший памятнику статью. По мнению Г. И. Пацевича, Акыртас датируется временем до IX века, скорее всего, подобен постройкам христиан-несториан, и отождествляется с населенным пунктом Касрибас.

В 1945 году памятник исследовала экспедиция по делам архитектуры при Совете Министров КазССР. Итогом её работ стал план Акыртаса, а материалы исследований были обобщены в статье архитектора Т. К. Басенова. Интерес представляет опубликованный в статье план Акыртаса. Т. К. Басенов отвергает попытки отождествления Акыртаса с буддийским либо несторианским монастырями и делает предположение о том, что Акыртас был дворцом-крепостью, построенной в VIII–IX веках.

Еще одна попытка интерпретации назначения Акыртаса принадлежит специалисту в области исторической архитектуры Л. Ю. Маньковской. Она, проанализировав план постройки, пришла к выводу, что Акыртас представляет собой караван-сарай с центральным большим двором и малыми дворами разного назначения. По ее мнению, он строился как гигантский торговый центр и перевалочный пункт. Исследователь датирует начало строительства не позже X века и присоединяется к мнению о тождестве Акыртаса и Касрибаса.

Сопоставление Акыртас – Касрибас было поддержано К. М. Байпаковым, который считал Акыртас недостроенной ставкой карлуков, владевших Семиречьем в IX–X веках, и пригласивших для строительства арабских зодчих. С 1992 года на памятнике работы ведет Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция под руководством академика К. М. Байпакова. С 2004 года здесь ведутся исследования по программе «Культурное наследие Казахстана» [12, с. 265–272].

При раскопках караван-сарая была собрана богатая коллекция культурных знаков и бобовых, что указывает на возделывание полей здесь в период Средневековья [4, с. 122–130, 5 с. 43–45].

Городище Орнек расположено в 6 км к югу от одноименного села на р. Алтынсу в ущелье Соллутор.

Городище исследовали в 1990–1993 годах экспедиция Свода памятников Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Центральная часть городища представляет собой четырехугольную площадку, ориентированную углами по сторонам света. Разме-

ры площадки по гребню окружающего ее вала 155х160 м. Вал сохранился на высоту до 5 м при ширине основания 11–15 м. По углам и по периметру стен прослеживаются всхолмления на месте башен: на северо-восточной стене их было 7 (считая и угловые), на северо-западной – 6, на юго-восточной – 9, на юго-западной – 9. В каждой из четырех сторон имеются ворота в виде разрывов в валу. Въезды соединялись дорогами, пересекающимися в центре.

В центре городища, ближе к северо-западной стене, расположены круглые в плане котлованы трех водоемов-хаузов, соединенных между собой. Диаметры двух из них по 30 м и одного – 15 м.

К центральным развалинам примыкает территория, окруженная валом с башнями. Вал находится на расстоянии 90 м от юго-западной стены, в 40 м – от юго-восточной, в 90 м – от северо-восточной и в 100 м – от северо-западной.

Внешний вал имеет вид прямоугольника с длиной сторон: юго-западной – 330 м, северо-западной – 290 м, северо-восточной – 300 м, а юго-восточная состоит из двух сомкнутых под тупым углом отрезков длиной 200 и 160 м. В середине северо-восточной части вала прослежен разрыв – остатки прохода.

Вокруг укрепления, главным образом за внешней стеной, к югу и юго-востоку вдоль ущелья Солутор расположены участки прямоугольной, квадратной и неправильной формы, отгороженные друг от друга каменными валунами. Размеры участков колеблются от 250–300 кв м до 1000–2000 кв м. Внутри участков, обычно в углу, находятся бугры – остатки постройки – дома. Массив этих участков тянется вверх по берегам Солутора на 4 км и на 1,2 км в ширину. Общая площадь его составляет около 500 га. Визуально невозможно различить какую-либо систему в расположении участков, но в ряде случаев прослеживаются «дороги», разряжающие общую бессистемную застройку.

Раскоп на территории городища частично вскрыл прямоугольную в плане постройку размерами 40х20 м. По внешнему обводу стен сторонами она ориентирована по сторонам света.

Основания их выложены из каменных булыжников. Сами стены были глинобитными, шириной около 1 м. Вход в постройку был оформлен двумя выступами стены, образующими тамбур. Длина выступов – 3,5 м, ширина прохода – 8 м.

На поверхности пола, расчищенного на отдельных участках, обнаружена система каменных баз колонн. Две из них представляют собой блоки, вытесанные из массивных каменных глыб. Первый, размерами 0,5х0,5х1,3 м, со слегка закругленной нижней частью и фасками, снятыми с двух углов, одна сторона которого украшена прорезным орнаментом, сделанным двойной линией. Изображена фигура в виде ножки вазы, на которой показан лист с двумя завитками, отходящими от черешка. Второй трапециевидный блок с уступом наверху высотой 10 см. С двух ребер его сняты фаски, на двух гранях вырезаны антропоморфные изображения. Третья база в виде двухступенчатого блока имеет размеры нижней ступени 1,3х1,2 м высотой 1 м, верхней ступени – 0,85х0,9 м высотой 0,4 м.

Городище опоясано цепью ныне не действующих оросительных каналов, в верховьях р. Алтынсу имелось водохранилище, где накапливалась вода горных ручьев для использования в засушливый сезон. Так, здесь были созданы необходимы условия для земледелия. Возделывались следующие культуры: мягкая и карликовая пшеницы, горох, яблоня, груша. Об использовании искусственного орошения говорят находки влаголюбивых растений семейства гречишных – водный перец, горец отклоненный, горец птичий, горец почечуйный. На значительное антропогенное давление на ландшафты указывают находки мари белой и подорожника [4, с. 122–130, 5 с. 42–43, 119–120].

В заключение уместно привести слова Генерального директора ЮНЕСКО в 1987–1999 годах. Федерико Майора: «Шёлковый путь, проходивший через степи, моря и пустыни, предоставлял великолепную возможность для установления контактов и диалога, способствовал «возможности взаимного обогащения выдающихся цивилизаций».

Литература

1. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI – начало XIII века). – Алма-Ата, 1986. – 256 с.
2. Байпаков К. М. Великий шёлковый путь на территории Казахстана. – Алматы: Адамдар, 2007. – 496 с.

3. Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. – Алматы: Адамдар, 2007. – 224 с.
4. Баштанник С. В. Археоботанические находки на средневековых памятниках Семиречья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 122–130.
5. Баштанник С. В. Земледельческая культура Южного Казахстана эпохи Средневековья. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – 126 с.
6. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. II.
7. Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Известия Академии наук КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып. 3(14). – С. 87–89.
8. Ковтун И. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Самуськое время Устья Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальмталитовый» путь // Историко-культурное наследие Кузбасса: актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии. – Кемерово, 2011. – С. 104–113.
9. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шёлковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. – М., 1988. – С. 352–356.
10. Сарианиди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – М., 1968. – Вып. 114. – С. 3–9.
11. Шефер Э. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных новинках в империи Тан. – М., 1981. – 608 с.
12. Bajpakov Karl, Nortedge Alastair. La mission Aranco-Karakhe d' Akyrtaş // Etudes Karakhanides. Cahiers d' Asie Centrale. Tashkent – Aix-en-Provence, 2001. – P. 265–272.

References

1. Baipakov K.M. Srednevekovaia gorodskaiia kul'tura Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia: (VI - nachalo XIII veka) [Medieval city culture of Southern Kazakhstan and Semirechie: (VI - the beginning of XIII century)]. Almaty, Nauka Publ., 1986. 255 p. (In Russ.).
2. Baipakov K.M. Velikii shelkovyi put' na territorii Kazakhstana [Great Silk road in the territory of Kazakhstan]. Almaty, Adamdar Publ., 2007. 423 p. (In Russ.).
3. Baipakov K.M., Voiakin D.A. Srednevekovi gorod Kaialyk [Medieval city of Kayalyk]. Almaty, Adamdar Publ., 2007. 224 p. (In Russ.).
4. Bashtannik S.V. Arkheobotanicheskie nakhodki na srednevekovykh pam'iatnikakh Semirech'ia [Archaeobotanic findings at medieval settlements of Dzhetysay]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2002, no. 4, pp. 122-130. (In Russ., in Engl.).
5. Bashtannik S.V. Zemledel'cheskaia kul'tura Iuzhnogo Kazakhstana epokhi Srednevekov'ia [Medieval agriculture of Southern Kazakhstan]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2007. 126 p. (In Russ.).
6. Bichurin N.Ia. (Iakinf). Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information on peoples in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad, 1950, vol. II. (In Russ.).
7. Zuev Iu.A. Kitaiskie izvestiia o Suiabe [Chinese news about Suyab]. *Izvestiia Akademii Nauk KazSSR. Seriya istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series of History, Archaeology and Ethnography], 1960, vol. 3(14), pp. 87-89. (In Russ.).
8. Kovtun I.V., Bashtannik S.V., Zharonkin V.N., Fribus A.V. Samus'koe vremia Ust'ia Kozhukha-1, iugo-vostochnyi faktor i "granito-agal'mtalitovyi" put' [Samus' time of Ust'ye Kozhuha-1, the southeast and the factor of "granite-agalmatolit" way]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa: aktual'nye problemy izuchenii i okhrany pamiatnikov arkheologii* [Historical and Cultural Heritage of Kuzbass: actual problems of study and conservation of archaeological monuments]. Kemerovo, 2011, pp. 104-113. (In Russ.).
9. Lubo-Lesnichenko E.I. Velikii Shelkovyi put' [Great Silk Road]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem Srednevekov'e* [East Turkestan in antiquity and the early Middle Ages]. Moscow, 1988, pp. 352-356. (In Russ.).
10. Sarianidi V.I. O velikom lazuritovom puti na Drevnem Vostoke [About lazurite great way in the Ancient East]. *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniiax Instituta arkheologii AN SSSR* [Summary of the reports and field studies of the Institute of Archaeology of the USSR]. Moscow, 1968, vol. 114, pp. 3-9. (In Russ.).
11. Shefer E. Zolotyie persiki Samarkanda: Kniga o chuzhezemnykh novinkakh v imperii Tan [Golden Peaches of Samarkand: A book about the foreign news in the Tang Empire]. Moscow, 1981. 608 p. (In Russ.).
12. Baipakov Karl, Nortedge Alastair. La mission Aranco-Karakhe d' Akyrtaş. *Etudes Karakhanides. Cahiers d' Asie Centrale*. Tashkent, Aix-en-Provence, 2001, pp. 265-272.

УДК 069.5

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМ. А. В. АНОХИНА

Полтева Татьяна Ивановна, аспирант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, РФ); заведующая отделом истории, Национальный музей им. А. В. Анохина (г. Горно-Алтайск, РФ). E-mail: Polteva-Tatyana@mail.ru

Статья посвящена изучению документального наследия Великой Отечественной войны в собрании Национального музея им. А. В. Анохина. Современная ситуация способствует развитию стойкого интереса к аутентичным источникам данного исторического события. Изучение документальных коллекций, хранящихся в музеях, способствует восстановлению имен защитников Родины и тружеников тыла, воссозданию образа человека в экстремальных условиях войны. Отсутствие комплексного описания документального наследия Великой Отечественной войны в собрании Национального музея им. А. В. Анохина препятствует введению в научный и культурный оборот целого ряда важных источников. Анализ документальной коллекции проведен в соответствии с классификациями, принятыми в архивном деле и в российском источниковедении. Документальное наследие Великой Отечественной войны входит в состав личных фондов и тематических коллекций музейного собрания. Оно представлено наградными документами участников боевых действий и тружеников тыла, документами биографического характера, перепиской и пропагандистскими материалами. Свидетельства военного времени из собрания Национального музея им. А. В. Анохина дают возможность на региональном материале воссоздать все основные этапы Великой Отечественной войны, восполнить пробелы в ее истории и показать вклад в Победу населения Республики Алтай.

Ключевые слова: Национальный музей имени А. В. Анохина, личные фонды, тематические коллекции, Великая Отечественная война (1941–1945), государственные награды.

DOCUMENTARY COLLECTIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE NATIONAL MUSEUM NAMED AFTER A.V. ANOKHIN

Polteva Tatiana Ivanovna, Postgraduated, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation), Head of the Department of History, A.V. Anokhin National Museum (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: Polteva-Tatyana@mail.ru

Currently there is a growing interest in studying the history of the Great Patriotic War on the basis of authentic sources. Study of documentary collections helps to restore the names of the defenders of the Motherland and home front workers and recreate the image of a person in extreme conditions of war. The lack of a full description of documentary heritage of the Great Patriotic War in the collections of the National Museum does not allow to enter into scientific and cultural circulation a number of important sources. Analysis of documentary collections is conducted in accordance with the classification in the archives and sources. Documentary heritage of the Great Patriotic War is a part of personal funds and thematic collections. Two main groups were allocated for their characteristics. The first group of sources characterizes the people's participation in strengthening the country's defense, performance of state tasks, helping the front. The second group consists of documents for awards, correspondence, memoirs, autobiographies of participants of the Great Patriotic War. There are documents of 25 Heroes of the Soviet Union in the museum. The epistolary collection of the Great Patriotic War

at the National Museum includes about 100 items. The collection consists of letters addressed to newspapers, letters written in the state and public institutions, and personal correspondence. Personal correspondence is a big part of the collection. It includes letters of the soldiers from the front to their families. Memories of the Great Patriotic War describe the events of the war on behalf of the witnesses. Leaflets and posters of wartime are among propagandistic sources. The sources of wartime in the collection of the National Museum allow the reconstruction of the main stages of the Great Patriotic War and to show the contribution to the victory of the residents of the Altai Republic.

Keywords: A. V. Anokhin National Museum, personal funds, thematic collections, Great Patriotic War (1941–1945), state awards.

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945) нашел отражение в научной и художественной литературе, в кино и фотодокументах, на страницах газет и журналов, в воспоминаниях ветеранов. Тем не менее главными хранителями подлинных источников о войне являются музеи. Прошедший юбилей показал, что музейные собрания – важная часть наследия Великой Отечественной войны, востребованная в научно-культурном мире и среди широкой общественности.

Национальный музей им. А. В. Анохина имеет в составе своего собрания уникальные предметы и коллекции, освещающие участие населения Ойротской автономной области (ныне Республика Алтай) в Великой Отечественной войне. Основа для формирования документального наследия данного исторического события была заложена научными сотрудниками музея в 1941–1945 годах [3, с. 103]. Работа по его комплектованию продолжается и в настоящее время. Собраны материалы, освещающие участие населения в боевых действиях на фронтах войны. Сформированы коллекции, показывающие вклад жителей региона в создание фонда обороны нашей страны.

Особое значение музейное собрание Национального музея им. А. В. Анохина имеет из-за представленных в нем материалов, показывающих участие автономного национального образования в Великой Отечественной войне. С территории Ойротской автономной области на фронт было призвано 42 268 человек, что составляло третью часть населения на 1936 год. Защищая Родину, погибли 21 299 воинов [5, с. 344]. По данным «Книги Памяти. Они сражались за Родину», среди погибших и пропавших без вести числятся: русских 15 787, алтайцев – 4788, казахов – 393, представителей других национальностей – 331 человек [5, с. 295]. Среди вернувшихся с фронта

значатся: русских – 10 445, алтайцев – 2 321, казахов – 194, представителей других национальностей – 178 человек [5, с. 296]. 10 524 воина, призванных военкоматами Ойротской автономной области, не найдено ни среди погибших, ни среди пропавших без вести [5, с. 298].

Изучение коллекций Великой Отечественной войны в собрании Национального музея им. А. В. Анохина началось с момента их комплектования. Оно охватывает круг вопросов, связанных с атрибуцией, классификацией, систематизацией и интерпретацией коллекций. Но отсутствие комплексного описания документального наследия препятствует введению в научный оборот целого ряда важных источников региональной истории, имеющих особое значение.

В настоящее время в собрании Национального музея им. А. В. Анохина выделен фонд Великой Отечественной войны (ВОВ), который состоит из фотодокументальных, изобразительных, вещественных коллекций, нумизматики и фалеристики. Самыми представительными из вышеназванных коллекций являются фотодокументальные, значительную часть которых составляют документальные свидетельства. Кроме этого, часть документального наследия Великой Отечественной войны представлена в других фондах: «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Образование», «Здравоохранение».

Федеральный закон от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» дает определение архивному документу как «материальному носителю с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства» [12]. Данное определение наделяет документ (музейный предмет) особыми свойствами:

быть носителем социальной информации, аутентичным источником знаний и эмоций, культурно-исторической ценностью, то есть он является частью национального достояния [10].

Основой классификации документальных коллекций, хранящихся в музеях, является классификация, принятая в архивном деле. В соответствии с ней документальные коллекции Великой Отечественной войны Национального музея им. А. В. Анохина подразделяются на личные фонды и тематические коллекции [8]. Личные фонды составляют документы участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Тематические коллекции содержат материалы, характеризующие участие воинов Красной армии в Великой Отечественной войне и ход военных действий.

Документальные коллекции, входящие как в состав личных фондов, так и тематических коллекций, рассказывают о событиях, связанных с историей Великой Отечественной войны, что дает возможность для их объединения. Для более качественной характеристики документальных коллекций автором были выделены две основные группы документов: «Ойротская автономная область – тыловой район», «Жители Ойротской автономной области в боевых действиях Великой Отечественной войны».

Первая группа документов «Ойротская автономная область – тыловой район» характеризует участие населения в укреплении обороноспособности страны и выполнении государственных заданий. Согласно историческим сведениям, «труженики автономной области сдали в фонд обороны 2 млн 637 тыс. пудов зерна, 8 200 пудов животного масла, 108 тыс. пудов кож, более 187 тыс. овчин, 1 млн 360 тыс. пудов мяса, почти 750 тыс. ц. молока, 99 тыс. пудов шерсти, десятки тысяч килограммов пантов и много другой продукции. За добросовестный труд 2,5 тыс. тружеников были награждены орденами и медалями» [3, с. 117].

Документы, посвященные Великой Отечественной войне, входят в состав личных фондов и тематических коллекций [11].

Наградные документы представлены: орденой книжкой Е. М. Киселевой (инв. № 6454), орденой книжкой М. П. Чепрасовой (инв. № 5827), удостоверениями к медали «За доблестный труд

в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» К. Ачубаева (инв. № 7092), А. Ш. Шабуровой (инв. № 11741), Ш. С. Ялатова [11].

Евдокия Михайловна Киселева – звеньевая колхоза имени Куйбышева Усть-Коксинского аймака – осенью 1941 года организовала работу руководимого ею звена по сбору урожая. Членами звена – Кириллом и Филиппом Подкорытовыми, Анисеей Соколовой, Лукерьей Глушковой – было собрано по 16 ц. пшеницы сорта «Аленькая» с площади 41 га при плановом задании по 14 ц. зерна с гектара. В 1942 году на той же площади было выращено и собрано урожая по 25 ц. с гектара [7, с. 44–45]. Евдокия Михайловна Киселева награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Мария Потаповна Чепрасова – помощник мараловода совхоза «Абайский» Усть-Канского аймака – за самоотверженный труд в военные годы была награждена орденом Ленина. Из-за большой физической нагрузки профессия мараловода считалась мужской. В военное время в связи с призывом на фронт значительного числа мужчин женщины осваивали и такие мужские профессии. Среди них была и М. П. Чепрасова. Более половины пантовой продукции для нужд фронта шла с территории Ойротской автономной области. Панты марала – природный биостимулятор, который обладает значительным комплексом биологически активных веществ. В военное время он активно использовался в медицине [11].

Орденом Ленина и медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» был награжден знатный верблюдовод колхоза «Путь к коммунизму» Кош-Агачского аймака Кадыр Ачубаев. Он вместе с малолетними детьми на отдаленной стоянке ухаживал за верблюдами [13, с. 55].

Швея промартели «Ойротка» Анна Шакировна Шабурова изготавливала полушубки для бойцов Красной армии. Труд был не автоматизирован, швеи шили военное обмундирование на ручных швейных машинах. А. Ш. Шабурова активно участвовала в социалистическом соревновании, постоянно перевыполняла плановые задания. Награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

Председатель Кош-Агачского аймакисполкома Шабычи Сыранович Ялатов был награжден

медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». В 1937 году С. Ш. Ялатов избирался депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. В июле 1941 года, обучаясь в Ленинградском государственном институте имени Н. К. Крупской, он был призван в ряды Красной армии. Участвовал в боевых действиях. В 1942 году после тяжелого ранения Ш. С. Ялатов был демобилизован и стал работать инструктором Ойротского областного комитета ВКП(б). В октябре 1943 года он был приглашен на работу секретарем по кадрам Элиманарского РК ВКП(б). В ноябре 1944 года Ш. С. Ялатов избрали председателем Кош-Агачского аймакисполкома. За период работы Шабычи Сырановича на посту председателя аймакисполкома в Кош-Агачском аймаке успешно решались народно-хозяйственные задачи. Решением Горно-Алтайского облисполкома от 27 июня 1945 года «за успешную реализацию 4-го государственного военного займа и сбор наличных средств» Кош-Агачскому аймаку была присуждена 1-я премия. В составе делегации Ойротской автономной области Ш. С. Ялатов принимал участие в Параде Победы в г. Москве. Награжден орденом Ленина [9, с. 129–130].

В тематических коллекциях представлены следующие источники: «Почетная грамота Исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся и Краевого комитета ВКП(б)», которая была вручена верблюдо-водческой ферме колхоза «Путь к социализму» Кош-Агачского аймака «за выполнение госплана развития верблюдоводства и выращивание 20 верблюдов»; «Отчет колхозника сельхозартели за период сеноуборки 1944 года»; «Приемная квитанция» на имя В. И. Пяткова о приеме в фонд Красной армии полушубка и 2 пар белья»; «Кассовый ордер от 24 февраля 1943 года» на имя А. Н. Манеева – жителя с. Майма-Чергачак – о перечислении им в фонд обороны на строительство военной техники 25 тыс. рублей собственных сбережений; «Блокнот агитатора» на алтайском и русском языках, настенные газеты и другие материалы [11].

Вышеперечисленные источники свидетельствуют о выполнении Ойротской автономной областью плановых заданий в военное время,

развитии социалистического соревнования и организации различных форм помощи фронту: сдаче личных вещей и перечислении денежных средств.

Вторая группа документов «Жители Ойротской автономной области в боевых действиях Великой Отечественной войны» представлена наградными документами, перепиской, воспоминаниями и источниками пропагандистского характера тематических коллекций.

К наградным документам относятся: «Орденские книжки», удостоверения к медалям: «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне (1941–1945)», «За победу над Японией».

«Благодарности Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина» за участие в различных военных операциях, «Красноармейские книжки», «Военные билеты», справки из военкоматов, военных и государственных структур помогают восстановить биографические сведения на фондоходователя личного фонда [11].

Вышеназванные источники свидетельствуют о том, что жители Ойротской автономной области принимали участие: в Московском сражении (Н. Н. Табакаев, Я. Т. Бедюров, М. С. Каташ, И. А. Шарков, А. А. Рябова); обороне Севастополя (П. Н. Угрюмова); оборонительных боях 1941–1942 годов (Ш. С. Ялатов, Ф. С. Алтайчинов); обороне г. Ленинграда и полном снятии его блокады (Н. Г. Куранаков, В. И. Кречетов, Г. Ф. Тозыяков, В. М. Абышев); Сталинградском сражении (И. З. Шуклин, М. М. Сатлаев, В. С. Каташ, Н. А. Кайгородов, Е. П. Кузьменко); Курской битве (Г. Н. Космынин, М. В. Бояркин); сражениях на территории нашей страны и стран Европы (Н. М. Тырышкин, П. И. Чепкин, И. Ф. Галинский, И. Н. Параев).

В документальном фонде участников боевых действий особый интерес представляют материалы Героев Советского Союза и полного кавалера орденов Славы. Грамоты Героев Советского Союза (И. Т. Осипова, П. Н. Ноговицына, М. М. Стяжкина, Н. Д. Федорова, Ф. М. Стренина), материалы «Личного дела Т. И. Паршуткина», «Красноармейская книжка» С. В. Налимова,

Почетная грамота ЦК ВЛКСМ Ф. М. Стренина, орденская книжка и благодарности В. В. Чевалкова являются наиболее востребованной частью документального фонда Национального музея им. А. В. Анохина [11].

Эпистолярная коллекция Великой Отечественной войны в собрании Национального музея им. А. В. Анохина насчитывает около 100 единиц хранения. Здесь представлены письма газетного жанра, письма в государственные и общественные учреждения и личная переписка [4, с. 641]. Значительную часть коллекции составляет личная переписка, где преобладают письма солдат с фронта своим родным, в первую очередь матерям, женам, сестрам (письма семей: Куранаковых, Петрушиных, С. М. Зайцева, И. М. Курносова, Г. Ф. Тозыякова, М. С. Табышкина, И. З. Шуклина). Два письма принадлежат авторству представителей тыла участникам сражений [1].

Автобиографии или последовательные описания человеком событий собственной жизни в личных фондах Великой Отечественной войны представлены автобиографиями снайпера З. В. Поляковой и медсестры, участницы Московской битвы, Сталинградского и Курско-Белгородского сражений А. А. Рябковой. В личных фондах присутствуют биографические справки на участников боевых действий и тружеников тыла, составленные со слов фондообразователей и подтвержденные различными документами биографического характера [11].

Воспоминаний участников Великой Отечественной войны в собрании Национального музея им. А. В. Анохина сравнительно немного. Это – воспоминания участника обороны и освобождения Ленинграда, боев на территории При-

балтики и Германии В. И. Кречетова и участника форсирования Днепра, боев на территории Украины, Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Германии И. В. Карамаева, альбом воспоминаний «Вспоминая июнь 1941 года», записанный со слов 48 ветеранов г. Горно-Алтайска. Музей также располагает воспоминаниями участников войны и тружеников тыла, записанными на аудио- и видеоносителях.

Среди документальных источников выделяются источники пропагандистского характера, которые выполняли задачу формирования стереотипов массового сознания среди населения страны. В Национальном музее им. А. В. Анохина хранятся листовки: «Смерть немецким оккупантам!», «Подвиг лейтенанта Шуклина», «Слава Герою Маскаеву М. Ф.», «Честь и слава отважным!», плакаты военного времени [11].

Таким образом, Национальный музей им. А. В. Анохина является хранителем документального наследия Великой Отечественной войны (1941–1945). Оно состоит из личных фондов и тематических коллекций, представлено наградными документами участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, документами биографического характера, перепиской, пропагандистскими материалами. Данные свидетельства военного времени дают возможность восполнить пробелы в истории Великой Отечественной войны, показать вклад Ойротской автономной области в победу над врагом. Изучение документальных коллекций способствует воссозданию психологической атмосферы военного времени, реконструкции образа человека с его неповторимой индивидуальностью в экстремальных условиях войны и восстановлению имен защитников Родины и тружеников тыла.

Литература

1. Адалар откон јолдор... Дороги по которым прошли отцы... Письма и воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – Горно-Алтайск: Гор.-Алт. республик. тип., 2005. – 208 с.
2. Белекова Э. А. Ойротский областной краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Мат.-лы республик. науч.-ист. конф. «Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны», Горно-Алтайск, 29 апр. 2010 года. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 101–104.
3. Бражников Я. И. Горный Алтай в Великой Отечественной войне. – Горно-Алтайск: Гор.-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1966. – 192 с.
4. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской истории: учеб. пособие. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое общество», 2000. – С. 641–647.
5. Книга Памяти. Они сражались за Родину. – Горно-Алтайск: Юч-Сумер – Белуха, 2000. – Т. 4. – С. 295–298.

6. Люди эпохи XX века. – Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2002. – Т. 1. – С. 44–45.
7. Моя судьба в судьбе Алтая. Биогр. справ. XX – начало XXI века. – Горно-Алтайск: Гор.-Алт. тип., 2006. – С. 129–130.
8. Музееведение [Электронный ресурс] (краткий курс лекции). – URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=229#2 (дата обращения: 25.06.2015).
9. Национальный музей. Фонды. Метод. рекомендации по приему, учету и описанию документов личного происхождения: одобр. Протоколом эксперт.-провероч. метод. комис. Комитета по делам арх. Республики Алтай от 02.06.2014 № 6.
10. Национальный музей. Фонды. Ф. ВОВ.
11. Оставляю в наследство. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 55.
12. Федеральный закон от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.html> (дата обращения: 25.06.2015).
13. Эземнин бичиги. Книга памяти (поименный список воинов Горного Алтая, павших в боях Великой Отечественной войны (1941–1945). – Горно-Алтайск: Изд-во Юч-Сумер – Белуха, 2000. – Т. 5. – С. 344.

References

1. Adalar otkon ioldor... Dorogi po kotorym proshli otsy... Pis'ma i vospominaniia uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 godov. [The roads on which the fathers walked... Letters and memories of the Great Patriotic War of 1941-1945]. Gorno-Altai, Gorno-Altai'skaia respublikanskaia tipografiia Publ., 2005. 208 p. (In Russ.).
2. Belekova E.A. Oirotskii oblastnoi kraevedcheskii muzei v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 godov. [Ojrot regional museum in the years of the Great Patriotic War 1941-1945]. *Materialy respublikanskoi nauchno-istoricheskoi konferentsii "Gornyi Altai v gody Velikoi Otechestvennoi voyny"*, Gorno-Altai, 29 april'a 2010 goda [Materials of republican scientific-historical conference: Gorny Altai during the Great Patriotic War. Gorno-Altai, April 29, 2010]. Gorno-Altai, 2010, pp. 101-104. (In Russ.).
3. Brazhnikov Ia.I. Gornyi Altai v Velikoi Otechestvennoi voine [Gorny Altai in the Great Patriotic War]. Gorno-Altai, Gorno-Altai'skoe otdelenie Altaiskogo knizhnogo izdatelstva Publ., 1966. 192 p. (In Russ.).
4. Istochnikovedenie. Teoriia. Istoriia. Metod. Istochniki Rossiiskoi istorii [Source study. Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow, Russian State University for the Humanities, Open Society Institute Publ., 2000, pp. 641-647. (In Russ.).
5. Kniga Pamiati. Oni srazhalis' za Rodinu [Book of memory. They fought for their country]. Gorno-Altai, Iuch-Sumer-Belukha Publ., 2000, vol. 4, pp. 295-298. (In Russ.).
6. Liudi epokhi XX veka [Humans era of the XX century]. Gorno-Altai, Iuch-Sumer Publ., 2002, pp. 44-45. (In Russ.).
7. Moia sud'ba v sud'be Altaia. Biograficheskii spravochnik. XX - nachalo XXI veka. [My fate in the fate of the Altai. Biographical Directory. XX-XXI century]. Gorno-Altai, Gorno-Altai'skaia tipografiia Publ., 2006, pp. 129-130. (In Russ.).
8. Muzevedenie (kratkii kurs leksii) [Museology (short course lectures)]. (In Russ.). Available at: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=229#2 (accessed 25.06.2015).
9. Natsional'nyi muzei. Fondy. Metodicheskie rekomendatsii po priemu, uchetu i opisaniiu dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia: odobr. Protokolom ekspertno-proverochnoi metodicheskoi komissii Komiteta po delam arkhivov Respubliki Altai ot 02.06.2014 № 6. [National museum. Holdings of a museum. Methodical recommendations for receiving, registration and describing the documents of personal origin: approved by the protocol expert commission and methodical commission of the Committee on the archives of the Altai Republic on 02.06.2014, no. 6]. (In Russ.).
10. Natsional'nyi muzei. Fondy. F. VOV [National museum. Holdings of a museum. Foundation of the Great Patriotic War of 1941-1945]. (In Russ.).
11. Ostavliaiu v nasledstvo [Leave a legacy]. Gorno-Altai, 2010, p. 55. (In Russ.).
12. Federal'nyi zakon ot 22 oktiabria 2004 goda № 125-FZ "Ob arkhivnom dele v Rossiiskoi Federatsii" [Federal law of 22 October 2004 of number 125-FL "On archives of the Russian Federation"]. (In Russ.). Available at: <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.htm> (accessed 25.06.2015).
13. Ezemnin bichigi. Kniga pamiati (poimennyi spisok voinov Gornogo Altaia, pavshikh v boiakh Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945) [Jezemnin bichigi. Memory book (a list of names of soldiers of Gorny Altai who died in the battles of the Great Patriotic War (1941-1945)]. Gorno-Altai, Iuch-Sumer Publ., 2000, vol. 5, p. 344. (In Russ.).

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ШОРСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ РОССИИ¹

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Родионов Семен Григорьевич, аспирант кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: senya-sc@mail.ru

Глушкова Полина Валерьевна, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Статья посвящена исследованию истории формирования коллекций по традиционной культуре шорцев и систематизации процесса коллекционирования на основе хронологического метода. Собирательство предметов традиционной шорской культуры в местах их компактного проживания начинается с конца XIX века в период повышенного внимания исследователей Сибири и сотрудников музеев к этнографической деятельности. Шорские коллекции с этого времени начинают передаваться собирателями в музеи разных регионов страны: от Омска и Томска до Санкт-Петербурга. В результате чего основные свидетельства традиционной культуры шорцев к настоящему времени оказались рассредоточенными по российским музеям. Шорские коллекции музеев России в последнее десятилетие становятся объектом пристального внимания специалистов в области музееведения в различных аспектах: для исследования процессов культурного взаимодействия народов Притомья, для восстановления утраченных элементов культурного наследия и его актуализации. В условиях современности, когда историко-культурное наследие шорцев как коренного малочисленного народа Сибири приобрело статус исчезающего наследия, возникает потребность его последовательного изучения для создания объективного представления о нем и включения в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации. Самобытная культура шорцев сформирована в районе, где в настоящее время активно создаются музеи под открытым небом, развивается туризм, привлекающий в район традиционного проживания шорцев значительные потоки посетителей. В статье авторы обосновывают хронологические рамки формирования шорских этнографических коллекций в музеях России.

Ключевые слова: музей, коллекция, традиционная культура, историко-культурное наследие, актуализация.

STAGES OF THE FORMATION THE SHOR'S ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS IN RUSSIAN MUSEUMS²

Kimeeva Tatyana Ivanovna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Rodionov Semen Grigorievich, Postgraduate, Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: senya-sc@mail.ru

Glushkova Polina Valerievna, Instructor, Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

The article is devoted to the history of formation of collections on the traditional culture of the Shors and the systematization process of collecting, based on the chronological method. Collecting the items of the

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-11-42003.

² This article was prepared with financial support in the framework of the grant RHF, the project № 15-11-42003.

Shor's traditional culture in places of their compact residence begins at the end of the XIX century in the period of increased attention of researchers of Siberia and by the museum staff of ethnographic activities. From this time, the Shor collection begins to be transmitted by the collectors in the museums of different regions of the country: from Omsk and Tomsk to St. Petersburg. This is the main reason why the traditional culture of the Shors was dispersed by Russian museums for present day. Shor collections of museums of Russia in the last decade become the object of attention of specialists in the museology in different aspects: for the study of processes of cultural interaction, to restore the lost elements of cultural heritage and its actualization. Now, when the historical and cultural heritage of Shors as native indigenous people of Siberia acquired the status of endangered heritage, there is a need of a sequential study to create an objective and inclusion in modern culture by inclusion of its social and cultural role of objects and their interpretation. A unique culture of the Shors formed in the area where currently active created open-air museums, developing the tourism, attracting in the area of Shors traditional residence significant flows of visitors. In the article, the authors substantiate the chronological scope of the Shor formation of the ethnographic collections in Russian museums.

Keywords: Museum, collection, traditional culture, historical cultural heritage, actualization.

Актуализация традиционной культуры в настоящее время приобретает все большую значимость в современном музейном деле. Для реализации деятельности, ориентированной на сохранение и включение историко-культурного наследия народов России в современную культуру, необходимо тщательное исследование этого наследия. Данная статья посвящена изучению собирательства предметов традиционной культуры шорцев, компактно проживающих на территории современных Новокузнецкого, Мысковского и Таштагольского районов Кемеровской области. Актуальность исследования обусловлена повышением в последние годы внимания к самобытной народной культуре и тем, что целый ряд движимых объектов культурного наследия шорцев может считаться исчезающим, невоспроизводимым сегодня в народной среде. Хотя имеются условия для его воссоздания в экомузее «Тазгол», музеях коллекционного типа с наличием шорских этнографических коллекций на основе выявленных в музейных собраниях уникальных образцов народной культуры.

Шорские этнографические коллекции сосредоточены более чем в двадцати музеях страны. С первой половины XX века предметы из отдельных музеев являлись объектом изучения этнографов. Предметы религиозных верований из коллекций Музея антропологии и этнографии Санкт-Петербурга рассматривали в своих трудах Н. П. Дыренкова [5, с. 107–191], С. В. Иванов [7, с. 165–265; 8, с. 661–675; 9, с. 8–42], Е. Д. Прокофьева [19] и др. Традиции прядения и ткачества у шорцев наряду с другими народами

Сибири изучались А. А. Поповым на материалах этого же музея [18]. Шорские коллекции музеев России в последнее десятилетие становятся объектом пристального внимания специалистов в области музееведения в различных аспектах: для исследования процессов культурного взаимодействия народов Притомыя [12], для восстановления утраченных элементов культурного наследия и его актуализации [2; 13; 14].

История комплектования шорских коллекций фрагментарно отражена в научных публикациях и предисловиях опубликованных каталогов по отдельным музеям [4, с. 74, 76; 11, с. 86; 10, с. 83; 22, с. 38; 28 с. 60]. Вопрос формирования коллекций по этому народу в восемнадцати музеях России кратко освещался в диссертационном исследовании Т. И. Кимеевой, при этом автором не ставилась задача систематизации коллекций на основе хронологического принципа, которая впервые осуществляется в данной статье. Именно такой подход позволит выявить уникальные предметы шорской культуры, еще бытовавшие в начале XX века, зафиксировать их утрату, факт которой отражен в более поздних коллекционных сборах. Кроме того, в данном исследовании впервые осуществляется анализ сбора материала в разные хронологические периоды в различных шорских поселениях на основе данных сводного каталога шорских этнографических коллекций в музеях России [23; 24; 25; 26; 27].

История первых коллекционных сборов по шорцам связана с деятельностью музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества – ЗСО ИРГО (сегодня –

Омского государственного историко-краеведческого музея), основанного в 1877 году по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова в городе Омске на основе Общества изучения Сибирского края. В 1878 году ЗСО ИРГО организовал ряд крупных экспедиций в наиболее отдаленные районы Западной Сибири, в том числе в южную часть Томской губернии (под началом исследователя Сибири и Центральной Азии Н. М. Ядринцева) [17]. Особая роль относительно начала формирования шорских коллекций в музеях принадлежит сотруднику ЗСО ИРГО А. В. Адрианову, совершившему в 1881 и 1883 годах два путешествия на Алтай и за Саяны. В ходе своей первой поездки, целью которой являлось всестороннее изучение геологии и сбора минералогических, ботанических и энтомологических коллекций, Адрианов посетил шорский улус Кузедеевский, как начальный пункт путешествия, затем поднялся по р. Кондоме [21, с. 90]. По данным коллекционных описей, именно здесь им в 1881 году были приобретены отдельные предметы древних родовых культов шорцев, местом хранения которых являются фонды Российского этнографического музея Санкт-Петербурга [23, с. 42]. Часть материалов, по всей вероятности была передана и в музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, так как в предисловии к опубликованному каталогу Омского историко-краеведческого музея отмечено, что «часть экспонатов для музея приобрел в начале 1880 года А. В. Адрианов в своих поездках в Шорию» [28, с. 8]. Однако же коллекционные описи этого музея на сегодняшний день включают только материалы, поступившие в 1900 году. Это сборы С. П. Швецова – ученого и общественного деятеля Сибири, почетного члена Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, совершившего в начале XX века поездку в Кузнецкий уезд Томской губернии. Район исследования традиционной культуры шорцев включал бассейны рек Кондомы, Мрассу, Лебеди, Томи. К сожалению, конкретные места приобретения предметов, характеризующих традиционные занятия, элементов костюма, предметов религиозных культов и народного искусства в период передачи коллекции сотрудниками музея не зафиксированы.

Только спустя четырнадцать лет начинается формироваться коллекция по шорцам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). В 1914 году алтайским краеведом и фольклористом А. В. Анохиным в Кунсткамеру были переданы предметы охотничьего снаряжения, культа и быта шорцев, собранные им на территории Томской губернии в Кузнецком уезде в бассейнах Томи, Кондомы, Мрассу. Лишь в отдельных случаях в коллекционных описях отмечены конкретные места сбора предметов, например культовая маска «Кочо» – из улуса Тайлеп [23, с. 74].

Большая часть шорских коллекций сибирских музеев и Кунсткамеры была собрана в 1920–30-х годах. Исследование шорцев в начале 1920-х годов было обусловлено возникшей проблемой отделения от Томской губернии части Кузнецкого уезда с Томской, Кондомской, Верхне-Кондомской и Мрасской волостями [20, с. 165]. В 1923 году в Горную Шорию командирован З. С. Гайсин по распоряжению Томского совета национальных меньшинств (Совнацмена) и Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузея). В ходе первой поездки ему удалось изучить только культуру шорцев Кузнецка, зато в 1924 году в Томском краевом музее появляются шорские материалы, приобретенные в результате обследования З. С. Гайсиным целого ряда шорских улусов по рекам Мрассу (Мыски, Ключи, Усть-Мрасский, Средний Челей, Усть-Анзас, Усть-Сыркаш, Усть-Кабырза) и по Кондоме (Осинники) [20, с. 165, 170–171]. В 1925 году свою первую поездку в Горную Шорию предпринял А. К. Иванов, с 1923 года исполняющий обязанности заведующего Этнолого-археологическим музеем Томского университета (сегодня – Музей археологии и этнографии Томского государственного университета) [16, с. 79]. На основе анализа коллекционных описей музея выявлено, что Иванов собрал материалы по традиционной культуре шорцев в районе современных городов: Междуреченска (улусы Сыркаш, Косой Порог, Чульжан) и Осинников, а также в улусах по р. Мрассу (Кызыл-Суг, Усть-Кабырза, Сибирга и Мыски).

В 1920-е годы краеведческий материал в Горной Шории собирал Д. Т. Ярославцев. В кол-

лекционных описях Новокузнецкого краеведческого музея 1926 год отмечен как дата появления в коллекции шаманского бубна XIX века и сбора у шорцев предметов утвари, составляющих в настоящее время уникальную часть этнографического собрания музея [23, с. 63–64]. Предметы из наиболее ранних сборов 1910–20-х годов, связанные с именем Д. Т. Ярославцева, представлены в музее единично. Основная их часть была выслана в 1922 году на Выставку достижений народного хозяйства в Москву и назад не вернулась. После смерти Д. Т. Ярославцева в 1927 году Г. С. Блынский передал его коллекцию вместе со своими материалами в дар городу, положив начало созданию краеведческого музея города Кузнецка [29]. С 1927 года переехавший работать в Кузнецк с Алтая К. А. Евреинов приобретает в улусе Верхние Кичи бассейна Мрассу предметы орудий промыслов шорцев и также передает их в недавно организованный музей, пополнив шорскую коллекцию.

1927 год, как показывает анализ коллекционных описей музеев страны, был самым продуктивным в сборе материалов по культуре шорцев. Возможно, это было некоторым образом связано с проведением в 1926 году I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда, ставшего важным событием в становлении науки в Сибири. Результатом съезда стали организуемые с 1927 года бюро по поддержке научных исследований, которые были созданы в Омске, Томске, Иркутске, Красноярске, Щегловске [15]. 1927 год отмечен как период активного собирательства А. К. Ивановым материалов для музея Томского университета. По сравнению с 1925 годом в этот период им был значительно расширен район изучения шорцев. Перечень шорских улусов показывает, что обследование проводилось в направлении верховьев реки Мрассу по расположенным вдоль нее и по ее притокам улусам: Суета, Усть-Анзас, Усть-Кезек, Усть-Пызас, Нижние Кичи, Верх-Алзак, Чилису-Анзас, Каргыш, Таяс и др.

В Музей антропологии и этнографии Ленинграда в 1927 году Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич переданы 200 предметов шорского культа, традиционных занятий и быта, собранных в результате Горно-Шорской экспедиции в Кузнецкий район Сибкрая. Н. П. Дыренкова выехала 2 апреля 1927 года, запланировав посетить Гор-

ную Шорию для изучения обряда жертвоприношения, устраиваемого сразу после ледохода. Вследствие половодья ей пришлось пробыть в течение месяца в низовьях р. Мрассу, совершив поездку в верховья по р. Томи (улус Чульжан) и до последнего шорского улуса у верховьев р. Мрассу (улус Камзас). И. Д. Старынкевич двигалась своим маршрутом, и встретились они только в Усть-Кабырзе [6]. В каталоге шорских этнографических коллекций в музеях России отражено, что география коллекционных сборов двух ленинградских этнографов охватила территории современного Междуреченска (улус Сыркаш), бассейна реки Кондомы (улусы Лабыш, Чулеш), улусы по Мрассу и притокам – Кондоме и Пызасу (Мыски, Улус Адоры, Усть-Кабырза, Колхозный Карчит, Чилису-Анзс, Усть-Пызас). Следует отметить, что для этнографа-фольклориста Н. П. Дыренковой культура шорцев – народа, «в судьбе которого она приняла активное участие и сыграла не последнюю роль в образовании Горно-Шорцевского (Горно-Шорского) района как национально-административной единицы (1926–1939)» [6], – имела особый интерес.

В 1929 году продолжают формироваться шорские собрания в музеях Сибири. Так, Г. С. Блынский в этом году передал в краеведческий музей Кузнецка единичный экземпляр – женскую шубу «тон», аналогов которой нет в шорских коллекциях других музеев [24, с. 59]. 1929 год отмечен открытием музея в городе Щегловске по инициативе «местного краеведческого общества». В конце того же года в здании Дворца Труда Щегловска произошел пожар, и часть предметов пострадала. Относительно шорской коллекции этого периода известно, что «в запасниках музея находилась богатейшая коллекция по быту и верованиям шорцев». Экспонаты, составившие его первоначальную выставку, собирались частью подвижниками, частью поступили в качестве подарков [1]. Возможно, по этой причине в коллекционных описях музея не указана дата поступления предметов. Ареал сбора музейных предметов достаточно широк: улусы по Кондоме и ее притокам (Красный Калтан, Турла, Чушла), по Мрассу и ее притокам (Мыски, Усть-Кабырза, Парушка, Парлагол, Колхозный Карчит, Верхний Алзак, Эльбеше). По названиям отдельных исчезнувших

к настоящему времени улусов, таких как Таенза, Кичи и др., можно судить о ранних сборах предметов культурного наследия шорцев.

1930-е годы характеризуются комплектованием большого собрания предметов шорской культуры наряду с материалами по другим народам России. Эти собрания получили название «Новоэкспорт» и предназначались по решению Народного комиссариата торговли РСФСР на продажу за границу, но как невостребованные были частично переданы в 1932 году в фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Основными собирателями коллекций среди шорцев в 1932 году были известный алтайский ученый-этнограф А. В. Анохин и А. И. Новиков [27, с. 3]. Кроме поселков по р. Мрассу и ее притокам, уже обследованных в предыдущие годы этнографами и краеведами, предметы были приобретены в исчезнувших к настоящему времени улусах, таких как Ушкайбук, Сурбашка, Кучера, Кырбан и др. С мая по октябрь 1932 года Горную Шорию вновь посетила Н. П. Дыренкова, благодаря ее поездке коллекция МАЭ пополнилась еще на 70 единиц хранения.

В 1934 году Л. П. Потапов, связавший свою научную деятельность с Этнографическим отделением Государственного Русского музея (с 1934 года – Государственный Музей этнографии народов СССР, ныне – Российский Этнографический музей), передает в его фонды коллекцию по шорцам – предметы первой четверти XIX века, собранные им в Горной Шории совместно с коллегой А. К. Супинским, до войны возглавлявшим в Этнографическом музее Бело-русский отдел [3, с. 126].

В 1933–1934 годах в музей города Сталинска поступают отдельные предметы от исследователя Кузнецкого края К. А. Евреинова. В 1934 году вновь совершена поездка А. К. Иванова по р. Кабырзе с посещением улусов Усть-Кабырза, Усть-Кезес, Сарасет. Материал собран также в колхозах Наа-Чадых и им. 12 лет Октября. Это была последняя экспедиция в Горную Шорию в 1930-е годы. С 1934 года по 1946 год не предпринималось попыток сбора предметов по культуре шорцев. Только 1947 и 1949 год отмечены поступлением в музей Сталинска предметов шорского быта, собранные К. А. Евреиновым и Г. С. Блыским. Так, в 1949 году передано в фонды личное собрание художника музея

К. А. Евреинова, который приобретал предметы на протяжении 1930–40-х годов в ближних к Сталинску шорских поселках.

С 1950-е годов поступлений шорских коллекций в Музей антропологии и этнографии Ленинграда уже не зафиксировано. С 1950 по 1959 год сотрудниками новокузнецкого краеведческого музея собирается материал в окрестностях Новокузнецка, поселках Абагур, Ольжерас, Учул. В 1956 году в Новокузнецкий краеведческий музей были переданы отдельные предметы этнографом и археологом У. Э. Эрднеевым. В 1958 году сотрудниками этого же музея в пос. Тайлеп были приобретены предметы шорских промыслов у родоначальника шорской литературы С. С. Торбокова.

1960-е годы отмечены спадом в организации этнографических экспедиций в Горную Шорию, только отдельные шорские предметы, поступившие от отдельных дарителей, зафиксированы в музеях Кемеровской области.

В 1970–80-е годы совершаются целенаправленные экспедиции, организованные в рамках программ высших учебных заведений. С начала 1970-х годов на базе исторического факультета Кемеровского пединститута был основан историко-этнографический лагерь «Кузбасс» с целью изучения культуры коренных народов Кемеровской области, просуществовавший семь лет. В 1974 году студенческим отрядом под руководством известного кузбасского краеведа Д. В. Кацобы в Новокузнецком районе (Сарбала) были собраны предметы утвари, традиционных промыслов, элементов костюма, культовых верований шорцев. По данным книги поступлений музея, часть предметов в этом же году они сдали в Осинниковский краеведческий музей, а часть была доставлена в г. Кемерово и в 1999 году поступила в фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири».

Результатом экспедиции Омского государственного университета в 1976 году под руководством А. Н. Томилова и Г. М. Патрушевой в поселках по р. Мрассу – Адыаксы (низовья), Усть-Кабырза и Парлагол (среднее течение) были собраны предметы шорского быта, пополнившие коллекцию Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

В 1978 году предметы одежды и утвари шорцев из пос. Шор-Тайга (Усть-Азас) были переданы А. П. Погожевой в музей Сибирского отделения Российской академии наук в Новосибирске (сегодня – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН). Были в эти годы и единичные поступления в Осинниковский краеведческий музей, собранные в окрестных поселках города – Сарбале и Красном Калтанчике.

В начале 1980-х годов этнографом В. М. Кимеевым, возглавлявшим этнографическую группу отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета (КемГУ) в Горную Шорию, была собрана коллекция по шорцам, положившая начало образованию этнографического отдела музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Собранные в поселках по р. Мрассу (Усть-Анзас, Кезек, Камзас, Эльбазе, Адыаксы и Мрассу), она включала предметы материальной культуры: утварь, элементы костюма, орудия промыслов и ремесел. В 1987 году собрание пополнилось материалами, приобретенными В. М. Кимеевым в поселках по р. Пызас (Чилису-Анзас, Бугзас) и по р. Ортон (Учас, Трехречье, Ильинка). Конец 1980-х годов отмечен созданием музея-заповедника «Томская Писаница», на территорию которого уже весной 1989 года были вывезены жилые постройки из пос. Кезек Таштагольского района Кемеровской области. Осенью этого же года на заседании Ученого совета музея принято решение об утверждении проекта улуса «Кезек». Поэтому часть предметов быта шорцев, собранных в 1990–1993 годах в среднемрасских поселках Усть-Анзас, Кезек, Челей, Парушка в ходе возглавляемой В. М. Кимеевым экспедиции, была передана в музей-заповедник «Томская Писаница». Эти материалы в настоящее время и являются основой шорской этнографической коллекции в музее. Только отдельные предметы сборов В. М. Кимеева 1990–1993 годов поступили в фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.

В 1990-е годы в связи с созданием музея в районе компактного проживания шорцев – г. Таштагол – осуществляется формирование фондов Музея этнографии и природы Горной Шории. С 1990 года по 1994 год было проведено восемнадцать этнографических экспедиций

в Таштагольский (пос. Чазы-Бук, Шор-Тайга, Верхний Алзак, Дальний и Ближний Кезек, Ключевой, Сайлагольчик, Тарлашка, Мрассу, Парлагол и др.), Мысковский (Чувашка), Междуреченский (Учас, Трехречье) районы Кемеровской области и в Хакасию (Анчул). Предметы быта, орудия труда шорцев поступали также из местных школьных музеев, краеведческих уголков и от частных лиц. В 1991 году значительную коллекцию предметов передал в Музей этнографии и природы Горной Шории В. М. Кимеев.

2000-е годы характеризуются особым периодом в отечественном музееведении, когда вопросы о финансировании музейных экспедиций находятся в стадии поисков принятия решений. По этой причине сборы материалов по традиционной культуре шорцев незначительны. В этот период осуществляются экспедиционные сборы в п. Усть-Анзас Таштагольского района. Предметы, приобретенные в этот период, вошли в коллекцию этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок». Общее количество предметов составляет около двухсот единиц. Сборы осуществлялись с 2002 года по 2012 год в рамках этнографических экспедиций под руководством В. М. Кимеева. Наибольшее количество предметов приобретено в 2002–2005 годах. С 2007 года количество приобретенных предметов резко снижается. В основном это бытовая утварь, элементы снаряжения охотника, орудия домашних ремесел, столярные инструменты, орудия земледелия, элементы конской упряжи, традиционного костюма (сапоги *одуз*).

В 2000-е годы предметами шорского быта, элементов охотничьего снаряжения хозяйственных занятий шорцев была пополнена коллекция, привезенная сотрудником музея «Томская Писаница» А. М. Москвитиной из поселков Парушка, Усть-Анзас и Усть-Кабырза.

Особое место в истории собирательства занимает формирование коллекции в экомузее «Тазгол». Так как «Тазгол» создан на основе идеи французских теоретиков, коллекции в традиционном понимании он не имеет. Однако, тенденции, господствующие в современном обществе, приводят к угрозе исчезновения многих объектов культурного наследия. Как ответная реакция возникла потребность формирования фонда из предметов, которые имеют риск быть утраченными в есте-

ственной социокультурной среде. В основном, это предметы быта, которые сегодня ограниченно используются или не используются вовсе в шорских хозяйствах (зыбка *небей*, веялка *саргаиш*, волокуша *съртка*, самогонный аппарат, кожемялка *тал-гы*, маслобойка, ручная мельница *тербен* и др.). Обозначенные предметы экспонируются в одном из объектов экомuzeя, однако они на сегодняшний день не включены в Государственный фонд Российской Федерации, но, возможно, впоследствии данная процедура будет осуществлена. Так как принципам экомuzeя не противоречит существование на его базе музея коллекционного типа.

Таким образом, в формировании шорских этнографических коллекций в музеях России выделяются следующие периоды:

1) 1880-е – 1900 годы – начало формирования шорской коллекции в музеях при поддержке Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Обследование бассейнов рек Томи, Мрассу и Лебеди и поступление в музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества г. Омска предметов, характеризующих традиционные занятия и быт шорцев, декоративные элементы женского костюма (ушные, накосные украшения, пояса, воротники).

2) 1914 год – поездка по Кузнецкому уезду Томской губернии и начало формирования шорской коллекции в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), связанное с передачей в музей предметов духовной культуры (предметов родового и шаманского культов).

3) 1920-е годы – пополнение коллекций целого ряда российских музеев и расширение района обследования шорской культуры. Исследование культуры шорцев бассейнов рек Мрассу и Кондомы, окрестностей современных городов Междуреченска, Мысков и Осинников. Передача собранных материалов в Томский краевой музей, Этнолого-археологический музей Томского университета, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), краеведческие музеи Кузнецка и Щегловска. В данный период были собраны как утилитарные предметы быта и занятий шорцев, так и декоративного народного искусства – декорированные предметы костюма, резьбы по кости и рогу и др.

4) 1930–1934 годы – формирование собраний «Новоэкспорта», сочетаемых с единичными пополнениями коллекций из материалов экспедиций по рекам Мрассу, Кабырзе и их притокам. Предметы быта и культа, одежда, украшения, невостребованные на продажу за границу, пополнили фонды ленинградских музеев – Кунсткамеры и Государственного музея этнографии народов СССР.

5) 1947 год – 1950-е годы – музейные экспедиции в окрестности г. Сталинска (позднее – Новокузнецка), результатом которых стало пополнение собрания современного Новокузнецкого краеведческого музея предметами быта и орудиями ремесел шорцев.

6) 1) 1960-е годы – спад собирательства шорских коллекций, когда отмечено лишь дарение отдельных шорских предметов в музеи Кемеровской области.

7) 1970–1990-е годы экспедиции, связанные с программами высших учебных заведений и организацией этнографических отделов и музеев. Ареал обследования от районов Новокузнецка, Мысков, Междуреченска до притоков Марсу и Хакасии. В данный период собраны преимущественно предметы быта и промыслов, однако имеются отдельные предметы родового культа шорцев. Практически отсутствуют элементы традиционной одежды и шаманского культа. Коллекции поступают в Осинниковский краеведческий музей, музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, Музей археологии и этнографии ОмГУ, Музей СО РАН, музей-заповедник «Томская Писаница», Музей этнографии и природы Горной Шории.

8) 2000-е годы – эпизодические коллекционные сборы, связанные с проблемой финансирования экспедиций. Обследовались Таштагольский район, в том числе поселок Усть-Анзас. Данный период характеризуется отсутствием в сборах предметов культа, костюма, ремесел. Предметы быта и промысла, из элементов костюма – обувь – переданы в фонды музеев «Тюльберский городок» и Музей этнографии и природы Горной Шории, историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница». Положено начало формированию коллекции экомuzeя «Тазгол».

Коллекционирование является основным способом сохранения движимых культурных ценностей, потому что предметы костюма, народного прикладного искусства, духовной культуры сохраняются только в музейных собраниях. В естественной социокультурной среде они полностью утрачены: элементы традиционного костюма и шаманского культа практически перестали выяв-

ляться собирателями, начиная с 1960–80-х годов предметы родового культа также не зафиксированы этнографами и краеведами. Кроме того, в экомузее «Тазгол», модель которого не предполагает наличие традиционной коллекции, положено начало формированию фондов, что обусловлено угрозой исчезновения предметов народной культуры.

Литература

1. Выдрина О. В. К истории создания Кемеровского областного краеведческого музея [Электронный ресурс] // С архивной полки (далекое и близкое). – 1999. – № 2. – URL: <http://termika.ru/issao?d&nd=941792184&nh=0>. – Загл. с экрана.
2. Глушкова П. В., Кимеева Т. И. Актуализация календарной обрядности в музеях Кемеровской области // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2014. – № 3 (59), т. 2. – С. 78–87.
3. Дьяконова В. П., Решетов А. М. О Леониде Павловиче Потапове // Этногр. обозрение. – 2002. – № 2. – С. 125–130.
4. Дьяконова В. П., Ключева Н. И. Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собрании МАЭ [Электронный ресурс] // Сб. Музея Антропологии и этнографии. – Л.: Наука, 1980. – С. 73–85. – URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxxv/mae_xxxv_12.pdf. – Загл. с экрана.
5. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов [Электронный ресурс] // Сб. Музея Антропологии и этнографии. – М.; Л., 1949. – Т. X. – С. 107–191. – URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaMaterialy.pdf>. – Загл. с экрана.
6. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая [Электронный ресурс]: ст. и этногр. мат-лы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с. – URL: <http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2.pdf>. – Загл. с экрана.
7. Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. Музея Антропологии и этнографии. – М., 1955. – Т. XVI. – С. 165–265.
8. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX века: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // Тр. ин-та этнографии. – М.; Л., 1954. – Т. XXII. – 838 с.
9. Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX века. – Л.: Наука ЛО, 1979. – 194 с.
10. Кимеева Т. И. Из истории формирования этнографических коллекций. Телеуты, шорцы (кол. Д. В. Кацюбы) // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. – Кемерово: Кузбасс, 2006. – Вып. 2. – С. 83–91.
11. Кимеева Т. И. История формирования этнографических коллекций. Шорцы // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. – Кемерово: Кузбасс, 2004. – Вып. 1. – С. 86–88.
12. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 295 с.
13. Кимеева Т. И. Художественная обработка древесины по материалам шорских этнографических коллекций // Университеты в системах развития и интеграции России: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. – С. 97–99.
14. Кимеева Т. И. Художественная обработка металла у шорцев в начале XX века: по мат-лам музейных коллекций // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика приклад. исслед. и эффектив. инструменты этнической политики: сб. ст. – Кемерово: Практика. – С. 487–491.
15. Курочкина Е. Ф. Из истории организации научно-исследовательской работы в Сибири (Общество по изучению Сибири и ее производительных сил) [Электронный ресурс] // Бахрушинские чтения. 1966 год: сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1968. – Вып. III. – URL: <http://library.kspu.ru/files/KZD2009/47.pdf>. – Загл. с экрана.
16. Лукина Н. В., Плетнева Л. М. Музей и студент (к 100-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета // Совет. этнография. – 1982. – № 5. – С. 78–82.
17. Образование Западно-Сибирского отдела (ныне – Омское региональное отделение) Русского географического общества [Электронный ресурс] // Президентская б-ка им. Б. Н. Ельцина. – URL: <http://www.prilib.ru/History/Pages/Item.aspx?itemid=1070>. – Загл. с экрана.

18. Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX первой четверти XX столетия [Электронный ресурс] // Сб. Музея Антропологии и этнографии. – М.; Л., 1955. – Т. XVI. – С. 41–147. – URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Popov-Pletenie.pdf>. – Загл. с экрана.
19. Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны [Электронный ресурс] // Историко-этнографический атлас народов Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 435–492. – URL: http://ereadr.org/book/nauchno_populjarnoe/94140-istoriko-yetnograficheskij-atlas-sibiri. – Загл. с экрана.
20. Тучков А. Г. Томские этнографические экспедиции в Горную Шорию // Тр. Томск. област. краевед. музея. – Томск, 1996. – Т. 9. – С. 165–191.
21. Усков И. Ю. Становление Кузнецкого исторического краеведения // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 30. – С. 84–96.
22. Шорцы // Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 38–122.
23. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 5. – 135 с.
24. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России Одежда и украшения / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 4. – 168 с.
25. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 3. – 232 с.
26. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Производящее хозяйство / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 2. – 216 с.
27. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения / сост. Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – Ч. 1. – 190 с.
28. Шорцы // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 8, 60–139.
29. Ярославцев Дмитрий Тимофеевич [Электронный ресурс] // Б-ка им. Н. В. Гоголя – URL: <http://libnvkz.ru/chitatelnyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii/yaroslavtsev>. – Загл. с экрана.

References

1. Vydrina O.V. K istorii sozdaniia Kemerovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia [For the history of the Kemerovo Regional Museum]. *S arkhivnoi polki (dalekoe i blizkoe) [With archival shelves (far and near)]*. (In Russ.). Available at: <http://termika.ru/issao?d&nd=941792184&nh=0>.
2. Glushkova P.V., Kimeeva T.I. Aktualizatsiia kalendarnoi obriadnosti v muzeiakh Kemerovskoi oblasti [Actualization calendar rites in museums in the Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2014, no. 3 (59), pp. 78–87. (In Russ.).
3. D'iaconova V.P., Reshetov A.M. O Leonide Pavloviche Potapove [About Leonid Pavlovich Petrov]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2002, no. 2, pp.125–130. (In Russ.).
4. D'iaconova V.P., Kliueva N.I. Etnograficheskie kollektsii 30-kh godov po altaitsam i khakasam v sobranii MAE [The ethnographic collection of 30s of Altaians of Khakassia in the collection at the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Sbornik Muzeia Antropologii i etnografii [Meeting of Museum of Anthropology and Ethnography]*. (In Russ.). Available at: http://kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxxv/mae_xxxv_12.pdf.
5. Dyrenkova N.P. Materialy po shamanstvu u teleutov [Materials on shamanism Teleuts]. *Sbornik Muzeia Antropologii i etnografii [Meeting of Museum of Anthropology and Ethnography]*. (In Russ.). Available at: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaMaterialy.pdf>.
6. Dyrenkova N.P. Tiurki Saiano-Altaia. Stat'i i Etnograficheskie materialy [Turks Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. (In Russ.). Available at: <http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038314-2/978-5-02-038314-2.pdf>.
7. Ivanov S.V. K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Saiano-Altaiskogo nagor'ia [To a question about the meaning of images on ancient objects of worship among the peoples of the Sayano-Altai mountains]. *Sbornik Muzeia Antropologii i etnografii [Meeting of Museum of Anthropology and Ethnography]*. Moscow, 1955, vol. XVI, pp. 165–265. (In Russ.).
8. Ivanov S.V. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX veka: siuzhetnyi risunok i drugie vidy izobrazhenii na ploskosti [Materials on the fine art of Siberia XIX - early XX century: scene drawing and other types of images on a plane]. *Trudy instituta Etnografii [Proceedings of the Institute of Ethnography]*. Moscow, 1954, vol. XXII. 838 p. (In Russ.).

9. Ivanov S.V. Skul'ptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar XVIII – pervaya chetvert' XX veka [Sculpture Altai, Khakassia and Siberian Tatars XVIII - first quarter of the twentieth century]. Leningrad, 1979. 194 p. (In Russ.).
10. Kimeeva T.I. Iz istorii formirovaniia etnograficheskikh kollektzii. Teleuty, shortsy (koll. D.V. Katsiuby) [From the history of the formation of ethnographic collections. Teleuts, Shor (coll. Katsyuba DV)]. *Katalog kollektzii muzeia "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" KemGU* [Catalog the museum's collections "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" Kemerovo KemSU]. Kemerovo, 2006, vol. 2, pp. 83-91. (In Russ.).
11. Kimeeva T.I. Istoriia formirovaniia etnograficheskikh kollektzii. Shortsyt [The history of the ethnographic collections. Shor]. *Katalog kollektzii muzeia "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" KemGU* [Catalog of the museum collection "Archeology, Ethnography and Ecology of Siberia" KemSU]. Kemerovo, 2004, vol. 1, pp. 86-88. (In Russ.).
12. Kimeeva T.I. Kul'tura narodov Pritom'ia kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviia (konets XIX – nachalo XX veka) [Culture of the people so tired as a result of inter-ethnic cooperation (end of XIX - early XX century)]. Kemerovo, 2007. 295 p. (In Russ.).
13. Kimeeva T.I. Khudozhestvennaia obrabotka drevesiny po materialam shorskikh etnograficheskikh kollektzii [Art processing of wood materials on Shor ethnographic collections]. *Universitety v sistemakh razvitiia i integratsii Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 40-letiiu Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F.M. Dostoevskogo* [Universities in systems development and integration of Russia. Materials of the Scientific Conference dedicated to the 40th anniversary of the Fyodor Dostoyevsky Omsk State University]. Omsk, 2015, pp. 97-99. (In Russ.).
14. Kimeeva T.I. Khudozhestvennaia obrabotka metalla u shortsev v nachale XX veka: po materialam muzeinykh kollektzii [Art processing of metal at the Shor in the beginning. Twentieth century. Materials of museum collections] *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki* [The small ethnic groups in the space of the dominant society: the practice of applied research and effective tools in the ethnic policy]. Kemerovo, 2014, pp. 487-491. (In Russ.).
15. Kurochkina E.F. Iz istorii organizatsii nauchno-issledovatel'skoi raboty v Sibiri (Obshchestvo po izucheniiu Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil) [From the history of the organization of research work in Siberia (the Society for the Study of Siberia and its productive forces)]. *Bakhrushinskie chteniia. 1966 god. Sbornik nauchnykh trudov* [Bakhrushin reading. 1966]. (In Russ.). Available at: <http://library.kspu.ru/files/KZD2009/47.pdf>.
16. Lukina N.V., Pletneva L.M. Muzei i student (k 100-letiiu Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta) [The museum and the student (for the 100th anniversary of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk University)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1982, no. 5, pp. 78-82. (In Russ.).
17. Obrazovanie Zapadno-Sibirskogo otdela (nyne – Omskoe regional'noe otделение) Russkogo geograficheskogo obshchestva [Formation of the West Siberian Division (now - Omsk regional branch) of the Russian Geographical Society]. *Prezidentskaya biblioteka im. B.N. El'tsyina* [B.N. Yeltsin presidential library]. (In Russ.). Available at: URL: <http://www.prlib.ru/History/Pages/Item.aspx?itemid>.
18. Popov A.A. Pletenie i tkachestvo u narodov Sibiri v XIX pervoi chetverti XX stoletii [Weaving and weaving among the peoples of Siberia in the XIX century the first quarter of the twentieth century]. *Sbornik Muzeia Antropologii i etnografii* [Meeting of Museum of Anthropology and Ethnography]. (In Russ.). Available at: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Popov-Pletenie.pdf>.
19. Prokof'eva E.D. Shamanskii bubny [Shaman drums]. *Istoriko-etnograficheskii atlas narodov Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. (In Russ.). Available at: http://ereadr.org/book/nauchno_populjarnoe/94140-istoriko-etnograficheskij-atlas-sibiri.
20. Tuchkov A.G. Tomskie etnograficheskie ekspeditsii v Gornuiu Shoriyu [Tomsk ethnographic expedition to Gornaya Shoria]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Tomsk, 1996, vol. 9, pp. 165-191. (In Russ.).
21. Uskov I.Iu. Stanovlenie Kuznetskogo istoricheskogo kraevedeniia [The formation of local history of the Kuznetsk]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 30, pp. 84-96. (In Russ.).
22. Shortsyt [Shor]. *Katalog etnograficheskikh kollektzii muzeia arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta* [Catalog ethnographic collections of the museum of Archeology and Ethnography of the Siberian Tomsk University]. Tomsk, 1970, pp. 38-122. (In Russ.).
23. Shortshy [Shor]. *Katalog etnograficheskikh kollektzii muzeev Rossii. Dukhovnaia kul'tura* [Catalog ethnographic collections of museums in Russia. Spiritual culture]. Comp. T.I. Kimeeva. Kemerovo, 1999, part 5. 135 p. (In Russ.).

24. Shortsy [Shor]. *Katalog etnograficheskikh kollektstsi muzeev Rossii. Odezhda i ukrasheniia* [Catalog ethnographic collections of museums of Russia Clothing and accessories]. Comp. T.I. Kimeeva. Kemerovo, 1999, part 4. 168 p. (In Russ.).
25. Shortsy [Shor]. *Katalog etnograficheskikh kollektstsi muzeev Rossii. Predmety byta* [Catalog ethnographic collections of museums in Russia. Household items]. Comp. T.I. Kimeeva. Kemerovo, 1999, part 3. 232 p. (In Russ.).
26. Shortsy [Shor]. *Katalog etnograficheskikh kollektstsi muzeev Rossii. Proizvodiashchee khoziaistvo* [Catalog ethnographic collections of museums in Russia. Productive economy]. Comp. T.I. Kimeeva. Kemerovo, 1999, part 2. 216 p. (In Russ.).
27. Shortsy [Shor]. *Katalog etnograficheskikh kollektstsi muzeev Rossii. Tazhnye promysly i sredstva peredvizheniia* [Catalog ethnographic collections of museums in Russia. Taiga crafts and vehicles]. Comp. T.I. Kimeeva. Kemerovo, 1999, part 1. 190 p. (In Russ.).
28. Shortsy [Shor]. *Narody Iuzhnoi Sibiri v kolleksiiakh Omskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoricheskogo i literaturnogo muzeia* [The peoples of South Siberia in the collections of the Omsk State united historical and literary museum]. Tomsk, 1990, pp. 8, 60-139. (In Russ.).
29. Iaroslavtsev Dmitrii Timofeevich [Jaroslavcev Dmitrii Timofeevich]. *V.N. Gogolia Biblioteka* [V.N. Gogol library]. (In Russ.). Available at: <http://libnvkz.ru/chitateliyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii/yaroslavtsev>.

УДК 316.7:379.822

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЛИЦАМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Булгакова Виолетта Владимировна, соискатель, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: violet-bul@yandex.ru

Перемены, которые происходят в современном обществе, несомненно, влияют на условия функционирования социокультурной среды и ориентиры культурной политики. В связи с этим изменяются общественные запросы к музею. Включение инвалидов в социокультурное пространство музея требует осмысления и разработки культурно-образовательных и реабилитационных методик и технологий. В статье рассмотрены основные теоретико-методологические подходы, посвященные развитию личности с физическими ограничениями. Особое внимание уделено изучению практического опыта работы с инвалидами в отечественных и зарубежных музеях в конце XIX – начале XX века. Реализация адаптивного потенциала музея предусматривает необходимость использования подходов, учитывающих различные психофизические особенности целевой аудитории. В указанный период многими музеями осуществлялась работа по обеспечению доступности музейных предметов, впервые стали использоваться предметы для тактильного осмотра. Также вводились циклы специальных занятий, в которых изобразительное искусство стало средством общения и взаимодействия с аудиторией. Большой интерес к социализирующим возможностям музея проявляли педагоги и врачи-дефектологи, многие из которых пропагандировали идею объединения усилий различных наук для интеграции инвалидов в общество. Овладение опытом работы предшественников, разработка собственных теорий и методов, основанных на культурных традициях являются предпосылкой и одновременно основой для дальнейшего развития системы взаимодействия российского музея и общества.

Ключевые слова: социокультурная интеграция инвалидов, музейная коммуникация, доступность музейных объектов, музейная аудитория.

INTERACTION WITH DISABLED PEOPLE IN RUSSIAN AND FOREIGN MUSEUMS IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURY

Bulgakova Violetta Vladimirovna, Applicant, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: violet-bul@yandex.ru

Keeping the traditional functions of a modern museum became an independent social institution to solve urgent problems of our time. Enhanced practical orientation of museum activities is addressed to people with disabilities.

This article describes the main theoretical and methodological approaches on issues of socialization of persons with disabilities, as well as presents the experience of working with them in domestic and foreign museums in the late XIX - early XX century. Comprehensive study and understanding the experience of predecessors building the accessible museum environment is very important in scientific and practical terms. If rehabilitation technologies in the medical, psychological and pedagogical aspects are developing rapidly, the possibilities of sociocultural practices are still in their infancy. The problem of openness and accessibility of historical and cultural heritage for different groups of visitors in many Russian museums is still unresolved. And it is a museum as a sociocultural institution can make a significant contribution to the process of socialization of people with disabilities in the modern environment.

The focus of the paper is on the cultural-historical theory of L.S. Vygotsky. The main methodological value of the theory is the idea of compensation for organic defect. Compensation is on the way of disclosing a potential of an individual. The museum can be an effective means of developing these opportunities. The author concludes that the museum professionals of that time managed to develop a differentiated approach to visitors with disabilities, taking into account their needs and capabilities. Activities in the museum environment were aimed at creating visual thinking, emotional sphere, tactile sensitivity. The used methods traced elements of different approaches to work with the museum audience: educational, informative, communicative. In the reviewed period, the active methodical search was being made on the base of realization of new opportunities in the museum field of harmonization the psycho-physiological and social factors in development of a person with disability. It also describes the forms of work with the museum audience subsequently unjustly forgotten and revived only at the end of the XX century.

Keywords: sociocultural integration of disabled, museum communication, availability of museum objects, museum audience.

Проблема оптимальной интеграции в общество лиц с отклонениями в развитии в контексте современной ситуации приобретает особую актуальность и становится важной задачей различных социальных институтов и государства в целом. Отношение социума к людям, имеющим инвалидность, определяется разными факторами. Это и уровень экономического, политического, нравственного развития, и состояние просвещения, здравоохранения, науки и культуры. По мнению Т. В. Егоровой, в настоящее время в российском обществе существует устойчивый негативный стереотип восприятия лиц с отклонениями в развитии как людей с максимально ограниченными возможностями, что определяет необходимость целенаправленной работы по формированию адекватного восприятия данной категории лиц [9, с. 5].

В связи с этим разработка и реализация государственных программ по социокультурной интеграции людей с различными типами инвалидности обязывает вносить коррективы в профессиональную деятельность многих специалистов и, в частности, специалистов музейного дела. Но, как показывают исследования, на сегодняшний день российские музеи в большинстве своем мало готовы к деятельности, направленной на инклюзию и интеграцию инвалидов [14, с. 27]. Поэтому мы имеем дело с барьером, который стал серьезным тормозом для развития социокультурного потенциала музейных учреждений. А между тем, значительный опыт работы с инвалидами накоплен в библиотеках системы Министерства культуры России. Их деятельность направлена как на содействие самостоятельному интеллек-

туальному совершенствованию инвалидов, обеспечению доступа к информации, так и организацию досуга. На базе многих библиотек действуют клубы по интересам, творческие мастерские, развиваются разнообразные формы неформального общения [22, с. 6].

По данным экспертов ООН, инвалиды составляют в среднем 10 % населения Земли. Ежегодно отмечается увеличение как абсолютного, так и относительного числа лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). В нашей стране насчитывается примерно 12–15 млн людей с инвалидностью, которые имеют равные права со всеми гражданами, в том числе и на доступ к культурным ценностям (на основании статьи 44.2 Конституции Российской Федерации) [6, с. 9].

Социологические исследования, проводимые Лабораторией музейного проектирования Российского института культурологи, показали, что основной целевой аудиторией музейных мероприятий в нашей стране являются дети, а на втором по численности месте – социально незащищенные группы населения. Среди участников музейных мероприятий значительную долю составляют посетители с инвалидностью, нуждающиеся в социальной и культурной интеграции [8, с. 133]. Интеграция – это процесс, в ходе которого не только индивид стремится максимально адаптироваться к жизни в обществе, «встроиться» в его структуру, но и общество, в свою очередь, предпринимает необходимые шаги для того, чтобы приспособиться к особенностям конкретного индивида на принципах толерантности, объективности, социальной справедливости [3, с. 60]. Исследователи А. Ю. Шеманов и Н. Т. Попова считают, что проблема социокультурной интеграции человека в общество во многом – это проблема создания включающего коллектива и адекватных ему культурных форм групповой жизни [25, с. 75].

Анализ источников показал, что в музееведческой литературе не раз затрагивались вопросы культурно-образовательной деятельности музея. В конце XX века в музейную практику прочно вошло такое понятие, как «музейная педагогика». Оно нашло отражение в работах Б. А. Столярова, М. Ю. Юхневич, А. Г. Бойко, Е. Б. Медведевой, В. М. Ахунова и др. Совсем недавно стали появляться исследования, посвященные отдельным категориям музейных посетителей.

Так, в известной широкому кругу читателей работе «Я поведу тебя в музей» М. Ю. Юхневич подчеркивает, что формы культурно-образовательной деятельности музея могут быть адресованы «разнородной аудитории». Раскрывая содержание и специфику взаимодействия с той или иной аудиторией (семья, дошкольники, учащиеся), автор лишь упоминает о посетителях с ОВЗ: «Очень перспективны, хотя в отличие от зарубежных, в очень малой степени освоены нашими музеями, формы, адресованные инвалидам и другим группам, нуждающимся в реабилитации» [27, с. 87]. По существу, до сих пор отсутствуют достаточно глубокие научные разработки по практическому внедрению и теоретическому осмыслению культурно-образовательных и реабилитационных методик и технологий для детей и взрослых с различными типами инвалидности в музейную среду.

Понимание актуальности проблемы определило цель данной статьи – рассмотреть основные теоретико-методологические подходы, посвященные вопросам социализации лиц с физическими ограничениями, а также проанализировать опыт работы с ними в отечественных и зарубежных музеях в конце XIX – начале XX века.

Специфика темы нашего исследования определила необходимость привлечения широкой базы источников и литературы из различных областей научного знания: социальной и специальной психологии, коррекционной педагогики, дефектологии, культурологии, музееведения, социологии и философии.

На сегодняшний день в современной науке существует значительное количество подходов к теоретическому осмыслению социализации лиц с ОВЗ (Р. Мертон, Н. Смелзер, А. И. Ковалева и др.). Особо следует выделить работы А. С. Выгодского, Ф. Ф. Рау, А. Р. Лурии, положившие начало новому представлению о психологии инвалида. Вопросы интеграции и создания безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов успешно разрабатываются такими отечественными и зарубежными авторами, как М. М. Айшервуд, Х. Ю. Калмет, О. И. Карякина, Л. Н. Индолев и др.

Особенности реабилитации и адаптации лиц с отличающимися возможностями применительно к российской социокультурной среде исследу-

довали Е. И. Холостова, Е. Р. Ярская-Смирнова, Н. Н. Малофеев, Ю. С. Моздокова, Т. В. Егорова [23; 28; 16; 18; 9]. Теме использования средств музейной коммуникации в работе с инвалидами посвящены работы С. Н. Ваньшина, И. Н. Дониной, О. В. Платоновой, Н. Ю. Жвйтиашвили [6; 8; 20].

В отечественной терминологии такое понятие, как «инвалид» укоренилось в XVIII веке. Первоначально так называли бывших военнопленных, которые по своему состоянию здоровья не могли себя обслуживать. Позднее в XIX веке при описании инвалида акцент делался на профессионально-трудовой стороне жизнедеятельности. Поскольку инвалидность являлась препятствием к полноценной профессиональной деятельности и лишала человека возможности самостоятельно обеспечивать свое существование, преимущественно внимание до середины XX века уделялось медицинским аспектам утраты трудоспособности и проблемам материальной помощи инвалидам [9]. В настоящее время понятием инвалид определяют лиц, которые имеют нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травмы или дефектами, приводящими к ограничению жизнедеятельности и требующими его социальной защиты [9].

Анализ научных публикаций по проблеме инвалидности в исторической ретроспективе позволяет выявить ряд противоречивых этапов в отношении к лицам с ОВЗ. В дохристианские времена их считали недееспособными и, в основном, физически уничтожали. В эпоху раннего христианства церковные общины к людям с физическими нарушениями начали проявлять милосердие, и они жили при монастырях. Некоторые в качестве шутов развлекали знать еще долгий период [4, с. 15]. Известно, например, что посетителям Кунсткамеры, первого русского музея, созданного Петром I, демонстрировались живые «экспонаты» – так называемые «монстры». Это были дети или юноши с врожденными физическими дефектами, которые жили при Кунсткамере. В 1722 году в музее находились три «монстра», выполнявшие также и обязанности истопников – Яков, Фома и Степан. Фома, сын крестьянина Иркутского уезда, имел рост 126 см, а на руках и ногах – по два пальца, похожих на клешни рака. Это не

мешало ему ходить, поднимать брошенные монеты и совершать другие действия на потеху публики. По распоряжению Петра, после смерти Фомы из тела его сделали чучело и поместили в музейную экспозицию. В залах Кунсткамеры обрели последний приют и останки гайдука Буржуа, которого Петр вывез из Западной Европы, поразившись его необычайно высокому росту в 217 см. После смерти скелет великана и препараты отдельных органов стали музейными экспонатами [26, с. 156].

Тем не менее в каждую эпоху были мыслители, защищавшие инвалидов и призывавшие общество к гуманизму. Так, благодаря французскому философу, выдающемуся мыслителю эпохи Просвещения Ж. Ж. Руссо (1712–1778) произошел поворот в отношении к инвалидам. «От природы, – говорил Руссо, – все люди равны. Это не значит, что сильный и слабый равны по силе. Они равны относительно права на жизнь». Руссо констатировал, что естественное неравенство людей – в неравенстве общественных условий: «А потому гуманизм современного общества проявляется в том, что оно стремится создать равные условия для самых безнадёжных инвалидов, а не в том, чтобы, ссылаясь на их “неполноценность”, просто отбраковывать этих людей или заключать в специальные резервации» (см. [4, с. 16]).

При этом, с точки зрения Э. Дюркгейма, болезнь не делает человека особым существом, а лишь принуждает его иначе адаптироваться в обществе. Наряду с этим, процесс социального оценивания индивида предполагал реализацию множества властных отношений, в контексте которых происходит интеграция человека в общество. Всякая власть, реализующая индивидуальный контроль, по мнению М. Фуко, функционирует по бинарной модели разделения и «кодирования» (клеймения, стигматизации): сумасшедший – здравомыслящий, опасный – безвредный, нормальный – аномальный (см. [24, с. 263]). Посредством стигматизации власть утверждает и закрепляет свою систему ценностей, устанавливает границы доступного для индивида пространства, «предписывает движения, принуждает к упражнениям и использует “тактики” (муштру). Процесс нормирования, типизации определяется необходимостью выра-

зять социальное отношение к объекту, желание увидеть в нем норму либо нечто, от нее отклоняющееся, классифицировать неизвестное как соответствующее или противоречащее социально принятой норме (см. [24]).

Проблемы социальной нормы разрабатывались П. Бергером, П. Бурдьё, М. Вебером, Т. Лукманом, Р. Мертоном, Т. Парсонсом, З. Фрейдом. Устойчивое внимание к проблеме нормы во многом объясняется тем, что ее основной функцией, как указывает Т. Парсонс, является интегрирование социальных систем [19]. Общество может существовать только тогда, когда между его членами существует достаточная степень однородности, социальной интегрированности. По мнению, В. Ярской, гомогенность общества может быть достигнута только в том случае, если подавляющее большинство его членов успешно пройдет процесс социальной интеграции (см. [24]).

В отечественной науке основные теоретико-методологические разработки, посвященные проблеме развития личности с физическими ограничениями были сделаны в первой половине XX века на основе идей культурно-исторической теории Л. С. Выготского и деятельностного подхода С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева. Вопрос о рассмотрении «дефекта» с позиции социально-психологической, а не клинической проблематики, одним из первых поставил Л. С. Выготский. Взяв за основу работы А. Адлера о компенсаторном характере преодоления органической «неполноценности», он утверждал, что несоответствие физического органа (или функции) поставленной извне задаче ведет к конфликту, в котором появляются и повышенные возможности, и стимулы к сверхкомпенсации [7].

Идеи культурно-исторической теории являются важнейшими научными предпосылками современного взгляда на изучение факторов, опосредующих влияние жизненных обстоятельств на личность. Основной методологической ценностью обладает идея компенсации органического недостатка, при котором выполнение нарушенных функций берет на себя другая, культурно обусловленная, психологическая структура. В таких условиях сам физический недостаток становится движущей силой развития личности. Следует отметить, что эта постановка проблемы в 30-е годы

XX века изменила задачи воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, сместив акцент с органической недостаточности на необходимость социального сопровождения психического развития лиц с ОВЗ [2, с. 56].

С позиции деятельностного и личностного подходов, сформировавшихся позднее в отечественной психологии, каждый человек уникален и наделен только ему присущим сочетанием психологических черт и особенностей, образующих ее индивидуальность. Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что качественные характеристики развития личности находятся в прямой зависимости от тех потенциальных возможностей, которыми обладает индивид. К числу основных потенциалов, выступающих в роли динамических факторов и задающих направленность процессу развития личности, относят:

- Познавательный потенциал, определяющийся объемом и качеством информации, которой располагает личность, и психологическими качествами, обеспечивающими эффективность познавательной деятельности.

- Морально-нравственный потенциал, обусловливающийся приобретенными личностью в процессе социализации нравственно-этическими нормами, жизненными целями и убеждениями.

- Творческий потенциал, определяющийся набором умений и навыков, способностями к действию (созидательному или разрушительному) и мерой их реализации в какой-либо сфере деятельности.

- Коммуникативный потенциал, зависящий от степени общительности, характера и прочности контактов, устанавливаемых личностью с другими людьми. Данная способность проявляется в систематичности и разнообразии социальных ролей, которые она выполняет.

- Эстетический потенциал личности, обусловливающийся степенью содержания и интенсивностью ее потребностей в прекрасном. Эстетическая активность индивида реализуется в восприятии произведений искусства [1, с. 89–90].

Из сказанного становится очевидным, что музей как социокультурный институт, где осуществляется «процесс передачи культурных значений и смыслов, восприятие музейной информации», может служить эффективным средством

развития потенциальных возможностей личности. По мнению Е. Н. Мастеницы, музейная среда расширяет представление человека о мире, здесь есть «возможность не только испытать эмоциональный подъем, очищение, но и прикоснуться к минувшим эпохам, а также почувствовать свое место в истории, чего не могут дать другие образовательные институты» [17]. В процессе социокультурной интеграции музеев выступает как посредник, необходимое звено между индивидом и культурной средой. Он транслирует своими средствами комплекс культурных образцов, норм и традиций, тем самым включая людей с инвалидностью в историко-культурный процесс.

Анализ источников показал, что специальных научных работ, посвященных взаимодействию с инвалидами в музейной среде в конце XIX – начале XX века, на сегодняшний день нет. В той или иной степени рассмотрены аспекты, прежде всего относящиеся к истории изучения музейной аудитории. Наиболее важным является исследование, проведенное сотрудниками методическо-просветительного отдела Третьяковской галереи во главе Л. В. Розенталем. Его итогом стало первое издание музейно-социологической проблематики – сборник «Изучение музейного зрителя», который вышел в свет в 1928 году (см. [27]).

Известно, что в конце XIX – начале XX века в меняющихся исторических и социальных условиях музейные учреждения, продолжая оставаться хранителями культурного наследия, стали переживать серьезные изменения, превращаясь в систему, все более открытую разным слоям общества. Умы передовых людей того времени занимали мысли об изменении отношения государства и общества к инвалидам. Стало очевидно, что обязательными условиями полноценного физического и интеллектуального развития людей с различными типами инвалидности являются грамотность и профессиональная подготовка. Именно в этот период многие европейские страны пришли к осознанию необходимости организации системы специального образования для людей с ОВЗ [16].

Значительный вклад в организацию обучения, воспитания и досуга инвалидов по зрению во Франции внес Морис де ля Сизеран. На рубеже XIX–XX веков стараниями М. Сизерана в одном из престижных районов Парижа возво-

дился трехэтажный Дом слепых. В этом здании разместилась специализированная библиотека и типография, печатавшая литературу рельефно-точечным шрифтом. Здесь же расположился музей им. Л. Брайля, обладавший богатым собранием разноязычной художественной литературы, учебных и методических пособий, различных технических устройств и приспособлений, необходимых для обучения незрячих. Музей и библиотека играли роль своего рода методических кабинетов для тифлопедагогов. Что касается непосредственно слепых, то для них Дом становился клубом, куда приезжали не только парижане, но и жители столичных предместий. Для них проводились экскурсии, лекции, устраивались концерты, где исполнителями нередко были сами слепые (см. [16]). В 1845 году в Германии в г. Ганновере открылся Музей искусств для слепых и слабовидящих, в котором представленные экспонаты были доступны для тактильного осмотра.

В России появление специальных учебных заведений для инвалидов неразрывно связано с общественной деятельностью А. А. Адлер. Благодаря ее стараниям в 1882 году в г. Москве открылась первая школа для слепых. Содержалась она на пожертвования благотворителей – сторонников просвещения инвалидов и малоимущих слоев населения. Активное участие в работе распорядительного комитета по организации школы приняли видные деятели русской культуры и меценаты: братья Д. П. и П. П. Боткины, братья П. М. и С. М. Третьяковы, Е. И. Арманд, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин и др. (см. [21]).

Здесь следует отметить, что особое место в общественной деятельности А. А. Адлер занимал Политехнический музей (г. Москва), в котором она начала работать с 1888 года. Став сотрудницей музея, А. А. Адлер организовала в нем комиссию по образованию слепых. В 1894 году она была избрана председателем секции обучения слепых Комитета русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. В 1898 году по ее инициативе в музее (зал № 56) была открыта «Коллекция по воспитанию и обучению слепых». Все пособия «коллекции» были систематизированы, и к каждому даны пояснения для широкого ознакомления посетителей музея. Многие пособия приобретались за границей. Например, коллекцию по лепке, которая состояла из

набора инструментов, массы для лепки и моделей, Анна Адлер приобрела в Дрездене. Коллекция Эйхлера, состоящая из 17 ящичков образцов животного, растительного и минерального мира была привезена из Штутгарда. Для учащихся московских школ слепых А. А. Адлер проводила тактильные экскурсии в музее, давая пояснения к экспонатам. В помещении музея по ее инициативе была открыта библиотека, которая стала собранием книг по вопросам обучения, воспитания и общественного положения незрячих в России и за рубежом (см. [21]).

Давние традиции работы музея с посетителями с особыми потребностями связаны с Государственной Третьяковской галереей (г. Москва). В период 1913–1925 годов директор музея И. Э. Грабарь дает разрешение профессору, невропатологу и психиатру Г. И. Россолимо для проведения занятий со своими пациентами в залах музея. Сферой научных интересов Г. И. Россолимо были клинико-психологические исследования интеллектуального развития, как в норме, так и при патологии. Большое значение ученый придавал исследованиям, результатом которых было улучшение состояния умственно отсталых детей. В своей деятельности он также использовал и развивал идеи известного русского педагога-реформатора К. Д. Ушинского.

После проведения первого занятия Г. И. Россолимо отметил, что одно из самых тяжелых испытаний для ребенка в музее является подъем по лестнице среди здоровых людей и передвижение по залам, где на него обращали внимание любопытные и сочувствующие взгляды других посетителей. Это была проблема, казавшаяся в то время неразрешимой. Тем не менее директор Третьяковской галереи И. Э. Грабарь предложил приходить «особым посетителям» незадолго до открытия музея. Во время таких занятий профессор вел наблюдение, к каким картинам испытывает интерес тот или иной ребенок. Вот что пишет в своих воспоминаниях А. Н. Лужецкая: «Такое пребывание длилось не больше получаса, но значило, по убеждению врача, для пациентов очень много. Именно в это время они меньше всего чувствовали себя обездоленными. Для врача было важно установить, к какой конкретно картине или картинам тяготел ребенок, поддержать это тяготение:

«разговорить» или вызвать наибольшее чувство – «волнение». Еще важнее было предугадать, какой окажется следующая картина, к которой потянется маленький зритель» [15, с. 20].

Точка зрения Г. И. Россолимо сводилась к тому, что в какой бы форме ни проявлялось ограничение развития ребенка, это ограничение восприятия и переживания мира, которое эффективнее всего поможет преодолеть изобразительное искусство, но не визуальная копия, а подлинная работа мастера. Известный московский педиатр Николай Алексеевич Скворцов, практиковавший в Софийской больнице, на сообщении в Медицинском обществе утверждал, что «результаты, спустя годы после музейного курса Г. И. Россолимо были явственно ощутимы». К сожалению, с уходом И. Э. Грабаря с должности директора музея практика работы с детьми с ОВЗ не только прекратилась, но была даже признана ошибочной и формалистической [15, с. 20].

Таким образом, можно утверждать, что Г. И. Россолимо в своих научно-практических исследованиях предопределил развитие одного из актуальных направлений психологической работы с инвалидами в учреждениях культуры и образования, которое на современном этапе определяется термином «импрессивная арт-терапия». При импрессивном варианте арт-терапии («impression» – фр. «впечатление») используют воздействие уже готовых произведений искусства профессиональных мастеров для достижения положительных изменений в интеллектуальном, эмоциональном и личностном развитии человека [20, с. 25]. Неслучайно в 1944 году кураторы музея современного искусства в Нью-Йорке в сотрудничестве с Центром искусств ветеранов войны предложили одну из первых в США лечебных программ с применением метода арт-терапии [5, с. 78]. Развиваясь на основе интердисциплинарного подхода, арт-терапия позаимствовала прогрессивные фундаментальные теории и практические сведения из психологии, психотерапии, педагогики, культурологии.

Наряду с Г. И. Россолимо большой интерес к социализирующим возможностям музея проявил В. П. Кащенко, советский дефектолог, один из первых организаторов высшего дефектологического образования и научно-исследовательской

работы в области дефектологии. В течение всей своей жизни ученый пропагандировал идею объединения усилий различных наук в помощь детям с задержкой в развитии (см. [10]). Санаторий-школа В. П. Кашенко, открытый в Москве в 1908 году, был оригинальным детским учреждением, где впервые в России разрабатывались основы лечебной педагогики. Основу концепции воспитательной системы Кашенко составила развивавшаяся в рамках педологии лечебная педагогика, которая понималась ученым как синтез медико-терапевтических и учебно-воспитательных приемов.

Кроме постоянных сотрудников школы, привлекались приглашенные специалисты для проведения экскурсий с детьми. Один раз в неделю воспитанники совершали небольшими группами «общеобразовательные экскурсии», целью которых было «наблюдение и изучение действительности»: посещение музеев, дворцов, выставок, мастерских и др. По воскресеньям устраивались «большие» или «кислородные» экскурсии, имевшие уже релаксационную задачу. Также организовывались отдаленные экскурсии на 3–5 дней. Такие путешествия, помимо знакомства с природой и историко-культурными ценностями другой страны, имели большую воспитательную функцию [10].

Санаторий-школа быстро приобрел известность. Дети, пробывшие здесь необходимое время, возвращались в прежнюю среду – семью и школу – социально адаптированными. То значение экскурсий и путешествий, которое имело место быть в педагогической и коррекционной программе В. П. Кашенко, находит в последующем свое отражение в теоретических концепциях экскурсионного дела Н. А. Гейнике и И. М. Гревса. По мнению известных историков и краеведов, экскурсия призвана компенсировать односторонность развития человека, его «слепоту», формируя умение «видеть», то есть не только подмечать значимые детали, но и воспринимать монументальный или музейный памятник в определенном историко-культурном контексте (см. [27]).

Практически со дня своего основания Государственный Дарвиновский музей (г. Москва) принимал посетителей с ограниченными возможностями здоровья и стремился обеспечить максимальную доступность своей экспозиции. Пер-

вый директор музея Александр Федорович Котс и его супруга Надежда Николаевна с 20-х годов XX века пропагандировали принцип доступности и открытости музея для инвалидов. Регулярно А. Ф. Котс проводил экскурсии для слепых студентов, во время Великой Отечественной войны сотрудники музея читали лекции для раненых бойцов и устраивали выездные выставки в госпиталиях. В фондах музея сохранилась фотография начала XX века, на которой он знакомит с экспозицией слепого человека, опирающегося на белую трость. А. Ф. Котс держит в руке череп питекантропа и дает возможность посетителю ощупать руками реконструкцию, сделанную с этого черепа (см. [11, с. 32]).

Следует отметить, что сведения о том, как проводилась работа с инвалидами в российских музеях в дальнейшем, вплоть до 90-х годов XX века немногочисленны и отрывочны. Мы можем предположить, что это связано со сложившейся в последующий период патерналистской ориентацией политики в отношении инвалидов. Она предполагала признание и укрепление обособленности этой категории населения. Без внимания остались вопросы культурной компетентности, приобретения навыков социально полезной культурной активности, организации социализирующего досуга и т. п. Политика советского государства была в основном ориентирована на распределение бюджетных средств на медицинское обслуживание и бытовые нужды инвалидов. Область приобщения к культуре составляли художественная самодеятельность и библиотечное обслуживание, причем их социализирующие последствия практически не учитывались [12, с. 5]. В европейских же странах в соответствии с законодательством и в значительной мере на практике, инвалиды – та категория, которая получила доступ к основным культурным ценностям, что и здоровые люди [5, с. 78]. Поэтапно в XX веке была реформирована структура музеев с учетом интересов инвалидов разных категорий.

Изучая российский и зарубежный опыт практической деятельности по включению людей, имеющих ограниченные возможности здоровья, в социокультурную среду музея в конце XIX – начале XX века, можно сделать следующие выводы.

Данное направление работы носило не только просветительский, но и экспериментально-

исследовательский характер (тактильные экскурсии А. А. Адлер и А. Ф. Котса). В рассматриваемый нами период начинает осуществляться активный методический поиск, основанием которого стало осознание новых возможностей музея в сфере гармонизации психофизиологических и социальных факторов развития личности с инвалидностью. Тогда же разрабатываются самые разнообразные формы работы с музейной аудиторией, многие из которых впоследствии были незаслуженно забыты и получили распространение лишь в конце XX века. В некоторых музеях появляются коллекции для тактильного восприятия предметов, создаются первые циклы специальных занятий, в которых изобразительное искусство становится средством взаимодействия с аудиторией.

Мы видим, что специалистам того времени удавалось выработать дифференцированный подход к посетителям с ОВЗ, который учитывал их потребности и возможности. Опираясь на свои профессиональные знания и интуицию, учитывая идеи известных русских педагогов того времени, они вводили в коррекционные программы обязательное посещение музеев, тем самым делая шаги по преодолению социальной изоляции, по включению детей с особыми потребностями в культурную жизнь общества. Занятия в музейной среде были направлены на формирование визуального

мышления, эмоциональной сферы, тактильной чувствительности. В используемых методах прослеживаются элементы различных подходов работы с музейной аудиторией: просветительский, информативный, коммуникативный.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что всестороннее и глубокое изучение и осмысление опыта предшественников (как положительного, так и отрицательного) по созданию доступной музейной среды весьма актуально в научном и практическом плане. Сегодня в период активизации внимания общества к проблемам инвалидности взрослых и детей все острее встает вопрос о применении реабилитационных и адаптационных технологий различных направлений в работе учреждений культуры. Если реабилитационные технологии в медицинском, психолого-педагогическом аспектах развиваются интенсивно, то возможности социокультурных методов остаются в зачаточном состоянии (см. [18]). Проблема открытости и доступности историко-культурного наследия для различных групп посетителей во многих российских музеях является по-прежнему нерешенной. А ведь именно музеи как социокультурные институты могут внести значительный вклад в процесс социализации людей с особенностями развития в современной среде.

Литература

1. Акатов Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Владос, 2003. – 368 с.
2. Александрова Л. А., Белоногова Е. В. Современный подход к пониманию проблемы ограниченных возможностей здоровья и оказания помощи детям с ОВЗ // Теория и практика дистанционного обучения учащихся и молодежи с ограниченными возможностями здоровья: сб. мат-лов Всерос. заоч. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2014. – С. 54–60.
3. Беленкова Л. Ю. Инновационные подходы к образованию детей с ограниченными возможностями здоровья: от интеграции к инклюзии // Интеграция образования. – 2011. – № 1. – С. 59–64.
4. Бондаренко Г. И. Инвалид как понятие в историко-философском контексте // Физическая культура. – 2007. – № 2 (30). – С. 15–19.
5. Булгакова В. В. Зарубежный опыт социокультурной интеграции инвалидов в современном музее // Приоритетные направления развития науки и образования: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 июня 2015 года). – Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. – С. 77–80.
6. Ваньшин С. Н., Ваньшина, О. П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами: метод. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ГДМ, 2009. – 76 с.
7. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. – М.: Просвещение, 1995. – 527 с.
8. Донина И. Н. Универсальный дизайн в социокультурной адаптации «особых посетителей» музейными средствами // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 133–143.
9. Егорова Т. В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями: учеб. пособие. – Балашов: Николаев, 2002. – 80 с.

10. Кислинская Т. И. Исключительная школа для «исключительных» детей (лечебно-воспитательное учреждение В. П. Кашенко) // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей) / под общ. ред. Н. Л. Селивановой. – М.: Пед. о-во России, 1998. – 336 с.
11. Клюкина А. И. Государственный Дарвиновский музей – музей для всех // Воспитание и обучение детей с нарушением развития. – 2011. – № 8. – С. 32–40.
12. Концепция социокультурной политики в отношении инвалидов в Российской Федерации. – М.: [б. и.], 1997. – 48 с.
13. Краткая история философии: учебник / под ред. В. Г. Голобокова. – М.: Аст и Олимп, 1997. – 560 с.
14. Кселина М. Говорящие цифры // Мир музея. – 2009. – № 12(268). – С. 27–29.
15. Лужецкая А. Обездоленные и просветленные // Мир музея. – 2009. – № 11. – С. 19–20.
16. Малофеев Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 2009. – 319 с.
17. Мастеница Е. Н. Социальная адаптация в контексте культурно-образовательной деятельности музеев // Музейная эпистема: сб. ст. / под ред. А. А. Никоновой. – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 176–202.
18. Моздокова Ю. С. Социально-культурная реабилитация инвалидов и их семей в процессе досуговой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 18 с.
19. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева / под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
20. Платонова О. В., Жвитиашвили Н. Ю. Арттерапия в художественном музее: учеб. пособие для студ. гуманитар.-художеств. вузов. – СПб.: СпецЛит, 2000. – 142 с.
21. Сизова А. И. Анна Александровна Адлер. – М.: Логос, 1996. – 104 с.
22. Социокультурная реабилитация инвалидов: метод. рекомендации / под общ. ред. В. И. Ломакина. – М., 2002. – 144 с.
23. Холостова Е. И. Социальная работа с инвалидами: учеб. пособие. – М.: Дашков и К, 2006. – 240 с.
24. Шевченко А. И. Социальная интеграция людей с ограниченными возможностями как объект социально-философского анализа // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 262–268.
25. Шеманов А. Ю., Попова, Н. Т. Инклюзия в культурологической перспективе // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1. – С. 74–82.
26. Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для высш. шк. – 2-е изд. – М.: Академ. Проект, 2004. – 560 с.
27. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. – М.: [б. и.], 2001. – 165 с.
28. Ярская-Смирнова Е. Р., Наберушкина, Э. К. Социальная работа с инвалидами. – СПб.: Питер, 2004. – 316 с.

References

1. Akatov L.I. *Sotsial'naia reabilitatsiia detei s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia. Psikhologicheskie osnovy*. Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii [Social rehabilitation of children with disabilities. Psychological foundations: Studies benefits for students executive proc. institutions]. Moscow, Vldos Publ., 2003. 368 p. (In Russ.).
2. Aleksandrova L.A., Belonogova E.V. *Sovremennyi podkhod k ponimaniu problemy ogranichenykh vozmozhnostei zdorov'ia i okazaniia pomoshchi detiam s OVZ* [The modern approach to understanding the problems of disability and health care for children HIA]. *Teoriia i praktika distantsionnogo obuchenii uchashchikhsia i molodezhi s ogranichenymi vozmozhnostyami zdorov'ia. Sb. materialov Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf.* [Theory and practice of distance education students and young people with disabilities. Sat. proc. zaoch. scientific and practical conf.]. Kemerovo, 2014, pp. 54–60. (In Russ.).
3. Belenkova L.Iu. *Innovatsionnye podkhody k obrazovaniu detei s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia: ot integratsii k inkluzii* [Innovative approaches to education for children with disabilities: from integration to inclusion]. *Integratsiia obrazovaniia [Integration of education]*, 2011, no. 1, pp. 59–64. (In Russ.).
4. Bondarenko G.I. *Invalid kak poniatie v istoriko-filosofskom kontekste* [Disabled as a concept in the historical and philosophical context]. *Fizicheskaya kul'tura [Physical Culture]*, 2007, no. 2 (30), pp. 15–19. (In Russ.).
5. Bulgakova V.V. *Zarubezhnyi opyt sotsiokul'turnoi integratsii invalidov v sovremennom muzee* [Foreign experience of social and cultural integration of disabled people in the modern museum]. *Prioritetnye napravleniia razvitiia nauki i obrazovaniia. Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary, 12 iunia, 2015* [Priority directions of development of science and education. Reports of the V Intern. scientific and practical conf. Cheboksary, June 12, 2015]. Cheboksary, Interactive plus Publ., 2015, pp. 77–80. (In Russ.).

6. Van'shin S.N., Van'shina O.P. Sotsiokul'turnaia reabilitatsiia invalidov muzeinymi sredstvami. Metod. posobie [Sociocultural rehabilitation of disabled people museum means. Method. grant]. Moscow, GDM Publ., 2009. 76 p. (In Russ.).
7. Vygot'skii L.S. Problemy defektologii [Problems of speech]. Moscow, Education Publ., 1995. 527 p. (In Russ.).
8. Donina I.N. Universal'nyi dizain v sotsiokul'turnoi adaptatsii "osobykh posetitelei" muzeinymi sredstvami [Universal design in socio-cultural adaptation "special visitors" at museums]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena [Proceedings of A.I. Herzen Russian state pedagogical University]*, 2014, no. 166, pp. 133-143. (In Russ.).
9. Egorova T.V. Sotsial'naia integratsiia detei s ogranichennymi vozmozhnostiami. Ucheb. posobie [Social integration of children with disabilities. Proc. allowance]. Balashov, Nikolaev Publ., 2002. 80 p. (In Russ.).
10. Kislinkaia T.I. Iskluchitel'naia shkola dlia "isklyuchitel'nykh" detei (lechebno-vospitatel'noe uchrezhdenie V.P. Kashchenko) [Exclusive school for "exclusive" children (medical and educational establishment of V.P. Kashchenko)]. *Gumanisticheskie vospitatel'nye sistemy vchera i segodnia (v opisaniikh ikh avtorov i issledovatelei) [Humanistic educational systems yesterday and today (in descriptions of their authors and researchers)]*. Moscow, Pedagogical society of Russia Publ., 1998. 336 p. (In Russ.).
11. Kliukina A.I. Gosudarstvennyi Darvinovskii muzei – muzei dlia vsekh [State Darwin Museum – the museum for all]. *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniem razvitiia [Education and training of children with development violation]*, 2011, no. 8, pp. 32-40. (In Russ.).
12. Kontseptsii sotsiokul'turnoi politiki v otnoshenii invalidov v Rossiiskoi Federatsii [The concept of socio-cultural policy towards the disabled in the Russian Federation]. Moscow, 1997. 48 p. (In Russ.).
13. Kratkaia istoriia filosofii. Uchebnik [A brief history of philosophy. The Textbook]. Ed. by V.G. Golobokova. Moscow, AST and Olympus Publ., 1997. 560 p. (In Russ.).
14. Kselina M. Govoriashchie tsifry [Talking numbers]. *Mir muzeia [The Museum world]*, 2009, no. 12 (268), pp. 27-29. (In Russ.).
15. Luzhetskaia A. Obezbolennye i prosvetlennye [The poorest and most enlightened]. *Mir muzeia [The Museum world]*, 2009, no. 11, pp. 19-20. (In Russ.).
16. Malofeev N.N. Spetsial'noe obrazovanie v meniaiushchemsia mire. Evropa. Ucheb. posobie dlia studentov ped. vuzov [Vocational education in the changing world. Europe. Studies a grant for students ped. higher education institutions]. Moscow, Education Publ., 2009. 319 p. (In Russ.).
17. Mastenitsa E.N. Sotsial'naia adaptatsiia v kontekste kul'turno-obrazovatel'noi deiatel'nosti muzeev [Social adaptation in the context of cultural and educational activities of museums]. *Muzeinaia episteme. Sb. statei [Museum episteme. Festschrift]*. Ed. by A.A. Nikonovoi. St. Petersburg, SPSU Publ., 2009, pp. 176-202. (In Russ.).
18. Mozdokova Iu.S. Sotsial'no-kul'turnaia reabilitatsiia invalidov i ikh semei v protsesse dosugovoi deiatel'nosti. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Welfare rehabilitation of disabled people and their families in the course of leisure activity. Abstract diss. PhD ped. sci.]. Moscow, 1996. 18 p. (In Russ.).
19. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]. Moscow, Aspect Press Publ., 1998. 270 p. (In Russ.).
20. Platonova O.V., Zhvitiashvili N.Iu. Artterapiia v khudozhestvennom muzee. Ucheb. posobie [Artterapiya in the art museum. Study guide]. St. Petersburg, Specialitas Publ., 2000. 142 p. (In Russ.).
21. Sizova A.I. Anna Aleksandrovna Adler [Anna Adler]. Moscow, Logos Publ., 1996. 104 p. (In Russ.).
22. Sotsiokul'turnaia reabilitatsiia invalidov. Metod. rekomendatsii [The socio-cultural rehabilitation of disabled persons. The method recommendations]. Ed. by V.I. Lomakina. Moscow, 2002. 144 p. (In Russ.).
23. Kholostova E.I. Sotsial'naia rabota s invalidami. Ucheb. posobie [Social work with disabled people. Proc. the manual]. Moscow, Dashkov and K Publ., 2006. 240 p. (In Russ.).
24. Shevchenko A.I. Sotsial'naia integratsiia liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza [Social integration of people with disabilities as an object of socio-philosophical analysis]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2011, no. 5, pp. 262-268. (In Russ.).
25. Shemanov A.Iu., Popova N.T. Inkluziia v kul'turologicheskoi perspektive [Inclusion in a cultural perspective]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2011, no. 1, pp. 74-82. (In Russ.).
26. Iureneva T.Iu. Muzeevedenie. Uchebnik dlia vysshei shkoly [Museology. A textbook for high school]. Moscow, Academic Project Publ., 2004. 560 p. (In Russ.).
27. Iukhnevich M.Iu. Ia povedu tebia v muzei. Ucheb. posobie po muzeinoi pedagogike [I will lead you in the museum. Studies grant on museum pedagogics]. Moscow, 2001. 165 p. (In Russ.).
28. Iarskaia-Smirnova E.R., Naberushkina E.K. Sotsial'naia rabota s invalidami [Social work with disabled people]. St. Petersburg, Peter Publ., 2004. 316 p. (In Russ.).

УДК 069.51

ОБЪЕКТЫ МУЗЕЙНОЙ ЭНТОМОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ЖУКИ-КОЖЕЕДЫ (COLEOPTERA, DERMESTIDAE)

Полевод Владимир Анатольевич, соискатель, научный сотрудник музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, РФ). E-mail: polevod@mail.ru

Актуальность сохранения музейных коллекций (в том числе энтомологических) вследствие естественных причин и угроз биоповреждений со временем лишь повышается. Музейная энтомология призвана вести мониторинг, разрабатывать меры профилактики и борьбы с вредителями коллекций. Инвазийные виды характеризуются скачкообразным расширением своего ареала антропогенным путем (завоз с продукцией, торговля). Принимаемые меры зависят от правильности определения вида и знания его биологии. На региональном уровне почти не существует работ данного плана, особенно по музейным вредителям в Юго-Западной Сибири. Целью работы является выявление полного состава различных групп насекомых – вредителей энтомологических коллекций. В данном ряду это первая статья, объектом исследования которой является наиболее опасное семейство жесткокрылых – кожееды (Dermestidae). **Выявлен количественный и качественный состав жуков-кожеедов на территории Кемеровской области в музейных (обследованы музеи, частные коллекции) условиях.** Прослежена динамика распространения и численности вредителей, их причины, проведен критический анализ литературы по видам кожеедов-вредителей музейных коллекций. Обозначен особый вред кожееда осинового (*Reesa vespulae*), завезенного из Северной Америки в Европу и быстро распространяющегося по музеям. Доказана значительная специфичность состава вредоносных для музея видов даже в сравнении с прилегающими территориями – например, наиболее массовыми и опасными видами здесь являются *Reesa vespulae* и *Attagenus smirnovi*, а для Томской области – *Anthrenus picturatus*.

Ключевые слова: музейная энтомология, энтомологические коллекции, синантропные вредители, жуки-кожееды, Dermestidae.

THE OBJECTS OF MUSEUM ENTOMOLOGY OF KEMEROVO REGION: DERMESTID BEETLES (COLEOPTERA, DERMESTIDAE)

Polevod Vladimir Anatolievich, Applicant, Researcher of “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia” Museum of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polevod@mail.ru

Synanthropic insects are often malicious pests in entomological and other collections. They also have economic and sanitary-epidemiological significance. The relevance of the preservation of Museum collections because of the risks of biological damage and natural causes of aging increases with time. Before this research, no papers on the composition of Museum pests in South-Western Siberia did exist. The long term goal of this work is the identification of the whole pests entomological collections. In this series, this is the first article, the object of the study is the most dangerous family of coleopterous insects is the carpet beetle (Dermestidae). Quantitative and qualitative composition of carpet beetle. To date 9 species of carpet beetle, inhabitants of Museum and private entomological collections in the Kemerovo region, including 5 species, the author had noted earlier. The article shows considerable specificity composition of pests of collections in comparison with surrounding areas: the most massive and dangerous here are: *Reesa vespulae* and *Attagenus smirnovi*, and in Tomsk region, *Anthrenus picturatus*. Most recently (fall 2015) for the first time were also found for the area of a dangerous pest *Trogoderma variabile*, able soon to appear in museums. The dynamics of distribution and increasing the population of pests and their causes in historical development is in critical analysis of the literature on the Museum carpet beetle pests. In the sources almost nobody is in the number of Museum pests *Reesa vespulae*. This

little-known kind is extremely dangerous, quickly settles to museums, multiplying by parthenogenesis. In cases of damage instances, insects exposed to pests often possible to restore. Measures against pests of collections-specific and depend on the correct definition of the type detected the pest and knowledge of its biology.

Keywords: entomology museum, entomological collection, synanthropic pests, carpet beetle, Dermestidae.

Разрушительная деятельность насекомых – вредителей музейных коллекций – давно признана на международном уровне, что подтверждается постоянным вниманием к данной проблеме со стороны Комитета консервации ИКОМ (Международного совета музеев) (см. [1, с. 5]). Синантропные насекомые – обитатели построек человека, имеют также хозяйственное и санитарно-эпидемиологическое значение [7, с. 3]. Биологов, работающих в области музейного хранения, в настоящее время называют биологами-консерваторами, а музейные энтомологи решают задачи профилактики и борьбы с биоповреждениями насекомыми. Любой музей (равно как и частный коллекционер) не может полностью избежать потерь, связанных с порчей коллекционных сборов. Задача хранения в таком случае – свести к минимуму факторы, вызывающие разрушение материалов, ускоряющие деструктивные процессы. Современная энтомология вносит существенный вклад в науку и тесно связана с практикой. Прикладные энтомологические дисциплины занимаются научной разработкой методов борьбы с насекомыми-вредителями на основе знаний биологии и образа жизни вредителей коллекций [11, с. 3–4].

Последнее десятилетие ознаменовалось выходом целого ряда изданий по синантропным организмам и вредителям музейных коллекций, где в целом для музеев России приводится до 50 видов насекомых, повреждающих самые разнообразные материалы, кроме керамики, стекла и металла. Борьба с вредителем может быть успешной лишь в случае, когда мы надежно определили вид, знаем его биологию и образ жизни. Анализ литературных источников выявил преимущество общих сведений по видам-биодеструкторам, а специальных исследований для отдельных регионов России, кроме Восточной Сибири, почти не проводилось. Потому цель долгосрочной работы – выявление полного комплекса групп насекомых, вредящих энтомологическим (и другим зоологическим) коллекциям на территории Кемеровской области, сбор данных видов также в

городской и природной среде, а настоящая статья является первой в этом ряду, объект исследования в ней – наиболее опасное в музейном ракурсе семейство жесткокрылых – кожееды (Dermestidae).

Жуки-кожееды относятся к синантропному комплексу непаразитических насекомых-комменсалов, трофически связаны с кератин- и коллагенсодержащими материалами. Р. Д. Жантiev приводил в числе наиболее злостных вредителей зоологических коллекций 8 видов кожеедов из родов *Anthrenus*, *Attagenus*, *Trogoderma* [6, с. 38]. Вредят личинки, поедая шерстяные ткани, волос, мех, перо, выделанную кожу, натуральный шелк, а жуки подсемейства *Dermestinae* питаются теми же веществами, что и личинки [6, с. 104]. Кроме того, личинки наносят вред несъедобным материалам, вгрызаясь при окукливании, например, в мягкую древесину. Есть данные, что личинки кожеедов могут вызывать аллергию у людей и иногда дерматит у домашних животных. Помимо зоологических (в том числе энтомологических коллекций), личинки жуков-кожеедов в музеях повреждают книги (кожаные, бархатные и шелковые переплеты), различные виды бумаг (в том числе микалентную), ткани. В корешке книг живут также виды родов *Anthrenus*, реже *Attagenus* [11, с. 188]. Заражение кожеедами и другими насекомыми (притворяшками, чешуйницами) могут, в частности, спровоцировать неубранные скопления мух, расположившихся на зимовку в здании [9, с. 9–10].

Кочевой образ жизни способствовал возникновению лишь эфемерного комплекса синантропных видов. «Расцвет» же синантропных вредителей формировался в Сибири с 50-х годов. XX века – с развитием производительных сил; к 2000 году в Восточной Сибири добавилось более 40 инородных видов [7, с. 5]. Всего для данного региона выявлено свыше 130 видов синантропов-комменсалов, из них ощутимо вредят около 50 видов вследствие своей массовости. Для инвазийных видов характерно скачкообразное расширение ареала антропогенным путем (завоз с продукцией, торговля и др.), с раз-

нообразными негативными последствиями воздействия на экосистемы [3, с. 31]. В последние десятилетия замечено увеличение численности кожеедов в хранилищах архивов и библиотек Европейской части России, в основном за счет инвазии теплолюбивых видов: кожееда Смирнова и кожееда пестрого. Процветание видов связано с отсутствием естественных врагов, экологической пластичностью видов [11, с. 189]. К серьезным вредителям зоологических коллекций, запасов продуктов животного происхождения и пушно-меховых изделий Г. И. и А. С. Плешановы относят «около 15 видов насекомых», а самые массовые из них – кожееды [7, с. 4]. К рассматриваемой работе (и некоторым другим) можно высказать некоторые замечания: указанные виды не всегда имеют отношение к синантропным, – например, приведенные в этом серьезном и полезном определителе жуки семейства *Cisidae* [7, с. 14] развиваются исключительно в трутовиковых грибах и никакого отношения к синантропизации не имеют, занесение в помещения может иметь лишь случайный и далеко не регулярный характер; хотя возможно развитие на изделиях из трутовиковых грибов. В. Б. Голуб, М. Н. Цуриков, А. А. Прокин в своей книге пишут, что только среди кожеедов в музеях вредят более 20 видов [1, с. 320]; правда, в силу основной специфики этой работы не указан ни один вид кожееда, а та же цифра была приведена для территории СССР [6, с. 38], для пространства которого количество видов кожеедов явно больше. Употребление в работах только русских названий кожеедов – таких, например, как «буйволоный ковровый жук», «темный ковровый кожеед», «обыкновенный ковровый жук» [4, с. 114], крайне нежелательно без дублирования латинскими, так как при обилии синонимических русских видовых названий (и порой одинаковых для разных видов) можно не понять, о каких видах идет речь. В другом современном и наиболее информативном по вредителям музея издании «Насекомые в музеях» [11] (как и во всех отечественных руководствах-определителях по карантинным вредителям) совершенно отсутствует крайне опасный, но до сих пор малоизвестный для широкого круга энтомологов вид – кожеед осиный (*Reesa vespulae*). Наиболее свежее издание – «Методы биологического контроля и анализа в музейной работе», где описаны методы диагностики биологических повреждений и меры по

их профилактике (от микроскопических грибов-биодеструкторов до жуков-кожеедов) [5]. Кожеед осиный все же приводится в некоторых статьях: для энтомологических коллекций г. Ярославля [2], как весьма опасный вид музейных коллекций и зернохранилищ [3]. Впервые жуки *Reesa vespulae* были ввезены из Северной Америки в Европу около 50 лет назад и стали быстро распространяться, размножаясь партеногенетически (без самцов).

До наших исследований работ, посвященных составу музейных вредителей в Юго-Западной Сибири, не существовало. Автором были проведены сборы жуков-кожеедов в Кемеровской области в природных биотопах (полевые сборы также важны для познания биологии видов, тем более что почти все кожееды так или иначе имеют вредительский интерес к музею либо другим объектам человеческих построек и запасов), синантропных условиях, а также обработаны энтомологические коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КемГУ), кафедры зоологии и экологии КемГУ, Кемеровского областного краеведческого музея (КОКМ), изучены сборы жуков-кожеедов в частных энтомологических коллекциях: В. А. Полевода, а также А. В. Коршунова и Д. А. Ефимова (г. Кемерово). В результате для Кемеровской области автором выявлено 18 видов жуков-кожеедов, из которых ниже приводятся в качестве нового, неопубликованного ранее материала экземпляры, отмеченные лишь для музеев и частных энтомологических коллекций (с указанием вида, даты в хронологическом порядке, места сбора, количества экземпляров. Обнаруженные в энтомологических коллекциях личинные шкурки кожеедов (как и почти все живые личинки ввиду сложности детерминации) не учитывались в количественном выражении. Весь сбор материала и его определение осуществлено В. А. Полеводом, собранные экземпляры частью включены в энтомологическую коллекцию № 99 музея КемГУ, где и хранятся. Виды, отмеченные ранее для Кемеровской области как вредители энтомологических или других музейных коллекций, помечены значком звездочки (*) с указанием источника.

1. Кожеед ветчинный – *Dermestes lardarius* Linnaeus, 1758. Синантропный трансголарктический вид.

Материал. 2 экз.: 23.05.2010, Кемерово, сухое имаго с матрасика энтомологической коллекции в музее КемГУ; 02.07.2013, там же, сухое имаго с матрасика энтомологической коллекции.

*2. Кожеед непарный, или скрюченный – *Thylodrias contractus* Motschulsky, 1839 [8, с. 318]. Европейская часть, Казахстан, Средняя Азия. Завезен в Европу, Сибирь, Северную Америку, Гавайские острова [6, с. 171].

Материал. 2 экз.: 15.05.2012, Кемерово, музей КемГУ, энтомологическая коробка, 1 ♀ (сухой); 22.10.2015, там же, энтомологическая коробка, 1 ♂ (сухим).

3. Кожеед Шэффера – *Attagenus schaefferi* (Herbst, 1792). Почти космополит.

Материал. 3 экз.: 24.04.2015, Кемерово, музей КемГУ, зал этнографии, витрина с лыжником и волком, 1 имаго и 2 личинки.

*4. Кожеед Смирнова – *Attagenus smirnovi* Zhantiev, 1973 [8, с. 318]. Африка (Кения); интродуцирован в Европу, Россию (до Якутска).

Материал. 17 экз.: 17.09.2000, Кемерово, КемГУ, кафедра зоологии и экологии, энтомологические сборы (матрасики: множество личинок шкур); 20.05.2009, Кемерово, музей КемГУ, в энтомологической коллекции; 25.05.2013, там же, подоконники, 2 экз.; 27.05.2013, там же, в матрасике энтомологической коллекции, 2 экз.; 14.08.2013, там же, в экспозиции (витрина, рядом с закрытой коробкой с жесткокрылыми), 2 экз. (сухими); 22.08.2013, там же, подоконники, 3 экз.; 24.11.2014, там же, зоологический зал, подоконник, 2 экз.; 22.09.2015, Кемерово, Областной краеведческий музей (КОКМ), коробки энтомологической коллекции, 5 сухих имаго и 6 личинок шкур.

5. Кожеед ковровый – *Attagenus unicolor similans* Solsky, 1876. Центральнопалеарктический подвид вида с почти космополитическим ареалом.

Материал. 1 экз.: 24.05.2013, Кемерово, сухое имаго в энтомологической коллекции музея КемГУ (на матрасике со сборами).

*6. Кожеед музейный – *Anthrenus museorum* Linnaeus, 1758 [8, с. 318]. Почти космополитический ареал.

Материал. 1 экз.: Кемерово, музей КемГУ, зал этнографии, витрина с лыжником и волком (сухим).

7. Кожеед пестрый – *Anthrenus picturatus* Solsky, 1876. Восточная Европа, Центральная Палеарктика, Сибирь.

Материал. 2 экз.: 24.11.2014, Кемерово, музей КемГУ, в энтомологической витрине под стеклом, рядом с закрытой коробкой (сухим); 20.03.2015, там же, подоконник зала зоологии (живым).

*8. Кожеед Грезера – *Megatoma graeseri* (Reitter, 1887) [8, с. 318]. Центральная Палеарктика, Дальний Восток (на севере до Магадана, на юге до Тянь-Шаня).

Материал. 14 экз.: 27.05.2013, Кемерово, музей КемГУ, лаборатория № 3, подоконник, 2 экз.; 27.05.2013, там же, в энтомологической коллекции, на ватном матрасике (сухим); 23.07.2013, там же, лаборатория № 4, подоконник; 19.09.2013, там же, зал зоологии, на плинтусе экспозиции с леопардом (сухим, в паутине); 30.07.2014, там же, зоологический зал музея КемГУ, подоконник; 2.02.2015, там же, подоконник зала зоологии; 27.03.2015, там же, подоконник зала зоологии; 10.04.2015, там же, подоконник зала зоологии; 20.06–9.07.2015, Кемерово, музей КемГУ, подоконники окон зала зоологии, 5 экз.

*9. Кожеед осиный – *Reesa vespulae* (Milliron, 1839) [8, с. 318]. Вид, достигший в последние годы космополитического ареала.

Материал. 72 экз.: 27.05.2013, Кемерово, музей КемГУ, энтомологическая коллекция (надкрылья 35 экз. имаго в заводских деревянных ящичках для хранения ватных матрасиков со сборами насекомых, 5 цельных сухих имаго, 20 личинок шкур, 1 куколка), лаборатория № 3 (подоконник, 4 экз.); 17.07.2013, там же, лаборатория № 3, подоконник, 6 экз.; 23.07.2013, там же, лаборатория № 4, подоконник, 6 экз.; 06.08.2013, там же, лаборатория № 3, подоконник, 2 экз.; 14.08.2013, там же, зоологический зал, подоконник; 30.06.2014, там же, зоологический зал, подоконник (живым); 07.07.2014, там же, лаборатория № 3, подоконник (сухим); 24.04.2014, там же, зал этнографии, витрина с лыжником и волком, 2 экз. (сухие); 30.07.2014, там же, зоологический зал музея КемГУ, подоконник, 6 экз.; 05.04.2015, там же, лаборатория № 3, подоконник (сухим); 12.06–22.06.2015, там же, подоконник, 5 экз. (сухими).

Таким образом, на настоящий момент известно 9 видов семейства кожеедов как обита-

телей музейных и частных энтомологических коллекций в Кемеровской области, из них 4 приводятся впервые. Наиболее массовыми в музейных условиях оказались *Reesa vespulae*, *Attagenus smirnovi* и *Megatoma graeseri*. Первые два вида серьезно вредят коллекциям насекомых, а *Reesa vespulae* в ряде регионов обнаруживается лишь в музеях. В соседней Томской области безоговорочно злостным вредителем энтомологических коллекций является другой вид другого рода: *Anthrenus picturatus*, способный быстро размножаться в колоссальных количествах (у нас он стал попадаться лишь в последние годы и единично). Очень серьезный для других регионов вредитель *Anthrenus museorum* встречается у нас преимущественно в природных условиях и дачных домиках, а не менее опасный *Anthrenus scrophulariae* даже редок. Не обнаружены в области некоторые другие злостные вредители музейных коллекций – например, *Trogoderma magatomoides*, – обычный вредитель энтомологических материалов во многих странах [10, с. 77], а также *Orphnus fulvipes*, распространенный в экваториальных странах и завезенный в Европу [10, с. 72]. Однако в самое последнее время (Кемерово, осень 2015 года) впервые

для Кемеровской области обнаружен нами другой опасный вредитель: трогодерма изменчивая – *Trogoderma variabile* Ballion, 1878. Вид интродуцирован во многие страны мира, может в ближайшее время появиться и в музеях.

В последние десятилетия описано много новых для науки видов кожеедов (преимущественно из Африки), некоторые из них вполне способны к синантропному существованию и расселению по всему свету в результате случайного завоза. При отсутствии специалистов в музее экземпляры коллекции могут быть неверно определены или вообще уничтожены вредителями коллекций. В случае незначительных или средней степени повреждений экземпляры насекомых, подвергшиеся воздействию вредителей, возможно (строго после химической или иной обработки) отреставрировать: склеить отвалившиеся фрагменты тела; допустимо в ряде случаев замещение съеденных фрагментов на аналогичные из числа «запасных» экземпляров неосновного фонда музея или личной коллекции. Меры борьбы с вредителями описаны ранее (см. [6; 8; 10–12] и др.), а с развитием науки, техники, бытовой химии в данной проблеме точка не может быть поставлена.

Литература

1. Голуб В. Б., Цуриков М. Н., Прокин А. А. Коллекции насекомых: сбор, обработка и хранение материала. – М.: КМК, 2012. – 339 с.
2. Власов Д. В. Синантропная колеоптерофауна г. Ярославля [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zin.ru/ANIMALIA/COLEOPTERA/pdf/synyar/pdf>. – Загл. с экрана.
3. Другова Е. В., Капусткин Д. В. Вредитель, недооценивать которого нельзя // Защита и карантин растений. – 2011. – Вып. 2. – С. 31–34.
4. Дьяков М. Ю. Как собрать коллекцию насекомых. – М.: Муравей, 1996. – 144 с.
5. Дымская И. Ю., Кирцидели И. Ю., Соловьева Н. Г. Методы биологического контроля и анализа в музейной работе. – СПб.: Политехника, 2015. – 66 с.
6. Жантиев Р. Д. Жуки-кожееды (семейство Dermestidae) фауны СССР. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. – 182 с.
7. Плешанова Г. И., Плешанов А. С. Практический определитель синантропных насекомых Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Ин-та геогр. СО РАН, 2006. – 72 с.
8. Полевод В. А. Проблемы консервации энтомологических коллекций в музеях: традиции и инновации // Актуальные проблемы социокультурных исследований: сб. науч. ст. по итогам Межрег. науч.-практ. конф. аспирантов и соиск. – Кемерово: КемГУКИ, 2014. – Вып. 10. – С. 314–322.
9. Проворова И. Н. Музейная энтомология как часть превентивной консервации // Музей. – 2009. – № 8. – С. 4–12.
10. Справочник-определитель карантинных и других опасных вредителей сырья, продуктов запаса и посевного материала / сост.: Я. Б. Мордкович, Е. А. Соколов. – М.: Колос, 1999. – 384 с.
11. Тоскина И. Н., Проворова И. Н. Насекомые в музеях (Биология. Профилактика заражения. Меры борьбы). – М.: КМК, 2007. – 220 с.
12. Третьяков Н. Н., Митюшев И. М. Карантинные вредители: идентификация, биология, фитосанитарные меры. – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2010. – 93 с.

References

1. Golub V.B., Tsurikov M.N., Prokin A.A. Kolleksi nasekomykh: sbor, obrabotka i khranenie materiala [Collections of insects: collection, processing and storage of the material]. Moscow, KMK Publ., 2012. 339 p. (In Russ.).
2. Vlasov D.V. Sinantropnaia koleopterofauna g. Iaroslavl'ia [Synanthropic coleopter fauna of Yaroslavl]. (In Russ.). Available at: <http://www.zin.ru/ANIMALIA/COLEOPTERA/pdf/synar/pdf>.
3. Drugova E.V., Kapustkin D.V. Vreditel', nedootsenivat' kotorogo nel'zia [The pest, which can not be underestimated]. *Zashchita i karantin rastenii [Plant Protection and Quarantine]*, 2011, no. 2, pp. 31-34. (In Russ.).
4. D'iakov M.Iu. Kak sobrat' kolleksi nasekomykh [How to assemble a collection of insects]. Moscow, Muravei Publ., 1996. 144 p. (In Russ.).
5. Dym'skaia I.Iu., Kirtsideli I.Iu., Solov'eva N.G. Metody biologicheskogo kontrolya i analiza v muzeinoi rabote [Biological control methods and analysis in Museum work]. St. Petersburg, Polytechnic Publ., 2015. 66 p. (In Russ.).
6. Zhantiev R.D. Zhuki-kozheedy (semeistvo Dermestidae) fauny SSSR [Dermestid Beetles (family Dermestidae) fauna of the USSR]. Moscow, Moscow State University Publ., 1976. 182 p. (In Russ.).
7. Pleshanova G.I., Pleshanov A.S. Prakticheskii opredelitel' sinantropnykh nasekomykh Vostochnoi Sibiri [Practical determinant of synanthropic insects of Eastern Siberia]. Irkutsk, Institute of geography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 72 p. (In Russ.).
8. Polevod V.A. Problemy konservatsii entomologicheskikh kolleksi v muzeiakh: traditsii i innovatsii [Problems of entomological collections preservation in museums: traditions and innovations]. *Aktual'nye problemy sotsiokul'turnykh issledovaniy: sb. nauch. st. po itogam Mezhhreg. nauchno-prakt. konfer. asp. i soisk. [Actual problems of social and cultural studies: coll. scientific. article on the results of the Interregional. scientific-practical. conf.]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2014, vol. 10, pp. 314-322. (In Russ.).
9. Provorova I.N. Muzeinaia entomologiya kak chast' preventivnoi konservatsii [Entomology Museum as part of the preventive conservation]. *Muzei [The museum]*, 2009, no. 8, pp. 4-12. (In Russ.).
10. Spravochnik-opredelitel' karantinnykh i drugikh opasnykh vreditel'ei syr'ia, produktov zapasa i posevnogo materiala [The Directory determinant of quarantine and other dangerous pests of raw materials, products stock and seed]. Compiled by Ia.B. Mordkovich, E.A. Sokolov. Moscow, Kolos Publ., 1999. 384 p. (In Russ.).
11. Toskina I.N., Provorova I.N. Nasekomye v muzeiakh (Biologiya. Profilaktika zarazheniya. Mery bor'by) [Insects in museums (Biology. Prevention of infection. Control measures)]. Moscow, KMK Publ., 2007. 220 p. (In Russ.).
12. Tret'iakov N.N., Mitushhev I.M. Karantinnye vrediteli: identifikatsiya, biologiya, fitosanitarnye mery [Quarantine pests: identification, biology, phytosanitary measures]. Moscow, RGAU-MSHA Publ., 2010. 93 p. (In Russ.).

УДК 008

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МУЖСКИХ ГИМНАЗИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Бегунова Екатерина Александровна, преподаватель кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: katerina.begunova@yandex.ru

В статье рассматриваются основные проблемы и факторы, связанные с развитием и организацией учебно-воспитательного процесса в мужских гимназических учреждениях на территории Западно-Сибирского учебного округа. Западно-Сибирский регион имеет свои специфические особенности, которые оказали непосредственное влияние на становление и развитие системы образования. Актуальность данной темы обусловлена тем фактором, что обращение к историческому принципу организации образовательной системы и извлечение из него опыта способствует лучшему проведению образовательных реформ на современном этапе. Необходимо отметить, что в настоящее время российские реформаторы в сфере образования сталкиваются с такими же проблемами, которые имели место в XIX – начале XX века. Актуализация вопроса о судьбе русской школы (гимназий) в процессе ее становления и развития позволяет проследить основные векторы государственной политики в сфере образования. Начиная с середины XIX века российское правительство стало постепенно приходить к выводу о том, что для развития такого богатейшего края, каким являлась Сибирь, необходимо формировать на его территории

сеть не только низших учебных заведений, но и средних, а также, учитывая специфику края, ментальность его населения, историческое и культурное прошлое вырабатывать свою систему учебного и воспитательного процесса. Постепенно с ростом сибирского населения, а также с открытием императорского Томского университета потребность населения в образовании стала возрастать, стала расширяться прослойка сибирской интеллигенции, а также увеличиваться общее количество учащейся молодежи. Молодежь является наиболее внушаемой частью населения, поэтому Российское правительство пыталось контролировать процесс образования на всех его этапах, дабы избежать «брожения умов».

Ключевые слова: Российская империя, гимназия, гимназический устав, реформа, система образования, учебный округ, Министерство народного Просвещения, учебно-воспитательный процесс.

ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE MALE GYMNASIUM INSTITUTIONS OF WESTERN SIBERIA

Begunova Catherine Aleksandrovna, Instructor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: katerina.begunova@yandex.ru

An important element of the Russian system of education is high school. The first high school institution was opened at the Academy of Sciences in the '20s of the XVIII century. In the era of Alexander I, the Gymnasium becomes an integral part of the education system in provincial cities in the Russian Empire. At the beginning of the XIX century, the public education system begins to rebuild. During the XIX century, high-school education becomes the object of attention from the sidelines as the teaching community and the state. In the XIX century in the course of reforming, the system of public education in the Russian Empire adopt and amend the statutes of educational institutions. The result of the adoption of various styles, the gymnasium Charter changes to the training and educational process. Throughout the XIX century, the Russian Empire was in constant search for the optimal system of high school education. The process of restructuring the education system in the Russian Empire was slow. It was largely due to lack of qualified personnel needed for developing the various sectors of economy. Problems of education development, including the male gymnasium, have repeatedly been the subject of research attention. Manifested political preferences can be found in the researches of pre-revolutionary and Soviet Russia. Different aspects of the chosen topic in varying degrees covered by both, pre-revolutionary and Soviet researchers. However, a significant contribution to the development of the theme was introduced by historians of the modern period. The presence of works of scientists -- representatives of different generations and eras -- makes it possible to compare the views of events by contemporaries, as well as their followers. In addition, a comparison of the views of the historians of pre-revolutionary, Soviet and contemporary with the use of archival sources makes it possible to obtain new findings.

Keywords: Russian Empire, gymnasium, gymnasium regulations, education system reform, school district, Ministry of National Education, educational process.

Учебная нагрузка мужских гимназий определялась Уставом гимназий и прогимназий 1871 года и периодически обновляемыми учебными планами. Министр народного просвещения И. Делянов, делая представление учебного плана 1890 года в Государственный совет, говорил о необходимости некоторых изменений в жизни классических гимназий и признал, что «злоупотребление классицизмом» привело к снижению роли ряда общеобразовательных предметов». Новый учебный план был утвержден 17 июня 1890 года [11, с. 46]. По поводу учебного плана 1914 года в

советской историографии отмечалось, что он был продиктован развитием капитализма, революционного движения, потому «формализм» гимназий пошел на спад, однако, если взглянуть на новую ученическую нагрузку, то мы приходим к выводу что гимназический «классицизм» притерпел изменения, но не пошел на спад. Обучение продолжалось в течение целого года, за исключением воскресных и праздничных дней и вакаций (каникул) летних и зимних, из которых на первые назначается шесть недель, а на вторые – две недели [2, с. 256]. Продолжительность урока составляла

один час (с 1865 года), один класс был ограничен 40 учащимися [1, с. 32–33].

Общий срок обучения в гимназиях составлял 8 лет, последний – 7-й класс предполагал двухгодичный срок обучения, причем преподавание в этом классе располагается так, чтобы ученики старшего и младшего его отделений были обучаемы вместе. Впрочем, в виде исключения из общего правила, отличники из учеников VII класса, по определению педагогического совета и с разрешения попечителя учебного округа, могли быть допущены и по окончании первого года учения в VII классе к окончательному испытанию из всего гимназического курса в полном его объеме, и, если они выдерживали означенное испытание с отличием, удостоивались гимназического аттестата [9].

Гимназии имели при себе «приготовительные классы», носящие функцию современных «подготовительных курсов». В подготовительный класс принимались дети в возрасте от 7 до 10 лет, знающие молитвы и умеющие читать и писать по-русски, считать до тысячи, а также производить сложение и вычитание над этими числами. Для поступления в первый класс гимназии и прогимназии требовалось знание основных утренних и вечерних молитв и важнейших библейских событий, умеющих бегло читать по-русски и по церковно-славянски, пересказывать текст, писать под диктовку, воспроизводить стихотворение наизусть, знающих первые четыре арифметических действия над целыми числами. Также необходимо было подать «прошение» на имя директора гимназии (или инспектора в четырехклассной прогимназии) и свидетельство о возрасте, звании и медицинское заключение о том, что поступающий не имеет телесных недостатков или болезней, препятствующих нахождению в общественном месте, которое делается врачами гимназии. Свидетельства об окончании четырехклассной или шестиклассной прогимназий дают право поступать в следующий класс гимназии без вступительных испытаний, в случае, если с момента окончания до момента поступления прошло не более трех месяцев, в противном случае – необходимо сдавать вступительные экзамены. Общий прием учащихся осуществляется до начала учебного года, однако, с разрешения педагогического совета, допускается прием и в течение учебного года со сдачей вступительных испытаний [3, с. 223–224].

Учащиеся, закончившие гимназический курс и выдержавшие окончательные испытания получают аттестаты, учащиеся, выбывшие ранее или закончившие курс прогимназии – получают свидетельства. И только выпускники гимназий имели право поступать в студенты университетов [3, с. 241].

Для организации качественного учебного процесса каждая гимназия должна была иметь: 1) библиотеку; 2) физический кабинет; 3) необходимые пособия по естественной истории; 4) достаточное количество географических карт и глобусов, чертежей, рисунков и моделей для рисования; 5) гимнастические снаряды; 6) музыкальные ноты. Прогимназии должны были снабжены теми же учебными пособиями, за исключением физического кабинета и химической лаборатории. В этом отношении, как уже отмечалось ранее, сибирские мужские гимназии были довольно слабо оснащены. Обязанности организации учебного процесса возлагались на директора гимназии, инспектора, педагогический совет, преподавателей и классных наставников. Педагогический совет состоял из директора гимназии, который председательствовал на нем, инспектора, преподавателей (в том числе и законоучителя), классного наставника, по усмотрению председателя мог приглашаться врач, имеющий голос наравне со всеми, сверхштатные преподаватели. Секретарем выбирался один из преподавателей, по желанию на заседаниях мог присутствовать и почетный попечитель гимназии [9].

В деле организации учебно-воспитательного процесса педагогический совет, согласно гимназическому уставу решал вопросы перевода из класса в класс, поощрения учащихся в виде наград, стипендий и освобождения от платы наиболее способных учеников, подбор пособий для пополнения кабинетов и книг для библиотеки, распределение преподавания учебных предметов по дням и часам, назначение в важнейших случаях взысканий с учащихся, выбор учебных руководств и пособий из числа одобренных министерством народного просвещения и духовным ведомством (с 1866 года начали публиковаться списки книг, приобретать которые учебным заведениям запрещалось) [11, с. 41], рассмотрение годичных отчетов по учебной и воспитательной части и распределение внеклассных занятий воспитанников пансиона и вообще устройство внутреннего в нем порядка [9].

С 1900 года педагогическим советам предоставлялось право перевода учащихся в следующие классы без экзаменов по текущим отметкам. С 1905 года вводился новый учебно-воспитательный орган внутри гимназии для улучшения контакта между школой и родителями учащихся – родительские комитеты, выбираемые на общеклассных и поклассных совещаниях [2, с. 300]. Спустя год, Министерство народного просвещения издает циркуляр «Об организации родительских комитетов», который структурировал его работу, введя массу различных бюрократических тонкостей – в вопросе о выборе председателя (с минимальным участием не менее 2/3 живущих в городе родителей и опекунов) и оговорив, что общешкольный родительский комитет должен выбираться по классам, не более трех человек от каждого класса [11, с. 219].

Обязанность следить за соблюдением правил возлагалась на директора гимназии или инспектора прогимназии. Инспектор гимназии являлся помощником директора по учебной и воспитательной части и в случае его отсутствия должен замещать его. Директор и (или) инспектор могут также выступать и в качестве преподавателей. Один и тот же преподаватель, с разрешения попечителя учебного округа, может вести несколько различных предметов одновременно, также как один и тот же предмет может быть разделен между несколькими преподавателями [3, с. 228–230].

«Нравственным воспитанием» учащихся и их учебной успеваемостью также должен был заниматься классный наставник – по одному на каждый класс, выбирался он из учителей [3, с. 231–232], он же должен был организовывать репетиторство для отстающих учащихся, привлекая репетиторов из числа старшеклассников, а также сообщать родителям об успеваемости и поведении гимназистов [11, с. 128]. Аналогичные функции нравственного воспитания, только уже в пансионах, были возложены на воспитателей. Они могли быть назначены не только из числа преподавателей, но и из любого «угодного» директору или инспектору гимназии. При пансионе находилась церковь, заведование которой возлагалось на законоучителя [3, с. 239].

К гимназистам предъявлялись определенные правила и нормы поведения – во-первых, все учащиеся должны иметь одинаковую форму. Так, согласно уставу, одежду учеников в гимна-

зии и прогимназии составляют: полукафтан из темно-синего сукна, однобортный, не доходящий до колен, застегивающийся на 9 посеребренных гладких выпуклых пуговиц, с четырьмя такими же пуговицами сзади по концам карманных клапанов, воротник (скошенный) и обшлага прямые одного сукна с мундиром, по верху воротника нашитый узкий серебряный галун, а у обшлагов, где разрез, по две малые пуговицы. Шаровары из темно-серого сукна. Пальто из серого сукна, двубортное офицерского образца; пуговицы такие же, как на мундире; петлицы на воротнике одинакового с полукафтаном сукна с белой выпушкой и с пуговицею. Шапка из одинакового с полукафтаном сукна, по образцу военных кепи, с белыми выпушками вокруг тульи и верхнего края околышка. На околышке, над козырьком, жестяной посеребренный знак, состоящий из двух лавровых листьев, перекрещивающихся стеблями, между коими помещены прописные заглавные буквы названия города и гимназии или прогимназии с их номером, где такой есть, например: Томская вторая гимназия. Сверх названного дозволяется носить: башлык из верблюжьего сукна без галуна, и шинель из серого сукна, по образцу военных, с воротником того же сукна, но без клапанов (петличек) [9].

Помимо формы учащимся предписывались определенные правила и нормы поведения, регламентирующие поведение гимназистов как внутри учебного заведения, так и вне него. Правила поведения разделились на несколько групп. Первая группа касалась религиозных обязанностей (распространялись только на учащихся православной веры), сюда входили: посещение церкви в воскресные и праздничные дни, а также накануне них, общественное богослужение, ежегодно в страстную неделю бывать на исповеди и у святого причастия, подобающим образом вести себя в храме, участвующим в церковном хоре – появляться в назначенное время для спевки.

Ко второй группе относились правила относительно учения, суть которых сводится к неукоснительному посещению всех уроков, не пропускать их без уважительной причины, не уходить с занятий без разрешения директора или инспектора, на уроки необходимо приходить подготовленными, со всем необходимым учебным оборудованием (книги, тетради и т. п.) и занимать свое место за учебным столом, по окончании уроков

один из учащихся (по очереди) читает молитву, помимо того, учащийся, не явившийся в срок после каникул в гимназию, считался выбывшим из нее – педагогический совет решал принимать его вновь или нет.

Третья группа правил заключалась в отношении к начальникам и наставникам, суть которых сводилась к оказанию высокого почтения начальникам как в стенах учебного заведения, так и вне него. В классе это – вставать с мест при входе начальника или наставника, вне него – вежливый поклон. Наставников и начальников необходимо было именовать только по имени и отчеству. Учащимся рекомендовалось быть предельно искренними с наставниками, оказывать им полное доверие.

Четвертая группа правил касалась обязанностей учащихся по отношению друг к другу. Запрещались ссоры, драки и брань, приносить с собой книги, не относящиеся к учебе, создавать и вступать в различного рода общества с посторонними людьми, а также различного рода игры на деньги и продажу каких-либо предметов как друг другу, так и посторонним лицам.

Пятая группа правил относилась к образу жизни учащихся. Запрещалось посещение театральных пьес «сомнительного» нравственного содержания, а также посещение различных маскарадов, клубов, трактиров, кондитерских и т. п., с целью сосредоточения внимания учащихся только на учебе.

Шестая группа правил – «О соблюдении порядка и приличия вне стен учебного заведения», устанавливала ношение одежды установленной формы вне учебных заведений, причем, выбывшие из гимназии, должны были снять со своего гимназического платья металлические пуговицы и носить без позумента, запрещалось ношение бороды, длинных волос и излишних украшений. А также запрещалось толпиться и «идти гурьбой», при встрече с императором и членами императорской фамилии ученики обязаны останавливаться и снимать кепи, а при встрече с Министром народного просвещения и его товарищем, почитателем учебного округа и его помощником, а также с губернаторами и архиереями ученики обязаны отдавать им должное почтение.

Седьмая группа правил – «О дежурных по классам». Классный наставник ежедневно назначал дежурного (одного или двух) по классу из числа лучших учеников, дежурные были обязаны

наблюдать за внешним порядком в классе, как-то: за содержанием в чистоте полов, стен, подоконников, за сохранность мебели и классных принадлежностей (географических карт, глобусов и т. д.), за чистотой классных досок, за наличием мела и губки. Также дежурные сообщают классному наставнику и другим преподавателям об отсутствующих своих товарищах.

Заключительная, восьмая группа правил посвящена ученическим квартирам и квартирным дежурным. Так, на одной ученической квартире могло размещаться не более 15 учащихся, переход из одной квартиры в другую не допускается без уважительной причины. На одного воспитателя приходится 15 воспитанников. Надзор за ними осуществляет либо квартиросодержатель, либо воспитатель. В каждой квартире должен быть перенумерованный журнал со скрепою инспектора, в который вносятся отлучки учеников с квартиры, отсутствие их на занятиях, с указанием причины, а также проступки учеников в течение дня. В этом же журнале записываются все замечания посетителей квартиры, а также распоряжения директора, инспектора, преподавателей и помощников классных наставников и наказания, назначенные ученикам учебным начальством за их проступки в квартире. Главный надзор за ученическими квартирами лежит на инспекторе гимназии. Ежедневно в ученической квартире присутствует дежурный из лучших учеников старших классов для осуществления нравственного наблюдения. В случае нарушения дисциплины необходимо было сообщать об этом директору или инспектору гимназии [6, с. 36–42].

Учащимся, живущим на ученических квартирах, необходимо было придерживаться определенного распорядка дня, с обязательными утренними и вечерними молитвами. Категорически воспрещалось нахождение посторонних лиц в ученической квартире. В случае непослушания к учащимся применялись различного рода «взыскания». Взысканиям может быть подвергнут как один учащийся, так и весь класс, в случае укрытия ими виновного [6, с. 41–42].

Взыскания разделились на два вида: 1) взыскания словом и 2) взыскания действием.

К первым относились: 1) порицание, относящееся к отдельному поступку; 2) выговор без дальнейших последствий; 3) выговор, соединенный с угрозой дальнейших взысканий в случае

неисправления. Ко второй категории взысканий относились: выговоры преподавателя наедине или перед всем классом, а также выговор с угрозой дальнейшего взыскания, стояние ученика в классе продолжительное время или одиночное сидение в течение нескольких уроков, сообщение о проступке классному наставнику или инспектору с занесением в специальный штрафной журнал, дополнительные задания на дом в том числе в выходные и праздничные дни с сообщением о проступках родителям учащихся. В случае безуспешности названных мер, применялись и более суровые – выговор инспектора или директора наедине или перед всем классом с заключением в карцер на определенное время с назначением письменной работы, с сообщением об этом родителям. Содержание в карцере только на хлебе и воде. К самой крайней мере применялись еще более жесткие взыскания: выговор от педагогического совета, удаление из гимназии с правом поступления в другие учебные заведения того же города или нет. Самая крайняя мера взыскания – исключение из гимназии или прогимназии с оповещением об этом всех учебных начальств и с лишением права поступить в какое-либо учебное заведение. Целый класс может быть подвергнут выговору с понижением отметки за поведение у всех учащихся, а также возможно лишение всех привилегий, которыми пользовался класс, вплоть до лишения стипендий и освобождения от платы за обучение [7, с. 43–45].

Однако же пояснялось, что сами по себе педагоги должны являться примером достойного поведения, воспитывая учащихся в духе смирения и трудолюбия. Для этого рекомендовалось, чтобы каждый учебный день начинался с общей для всех учеников молитвой, для чего все ученики во главе с директором или инспектором, а также, по возможности, тех из учителей, уроки коих приходились на первый час, собираться в зале, и хор учеников пел молитву: «Царю небесный», или, от пасхи до вознесенья – «Христос воскрес»; затем законоучитель или, в случае его отсутствия, директор, инспектор или кто-либо из преподавателей, по собственному желанию, читал некоторое число стихов из евангелия, и, наконец, один из старших учеников читал молитву перед учением [4, с. 46]. Аналогичные обращения к педагогам по поддержанию дисциплины в учебных заведениях, главным образом за счет

собственного примера неоднократно выходило от Министерства народного просвещения, отмечая надобность расширения круга этических умозаключений учащихся [5, с. 265]. Самое распространенное нарушение, за которое чаще всего и применялись различные взыскания в гимназиях Западной Сибири – это неношение формы [11, с. 148]. Для учащихся, проживающих в пансионе, также устанавливались различного рода взыскания – от лишения обеда до удаления из пансиона навсегда.

По сути, все взыскания строились по указанной в правилах формуле: «Леность наказывается принудительною работою, излишняя болтливость или неуживчивость – удалением от товарищей, высокомерие – унижением, ложь – недоверием, необузданность, грубое непокорство или проявление злости – заключением в карцер на хлеб и воду и даже удалением из учебного заведения в более или менее тяжком его виде и т. д.» [7, с. 45–46].

Педагоги и общественные деятели не раз указывали на недостатки российского среднего образования. Первое, на что обращали внимание общественности – это то, что среднее образование дает учащемуся только знакомство с общеобразовательными предметами, технических же, специальных предметов он не знает совершенно, и потому, проучившись 8 или 7 лет, он чувствует, что приобретенные познания он не может совершенно применить к жизни.

Также педагоги отмечали чрезмерную загруженность учащихся, в публицистике много писалось о чрезмерном переутомлении учащихся, собравшиеся съезды врачей в Санкт-Петербурге и в Москве в 1885 и 1887 годах соответственно пришли к выводу, что количество гимназистов, страдающих хроническими головными болями увеличивалось вместе с возрастом и доходило до 28–40 % в возрасте от 14 до 18 лет [1, с. 77].

Во взаимосвязи с этой проблемой отмечается и ряд других: преобладание материала, требующего механического запоминания и заучивания, тяжелый, трудный для восприятия язык школьных учебников [11, с. 108]. Д. И. Менделеев отмечал, что для учения в гимназиях совершенно достаточно 6 лет (см. [3, с. 443]), а В. Я. Стоюнин предписывал две вины гимназиям: одна вина – та, что они не умели готовить людей к жизни, сообщая им какие-то познания, которые в жизни не идут

к делу и быстро забываются не умели развивать гражданских доблестей, чтобы доставлять обществу добросовестных граждан. Другая вина – та, что они присылали в университеты слушателей с ограниченными познаниями, так что университеты рисковали сделаться «школами для недоучек!» (см. [3, с. 72–73]).

Первая русская революция и дальнейшее капиталистическое развитие России не привнесло никаких качественно новых изменений в жизнь мужских гимназий Западной Сибири, но, одновременно с этим, были все же введены некоторые изменения. Отметим основные:

1. Сокращение различий в программах между классическими гимназиями и реальными училищами [11, с. 149], за исключением древних языков в одном случае и технических предметов в другом, различий практически нет. Таким образом, по сути, был сделан важный шаг по преобразованию различных средних учебных заведений в общеобразовательную среднюю школу.

2. В то же время проект Игнатьева не был принят в полной мере и несмотря на изменения в программах учебных курсов, по сути, как отмечает Ф. Ф. Шамахов, продолжали действовать старые программные установки [11, с. 151].

3. Определенные изменения коснулись и родительских комитетов: 1 сентября 1915 года. Игнатьев издал циркуляр о родительских комитетах при средних учебных заведениях. Согласно этому циркуляру общее родительское собрание считалось состоявшимся при наличии на нем 1/3 общего числа родителей, живущих в городе, где расположено учебное заведение. 30 ноября последовал новый циркуляр, отменяющий порядок утверждения попечителем учебного округа всех лиц, избранных в состав родительского комитета, за исключением председателя [11, с. 176].

4. 1915 год – введение уроков военного дела в старших классах гимназий и реальных училищ [11, с. 182]. Вызванное вполне объективными причинами – участием России в Первой мировой войне.

Рассматривая организацию учебно-воспитательного процесса мужских гимназий Западно-Сибирского учебного округа, важно отметить, что она не имела каких-либо характерных отличительных черт. Ф. Ф. Шамахов отмечает, что школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX века **нельзя рассматривать как нечто совершенно особое, отличное от школ Европейской России** [11, с. 502].

Литература

1. Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы России во второй половине XIX века. – М.: Учпедгиз, 1954. – 301 с.
2. Константинов Н. А. История педагогики. – М.: Просвещение, 1974. – 447 с.
3. Антология педагогической мысли России XIX – начало XX века. – М.: Педагогика, 1990. – 560 с.
4. Объяснительная записка к правилам для учеников и к правилам о взысканиях // Хрестоматия по истории педагогики: в 4 т. / под ред. С. А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. – Т. 4. – 526 с.
5. О мерах к поддержанию дисциплины в учебных заведениях. Циркуляр Министерства народного просвещения 23 июля 1903 года // Хрестоматия по истории педагогики: в 4 т. / под ред. С. А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. – Т. 4. – 526 с.
6. Правила для учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения // Хрестоматия по истории педагогики: в 4 т. / под ред. С. А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. – Т. 4. – 526 с.
7. Правила о взысканиях (1874 год) // Хрестоматия по истории педагогики: в 4 т. / под ред. С. А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. – Т. 4. – 526 с.
8. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения [Электронный ресурс] // Полн. собр. зак. Рос. империи (ПСЗРИ). – Собр. 2: (1825–1881). – Т. 46. – Закон № 49860. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=85&part=963
9. Шамахов Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX века (анализ статистических данных) // Ученые записки ТГПУ. – Томск, 1955. – Т. XIII. – С. 393–510.
10. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. – Томск: Изд-во ТГУ, 1957. – 271 с.
11. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1905 – февраль 1917 года). – Томск: Изд-во ТГУ, 1966. – 196 с.
12. Юрцовский Н. С. Очерки по истории Просвещения в Сибири. – Новониколаевск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. – Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири. – 256 с.

References

1. Ganelin Sh.I. Ocherki po istorii srednei shkoly Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Essays on the history of high school of Russia in the second half of the XIX century]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 301 p. (In Russ.).
2. Konstantinov N.A. Istoriia pedagogiki [History of Education]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 447 p. (In Russ.).
3. Antologiya pedagogicheskoi mysly Rossii XIX - nachalo XX veka. [Anthology of educational thought Russia XIX - early XX century]. Moscow, Pedagogika Publ., 1990. 560 p. (In Russ.).
4. Ob''iasnitel'naia zapiska k pravilam dlia uchenikov i k pravilam o vzyyskaniiaxh [The explanatory note to the rules for the students and for the rules on penalties]. *Khrestomatiia po istorii pedagogiki [Readings on the history of education]*. Ed. S.A. Kamenev. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1936, vol. 4. 526 p. (In Russ.).
5. O merakh k podderzhaniiu distsipliny v uchebnykh zavedeniiaxh. Tsirkul'ar Ministerstva narodnogo prosveshcheniia 23 iul'a 1903 goda [Measures to maintain discipline in schools. Circular of the Ministry of Education July 23, 1903]. *Khrestomatiia po istorii pedagogiki [Readings on the history of education]*. Ed. S.A. Kamenev. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1936, vol. 4. 526 p. (In Russ.).
6. Pravila dlia uchenikov gimnazii i progimnazii Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Rules for the pupils of gymnasiums and Progymnasiums Ministry of Education]. *Khrestomatiia po istorii pedagogiki [Readings on the history of education]*. Ed. S.A. Kamenev. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1936, vol. 4. 526 p. (In Russ.).
7. Pravila o vzyyskani'akh (1874) [The rules on recovery (1874)]. *Khrestomatiia po istorii pedagogiki [Readings on the history of education]*. Ed. S.A. Kamenev. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1936, vol. 4. 526 p. (In Russ.).
8. Ustav gimnazii i progimnazii vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Charter high schools and departments Progymnasiums Ministry of Education]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZRI). Sobranie 2. (1825-1881) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRI). Meeting 2: (1825-1881)]*, vol. 46, no. 49860. (In Russ.). Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=85&part=963 (accessed 21.11.2015).
9. Shamakhov F.F. Dinamika razvitiia obshcheobrazovatel'noi shkoly Zapadnoi Sibiri v kontse XIX - nachale XX veka (analiz statisticheskikh dannykh) [The dynamics of the secondary school in Western Siberia in the late XIX - early XX centuries (analysis of statistical data)]. *Uchenie zapiski TGPU [Scientific notes TSPU]*. Томск, 1955, vol. XIII, pp. 393-510. (In Russ.).
10. Shamakhov F.F. Shkola Zapadnoi Sibiri v kontse XIX - nachale XX veka [School of Western Siberia in the late XIX - early XX centuries]. Tomsk, TGU Publ., 1957. 271 p. (In Russ.).
11. Shamakhov F.F. Shkola Zapadnoi Sibiri mezhdum dvumia burzhuazno-demokraticeskimi revoliutsiiami (1905 - fevral' 1917 goda) [School of Western Siberia between bourgeois-democratic revolution (1905 - February 1917)]. Tomsk, TGU Publ., 1966. 196 p. (In Russ.).
12. Iurtsovskii N.S. Ocherki po istorii Prosveshcheniia v Sibiri. Vypusk 1. Obshchii khod razvitiia shkol'nogo dela v Sibiri [Essays on the History of Education in Siberia. Issue 1. The general course of the development of education in Siberia]. Novonikolaevsk, Sibirskoe Oblastnoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1923. 256 p. (In Russ.).

УДК 316.723

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ СУБКУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Библиева Оксана Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: oxanabi@mail.ru

В статье рассматриваются особенности речевой субкультуры студентов Кемеровского государственного института культуры различных специализаций и направлений обучения. Цель данного исследования состоит в определении особенностей и тенденций развития речевой субкультуры студентов высшего учебного заведения. В качестве метода исследования данного явления было выбрано анкетирование. В ходе исследования приводится анализ языковой анкеты, проведенный среди студентов 1–5-го курсов неязыкового вуза. В данном анкетировании участвовало 100 информантов. Представленная анкета содержит ряд понятий, относящихся к темам «Университет», «Учеба» и «Повседнев-

ная жизнь». Выявлено два стимула в процессе формирования новых лексических единиц: семантико-номинационный и прагматический. Определено, что способами образования новых лексических единиц в речевой субкультуре студента являются те же способы словообразования, которые характерны для всего языка в целом: метафоризация, заимствования и морфологическое словообразование. Подчеркивается, что в студенческой среде происходит формирование «своей речевой субкультуры», которая становится воплощением стереотипов речевого поведения и речевых шаблонов, характерных для конкретной референтной группы, в данном случае студентов вуза.

Ключевые слова: речевая субкультура, студент, референтная микрогруппа, языковая личность, молодежный сленг.

FEATURES OF SPEECH SUBCULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS

Biblieva Oksana Vladimirovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oxanabi@mail.ru

The article considers the peculiarities of speech subculture of students of Kemerovo state University of culture of different specializations and fields of study. The purpose of this study is to determine the characteristics and trends of development of speech subculture of University students. As a method of research of this phenomenon was chosen anonymous questionnaire. The study provides an analysis of the language of the questionnaire conducted among students of 1–5 courses in non-linguistic University. This survey involved 100 informants. Presents the questionnaire contains a number of concepts related to themes “University”, “Education” and “Everyday life” The analysis of the questionnaires given in the table, shows how a widely used, particular words in speech student subculture. Speech subculture is considered in this article as a means of separation of different social groups from each other. The ambivalence of the student as a language personality affects his idiolect. The term therefore includes the various forms of the national speech of literary or standard language, spoken language and various group jargons. Identified two stimuli in the process of formation of new lexical units: semantic – nominating and pragmatic approach. It was determined that the ways of formation of new units in the speech student subculture are those same ways that characterize the entire language in general: metaphorization, borrowing and morphological word-formation. It is emphasized that there is a formation of speech-oriented subcultures, which becomes the embodiment of stereotypes of speech behavior and speech patterns characteristic to a particular reference group, in this case University students.

Keywords: speech subculture, student reference meant, linguistic personality, youth slang.

Обучение в вузе является одним из наиболее важных этапов в жизни молодых людей. Молодые люди вступают в новые для них социальные микрогруппы, внутри которых происходит взаимодействие среди ее членов со своей системой ценностей и со своим языком. Неправильно говорить о том, что на этапе студенчества идет зарождение нового речевого поведения, так как молодой человек, придя в вуз уже имеет за плечами опыт общения среди сверстников, в семье, среди друзей и обладает определенным «багажом» речевой культуры. Этот период точнее определить, как период формирования нового «пласта» речевой культуры индивидуума. Став студентами, молодые люди попадают в новые социальные микрогруппы, в

которых принято определенное речевое поведение. Такие малые социальные микрогруппы Л. П. Крысин называет «референтными» [3]. Как показывает опыт, референтными группами для студента являются: круг сокурсников, друзей либо тех, с кем он связан общими интересами (учеба, спорт, музыка и т. д.).

Общаясь в кругу друзей, сокурсников, студент переключается на другой речевой код, порой понятный только данной референтной группе людей. Будучи субкультурной общностью, студенчество имеет свое так называемое пространство, в котором приняты свои модели поведения, использование кодовых слов, а также стереотипы речевого поведения, которые можно обозначить

как студенческая речевая субкультура. В соответствии с коммуникативными задачами, с реальными коммуникативными ситуациями, а также с речевыми требованиями отдельных социальных микрогрупп используются различные средства (литературный язык, разговорная речь просторечие, сленг, жаргон).

Студенческая речевая субкультура несет в себе несколько функций, но важнейшими по мнению многих исследователей являются: репрезентативная и коммуникативная [1]. При помощи данных функций, во-первых, происходит интеграция студенческой молодежи в новую социальную микрогруппу и определение в ней своего места; во-вторых, определяется роль индивидуума в данной социальной микрогруппе, а передача и понимание информации уже является второстепенными и выступают как средства достижения данной цели.

В данной статье мы представляем исследование речи студентов 1–5-го курсов неязыкового вуза различных специализаций и направлений.

Нами была разработана анкета, в которой представлен ряд понятий, связанных с темами «Университет», «Учеба», а также в данную анкету включены понятия, связанные с повседневной жизнью студента. Референтам предлагалось «перевести» данные понятия с нормативного языка на студенческий язык. Колонка в анкете была обозначена как «Речевая субкультура». Перед анкетированием студентам было дано устное разъяснение, что понимать под дефиницией студенческая речевая субкультура. В нашем опросе участвовало 100 референтов.

Анализ анкеты содержит две колонки:

- в первой колонке представлены слова из нормативного языка;
- во второй – слова, которыми пользуются студенты в кругу своих референтных групп. Число, стоящее рядом с употребляемым словом, указывает на количество референтов, которые используют его в повседневной речи.

Итак, подведем итоги нашего анкетирования и приведем примеры из анкет референтов:

Нормативный язык	Студенческая речевая субкультура
Стипендия	стипуха (35), степуха (25), Стёпа (17), стипешка (9), степушка (4), зарплата (4), мана небесная (3), пенсия (2), дивиденды (1)
Общежитие	Общага (45), общажка 43, общажная (7) клоповник (3), дом (2)
Университет	Универ (56), уник (4), шарага (4), вуз (20), институт (13), паства (2)
Преподаватель	Препод (60), называют по фамилии преподавателя (30), педагогиня (2), педагог (2), щегол (5), наставник (1)
Лекция	Писанина (42), пара (30), обзорка (10), обзор (10), лекция (4), теория (4)
Семинар	Пара (12), Сёма (44), семак (25), допрос (7), болтовня (6), семинар (6)
Сессия	Стрессия (54), ад (1), неделя х (2), жесь (19), суд (9), выживание, экзамены (10), мучение (2), кара божья (2), армагедон (1)
Зачетная книжка	Зачетка (80), книженция (12), зачетная книжка (8).
Каникулы	Каникулы (35), отдых (23), отпуск (15), расслабон (10), выходные (11), кулы (6)
Студенческий билет	Студик (44), студак (43), студень (7), студенческий (4), билет (2)
Одноруппник	Товарищ (25), сокамерник (22), сотрудник (20), коллега (18), сокурс (9), единоверец (5), обезьяна (1)
Курсовая работа	Курсач (75), курсовик (23), курсовая (2)
Деньги	бабло (30), бабосы (24), бабки (23), денежки (10), нал (3), финансы (3), валюта (2), филки (2), карманные (2), серебрянники (1)
Парень	Поцик (43), поцак (38), чувак (6), мэн (5), бой (4), парниша (2), тип (2)
Девушка	Девчуна (17), girl (17), чикуня (15), деваха (12), бейба (11), телка (10), душенька (10), монами (3), чувишка (3), дева (2)
Компьютер	ноут (54), бук (30), комп (10), машина (2), РС (2), железо (1), беговья шарманка (1)
Хорошо	о'кей (26), круто (15), четко (12), ок (11), клево (10), зачетно (8), супер (6), отличненько (5), четенько (4), норм (3)
Плохо	Печалька (64), беспонтово (12), грусть (7), отстой (6), ужасно (5), фигово (3), капец (3)

С одной стороны, речевая субкультура – это выражение коллективного мироощущения. Используя в своей речи определенные понятия, индивидум бессознательно причисляет себя к конкретной социальной группе, коллективу; «это мирозерцание связано с народной смеховой философией, основанной на радостном, веселом восприятии мира. Поэтому, попадая в бурлящий котел народного речетворчества, осколки текстов обретают в нем животворный смеховой привкус» [8]. С другой стороны, речевая субкультура становится средством обособления конкретной референтной/ социальной микрогруппы от других групп, так как для каждой такой микрогруппы характерны свои речевые коды, свое речевое поведение.

Разумеется, студент является одновременно и носителем индивидуальной формы речи (идиолекта), отражающей его социальное, этническое и территориальное происхождение, а также уровень его образования и культуры и т. д. В этом случае студент как языковая личность является «обычным» носителем русского языка и соответствующим объектом изучения. Такая амбивалентность студента как языковой личности обусловила определенные свойства его идиолекта, который включает в себя элементы разных форм русской национальной речи: литературный (нормативный) язык, более или менее соответствующий его нормам, устная разговорная речь, групповые жаргоны и т. п. Не следует забывать, что студенческую среду формируют молодые люди, вышедшие из семей с различными формами речевого поведения, таким образом, уже сформированное ранее речевое поведение проецируется на другие сферы коммуникативного общения. Особая характеристика речевого портрета современного студента – владение им студенческим (молодежным) сленгом [7]. Под сленгом/жаргоном в данной статье понимается присущий данному кругу молодых людей «определенный набор лексики, используемый в основном в общении со сверстниками, являющийся одновременно кодом для вхождения в данную субкультуру и маркером, определяющим отношение молодых людей к этой субкультуре» [2, с. 90].

По результатам анализа данных анкет выявлено, что спектр представленной лексики доста-

точно широк: студенты используют в своей речи не только сленгизмы/жаргонизмы, но и регионализмы, а также заимствования из других языков (бейба, гёл, мэн и т. д.) [5].

Проанализировав лексику, которая представлена во второй колонке анкеты, мы проследили общую тенденцию появления новых слов. По словам доктора филологических наук Химики Василия Васильевича, существует два стимула создания таких новых слов: первый стимул семантико- номинативный, второй – прагматический [6]. Например, *бабло* или *бабосы* (деньги), для данного примера характерен семантико-номинативный стимул, проявляющийся в том, что создается какое-то новое понятие, названия или номинации, которые соответствуют групповому представлению о данном явлении или предмете.

Рассмотрим еще один пример, но уже относящийся ко второму стимулу, прагматическому: *Общежитие* – общажка или *студенческий билет* – студень. Данный пример показывает уже не что говорится, а как произносится, речь идет об эмоциональном аспекте говорящего: иногда это чувство иронии или комичности.

Образование новых слов осуществляется следующими способами: заимствования из других языков, метафора и морфологическое словообразование. Все эти способы присутствуют и в языке в целом, но в студенческой речевой субкультуре они отличаются рядом особенностей. Не всегда каждый из способов представлен в чистом виде: заимствования могут сочетаться с морфологическим словообразованием либо с метафоризацией. Используя смешение данных способов, достигается наибольшая ирония, например, *стрессия* (сессия) *книженция* (зачетная книжка), – в данном случае задействовано два способа, такие как метафоризация и морфологическое словообразование, либо *бейба* (девушка) заимствование и морфологическое словообразование. Заимствование уже не является таким обширным способом образования новых лексических единиц, как в 90-е годы XX века. Каждое поколение создает свою речевую субкультуру, которая подвержена «языковой моде». Интересен тот факт, что студенты используют в своей речи имена собственные, например, *Стёпа* (стипендия), *Сёма* (семинар), скорее всего, это связано с юмором и иронией. Такую речевую практику

можно считать укоренившейся и характерной для выражения иронии или проявления недоброго юмора. Очень часто можно услышать от студентов категорию слов, образованную при помощи аффиксального способа, а именно *четенько, отличненько* (хорошо). Продуктами речевой субкультуры являются не только отдельные лексические единицы, но и пословицы, прецедентные тексты, фразеологизмы и т. д.

В заключение следует отметить, что речевая субкультура студента показывает различные

характеристики его языковой личности, которые связаны, в первую очередь, с восприятием новых явлений в студенческой среде, с возникающими коммуникативными ситуациями и межличностными отношениями во вновь созданных референтных группах. Кроме того, происходит формирование «своего лексикона», служащего воплощением стереотипов речевого поведения и речевых шаблонов, характерных для конкретной референтной группы, в данном случае студентов института культуры.

Литература

1. Актуальные проблемы молодежной субкультуры: сб. ст. / под общ. ред. О. К. Поздняковой. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2010. – Т. 4. – 281 с.
2. Библиева О. В. Лингвокультурологические особенности репрезентации языка молодежной культуры в средствах массовой информации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Кемерово, 2008. – 179 с.
3. Крысин Л. П. Кодовое переключение как одна из форм языкового варьирования // Языковая вариативность: сб. науч. тр. – Красноярск: КГПУ, 1998. – С. 16–25.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2001. – 702 с.
6. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. – 272 с.
7. Шарифуллин Б. Я. Речевой портрет современного студента: первое приближение // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2005. – Вып. 7. – С. 108–114.
8. Языковая личность и речевая субкультура [Электронный ресурс]. – URL: http://studopedia.net/14_58225_yazikovaya-lichnost-i-rechevaya-subkultura.html (дата обращения: 30.05.2015).

Referenses

1. Aktual'nye problemy molodezhnoi subkul'tury [Actual problems of youth subcultures]. Moscow, Moscow Psycho-Social Institute Publ., 2010, vol. 4. 281 p. (In Russ.).
2. Biblieva O.V. Lingvokul'turologicheskie osobennosti reprezentatsii iazyka molodezhnoi kul'tury v sredstvakh massovoi informatsii. Diss. kand. kul'turologii [Lingvocultural features of language representation of youth culture in the media. Diss PhD in culturology]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2008. 179 p. (In Russ.).
3. Krysin L.P. Kodovoe perekliuchenie kak odna iz form iazykovogo var'irovaniia [Code switching as a form of linguistic variation]. Izykovaia variativnost'. Sbornik nauchnykh trudov [Language variation. Proc.]. Krasnoyarsk, KGPU Publ., 1998, pp. 16-25. (In Russ.).
4. Mechkovskaia N.B. Sotsial'naia lingvistika [Social Linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 207 p. (In Russ.).
5. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoi slovar' russkogo zhargona [A large dictionary of Russian slang]. St. Petersburg, Norint Publ., 2001. 702 p. (In Russ.).
6. Khimik V.V. Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen [The poetics of low, or the vernacular as a cultural phenomenon]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Publ., 2000. 272 p. (In Russ.).
7. Sharifullin B. Ia. Rechevoi portret sovremennogo studenta: pervoe priblizhenie [Verbal portrait of the modern student: first approximation]. Lingvisticheskii ezhegodnik Sibiri [Linguistic Yearbook Siberia]. Krasnoyarsk, 2005, vol. 7, pp. 108-114. (In Russ.).
8. Iazykovaia lichnost' i rechevaia subkul'tura [Linguistic personality and speech subculture]. (In Russ.). Available at: http://studopedia.net/14_58225_yazikovaya-lichnost-i-rechevaya-subkultura.html (accessed 30.05.2015).

ЖУРНАЛИСТИКА НА СТЫКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГЛЭМ-КУЛЬТУР ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Деревцова Елена Анатольевна, соискатель, Кемеровский государственный институт культуры, шеф-редактор ГТРК «Кузбасс» (г. Кемерово, РФ). E-mail: derevtzova@mail.ru

В условиях эскалации информационных и конкурентных войн журналистика играет все более важную роль в переформатировании новой культуры управляемого информационного общества. В теории, реализуя концепцию «общественного служения», журналистика адекватно выполняет свою функцию лишь при *первичности факта и информации*, что позволяет в идеальной модели объективно показать совокупность общественных отношений. В условиях информационных войн и глэм-капитализма журналистика как инструмент политической и конкурентной борьбы эксплуатируется в интересах заинтересованных групп влияния в манипулятивных целях, а современный журналист превращается в «солдата» информационных войн, формируя у населения мобилизационный тип культуры, который запрограммировано реагирует на «вбросы», в новой мобилизационной журналистской этике заменяющие факт. Отсутствие ответственности за «вбросы» в совокупности с «менеджерским» подходом, стимулирующим виртуальное «производство сенсаций» и идеалов глэм-культуры, делает современную журналистику средством не утверждения культурных стандартов, а, скорее, их разрушения, формирования клипового мышления или политической абстиненции.

Таким образом, современная журналистика все дальше уходит как от гуманистических идеалов мировой культуры, так и своих принципов, заложенных в корпоративном кодексе, ориентируясь на ангажированное формирование контентно-клиповой культуры в рамках гламурной журналистики и политической манипуляции.

Ключевые слова: журналистика, глэм-капитализм, информационные войны.

JOURNALISM AT THE CROSSROADS OF POLITICAL AND GLAM CULTURES OF INFORMATION SOCIETY

Derevtzova Elena Anatolievna, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture, Editor-in-Chief of STRC "Kuzbass" (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: derevtzova@mail.ru

Sharp escalation of geopolitical tensions, negative economic shocks increase the role of journalism in the implementation of information policy, formation of system of articulating the interests and needs of social groups. As an element of political organization, journalism has a number of institutional components and generate (as part of social control) regulatory components of the political system. Modern journalism, keeping the continuity of the humanistic ideals of world culture, forms of content-video culture of the information society, defined by two underlying trends: glamorous journalism and political manipulation of the media. Developed glam-capitalism in the framework of the information society can be seen as a socio-economic formation, in a system reproducing the customer value (the essence of glam culture) in the context of global marketization. Working actively in the space of United Europe, one culture exposes an individual to averaging, it loses its identity and authenticity, the former needs, motives and goals are reduced to a single aggregate total will that distorts the human nature. In such circumstances, the journalism of fact is not in demand, it shall be replaced by a journalism of opinion generating the ideologies, and is considered to be journalism. In the conditions of information warfare and glam-capitalism, journalism as an instrument of political and competition is operated in interests of the groups that influence in manipulative purposes, and a journalist turns into a "soldier" of information warfare, shaping the population's mobilization type of culture,

which responds to the programmed “stuffing”, the new mobilization journalistic ethics replaces the fact. The lack of accountability for “stuffing” together with “managerial” approach, enabling virtual “manufacture of sensations” and the ideals of glam culture that makes modern journalism means not claims to cultural standards, but rather their destruction, the formation of clip thinking or political abstinence. The escalation of information wars and competitive journalism is playing an increasingly important role in the reformation of a new culture of managed information society.

Keywords: journalism, glam-capitalism, information warfare.

В современной литературе встречаются явно идеалистические положения о *принципиальных отличиях* журналистики от иных типов информационной деятельности, состоящих в том, что журналистика: 1) объективна; 2) самостоятельно не создает информационных поводов; 3) всегда идет только за фактом [3, с. 8]. На практике, в условиях информационных войн и коммерческой ангажированности СМИ, данные положения, скорее, превратились в свои противоположности, которые, как это ни противоречиво звучит, также востребованы обществом. Современная журналистика, все реже и реже соблюдает предметность гуманистических идеалов мировой культуры, участвуя в формировании культуры информационного общества, которая складывается под влиянием двух базовых направлений: гламурной журналистики и политической манипуляции СМИ. И то и другое используется заинтересованными группами для формирования и моделирования массового сознания в своих экономических и политических интересах, а соответственно, и внедрения максимально широкими социальными группами заданных моделей поведения, идеологии (культуры, этики, морали, эстетики), путей развития, которые эти группы под воздействием манипулятивных технологий уже считают своим естественным суверенным выбором.

Современная культура гламура, под девизом «No problem!» определяет константы красоты жизни, молодости и отсутствия проблем, которые просто не надо «грузить» в голову. О. Ф. Русакова удачно структурировала базовые концептуальные формулы глэм-культуры: «enjoy your self», «бери от жизни все», «живи играя», «не бери ничего в голову», «не грузи ближнего своего», «я этого достойна», «стань звездой», «имидж – все», «рейтинг» («горячая десятка», «большая пятерка» и т. д.), «топ-модель», «звезда», «VIP-класс», «люкс», «бренд» [16]. В то же время это мощная идеология зомбирования, где аксиологические

ценности подменены потребностями производителя (рекламодателя), ориентирующими на постоянное потребление без учета реальной необходимости [1, с. 151]. Г. Г. Почепцов описывает «новую истину», формируемую в информационно-виртуальном пространстве гламурной журналистикой, где «никто не хочет читать» (то есть вникать в суть), а все хотят «смотреть» (то есть потреблять подготовленное в «удобной» форме), что связывается с изменением элиты, имеющей свой низкий уровень, соответственно занижающий уровень населения [15, с. 9].

В литературе информационное общество нередко называют глэм-капитализмом, сущностью которого является гламур – социокультурный феномен и одновременно тип экономики потребления. Как точно отметил Г. Г. Почепцов, это не только «культурная логика, а сама рациональность современного капитализма» [15, с. 9]. В этой связи глэм-капитализм можно рассматривать как социально-экономическую формацию, системно воспроизводящую потребительские ценности (суть глэм-культуры) в условиях глобальной маркетинговой стратегии определяет и содержание профильной журналистики.

Товаризация культуры – не новый и глобальный феномен. В современной единой Европе этот процесс существенно ускорился именно в связи с уничтожением национальных границ, когда на смену национальным государствам пришла никому не подотчетная европейская бюрократия. Глобальный рынок и надгосударственная власть размыли культурные и политические ценности, веками, реформациями и революциями создававшиеся европейцами, которые на фоне долговых кризисов и беженцев уже вправе спросить «за что боролись?».

В новых условиях некогда «мирные» институты, именуемые политикой **soft power**, или культурной дипломатией, стали не просто провод-

никами идеологии (вспомним бессмертное: «не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»³, но и оружием в информационных войнах, которые, с подачи С. Хантингтона, в цивилизационном аспекте рассматриваются как конфликт культур [22], в последнее время перешедший в свою острую фазу – информационных войн.

При этом так называемая «новая колонизация», распространявшаяся в 1970–1980-е годы на страны третьего мира, в современных условиях направлена на Центральную и Восточную Европу, страны СНГ и даже Россию. Основным средством «новой колонизации» являются информационные войны, разработанные, подготовленные и направленные, прежде всего, на смену культурных кодов и ориентиров, а также переформатирование общественной психологии, которая под информационным воздействием подвергается существенной трансформации [13].

В свое время А. Тойнби в качестве основного вызова и стимула развития русской (православной) цивилизации выделил давление извне, агрессию в разной форме. Причем примерно с XVII века такое давление осуществлялось исключительно с Запада, чья цивилизация (колониализм) рассматривалась как агрессивная. Российский авторитаризм в форме разных политических режимов А. Тойнби считал рефлексией, «контрударом» Западу. Российский авторитаризм и тоталитаризм стал, по Тойнби, вынужденным ответом на противоречие «между западной цивилизацией как агрессором и прочими цивилизациями – жертвами» [17, с. 355]. Как и предсказывал А. Тойнби, «на вершине своего могущества» Запад столкнулся с иным миром, государствами, имеющими достаточно воли и ресурсов для придания миру незападного облика. Действительно, на фоне кризиса ЕС в начале XXI века доминирующие вызовы определяют имеющие свою систему ценностей Китай, Россия (которую Запад активно отторгает) и исламский мир.

В условиях резкой эскалации геополитической напряженности, ухудшения экономической ситуации журналистика играет важную роль в реализации информационной политики, формируя систему артикуляции интересов и потребностей

общественных групп. Как элемент политической организации журналистика входит и в число институциональных компонентов, вырабатывая при этом (как часть социального контроля) нормативные компоненты политической системы.

Как один из культуuroобразующих институтов журналистика вновь способствует внедрению военизированного, конфронтационного, мобилизационного типа политической культуры. При этом «технически» используются те же методы, что и в насаждении глэм-культур. Как это ни парадоксально, вполне обосновывается и военное «происхождение» культуры.

Гарри Лайм, главный герой послевоенного английского фильма «Третий человек»⁴ выдвинул оригинальную для того времени теорию культуры, обнаружив, что одним из результатов тридцатилетнего террора и войн в Италии при Борджиа стало Возрождение (Микеланджело и Леонардо да Винчи), тогда как Швейцария, в условиях мира, тишины, пятисот лет демократии, дала миру лишь «часы с кукушкой». Нетрудно заметить, что европейская культура не просто всегда была тесно связана с многочисленными войнами, но и сама становилась их оружием. Не только большевики считали пролетарскую культуру составляющей политической пропаганды: «пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» [9, с. 579]. В свое время Пикассо (сторонник республиканцев в гражданской войне) считал, что картина не только украшение, а также и оружие. Хотя Г. Геринг и утверждал, что при слове «культура» его рука тянулась к пистолету, фашисты создали образец тоталитарной культуры, ставшей мощным идеологическим оружием.

С началом формирования общего европейского рынка национальные культуры, проходя «жернова» европейского общего рынка и европейской бюрократии, утрачивают самобытность. Я. Варуфакис на культурном контенте убедительно показал, как ликвидация границ и общий рынок девальвировали и «привели к общему знаменателю» европейские некогда самобытные национальные культуры, которые теперь обезличены и развиваются в соответствии с трендами

³ Крылатое выражение В. И. Ленина по поводу организации газеты «Искра» (май 1901 года) [10].

⁴ Снят по роману Graham Greene *The Third Man* (1949), автор которого, писатель и сотрудник британской разведки, был одним из сценаристов [20].

глобального рынка без национальной идентичности. Такая культура подчинена рынку, корпоративным спонсорам и институтам, финансируемым ЕС [21]. Само по себе такое положение не исключительно и не ново. В соответствии с доктринами монетаризма финансы подчиняют промышленность и экономику в целом, а неолиберализм, превратившись в своеобразную веру в рынок, диктует его как искомую и конечную цель, а не средство достижения иных, более значимых и, как правило, прописанных в конституциях целей. В такой ситуации культура все менее рассматривается как нечто самоценное, несущее духовную нагрузку, а все более – как сегмент спроса и предложения или политической пропаганды. При этом для государства, как это было при тоталитарных и авторитарных режимах, отпадает необходимость контроля культуры. «Зачем, – спрашивает Я. Варуфакис, – посылать штурмовые отряды в театры и художественные салоны, если бюрократы, аукционисты и кураторы способны уничтожить политический потенциал культуры, превратив ее просто в прибыльную сферу» [21].

Общество признало за журналистом исключительный (более никто таким статусом не обладает) статус лица, выполняющего общественный долг [6]. В России журналист имеет право искать, запрашивать, получать и распространять информацию, а также проверять её достоверность. Это поисково-эвристическая основа любой журналистской работы, структурно состоящей из двух уровней:

- 1) гносеологический – сбор и интерпретация информации (фактов);
- 2) репрезентативный – презентация аналитически обработанных результатов поисковой работы.

Специфика метода журналистской работы определяется самим её предметом, формирующимся в противоречии между наличием общественно важного события и недостаточности сведений о нём у общества. В современном мире журналистика выполняет функцию социального ориентирования, оставаясь при этом более или менее эффективной формой контроля гражданского общества за институтами власти и управления. При этом журналист уже далеко не «поводырь», информация в мировой коммуникационной системе доступна всем.

«Эффективному журналисту» необходимо уметь сослаться (намекнуть, процитировать) на факт, чтобы стать социальным «навигатором» и выявить искомый обществом социальный смысл в понятной и доступной форме. Так как в нарекании событию смысл уже сконцентрирован, а реакция в основном предопределена (что хорошо было видно на примере реакции медиа-сообщества на расстрел в Париже журналистов Charlie Hebdo), журналисту – автору месседжа – не нужна разработка процедуры аргументации и анализа, достаточно задать вектор смыслообразования, предварительно соотнеся его с эмоциональным настроением социума (его ответом на событие). Эта методология «намек» в отличие от прямой коммуникации предъявляет существенно более высокие требования к профессионализму журналиста, его знаниям и методике работы, багажу культурных и когнитивных феноменов, способности усваивать и обобщать информацию [5, с. 39].

В связи с этим, реализуя концепцию «общественного служения», адекватно выполнить свою функцию, одновременно прививая читателям и зрителям информационную культуру, журналистика может лишь при прочном утверждении *первичности факта и информации*. Именно *приоритет факта над мнением* позволяет в идеальной (эталонной) журналистике объективно показать всю совокупность общественных отношений, состояние общества и потребность в реформах. Такая журналистика способна не только вести социальную диагностику, но и помогать обществу осознавать и оценивать себя, выявлять критические сферы, активизировать общественное мнение, побуждая тем самым и власть к принятию решений.

Существуя в социуме, журналистика использует не столько социальную, сколько информационную природу факта. Это обеспечивает ей надсоциальную форму существования и ориентир на специфическую профессиональную рефлексию бытия – жизнеподобие. При этом факт становится пространственно-временной реализацией принципа гилеморфизма – обязательного условия становления, количественного и качественного соотношения материи и формы, образующего осевую семантическую конструкцию.

Журналистика организует информационную среду индивида целевой аудитории, общества по правилам жизнеподобия, реализуя «отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта» [11, с. 255]. В данном случае – факт соотносится со смыслом так же, как явление – с сущностью.

Цель журналиста, превращая факт в медийное событие, раскрыть его сущность, придав ей удобную для прочтения и понимания аудитории форму. Момент распаковывания, раскодирования содержания каждым осознающим субъектом и будет собственно смыслом. Факт является смыслопорождающим событием, «значащей темой» в соответствующий момент времени [18, с. 121].

Современная журналистика является и инструментом политической борьбы, эксплуатируется в интересах заинтересованных во влиянии групп: наиболее часто – в манипулятивных целях (к выборам, значимым политическим событиям), а также (в рекреативной журналистике) с целью поддержания (придания) псевдосенсационности определенным событиям. Исключительно коммерчески мотивированная деятельность в личных или узкогрупповых интересах, фактически направленная на углубление социальной аномии, как из моральных соображений, так и с точки зрения закона, вероятно, уже выходит за пределы понимания журналистики как таковой.

Н. Э. Шишкин (идеализируя западный опыт) отмечает, как российская журналистика «с трудом усваивает главный принцип западной журналистики: факты и мнения должны быть разведены». Автор отмечает преобладание старой тенденции – обязательности для журналиста оценки освещаемого события [19, с. 9]. По сути здесь затронута старая дилемма: российская журналистика – журналистика мнения или факта? Полагаем, что однозначного ответа на этот вопрос нет. «Голые» факты, излагаемые журналистом формально без мнения и оценок, могут быть подобраны так, чтобы выражать исключительно мнение и не свидетельствовать о реальных событиях, что доказывается практикой идущих информационно-сетевых войн. Само понятие «факт» в информационную эпоху представляется достаточно относительным и условным, особенно в условиях двойных стандартов и информационных атак. Такие фак-

ты могут создаваться или «выращиваться» искусственно. С. Г. Корконосенко, оперируя понятием «журналистский факт», приводит примеры, когда репортеры находили в жизни уникальные социальные факты, которые после публикации превращались в массовые [8, с. 49].

Активно формируемая на пространстве единой Европы единая культура подвергает конкретного индивидуума усреднению, он теряет идентичность и аутентичность, бывшие потребности, мотивы и цели сводятся к единой обезличенной суммарной воле, что искажает и саму человеческую сущность. В таких условиях журналистика факта не востребована, её замещает журналистика мнения, которая, генерируя идеологемы, уже и считается собственно журналистикой.

Гносеологический уровень журналистской деятельности включает в себя эвристический этап открытия (обнаружения) события, наблюдения, осмысления, поиска необходимых данных (сбор первичной и неявной информации), выдвижение оригинальных версий и их проверка. На репрезентативном уровне журналист выбирает форму подачи готового материала, проводит юридическую экспертизу текста, подбирает иллюстрации и размещает его в СМИ. А. А. Тертычный отметил вероятность отсутствия четкого разделения процесса познания на этапы сбора и осмысления добытой информации. Новый характер журналистики обусловлен и *социально-технологическими особенностями*. Информирование сегодня в значительной части уступает место комментированию, а часто и комментариям к комментариям, которые также становятся новостями (см. [5, с. 34]).

Для реализации целей описания, причинно-следственного анализа, оценки, прогноза, формулирования информации журналист применяет частные, конкретные методы, прежде всего – художественный, не исключающий авторскую фантазию. Здесь отметим, что хороший журналист уведомляет потребителя информации о степени достоверности фактов и границе вымысла. Полагаем, что художественный метод может использоваться в рекреативной журналистике для усиления образности и экспрессивности языка, детализации информации, но не для «конструирования» фактов, чем пресса, к сожалению, активно занимается. Современный журналист занимается и самобрендингом, стремясь персонифици-

ровать и превратить журналиста в узнаваемый бренд. Этот процесс противоречит конвейерному характеру СМИ, ограничивающему возможности творческого осмысления действительности через ее личностное восприятие. С. И. Бессонов, комментируя формирование универсальной метаспециализации журналиста и приводя современную оценку профессионального журналиста как модератора общественного интереса, агрегатора потенциального внимания, провайдера нужного контекста и диспетчера общественного доверия» (см. [2, с. 51]), делает вывод о том, что журналист, выполняя *комплекс технологических функций, обеспечивает наиболее выгодную продажу производимого медиaproдукта аудитории, одновременно с продажей своей аудитории ре-*

кламодателю (см. [4, с. 13]). При таком «менеджерском» подходе журналист в большей степени является предпринимателем, нежели выполняет общественный долг. Здесь же с особой остротой дает себя знать и проблема ответственности журналиста за «вбросы» и заведомо ложные сведения, которые в условиях информационных войн становятся грозным оружием. Отсутствие такой ответственности в совокупности с «менеджерским» подходом, стимулирующим виртуальное «производство сенсаций», делает современную журналистику средством не утверждения стандартов информационной и политической культуры, а, скорее, их разрушения, формирования клипового мышления или политической абстиненции как реакции на неадекватность информации СМИ.

Литература

1. Ашинова И. В. Гламурная журналистика как двигатель общества потребления // Журналистика и культура: сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, дек. 2014 года) / под ред. Е. Н. Сердобинцевой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – С. 147–151.
2. Балмаева С. Д. Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика. Екатеринбург, 2010. – 229 с.
3. Балынская Н. Р. Парадигма развития СМИ в современном политическом процессе // Век информации – 2012: сб. ст. междунар. постоянно действ. науч.-практ. семинара «Век информации» (16 дек. 2012 года) / науч. ред. Н. С. Лабуш, Р. В. Бекуров, С. Б. Никонов. – СПб.: Свое изд-во, 2013. – С. 2–8.
4. Бессонов С. И. Метамоделирование сегментации актуальной медиапрактики // Актуальные проблемы медиасреды: функциональные, тематические профессиональные аспекты. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов / ред. и сост. М. А. Бережная. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2012. – Вып. 12. – С. 11–14.
5. Витвинчук В. В. «Что в имени тебе моем?»: станет ли нормой журналистики приватная социальность // Современная медиасреда: функциональные, тематические и профессиональные аспекты. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов / ред. М. А. Бережная; сост. Е. Королев. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – Вып. 13. – С. 38–42.
6. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – 8 февр. – № 32; Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3477.
7. Идрисов Э. З. Средства массовой информации в системе антикоррупционной политики современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пятигорск, 2014. – 188 с.
8. Корконосенко С. Г. Социология журналистики. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 322 с.
9. Ленин В. И. Беседа с А. В. Луначарским // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 44. – С. 577–580.
10. Ленин В. И. С чего начать // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 5. – С. 11.
11. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007.
12. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 422 с.
13. Михальченко И. А. Информационные войны и конфликты идеологий в условиях геополитических изменений конца XX века: дис. ... канд. полит. наук. 23.00.03. – СПб., 1998. – 189 с.
14. Поджарский М. А. Конфликт цивилизаций // Вестн. Нац. акад. наук Украины. – 2002. – № 11.
15. Почепцов Г. Г. Гламурная журналистика: логика визуальной войны [Электронный ресурс]. – URL: http://crimeascatholic.info/index.php?option=com_content&view=article&id=18.
16. Русакова О. Ф. Дискурс глобальной глэм-культуры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=75&Itemid=64.
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – Т. II: Генезис цивилизаций. Вызов-и-Ответ. – 420 с.

18. Шевченко А. В. «Жизнеподобие» журналистики: от метафоры к методологии // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: мат.-лы 52-й междунар. науч.-практ. конф. 17–19 апр. 2013 года. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2013. – С. 120–127.
19. Шишкин Н. Э. Основы журналистики: учеб.-метод. комплекс. – Тюмень: ТюмГУ, 2008. – 246 с.
20. The Third Man (Gt. Britain, 1949). Ed. by Carol Reed.
21. Yanis Varoufakis Reaching For Our Revolvers: How a United Europe Defused its Culture and Divided its People [Электронный ресурс] // The Brooklyn rail. – 2014. – 16 may. – URL: http://www.brooklynrail.org/special/ART_CRIT_EUROPE/about-aica/reaching-for-our-revolvers-how-a-united-europe-defused-its-culture-and-divided-its-people.
22. Samuel Huntington. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993.

References

1. Asenova I.V. Glamurnaia zhurnalistika kak dvigatel' obshchestva potrebleniia [Glamorous journalism as an engine for the consumer society]. *Zhurnalistika i kul'tura. Sb. nauch. st. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, dekabr' 2014 goda) [Journalism and culture. Collected papers article I of the international scientific-practical conf. (Penza, December 2014)]*. Ed. E.N. Serdobintseva. Penza, PGU Publ., 2014, pp. 147-151. (In Russ.).
2. Balmaeva S.D. Mediakonvergentsiia i mul'timediinaia zhurnalistika [Media Convergence and multimedia journalism]. Ekaterinburg, 2010. 229 p. (In Russ.).
3. Balynskaia N.R. Paradigma razvitiia SMI v sovremennom politicheskom protsesse [The paradigm of media development in the modern political process]. *Vek informatsii – 2012. Sb. st. mezhdunar. postoianno deistv. nauch.-prakt. seminar "Vek informatsii" (16 dekabria 2012 goda) [The information Age-2012. proceedings of the V Intern. constantly valid. scientific-practical seminar "The information age" (16 December 2012)]*. Ed. N.S. Labus, R.V. Bakurov, S.B. Nikonov. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013, pp. 2-8. (In Russ.).
4. Bessonov I.S. Metamodelirovanie segmentatsii actual'noi mediapraktiki [Metamodeling segmentation mediapackage actual]. *Aktual'nye problemy mediasredy: funktsional'nye, tematicheskie professional'nye aspekty. Vzgliaid molodykh issledovatelei. Mezhvuz. sb. nauch. rabot studentov i aspirantov. [Actual problems of media environment: functional, thematic, professional aspects. Opinion of young researchers. Intercollege. SB. sc. works of students and graduate students]*. Ed. and comp. M. A. Berezhaia. St. Petersburg, The St. Petersburg Private Bank, State University, The Highest. Sch. Phys. and wt. communications, 2012, vol. 12, pp. 11-14. (In Russ.).
5. Vitvinchuk V. "Chto v imeni tebe moem?": stanet li normoi zhurnalistiki privatnaia sotsial'nost' ["What's in a name?": will the standard of journalism of private sociality]. *Sovremennaia mediasreda: funktsional'nye, tematicheskie i professional'nye aspekty. Vzgliaid molodykh issledovatelei: mezhvuz. sb. nauch. rabot studentov i aspirantov [Modern media environment: functional, thematic and professional aspects. Opinion of young researchers: Intercollege. SB. sc. works of students and graduate students]*. Ed. M.A. Berezhaia, E. Korolev, St. Petersburg, St. Petersburg State University, The Highest. Sch. Phys. and wt. communications, 2013, vol. 13, pp. 38-42. (In Russ.).
6. Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 02.07.2013) "O sredstvakh massovoi informatsii" [The law of the Russian Federation of 27.12.1991 no. 2124-1 (as amended on 02.07.2013) "On mass media"]. *Rossiiskaia gazeta, 1992, 8 fevralia № 32; Sobranie zakonodatel'stva RF, 2013, no. 27. St. 3477 [The Russian newspaper, 1992, February 8, no. 32; Meeting of the legislation of the Russian Federation, 2013, no. 27, PT. 3477]*. (In Russ.).
7. Idrisov E.Z. Sredstva massovoi informatsii v sisteme antikorrupsionnoi politiki sovremennoi Rossii. Diss. kandidata politicheskikh nauk [Media in the system of anti-corruption policy of the modern Russia. Diss. PhD in politics]. Piatigorsk, 2014. 188 p. (In Russ.).
8. Korkonosenko S.G. Sotsiologiia zhurnalistiki [Sociology of journalism]. Moscow, Aspect Press Publ., 2004. 322 p. (In Russ.).
9. Lenin V.I. Beseda s A.V. Lunacharskim [A Conversation with A.V. Lunacharsky]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochine-nii [Lenin V.I. Complete works]*. Op. 5 ed., vol. 44, pp. 577-580. (In Russ.).
10. Lenin V.I. S chego nachat' [Lenin V.I. Where to begin]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [Lenin V.I. Complete works]*, vol. 5, p. 11. (In Russ.).
11. Leont'ev D.A. Psikhologiia smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology sense: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Mysl Publ., 2007. (In Russ.).
12. Lukhmann N. Real'nost' massmedia [The reality of the mass media]. Transl. with it. A.Iu. Antonov. Moscow, Praxis Publ., 2005. 332 p. (In Russ.).

13. Mikhailchenko I.A. Informatsionnye voyny i konflikty ideologii v usloviakh geopoliticheskikh izmenenii kontsa XX veka. Diss. kand. politicheskikh nauk [Information warfare and the conflict of ideologies in terms of geopolitical changes of the late XX century. Diss. PhD in politics]. St. Petersburg, 1998. 189 p. (In Russ.).
14. Poiarski M.A. Konflikt tsivilizatsii [Conflict of civilizations]. *Vestnik Natsional'noi akademii nauk Ukrainy* [The journal of the National Academy of Sciences of Ukraine], 2002, no. 11. (In Russ.).
15. Pocheptsov G.G. Glamurnaia zhurnalistika: logika vizual'noi voyny [The glamorous journalism: visual logic of war]. (In Russ.). Available at: http://crimeacatholic.info/index.php?option=com_content&view=article&id=18.
16. Rusakova O.F. Diskurs global'noi glem-kul'tury [Discourse of global glam culture]. (In Russ.). Available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=75&Itemid=64.
17. Toinbe A.I. Dzh Postizhenie istorii. T. II. Genezis tsivilizatsii. Vyzov-i-otvet [The study of history. Vol. II. The Genesis of civilizations. The call-and-Response]. Trans. Eng. E.D. Zharkov. Moscow, Rolf Publ, 2001. 420 p. (In Russ.).
18. Shevchenko A.V. "Zhiznepodobie" zhurnalistiki: ot metafory k metodologii ["Lifelikeness" of journalism: from metaphor to methodology]. *Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniia. Materialy 52-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 17–19 apreliia 2013 goda. [Media in the modern world. Petersburg readings. The materials of the 52nd international scientific – practical conference 17-19 April 2013]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., pp. 120-127. (In Russ.).
19. Shishkin N. Osnovy zhurnalistiki. Uchebno-metodicheskii kompleks [The basics of journalism. Educational-methodical complex]. Tiumen, TSU Publ., 2008. 246 p. (In Russ.).
20. The Third Man (Gt. Britain, 1949). Ed. by Carol Reed.
21. Ianis Varoufakis Reaching For Our Revolvers: How a United Europe Defused its Culture and Divided its People. *The Brooklyn rail*, 2014, 16 may. (In Engl.) Available: at http://www.brooklynrail.org/special/ART_CRIT_EUROPE/about-aica/reaching-for-our-revolvers-how-a-united-europe-defused-its-culture-and-divided-its-people
22. Samuel Huntington. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 1993.

УДК 008.001

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ЭТИКА РОССИИ, КИТАЯ И США

Михельсон Светлана Викторовна, аспирант, кафедра делового иностранного языка, Красноярский государственный аграрный университет (г. Красноярск, РФ). E-mail: autel@inbox.ru

В международном бизнесе факторы культурной среды создают самые большие сложности. Именно поэтому корректная оценка различий национальных культур и их адекватный учет становятся все более и более важными. Предпринимательство выходит далеко за национальные рамки, вовлекая в свою орбиту все большее число людей с различным культурным кругозором. В результате культурные различия начинают играть ведущую роль и сильнее воздействовать на предельную эффективность деловой деятельности. Отсюда и возникают кросс-культурные проблемы в международном бизнесе – противоречия при работе в новых социальных и культурных условиях, обусловленные различиями в стереотипах мышления между отдельными группами людей. Широко признано, что культурные факторы влияют на деловые связи и потенциал конкуренции. Но современный этап научного познания культуры отличается целым рядом новейших тенденций. Ревизия классических научных представлений о культуре, динамика изменений, связанных с глобализацией экономики и мира в целом, привели к размыванию классических критериев определения предмета исследования, включив в него учение о деловой этике и этикете, технику и технологии, язык и семиотику бизнеса. Нельзя не согласиться и с тем, что в большей степени деловые отношения между представителями разных стран зависят и от близости их культур. Необходимо также преодолевать кросс-культурные барьеры посредством глубокого исследования культуры партнера.

Ключевые слова: культура, этика деловых отношений, деловая культура, религия.

CROSS-CULTURAL ETHICS OF RUSSIA, CHINA AND THE USA

Mikhelson Svetlana Victorovna, Postgraduate, Department of Business Foreign Languages, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: autel@inbox.ru

In today's global business environment, more and more of us are required to understand people who come from countries and cultures different from our own. This would make culture an important aspect when it comes to business communication. International business and communication has been largely concerned with identifying the cultural differences affecting communication. This article is devoted to the impact of culture on international business contacts between China, Russia and the USA. There are significant differences in how people use communication tools between cultures. Culture affects the way people think about business in their own society. An awareness of cultural attitudes toward business will help communicate efficiently and effectively when working with people from other cultures. Culture is a shared set of values and perceptions – and a very powerful concept. Business intersects with culture at many junctures and a smart businessperson considers all of these when making the important decisions. Responding effectively to different cultures when preparing for business communication is a key business survival strategy in a global economy that permeates nearly all aspects of business afterward. Culture affects all areas of business communications, including the contract negotiations, production operations, product sourcing, marketing campaigns and human resources decisions. In international business, cultural environment factors create the greatest difficulties. That is why correct assessment of the differences of national cultures and their adequate accounting become more and more important. We agree with the fact that to a greater extent business relations between representatives of different countries depend on the proximity of their cultures. It is also necessary to overcome cross-cultural barriers through in-depth research of the culture of the partner.

Keywords: culture, business ethics, business culture, religion.

Для современных исследований деловых культур характерен одинаково большой интерес как к собственно прикладной части деловой (экономической, производственной, протокольной и др.) культуры так и к теоретической проблематике культуры. Широко признано, что культурные факторы влияют на деловые связи и потенциал конкуренции. Но современный этап научного познания культуры отличается целым рядом новейших тенденций. Ревизия классических научных представлений о культуре, динамика изменений, связанных с глобализацией экономики и мира в целом, привели к размыванию классических критериев определения предмета исследования, включив в него учение о деловой этике и этикете, технику и технологии, язык и семиотику бизнеса.

Актуальность исследования определяется необходимостью обобщения существующих практических и общетеоретических подходов к исследованию деловой культуры. Существенные сдвиги в современной экономике, социальном строе мира и пересмотр ценностей национальных

культур, произошедшие в последние 30 лет, вывели на первый план носителей новых отношений, создающих новое социокультурное пространство деловой этики. Специального внимания заслуживает влияние национальной культуры на бизнес. С расширением и углублением международного делового сотрудничества особую актуальность приобретают проблемы общего и частного в деловых культурах таких стран, как Россия, Китай и США, а также требуют особого анализа и осмысления механизмы нахождения делового консенсуса.

Множество авторов занимались исследованиями современного мира и деловой культуры: Дж. К. Гэлбрейт, Ф. Хаейк, Г. П. Мартин, Х. Шуманн, Р. Ф. Абдеев, П. Козловски, Н. Хилл, М. Лапицкий, Дж. И. Сорос, С. Ф. Анисимов, Р. Г. Апресян, Н. Н. Зарубина, М. Вебер, Ю. Ю. Петрунин.

Исследованиями в области этнических трансформаций законов бизнеса и деловой культуры занимались: Э. О. Афанасьев, А. Андреев и

И. Гладков, Н. В. Жданов, И. Лтышев, Д. Льюис Ричард, Т. А. Милославская и др. При изучении влияния религии на бизнес и анализа влияния религиозных учений на становление бизнеса мы опирались на работы: М. Вебера, М. И. Лапицкого, Л. С. Васильева, А. И. Кобзева, Н. В. Абеева и др.

В каждой социокультурной общности происходило становление материальной и духовной культуры, но культура сама по себе не способствовала более совершенному приспособлению к внешнему миру и коммуникации с другими народами. В динамике отношений форм культуры, освоения смысловых схематизмов «другой» культуры, межкультурной коммуникации, выделялась деловая культура. Мысли, чувства, культура, представления о себе, жизни, партнерах и бизнесе стали личным делом предприятий и фирм. Но в качестве смысловых структур деловой культуры также справедливо рассматриваются понятия: «знание», «мораль», «совесть», «идентичность», «миф», «маски» и др. Анализ традиций, влияние истории, религии на нынешнее становление современного бизнесмена, его кросс-культурных контактов неизбежно приводит к необходимости поиска корней и традиционной деловой этики.

Многие ценности, накопленные человечеством на протяжении истории, являются универсальными. Однако значимость тех или иных ценностей различна, их иерархия на ценностной шкале в разных культурах различны. Именно это и определяет оригинальность каждой из культур, ее своеобразие и уникальность. Общность культурных ценностей и традиций наряду с языком является одним из важнейших признаков культуры этноса [9]. Следственно, эти признаки могут рассматриваться как основы деловой культуры этноса, а впоследствии, и нации. Для того чтобы понять влияние ценностей, традиционно используют кросс-культурный подход. Такой подход позволяет выделить достоинства культур разных народов, их сильные и слабые стороны, помогающие в ведении бизнеса, предвидении возможных реакций бизнес-партнеров, прогнозировании характера деловых отношений. Методологией кросс-культурных исследований достаточно корректно обосновываются причины, которые заставляют все чаще обращаться к культуре деловых от-

ношений на уровне стран и народов. Например, последние события в России, связанные с наложением экономических санкций в связи с политическими событиями, – яркий пример того, как США ломают нормы деловой культуры в международных отношениях. Такие претензии на макроуровне стали основой для корректировки традиционной торговой политики Европы, заставили присоединиться к ним и страны других регионов. На микроуровне эти претензии создали серьезные барьеры для фирм, работающих или желающих выйти на международные рынки [18]. На вопрос «Насколько правомерно такое давление на культуру и национальные интересы стран с позиций деловой этики?» – возможно ответить, используя кросс-культурный подход к исследованию ситуации.

Известные исследователи, такие как Герт Г. Хофстеде, Фонс Тромпенаарс и Эдвард Т. Холл, сформулировали основы, в которых делается определение, насколько каждая национальная культура вписывается в сложный спектр межкультурного взаимодействия. Эти фундаментальные знания на протяжении нескольких десятилетий помогали бизнесменам предвидеть и решать возможные конфликты, вызванные культурными различиями. Согласно этим теориям культурная осведомленность – это ключ к успеху в бизнесе. Так, Герт Хофстеде в своей теории сопоставления культур выделил наиболее общие ключевые культурные различия: индекс дистанцированности от власти; индивидуализм и коллективизм; индекс избегания неопределенности; «мужской» и «женский» тип; краткосрочная и долгосрочная ориентация на будущее; потворство своим желаниям и сдержанность. Следуя его теории, например, работники в Азии, Африке, Латинской Америке и арабском мире, будучи отнесены к культурам, максимально дистанцированным от власти, скорее всего выкажут гораздо большее уважение своим менеджерам, чем их коллеги в таких странах, как Дания, Израиль и Австрия, где подчиненные, как правило, часто ждут команды «сверху» и не проявляют собственной инициативы [14, с. 11]. Учитывая важность «американской мечты» в своей культуре, Соединенные Штаты относятся по типу к индивидуализированным культурам, в то время как ряд стран Центральной и Латин-

ской Америки (Эквадор, Панама, Венесуэла) и Азии (Пакистан, Индонезия, Южная Корея) к «коллективизму».

По теории Эдварда Холла, культуры разделяются на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные. Эти различия строятся по количеству заключенной информации в сообщении, определяемой по окружению или контексту при осуществлении коммуникации, безотносительно к произносимым специфичным словам [16]. Соединенные Штаты, как считает Эдвард Т. Холл, относятся к «низко контекстуальной» культуре, где люди общаются в основном, напрямую обмениваясь фразами, которые несут буквальный смысл. Общение в «высоко контекстуальных» странах более тонкое, поскольку там уделяется большое внимание жестам, тону и общему контексту разговора. Эти особенности определяют стиль коммуникации, который можно назвать национальным стилем коммуникации. В нем отражается коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции [11]. Этот стиль определяется собственными стандартами, формирует поведение, которое определяет значение действий и ситуаций в определенной культуре. В большинстве случаев национальный стиль коммуникации сохраняется и в деловой культуре, что порождает различные интерпретации деловых ситуаций, хотя в условиях глобализации должны бы существовать единые правила бизнеса. Л. Чанг выделяет восемь культурных факторов, вызывающих коммуникативные трудности: отношения, социальная структура, когнитивные модели, роли и интерпретации ролей, язык, невербальная коммуникация, пространственное расположение и организация, понимание времени [13, с. 135–140]. Применительно к понятию деловая культура эти факторы можно рассматривать как отношения к труду, религии, структуре бизнеса и иерархии управления, моделям понимания выгоды и рисков бизнеса, языку делового общения и др.

Рассматривая культуры партнеров по бизнесу, отмечая сложность, разнообразие, неоднозначность и неопределенность деловых культур, различия можно фиксировать как на глобальном, так и на локальном уровнях. Глобальный уровень сравнения предполагает рассмотрение западного

и восточного типов деловой культуры, а локальный – особенности деловой культуры, ее структуры и функций в рамках национальной культуры. Однако такое разделение провести достаточно проблематично, поскольку мировые корпорации имеют свои представительства и производства во многих странах мира, и поэтому оказывают существенное влияние на системы ценностей национальных культур и ценности деловых культур в частности. При этом процесс взаимовлияния часто приводит к конфликту ценностей, разрушению традиционного национального образа предпринимателя и проблемам в функционировании деловой культуры.

Говоря о ценностях деловой культуры, отметим, что основой для системы ценностей является значимость труда и отношение к нему в разных культурах. Ю. А. Замошкин пишет: «Хотя труд в сфере бизнеса открыто признается, прежде всего, средством обеспечения благосостояния, комфорта, богатства, однако немалое внимание уделялось и уделяется труду в сфере бизнеса как форме самовыражения личности, реализации его своего внутреннего потенциала... труд во всех его проявлениях рассматривается как нравственный долг человека: долг перед богом, страной, обществом, другими людьми и самим собой» [8, с. 110]. Следовательно, труд в культурологии рассматривается как продуктивно-творческая деятельность человека. Именно она создает всеобщие схемы работы мышления, воображения, эстетического созерцания, воли, веры. Такой труд создает всеобщее содержание, организующее отношение человека к природе, хозяйству, к другим людям, к самому себе, к Богу [5]. В такой постановке вопроса становится понятно как ценности и традиции религиозных культур определяют отношение к труду, делу, бизнесу, к ведению дела с другими, «чужими» культурами и их представителями.

Одним из первых, кто стал рассматривать этику бизнеса в связи с религиозной традицией, был М. Вебер. В своей ставшей уже хрестоматийной работе «Протестантская этика и дух капитализма» он отмечал, что «дело – это миссия человека в мире, его призвание», что вполне согласуется с культурологической трактовкой понятия труд. По мнению Макса Вебера, протестантская этика определяет самомотивацию человека

к труду: «...в этом понятии заключена оценка, согласно которой, выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека... тот центральный догмат всех протестантских вероисповеданий, который единственным средством, стать угодным Богу, считает не пренебрежение мирской нравственностью с высоты монашеской аскезы, а исключительно так, как они определяются для каждого человека его призванием» [4, с. 97]. На более глубоком уровне эта мотивация дает понимание того, как бизнес-культура протестантизма определяет особенности формирования имиджа, репутации, стиля ведения переговоров, времени отводимого на заключение сделки и т.п. К примеру, американские бизнесмены обладают репутацией самых жестких деловых людей в мире, тем не менее, с ними во многих отношениях легче иметь дело. Это вызвано тем, что их философия проста. Их цель – заработать как можно больше и как можно быстрее, используя для достижения этой цели такие средства, как упорный труд, быстрота действий, приспособленчество и власть. Они, по типологии Вебера, исповедуют протестантскую этику отношения к труду, к бизнесу, что во многом предопределяет их идею профессионального призвания, в которой богатство морально оправдывается.

Протестантские догмы осуждают желание быть бедным. Протестантизм, по мнению Вебера, способствовал распространению духа предпринимательства, рационализма, прагматизма, заострял внимание на качестве труда. Дух протестантизма определил и особенности языка ведения деловых переговоров. Язык должен соответствовать духу «мирской аскезы» протестантизма – быть конкретным, лаконичным, четко выражать мысль собеседника, это «относится и к трате времени на бесполезные разговоры, развлечения и прочее, – все это – не во славу Божию» [12]. Поэтому в деловой коммуникации американцы привыкли воспринимать каждую фразу дословно. Ирония, скрытый смысл или языковые изыски сбивают их с толку. Они с трудом понимают тонкие намеки. Американцы всегда говорят конкретно, то, что думают. Они сразу приступают к делу и открытому обсуждению, чтобы постараться найти общие интересы и выработать стратегию для сотрудничества. Например: А чем это выгодно

нам? – And what is beneficial to us? Every man is of importance to himself. – Каждый человек высоко себя ценит. So said, so done. – Как сказано, так и сделано.

Можно привести и другой пример одного из символа веры мормонов: «Однако, ленивый или нерадивый не может быть христианином и спастись. Его удел – гибель, и он будет выброшен из улья» [17, с. 123]. Основными архетипами, воплощенными в культуре и метафорически отраженными в языке, в этом случае будут: жесткая дисциплина, религиозный энтузиазм и архетип охотника. Американцы все равно, за чем охотиться – за бизоном или за деньгами. Поэтому и игроки на бирже – «быки» и «медведи» – самые сильные животные американского континента. Их цель – заработать как можно больше и как можно быстрее, используя для достижения этой цели такие средства, как упорный труд, быстрота действий, приспособленчество и власть. Играя на бирже «быки» – «поднимают цены на рога», а «медведи» – подминают под себя игроков, снижая цены. Но и в том, и в другом случае нужны выдержка, упорство и быстрая реакция в момент достижения нужной цены, которые без заранее усвоенных правил воплотить в жизнь невозможно.

Исследование конфуцианства в начале XX века привело Вебера к мысли, что «...мироутверждающий утилитаризм и убежденность в этической ценности богатства как универсального средства всестороннего нравственного совершенства в сочетании с неслыханной плотностью населения развили у китайцев исключительную «расчетливость» и «бережливость» [17, с. 123]. Китайцы, по утверждению Вебера, дрожат за каждую копейку, много разговаривают о деньгах и денежных интересах. Но из такого «материализма», «не возникает методической рационализации деловой активности, как это свойственно современному капитализму, по крайней мере, в экономической сфере» [17, с. 123]. Деловая активность в китайском варианте не дает такого же результата, как в западном капитализме. Возможность капиталистического развития в классическом его понимании реализуется только в регионах, куда проникает западный капитализм (по Веберу, Катон). При этом, в определенные периоды истории Китая, присутствовали и «формы поли-

тически ориентированного капитализма: служебное и вымогательское ростовщичество; доходная крупная торговля и производственные эргастерии (а также и укрупненные мастерские)» [17, с. 123]. Вебер приравнивает такую культуру ведения хозяйства в Китае к позднему Средневековью в Египте и мусульманских странах.

Сравнивая сегодняшнюю ситуацию в экономических моделях ведения хозяйства в Китае с теми, что указывал Вебер, следует отметить, что за прошедшие после написания книги почти 100 лет характер домашнего хозяйства не изменился. Также сохраняется обычная зависимость от посредника и скупщика, активный внутренних обмен, но уже выстроились капиталистические отношения в экономике, которые внесли коррективы к веберовским замечкам. Так, появились формы производящего капиталистического «предприятия», накопление «капитала» в европейском духе (китайский капитал, получивший очередной шанс в Новое время, был в основном накоплен мандаринами или должностными ростовщиками), рациональная методика организации предприятия, службы коммерческой информации, рациональная денежная система и система учета. А уж об использовании многочисленных технических изобретений в чисто экономических целях можно говорить много и долго. История показала, что веберовские наблюдения над экономической культурой Китая были достаточно точными, но именно «широкая религиозная терпимость (несмотря на враждебность к иноверцам) в сравнении с нетерпимостью кальвинистского пуританства, широкая свобода товарообмена, мир, свобода нравов, свободный выбор профессии и способов производства, никакого страха перед мелочными расчетами», оказались теми движущими силами экономики, которые вывели Китай на одно из передовых мест в мире.

По Веберу, «приобретательский зуд», высокая, даже исключительно высокая, оценка богатства и утилитарный «рационализм» сами по себе еще не имеют ничего общего с современным капитализмом», «китайский мелкий и средний предприниматель (да и крупный в пределах старой традиции) так же, как пуританин, объяснял успех и неуспех своего дела вмешательством божественных сил, но для китайца расположение

(даоистского) «бога богатства» было не указанием на его благодать, а следствием магически или церемониально значимых заслуг или проступков: неуспех всегда может быть превращен в успех, если индивид снова становится верен ритуалу» [17, с. 123]. Эта ритуализированность прочно вошла в деловую культуру Китая. Сочетание конфуцианских норм и даоистских божественных сил выстроило и систему социальных норм и правил и систему экономических ценностей современной китайской культуры.

Конфуцианство, напротив, направляло людей на добросовестное отношение к делу. «Трезвые китайские головы» с древних времен считали очень важными вопросами развитие производства, бережливое расходование средств и устранение злоупотреблений в управлении. Вебер отмечает: «Для конфуцианца богатство, как прямо поучает, согласно преданию, сам Конфуций, есть важнейшее средство жить добродетельно, то есть жить достойно и иметь возможность посвятить себя самореализации. “Обогащайтесь” было здесь ответом на требование усовершенствовать человека. Потому что только тогда можно будет жить в согласии со статусом. Конфуций не осуждает обогащение как таковое, но у него есть сомнения: он опасается, что оно может стать помехой благородному равновесию души, а всякая чисто экономически ориентированная профессиональная работа была для него пошлым ремесленничеством. Профессионалу, в глазах конфуцианца, не придавала достоинства и его общественная полезность. Потому что – и это было самое главное – “благородный человек” не был орудием, в своем самоусовершенствовании в ходе приспособления к миру он был самоцелью, а не средством для достижения деловой цели, какой бы то ни было. Это ядро конфуцианской этики отвергает профессиональную специализацию, современную профессиональную бюрократию, профессиональное обучение, но прежде всего – экономическую выучку, ориентированную на доход» [17, с. 123]. Макс Вебер, характеризуя конфуцианство, сопоставляет учение с протестантством в отношении рационализма. Вебер показывает, что рационализм присущ духу обеих этик, но только пуританская рациональная этика ведет к капитализму [3].

Конфуцианский рационализм отстаивал давно сложившийся образ справедливости, ко-

торый следовало поддерживать. И даже сейчас, прежде чем приступить к переговорам, китайцы все основные вопросы предварительно решают через посредников. Ведь в таком случае не они, а посредник несет ответственность за надежность компании [3].

Конфуцианство постулирует, что человек должен во всем придерживаться середины. Данное правило соблюдается в отношении других людей, «стараясь не причинять другим того, чего себе не желаешь. Справедливость и честность, верность себе и своему слову, искренность как основа мирных и добрых отношений в общественной жизни и средство к устранению недоразумений, послушание и почтительность к старшим и высшим по рангу, кроткость, терпение и вежливость ко всем без исключения непосредственно связаны с серединой и гармонией» [10], поэтому китайцы часто, соблюдая данный принцип, просто не отвечают на запросы, а согласование деловых бумаг может занять долгие месяцы. Терпения им не занимать.

Все эти принципы породили в китайском и других восточных языках специальные языковые средства, указывающие на статус собеседников, степень близости, контекст общения, что позволяет характеризовать эти стили коммуникации как статусно ориентированные. Например, при ведении переговоров следует, прежде всего, обратиться к старшему по возрасту в делегации, а только потом к старшему по должности, если правила не оговорены заранее.

В Китае личное знакомство часто рассматривается, как единственный способ выяснить, заслуживает ли человек доверия. Для китайцев очень важно строить личные отношения, прежде чем вступать в бизнес-партнерство. По этому случаю существует высказывание: «Давайте сначала станем друзьями, потом будем делать бизнес». Жесты в разговоре могут иметь различные значения в Китае. Кивок головой означает: «я слышу, что вы говорите», не обязательно имеет значение: «я с вами согласен». Смех может быть от смущения, а не потому что есть что-то смешное.

Китайская деловая культура – это специфический вид общей культуры. Она включает в себя стереотипы, традиции, культурные образы хозяйственных представлений и поведения, хозяйственные нормы, отношение к труду и богатству. Как

видно из вышесказанного, на китайскую деловую культуру оказала большое влияние религия: конфуцианство, буддизм, даосизм. В системе ценностей деловой культуры преобладают: гуманность, долг, справедливость и ритуал. Но современная деловая культура Китая постоянно подвергается воздействию современными западными ценностями. В этом смысле показательно, как сами китайцы оценивают свои деловые взаимоотношения с представителями других культур.

Изучая деловые культуры партнеров, китайцы стремятся в полной мере использовать полученные знания. Однако даже при схожих на первый взгляд нормах могут возникнуть конфликты. Так, например, «одной из причин конфликта и неудачи в переговорах может быть контракт, а точнее соблюдение сроков контракта. Американцы четко следят за сроками выполнения контракта и отдают им особую важность. Китайские менеджеры не относятся к контракту с такой же степенью важности. Китайские менеджеры отнеслись с негодованием к тому, что их американские партнеры не планируют вносить изменения в контракт и подписывать дополнительное соглашение. Более того, для китайцев обычная деловая практика введения штрафов за невыполнения условий контракта и подписания дополнительного соглашения считается попросту воровством» [15, с. 210–256]. Полученный в последние годы опыт российских бизнесменов говорит о том, что контракт, прежде всего, несет юридическое значение – фиксирует договоренности. Содержание документа для китайской стороны не столь важно, главное, что он есть. Следовательно, дополнительное соглашение – это уже новый договор, который автоматически отменяет первый. Поэтому предвосхищать конфликты следует уже на стадии подписания договора.

Ханг-Гэй Фанг, поясняя ситуацию в деловых отношениях, упор делает именно на различие в системе ценностей культур: «...китайское и американское общества ставят разные акценты на межличностные отношения, личности и группы... В кадровых решениях, китайские менеджеры могут придавать меньшее значение правам личности. Наоборот, китайские менеджеры могут придавать большое значение своей сети соединений, то есть коллективной работе»

[15, с. 210–256]. К примеру, новой фирме достаточно сложно проникнуть в устоявшиеся экономические отношения. Даже если они предлагают более низкую себестоимость, высшее качество, больший процент прибыли, по существу «лучшее» предложение, но их предложение может даже не рассматриваться в Китае. Надо заслужить уважение, чтобы тебя увидели.

В деловых отношениях изменения, особенно рост процветания, ценятся особо. Однако в традициях китайской культуры слишком быстрое изменение расстраивает баланс и гармонию, в отличие от США, где ценятся прогресс и перемены, даже в ущерб традиционным ценностям. Так, как бы не важна была выгода, важно понимать, что китайская позиция имеет в основе ценности традиционной культуры. Китайские менеджеры, исходя из принципов своей веры и религии, живут в гармонии с природой. Американцы же считают, что человек должен доминировать над природой. Эта разница в ориентации может привести к тому, что американцы будут восприниматься как неэтичные загрязнители и разрушители старых артефактов. Понятие времени имеет большое значение для большинства китайцев. Они чтят прошлое и старость. В противоположность этому, большинство американцев не интересуется прошлым и живет в молодежной культуре. Они живут в настоящем и планируют будущее. Для американцев «время – деньги», поэтому не стоит тратить время, нужно делать все быстро [15, с. 210–256]. Зная эту черту американцев, китайцы будут стремиться как можно сильнее затянуть переговоры, чтобы добиться от торопливых американцев нужного контракта.

Деловая культура русских строится на этике православия. В православии труд (дело) становится своего рода деятельной молитвой и только тогда приобретает смысл, ведь он становится средством совершенствования, одухотворенности мира и человека [10]. Обогащение подвергается осуждению. Христианское отношение к труду С. Н. Булгаков выразил так: «...поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не дозволяя свободе до конца овладевать сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, на столько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом» [1]. Восприняв православ-

ные нормы как руководство к действию, русский человек определил свое отношение к труду так же диалектично. Это доказывают пословицы: «работа не волк, в лес не убежит», «без труда не вытащишь и рыбку из пруда». Такого плана этические нормы установления деловых связей, деловых отношений, этические требования в России были известны и распространены в сфере деятельности купцов уже в середине XVIII века. Так, в книге «Средневековый купец» А. Я. Гуревич рассказывает о купце А. Фомине из Архангельска: «При всех сих сведениях следует ему (купцу) быть трудолюбиву, ласкову, обходительну, учтиву, честну, скромну ... умеюще говорить красноречиво и порядочно ... Надо, чтобы бодрость и предприимчивость были его удел; осторожность и быстрота мыслей – его щастие, а довольная опытность и осмотрительность – его подпора. Протiwоестественно купцу быть лениву или тратить время в излишних забавах... Но при том всем купец за самое главное правило почитать должен честность и непоколебимое держание своего слова» [6, с. 97–131]. Этот набор кодов деловой культуры в целом показывал отношение к труду и характеризовал процесс достижения каких-либо целей. На данном историческом этапе купец пока не стал фигурой первого плана, носителем новых отношений, но уже началось формирование нового отношения к труду. Для купечества и промышленников труд стал и средством накопления и обогащения, и вариантом служения богу одновременно.

Можно выявить сходные и отличительные черты динамики формирования деловой культуры купечества средневековой Европы и России XVIII века. Русский купец был религиозен и благочестив. Его религиозное поведение сочеталось с коммерческим подходом к добрым делам, за которые купец ожидал помощи и покровительства Бога. П. А. Бурышкин сказал о деловых качествах купцов: «На свою деятельность смотрели не только и не сколько как на источник наживы, а как на выполнение задачи своего рода, миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета...» [2, с. 100]. Чтобы повысить социальный престиж, результатом деятельности его должно быть не только личное обогащение, но и общественная польза, богатство государства. Для купца любое действие, поступок, поведение

рассматривались и оценивались с позиции пользы – критерия оценки деятельности владельца собственного дела. Но так же как и в средневековой Европе, признавая важность торговли для существования социума, получая от государства и церкви покровительство и извлекая из нее выгоду, русское общество вместе с тем сохраняло по отношению к купечеству все свои предубеждения.

В середине XIX века появляются и другие мотивы труда, не только обогащение: само дело, деятельность, направленная на созидание, становится для российских предпринимателей важным мотивом их труда. В течение XVII–XIX веков многие купцы и предприниматели перешли в ранг меценатов и коллекционеров. Теперь их мотивом было не только собственное обогащение, но и страстная приверженность делу просвещения народа и культурного созидания. Именно эти противоречивые черты русской культуры оказали решающее влияние на формирование современного российского стиля делового общения, отношение к труду, мотивации предпринимательства и отношение к партнерам по бизнесу.

Душатский Л. Е. на основе проведенных им исследований утверждает, что по своей мотивации современные российские бизнесмены вполне соответствуют классическому образу предпринимателя, однако «в действиях российских предпринимателей часто просматривается откровенное пренебрежение к закону, морали и элементарным нормам поведения, что сводит на нет положительный заряд мотивации... в цивилизованных формах ведут бизнес только четверть опрошенных. И это при условии, что респонденты были откровенны в своих ответах. Возможно, специфика российского бизнеса состоит в том, что благие намерения бизнесменов реализуются антисоциальными действиями» [7, с. 94]. Наш отечественный бизнес, очевидно, пока не испытывает объективной необходимости руководствоваться в своей деятельности этическими нормами, поскольку, видимо, не усматривает связи между приверженностью морально-этическим принципам и успешностью деловой активности. Судя по имеющимся историческим свидетельствам, обозначенная проблема отнюдь не нова для России.

В течение многих лет, народы России, Китая и США смотрели друг на друга сквозь призму сложившихся из «покон века» стереотипов. Уже

пришло понимание, что для контактов знание только языка недостаточно. Язык способен отобразить культурно-национальную ментальность его носителей, но не определяет культуру. Следовательно, в нынешнее время, когда компании стремятся расширяться и заходить на новые и незнакомые рынки, их способностям образовывать тесные взаимоотношения с коммерческими партнерами и клиентами часто мешают препятствия, обусловленные не языковыми, а культурными различиями. Поэтому, наверное, неудивительно, что, когда компании размышляют о международном расширении, многие из них предпочитают закрепиться сначала в тех странах, с которыми они могут быть более совместимы культурно. Внимание к культурным корням и национальным особенностям других людей, как в обществе, так и в сфере бизнеса, позволит нам предвидеть и удивительно точно просчитать то, как они будут реагировать на наши предложения. Более того, мы сможем в определенной степени предсказать их отношение к нам.

Важно также отметить, что даже в своей стране бизнесмены и предприниматели отличаются в силу своего регионального расположения. Например, московский и сибирский бизнесмены; предприниматель из Техаса и Нью-Йорка. Так же существуют и дополнительные различия: тип предпринимательской сферы, масштаб сделки, возраст, образование и даже пол. Поэтому требуется разработка новых стратегий, ориентированных на активизацию не только национально-культурных потенциалов общества, но и психических, ментальных и духовных внутриличностных ресурсов каждого человека. Это предполагает изучение не столько приспособления людей к инокультурной среде, сколько их включение в интегративные процессы, имеющие место в межкультурном взаимодействии, ориентированном на организацию поведения личности не только в стабильных, но в первую очередь – в неравновесных мультикультурных ситуациях. Нельзя не согласиться и с тем, что в большей степени деловые отношения между представителями разных стран зависят и от близости их культур. Необходимо также преодолевать кросс-культурные барьеры посредством глубокого исследования культуры партнера.

Литература

1. Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. – М., 1993. – 603 с.
2. Бурыйшкін П. А. Москва купеческая. – М.: Столица, 1990. – С. 100. – 352 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. – М., 1990. – 808 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. – М.: Прогресс, 1991. – 808 с.
5. Ветошкин А. П. Труд как спасение и служение [Электронный ресурс]: рецензия на книгу Марцева Л. М. Сущность и существование труда: избр. ст. – Омск: Омск. научн. вестн., 2013. – 400 с. // Вестн. ОмГУ. – 2014. – № 1 (71). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-spasenie-i-sluzhenie-retsenziya-na-knigu-martseva-l-m-suschnost-isuschestvovanie-truda-izbrannye-stati-omsk-its-omskiy-nauchnyy> (дата обращения: 17.11.2015).
6. Гуревич А. Средневековый купец // Одиссей – 1990. Личность и общество. – М., 1990. – С. 97–131.
7. Душатский Л. Е. Ценностно-мотивационные доминанты российских предпринимателей // Социол. исслед. – 1999. – № 7. – С. 94.
8. Замошкин Ю. А. Бизнес и мораль // Филос. исслед. – 1993. – № 1–2. – С. 110.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
10. Лапицкий М. И. Труд и бизнес в зеркале религий. – М.: Новый Век, 1998. – 144 с.
11. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 260 с.
12. Чеснокова В. Ф. Язык социологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2008/10/07/soc/> (дата обращения: 17.11.2015).
13. Chang L. Differences in Business Negotiations between Different Cultures // The Journal of Human Resources and Adult Learning. – 2006. – С. 135–140.
14. Competing Across Borders: How cultural and communication barriers affect business // The Economist Intelligence Unit Limited. – 2012. – P. 11.
15. Dennis A. Pitta, Hung-Gay Fung, Steven Isberg Ethical issues across cultures: managing the differing perspectives of China and the USA // Journal of consumer marketing. – 1999. – Vol. 16, no. 3. – P. 210–256.
16. Griffin E. A First Look at Communication Theory. McGraw-Hill Companies, Inc, 2000.
17. Weber Max. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Vergleichen religionssoziologische Verauche, Emteitung, // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. – Tubingen, 1920. – Bd 1. – P. 123.
18. Tian Guang and Dan Trotter. Key issues in cross-cultural business communication: Anthropological approaches to international business African // Journal of Business Management. – 2012. – Vol. 6 (22). – P. 6456–6464. DOI: 10.5897/AJBM11.2673.

References

1. Bulgakov S.N. Filosofiiia khoziaistva [Philosophy of Economy]. *Bulgakov S.N. Sochineniia [Works]*. Moscow, 1993. 603 p. (In Russ.).
2. Buryshkin P.A. Moskva Kupecheskaia [Merchant Moscow]. Moscow, Stolitsa Publ., 1990. 325 p. (In Russ.).
3. Weber M. Protestanskaia etika i dukh kapitalizma. Protestanskiye sekty i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Protestant sects and the Spirit of Capitalism]. *Weber M. Izbrannyye proizvedeniia [Selected Works]*. Moscow, 1990. 808 p. (In Russ.).
4. Weber M. Protastanskaia etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. *Weber M. Izbrannyye proizvedeniia [Selected Works]*. Moscow, Progress Publ., 1991. 808 p. (In Russ.).
5. Vetoshkin A.P. Trud kak spasenie i sluzhenie. Retenziia na knigu Martseva L.M. Sushchnost' i sushchestvovanie truda: izbrannyye stat'i [Work as Salvation and the Ministry. Book review Marceva L.M. the Essence and the existence of labour: featured articles. Omsk, Omsk scientific Bulletin Publ., 2013. 400 p.]. *Bulletin of Omsk State University*, 2014, no. 1 (71). (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-spasenie-i-sluzhenie-retsenziya-na-knigu-martseva-l-m-suschnost-i-suschestvovanie-truda-izbrannye-stati-omsk-its-omskiy-nauchnyy> (accessed 17.11.2015).

6. Gurevich A. Srednevekoviĭ kupets [Medieval merchant]. *Odissei – 1990. Lichnost' i obshchestvo [Odyssey-1990. The individual and society]*. Moscow, 1990, pp. 97-131. (In Russ.).
7. Dushatskii L.E. Tsennostno-motivatsionnye dominanty rossiiskikh predprinimatelei [Value-motivational dominants of Russian entrepreneurs]. *Sociologicheskie issledovaniia [Sociological research]*, 1999, no. 7, p. 94. (In Russ.).
8. Zamoshkin I.A. Biznes i moral' [Business and Morality]. *Filosofskie issledovaniia [Philosophical studies]*, 1993, no. 1-2, p. 110. (In Russ.).
9. Karaulov I.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. (In Russ.).
10. Lapitskii M.I. Trudi biznes v zerkale religii [Labour and business in the mirror of religions]. Moscow, Novyi vek Publ., 1998. 144 p. (In Russ.).
11. Larina T.V. Kategorii veshchivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsii [The category of politeness and communication style: the comparison of English and Russian ligvocultures]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 260 p. (In Russ.).
12. Chesnokova V.F. Iazyk sotsiologii [Language of Sociology]. (In Russ.) Available at: <http://polit.ru/article/2008/10/07/soc/> (accessed 17.11.2015).
13. Chang L. Differences in Business Negotiations between Different Cultures. *The Journal of Human Resources and Adult Learning*, 2006, pp. 135-140. (In Engl.).
14. Competing Across Borders: How cultural and communication barriers affect business. *The Economist Intelligence Unit Limited*, 2012, p. 11. (In Engl.).
15. Dennis A. Pitta, Hung-Gay Fung, Steven Isberg. Ethical issues across cultures: managing the differing perspectives of China and the USA. *Journal of consumer marketing*, 1999, vol. 16, no. 3, pp. 240-256. (In Engl.).
16. Griffin E. A First Look at Communication Theory. McGraw-Hill Companies, Inc, 2000. (In Engl.). Weber Max. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Vergleichende religionssoziologische Verauche, Emteitung. *Weber M. Gesam-melte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Tübingen, 1920, Bd 1, p. 123. (In Germ.).
17. Tian Guang and Dan Trotter. Key issues in cross-cultural business communication: Anthropological approaches to international business African. *Journal of Business Management*, 2012, vol. 6 (22), pp. 6456-6464. Doi: 10.5897/AJBM11.2673. (In Engl.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.013.42

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Литвак Римма Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск, РФ). E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Блясова Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета истории и права, Шадринский государственный педагогический институт (г. Шадринск, РФ). E-mail: erofeeva_shgpi@mail.ru

В статье рассматривается влияние социокультурной среды региона на социализацию личности подростков. Сделан краткий обзор имен и работ, освещающих различные аспекты названной темы. Исследование раскрывает положительный опыт создания социокультурной среды в Курганской области. В качестве доказательства приведены примеры внимания к названной проблеме на правительственном уровне, что выражено в постановлениях, распоряжениях Правительства РФ и Курганской области, а также многочисленные реалии функционирования культурно-досуговых учреждений названной территории. Отмечается рост числа детских объединений, показана динамика развития сферы дополнительного образования. Раскрываются основные направления работы культурно-досуговых учреждений, перспективы развития. В качестве приоритетного направления в социокультурной деятельности региона названо создание системы управляемой позитивной социализации в процессах воспитания и обучения. Кроме того, как значимые направления отмечены: гражданско-патриотическое, духовно-нравственное воспитание. Сделан акцент на популяризации и развитии традиционной народной культуры в качестве важного направления политики региона.

Сделан вывод о том, что социокультурная среда, оказывая воздействие на духовную и нравственную сферы общества, выступает в качестве важного условия социализации личности, формирования ее ценностной сферы, что касается Курганской области – создаются условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития потенциала молодежи и его использования в интересах инновационного развития области и страны.

Ключевые слова: социализация, социально-культурная среда, подростки.

THE ROLE OF SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE REGION IN THE SOCIALIZATION OF TEENAGER'S PERSONALITY

Litvak Rimma Alekseevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Blyasova Irina Yurievna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Dean of Faculty of History and Law, Shadrinsk State Pedagogical Institute (Shadrinsk, Russian Federation). E-mail: erofeeva_shgpi@mail.ru

The article discusses the impact of sociocultural environment on the socialization of adolescents. Sociocultural environment has an impact on spiritual and moral sphere of society and serves as important conditions

of socialization, formation of values spheres. A brief overview of the names and works, covering various aspects of the said topics. The study reveals a positive experience in creating social and cultural environment in the Kurgan region. As evidence shows examples of attention to these problems at the governmental level as expressed in regulations, orders of the Russian Government and the Kurgan region, as well as numerous realities of the functioning of cultural and entertainment establishments named territory. There is a growing number of children's organizations, and dynamics of development of sphere of additional education. Reveals the basic directions of cultural and leisure facilities, development prospects. As a priority in the social and cultural activities in the region included the creation of a controlled positive socialization in the process of education and training. In addition, as noted important areas: civil and patriotic, spiritual and moral education. To focus on the promotion and development of traditional folk culture as an important policy in the region.

The conclusion is that the socio-cultural environment, affecting the spiritual and moral spheres of society, serves as an important condition for the socialization of the individual, the formation of its value sphere, with regard to the Kurgan region – the conditions for the successful socialization and effective self-realization of young people, the development potential of young people and its use for the benefit of innovative development of the region and the country.

Keywords: socialization, socio-cultural environment, adolescents.

Условия нестабильности, ослабление духовно-нравственных ориентиров, отчуждение подрастающего поколения от культуры и искусства, сокращение финансовой обеспеченности учреждений культуры, разрушение культурных традиций, семейных устоев, рост преступности в молодежной среде и др. – все это детерминирует обращение к проблеме социокультурной среды региона и актуализирует проблему создания условий для успешной социализации подрастающего поколения. Важным путем её решения является социально-культурная среда, которая обладает значительным педагогическим потенциалом в деле социализации молодежи. Очевидно, что понятие «социокультурная среда» тесно связано с понятием «социализация личности» и приобретает значение в подростковом возрасте, когда происходит становление жизненных планов и ориентиров.

Поэлементно обозначенная нами тема рассматривалась в трудах многих исследователей, что только подчеркивает ее актуальность. Частично и мы касались этой темы в ранней статье [4]. М. А. Ариарский, Л. Г. Брылева, А. Д. Жарков, Л. С. Жаркова, И. Л. Савченко, А. А. Сукало, Б. А. Титов, В. А. Шаповалов, В. Е. Триодин, Н. Н. Ярошенко и др. раскрыли механизмы, особенности, условия социализации и самореализации личности в сфере свободного времени, а также показали положительное и отрицательное воздействие социокультурной среды на фор-

мирование личности подрастающего поколения. Социально-культурную среду как пространство личностного становления, социальной адаптации, условия формирования ценностных ориентаций подростков и молодежи рассматривали Б. Н. Алмазов, В. Г. Бочарова, Ю. С. Бродский, О. Б. Ершова, П. П. Терехова и др.

Социокультурная среда рассматривается как значимое пространство жизнедеятельности, в котором протекает процесс формирования личности, её развитие и саморазвитие во взаимодействии с другими людьми, природными, предметными факторами, культурными ценностями. Социокультурная среда является не только важным условием формирования и социализации личности, но и определяет активную позицию подростка по освоению и формированию его жизненного пространства (А. Д. Жарков, О. Б. Ершова, П. П. Терехов, Д. В. Шамсутдинова и др.). Так, в качестве основы социализации молодежи А. И. Юдина рассматривает формирование социально-культурной среды именно в системе инфраструктуры региона [9], О. Б. Ершова изучает социально-культурную среду в качестве фактора формирования ценностных ориентаций подростков и молодежи [1].

В условиях конкретного региона, в зависимости от характера, интенсивности проблем и имеющихся ресурсов, те или иные составляющие социокультурной среды могут выступать в качестве приоритетных направлений культурной политики

и социокультурного проектирования. Мы в своем исследовании обращаемся к опыту Курганской области.

Курганская область, являясь частью социокультурной системы России и самостоятельным субъектом Российской Федерации, обладает немалым педагогическим потенциалом для реализации задач социализации подростков. О внимании к названным проблемам со стороны правительства свидетельствует и ряд документов [2; 5–7]. Приоритетным направлением в социально-культурной деятельности региона является создание системы управляемой позитивной социализации в процессах воспитания и обучения с целью формирования социальных компетенций подростков.

Управляемая позитивная социализация в региональном контексте включает: на личностном уровне закономерности личностного развития, а так же ценностные и профессиональные ориентации; на институциональном уровне – анализ социокультурных условий и социальную активность образовательных учреждений [8].

Реализация позитивной социализации обучающихся направлена на развитие их социальных компетенций обучающихся: усвоение способов приобретения знаний из различных источников, умение оценивать собственные возможности, ориентироваться в нормах и этике трудовых отношений, навыках самоорганизации, в выборе путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность и др.

На формирование социальных компетенций направлены ресурсы социально-культурной среды региона, где значительное место отводится гражданско-патриотическому, духовно-нравственному воспитанию, популяризации и развитию традиционной народной культуры, организации досуговой сферы подрастающего поколения, работе с одаренными детьми. Далее остановимся на этих направлениях более подробно.

В целях содействия гражданско-патриотическому воспитанию граждан органы государственной власти Курганской области обеспечивают:

- координацию и методическую поддержку деятельности в сфере гражданско-патриотического воспитания молодежи;
- реализацию мер государственной поддержки молодежных и детских общественных объе-

динений гражданско-патриотической направленности;

- проведение региональных патриотических молодежных мероприятий и др.

Учитывая тот факт, что Курганская область является многонациональным регионом (на её территории проживает более 100 национальностей, среди них русские, татары, башкиры, казахи, украинцы, белорусы, немцы, армяне, азербайджанцы, удмурты, чуваша, молдаване и др.), в качестве приоритетных задач выделяют [5]:

- содействие укреплению гражданского единства и гармонизации национальных и межнациональных отношений, этнокультурному развитию народов, проживающих в Курганской области;
- создание в обществе атмосферы уважения к культурным достижениям народов, проживающих в Курганской области;
- консолидацию усилий органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Курганской области, общественных, национально-культурных и религиозных объединений, научных, образовательных, культурных учреждений в сферах реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

С целью развития гражданско-патриотического воспитания молодежи, межнационального согласия и укрепления дружбы в многонациональной молодежной среде проводятся встречи с ветеранами-интернационалистами, борцами за мир, ветеранами Великой Отечественной войны, авторами книг по истории и культуре разных народов, а также авторами биографий замечательных людей. Проводятся дни национальных культур, дни славянской письменности и культуры, недели дружбы, форумы, акции солидарности и благотворительности, конференции, олимпиады, круглые столы, выставки изобразительного искусства и декоративно-прикладного творчества, национальных костюмов народов России и мира.

В образовательных учреждениях создаются клубы межнациональной дружбы. Так, в ФГБОУ ВПО «Шадринский государственный педагогический институт» с сентября 2015 года действует Клуб межнациональной дружбы. Его деятельность направлена на развитие межэтнического взаимодействия и укрепление дружбы в многонациональной молодежной среде.

В сфере духовно-нравственного воспитания в Курганской области имеются значительные ресурсы. С 2009 года Курганская область в составе 19 субъектов Российской Федерации вступила в апробацию комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» и в настоящее время является стажерской площадкой для других регионов. Информационное сопровождение темы патриотического воспитания обеспечивает молодежный портал «Патриот Зауралья».

Закон Курганской области от 10.02.1997 № 12 «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Курганской области» [5] закрепил право молодежных и детских объединений на государственную поддержку проектов, предполагающих патриотическое воспитание детей и молодежи, знакомство с культурно-историческим наследием родного края, развитие краеведческой работы, сохранение и восстановление объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

В целях формирования патриотизма как важнейшей духовно-нравственной социальной ценности, воспитания чувств национальной гордости, гражданского достоинства и долга в образовательных учреждениях Курганской области активно развивается кадетское движение. На базе 30 образовательных учреждений действуют 93 кадетских класса, более 70 % учащихся – дети из малообеспеченных и неполных семей. В настоящее время кадетским движением охвачено 17 районов Курганской области (23 общеобразовательных школы, в том числе кадетские школы-интернаты в г. Шадринске и г. Куртамыш, и 8 учреждений начального профессионального образования). Численность кадетов составляет 2 648 человек. В мариинском движении участвует 256 девушек в пяти учреждениях общего, начального и среднего профессионального образования. Их деятельность направлена на формирование у обучающихся и воспитанников гражданской ответственности, правового самосознания, патриотизма, толерантности, способности к успешной социализации в обществе.

В течение 2014 года 11 отрядов поисковиков работали в Республике Карелии, Орловской и Волгоградской областях. Благодаря их деятель-

ности были подняты останки 454 солдат Красной армии, 14 из них имели при себе именные медальоны, что позволило определить их имена и известить о находке родственников.

Важной сферой в деле воспитания активной гражданской позиции и социальной ответственности молодого поколения является волонтерство. Данная деятельность позволяет сохранять и укреплять человеческие ценности, способствует личностному росту и развитию социальных связей. На территории Курганской области зарегистрированы 10 376 волонтеров, состоящих в добровольческих отрядах. В каждом муниципальном образовании создан штаб или центр, координирующий деятельность добровольческих формирований.

Впервые был организован областной конкурс проектов и инициатив волонтеров в сфере профилактики негативных социальных явлений и пропаганды здорового образа жизни «Мое дело», победители получили денежное вознаграждение.

Развитие и распространение волонтерства относится к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики [2]. К числу задач развития этого движения относятся следующие:

- поддержка социальных инициатив, направленных на распространение гуманизма, милосердия, человеколюбия и сострадания;
- участие в подготовке и проведении массовых социально-культурных, информационно-просветительских и спортивных мероприятий;
- реализация программ профилактической и информационно-пропагандистской направленности;
- установление сотрудничества с социальными и коммерческими партнерами для совместной социально значимой деятельности.

Основными направлениями волонтерской деятельности являются: социальное патронирование детей-инвалидов, пожилых людей, экологическая защита, профилактика ПАВ, досуговая деятельность (организация свободного времени детей, подростков и молодежи, проведение интеллектуальных конкурсов, творческих мероприятий, праздников) и др.

Важное направление культурной политики региона – популяризация и развитие традицион-

ной народной культуры. В числе приоритетных направлений деятельности учреждений культуры – сохранение культурного многообразия и основ традиционного творчества, пропаганда достижений любительского искусства. В 721 учреждении культурно-досугового типа действует 6,1 тыс. клубных формирований, 173 творческих коллектива носят звание «Народный» и «Образцовый», 3 – «Заслуженный коллектив народного творчества». На решение вопросов сохранения и развития национальных культур направлена деятельность Курганского областного центра народного творчества, двух его филиалов и 19 национально-культурных центров и объединений.

В Программе «Развитие культуры Зауралья» на 2014–2020 годы значительное место отводится проведению на территории Курганской области детских межрегиональных, региональных, межмуниципальных и районных фестивалей, выставок, смотров, конкурсов, конференций, семинаров, мастер-классов, экспедиций по поддержке любительского художественного творчества, промыслов и ремесел и иных программных мероприятий, а также мероприятий по развитию художественного творчества лиц с ограниченными возможностями здоровья и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Работники «Центра русской народной культуры «Лад» ведут просветительскую работу среди молодежи, а так же работу по сбору, изучению и хранению фольклора русского населения Зауралья, возрождают традиционные технологии художественных промыслов и ремесел. На занятиях дети не только слушают рассказы о шадринских мастерах, о народной игрушке и народном костюме, но пробуют и свои силы. Все это сопровождается показом многочисленных экспонатов из этнографических и методических коллекций. «Школа ремесел и рукоделий» приобщает детей и подростков к ремесленным традициям и развивает местные промысловые традиции, на основе исследовательской работы возрождает забытые и утраченные технологии обработки материалов. Эффективной деятельности способствуют сложившаяся система фестивалей, смотров, конкурсов и выставок.

Стратегия и политика социального развития строится на основе самореализации молодого по-

коления, в том числе в процессе формирования здорового образа жизни детей и подростков.

Оздоровительная кампания обеспечивает гарантии соблюдения права детей на отдых и оздоровление, вне зависимости от материального благосостояния и социального статуса родителей. На территории Курганской области функционируют 14 загородных оздоровительных лагерей, 9 санаторно-оздоровительных лагерей круглогодичного действия, 4 санатория, а в период летних каникул – более 430 лагерей дневного пребывания.

Охват детей в возрасте от 5 до 17 лет отдыхом и оздоровлением ежегодно увеличивается. В 2010 году – 45,9 %, в 2011 году – 47,8 %, в 2012 году – 55 % от общего количества детей. В 2012 году организованным отдыхом охвачено 100 % воспитанников детских сиротских учреждений Курганской области, впервые организованы две смены для детей-инвалидов на базе загородного оздоровительного лагеря «Космос» Макушинского района.

В области сложилась определенная система по выявлению и поддержке способных и талантливых детей: олимпиады, творческие конкурсы, конференции; профильные оздоровительные смены, премия Правительства области, создаются условия для развития технического мышления, технического творчества обучающихся, формирования учебно-исследовательских умений и навыков в рамках реализации образовательного проекта «Малая академия наук». В сети школьных технопарков, созданных при профессиональных учебных заведениях, занимается более 200 старшеклассников. Дальнейшая работа в этом направлении ориентирована на выявление и поддержку талантливых детей с использованием следующих мер:

- создание творческой среды для проявления и развития способностей каждого ребенка;
- расширение системы олимпиад и иных творческих испытаний школьников;
- совершенствование практики деятельности летних (сезонных) профильных школ (смен);
- создание филиалов «Малой академии наук»;
- развитие дистанционного, очно-заочного образования талантливых детей;

- совершенствование деятельности областного лицея для сельских школьников [3].

С 2010 года в Курганской области реализуется проект «Интеллектуал Зауралья» (шахматный всеобуч). В 2014/15 учебном году 93 % общеобразовательных школ Курганской области реализуют шахматный всеобуч, увеличен охват учащихся с 1-го по 4-й класс с 33 до 54 %. Также проводятся школы по робототехнике и естественно-научному направлению в рамках реализации областного проекта «Академия РОСТа».

Итогом обучения молодежи проектной деятельности стало успешное участие делегации Курганской области в форуме молодежи УрФО «Утро – 2014». Девять молодежных проектов были признаны лучшими и получили грантовую поддержку на общую сумму 1 млн руб. Итогом Всероссийского конкурса проектов стала победа 10 молодежных проектов Курганской области.

В рамках выполнения ведомственной программы «Развитие воспитательной компоненты в общеобразовательных организациях Курганской области на 2014–2015 годы» разработаны шесть авторских дополнительных общеобразовательных программ («Будущий Я», «Созидательный Я», «Семья», «Школа лидера», «Школа будущего избирателя»).

В системе образования Курганской области функционирует более 66 учреждений дополнительного образования детей (дворец – 1, дома детского творчества – 26, центры – 8, станции – 3, детско-юношеские спортивные школы – 28), где занимается более 57 тыс. детей и подростков преимущественно в возрасте от 6 до 18 лет. Охват детей услугами дополнительного образования составляет 72 % от общего числа школьников.

В учреждениях дополнительного образования методы работы направлены на максимальный учет особенностей и потребностей социума.

Гибкость дополнительного образования детей как открытой социальной системы позволяет обеспечить условия для формирования лидерских

качеств, развития социального творчества, формирования социальных компетенций.

Сохраняется динамика роста числа детских объединений, охват дополнительным образованием детей в общеобразовательных учреждениях различных типов и видов. В сфере дополнительного образования в качестве дальнейших перспектив развития предполагается:

- обновление содержания, организационных форм, методов и технологий, в том числе создание и развитие новых информационных технологий, включающих телекоммуникационные проекты и дистанционное обучение, введение новой системы оплаты труда;

- повышение социального статуса и профессионального совершенствования педагогических и руководящих кадров системы дополнительного образования детей;

- создание современной инфраструктуры и материально-технической базы учреждений дополнительного образования детей и молодежи.

В регионе значительное внимание уделяется проведению Дней культуры сельских муниципальных районов в Кургане. Ежегодно проходят смотры-конкурсы на лучшее культурно-досуговое учреждение «Клуб года» по номинациям: «Лучшее культурно-досуговое учреждение районных центров», «Лучшее культурно-досуговое учреждение сельских поселений», «Лучший сельский клуб».

Подводя итог сказанному, следует заметить, что число теоретических исследований социокультурной деятельности довольно велико, в нашей статье мы сосредоточились на других аспектах: отмеченные реалии позволяют нам сделать вывод о значимости развития социокультурной среды региона в процессе социализации личности подростка. В Курганской области создаются условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития потенциала молодежи и его использования в интересах инновационного развития области и страны.

Литература

1. Ершова О. Б. Социально-культурная среда как фактор формирования ценностных ориентаций подростков и молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – Тамбов, 2007. – 23 с.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. распоряж. Правительства Российской Федерации от 17 нояб. 2008 года № 1662-р.

3. Куган Б. А., Криволапова Н. А., Тебенькова Е. А. Моделирование региональной сети непрерывной позитивной социализации [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век. – 2014. – Вып. 2 (6). – URL: lll21.petsu.ru/journal/article.php?id=2366.
4. Литвак Р. А., Резанович И. В. Проблема паритетности в исследованиях социокультурной деятельности детей и подростков // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 117–120.
5. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Курганской области [Электронный ресурс] // Нормативные правовые акты РФ / М-во юстиции РФ. – URL: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/act_municipal_education/printable.php (дата обращения: 07.12.2015).
6. Постановление Правительства Курганской области от 10 окт. 2014 года № 386 «О государственной программе Курганской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих в Курганской области».
7. Постановление Правительства Курганской области от 14 окт. 2013 года № 470 «О государственной программе Курганской области «Развитие культуры Зуралья» на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://kurganobl.ru/sites/default/files/imceFiles/pp_470_14_10_2013_gp.pdf (дата обращения: 07.12.2015).
8. Формирование социальной компетентности обучающихся: сб. науч.-метод. мат-лов / под ред.: Б. А. Кугана, Н. А. Криволаповой, Е. А. Тебеньковой; ГАОУ ДПО ИРОСТ. – Курган, 2011. – 136 с.
9. Юдина А. И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона как основа социализации молодежи // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19. – С. 195–203.

References

1. Ershova O.B. Sotsial'no-kul'turnaia sreda kak faktor formirovaniia tsennostnykh orientatsii podrostkov i molodezhi [Socio-cultural environment as a factor of formation of valuable orientations of teenagers and young people]. Tambov, 2007. 23 p. (In Russ.).
2. Kontsepsiia dolgosrochnnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda, utverzhdenaia rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noiabria 2008 goda № 1662-r. [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020, approved by the Federal Government on November 17, 2008, no. 1662-r] (In Russ.).
3. Kugan B.A., Krivolapova N.A., Teben'kova E.A. Modelirovanie regional'noi seti nepreryvnoi pozitivnoi sotsializatsii [Modeling of the regional network of continuous positive socialization]. Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong Education: XXI Century], 2014, vol. 2 (6). (In Russ.). Available at: lll21.petsu.ru/journal/article.php?id=2366.
4. Litvak R.A., Rezanovich I.V. Problema paritetnosti v issledovaniakh sotsiokul'turnoi deiatel'nosti detei i podrostkov [The problem of parity in the study of social and cultural activities for children and adolescents]. Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Cheliabinsk State Academy of Culture and Arts], 2011, no. 4 (28), pp. 117-120. (In Russ.).
5. O gosudarstvennoi podderzhke molodezhnykh i detskikh obshchestvennykh ob'edinenii v Kurganskoi oblasti [On state support of youth and children's organizations in the Kurgan region]. Normativnye pravovye akty RF [The normative legal acts of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/act_municipal_education/printable.php (accessed 07.12.2015).
6. Postanovlenie Pravitel'stva Kurganskoi oblasti ot 10 oktiabria 2014 goda № 386 "O gosudarstvennoi programme Kurganskoi oblasti "Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov, prozhivaiushchikh v Kurganskoi oblasti" [Resolution of the Government of the Kurgan region October 10, 2014, no. 386 "On the State Program of Kurgan area" Strengthening the unity of the Russian nation and ethno-cultural development of the peoples living in the Kurgan region"]. (In Russ.).
7. Postanovlenie Pravitel'stva Kurganskoi oblasti ot 14 oktiabria 2013 goda № 470 "O gosudarstvennoi programme Kurganskoi oblasti "Razvitie kul'tury Zaural'ia" na 2014–2020 gody" [Resolution of the Government of the Kurgan region October 14, 2013, no. 470 "On the State Program of Kurgan region 'Development of culture Zauralye' for 2014-2020"]. (In Russ.). Available at http://kurganobl.ru/sites/default/files/imceFiles/pp_470_14_10_2013_gp.pdf (accessed 07.12.2015).
8. Formirovanie sotsial'noi kompetentnosti obuchaiushchikhsia. Sb. nauch.-metod. materialov [Formation of social competence of students]. Ed. by B.A. Kugan, etc. Kurgan, 2011. 136 p. (In Russ.).
9. Iudina A.I. Formirovanie sotsial'no-kul'turnoi sredy v sisteme infrastruktury regiona kak osnova sotsializatsii molodezhi [Formation of the socio-cultural environment in the region's infrastructure, as a basis for youth socialization]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo Universiteta kul'tury i iskustv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 19, pp. 195-203. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ САМОРАЗВИТИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вековцева Татьяна Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры «Маркетинговые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, РФ). E-mail: vek-73@mail.ru

В статье представлен подход, согласно которому целесообразно использовать ресурсы социокультурной (особенно культурно-досуговой) среды для саморазвития преподавателей вуза. Преподаватель вуза как субъект социокультурной деятельности выдвигается на передний план. Социокультурная деятельность преподавателей вуза представлена как специально организованный процесс их взаимодействия в рамках действующих культурных норм и значений с использованием доступных культурных ценностей. Особое внимание уделено характеристике развивающе-феликсологической среды жизнедеятельности человека. Данная среда характеризуется как эмоционально-насыщенное единство профессиональной, культурно-досуговой, социальной и семейной составляющих, оказывающих позитивное влияние (разной степени интенсивности) на жизнедеятельность человека, принося ему удовлетворение и удовольствие. Обосновано, что содержательное наполнение содействия саморазвитию преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности необходимо реализовывать в специально созданных условиях, которые определяют саморазвитие как процесс. Разработан комплекс психолого-педагогических условий для эффективного содействия саморазвитию преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности, который включает следующие условия: пропаганда возможностей досуговой деятельности для саморазвития и достижения внутриличностного благополучия преподавателей; создание рефлексивно-инновационной среды, побуждающей преподавателей к общекультурному непрерывному развитию; применение разнообразных методов и средств стимулирования активности и инициативы преподавателей в организации культурно-досуговой деятельности; внедрение в вузе педагогической анимации, проводимой руководителями подразделений, в виде систематического коучинга, а точнее один из его видов – коучинг личной эффективности или коучинг жизни (так называемый лайф-коучинг). Выявленные психолого-педагогические условия в совокупности представляют необходимые и достаточные условия, которые создают наиболее благоприятную среду для успешного саморазвития преподавателя вуза в культурно-досуговой деятельности.

Ключевые слова: саморазвитие, культурно-досуговая деятельность, преподаватель вуза, педагогические условия.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF UNIVERSITY LECTURERS' EMPOWERMENT IN CULTURAL AND LEISURE ACTIVITIES

Vekovtseva Tatiana Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Marketing Communications, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vek-73@mail.ru

The modern practice of education shows that the activity of the university lecturer has a pronounced multifunctional character, emotionally and intellectually costly, requires a demonstration of a large range of properties that can go far beyond basic professional functions. This underlines the fact that the teacher's professional activity is carried out in a certain socio-cultural environment, in particular, the socio-cultural

environment of the university, which is a specially organized process of interaction in the framework of existing cultural norms and standards using the available cultural values. Based on the analysis, the self-development of the university lecturer is defined as a purposeful process of quality development of culture, which is embodied in its commitment to progress, develop its essential power, enrich the available knowledge, acquire and improve skills, enhance personal qualities in an individual space of life and professional way. Information content of university lecturers' empowerment in the cultural and leisure activities must be implemented in specially created conditions that determine the self-development of the process. Designed complex psychological and pedagogical conditions for the effective empowerment of teachers' college in the cultural and leisure activities include: promotion of opportunities for self-development and leisure activities and achievements intrapersonal welfare of teachers; creating the reflective innovation environment that encourages teachers to general cultural continuous development; use a variety of methods and means to promote the activity and initiative of teachers in the organization of cultural and leisure activities; introduction of university teaching animation, carried the heads of departments in the form of systematic coaching, but rather one of its forms of personal effectiveness coaching or life coaching (the so-called life coaching). Identified psychological and pedagogical conditions together are necessary and sufficient conditions that create the most favorable environment for successful university lecturer's self-development in the cultural and leisure activities. Each of the presented conditions implemented in practice if there didactic-felixologic living environment, which is characterized as an emotionally-rich unity of professional, cultural, recreational, social and family environments, providing a positive impact of varying intensity in the self-development of the teacher of high school in the cultural and leisure activities.

Keywords: self-development, cultural and leisure activities, high school teacher, pedagogical conditions.

Сегодня практически ни один крупный научный или методический журнал не обходит вниманием какие-либо аспекты профессиональной деятельности преподавателя высшей школы. Современная практика образования показывает, что деятельность преподавателя вуза имеет ярко выраженный полифункциональный характер, эмоционально и интеллектуально затратна, требует демонстрации большого спектра качеств, которые могут далеко выходить за рамки основных профессиональных функций [6; 7 и др.]. При этом интересна и показательна проблематика вопросов: саморазвития, самосовершенствования и самореализации преподавателя вуза. Однако авторы, как правило, рассматривают их в плоскости профессиональной деятельности. Ресурсы социокультурной (особенно культурно-досуговой) среды для саморазвития преподавателя вуза зачастую недооцениваются и поднимаются крайне редко [2; 3; 10].

Рассмотрение преподавателей вуза как субъектов социокультурной деятельности приобретает особую актуальность в настоящее время, когда социально ценной признана идея построения «общества знания». Говоря о преподавателе

как субъекте социокультурной деятельности, мы имеем ввиду то обстоятельство, что его профессиональная деятельность осуществляется в некой социокультурной среде, в частности, социокультурной среде вуза. Кроме того, нами определена социокультурная деятельность преподавателей вуза, которая представляет собой специально организованный процесс их взаимодействия в рамках действующих культурных норм и значений с использованием доступных культурных ценностей. Все смысловые элементы, лежащие в основе социокультурного взаимодействия, насыщены человеческими смыслами и, соответственно, способствуют проявлению субъектами в данном процессе индивидуальности и самовыражения в мире культурных ценностей.

На основе анализа научных публикаций установлено, что саморазвитие как феномен и психологический процесс присутствует в рамках жизнедеятельности человека. Осуществляется саморазвитие в процессе проявления человеком активности в преодолении не только критических, но традиционных бытовых ситуаций. В основе процесса саморазвития лежит умение его субъекта делать целесообразный выбор от-

носителю своего поведения на основе четкого представления о своих потребностях и возможностях их воплощения [4; 6; 8]. Исходя из приведенного выше анализа, саморазвитие преподавателя вуза определим как целенаправленный процесс качественного освоения культуры, в котором находит воплощение его стремления прогрессиро-

вать, развивать свои сущностные силы, обогащать имеющиеся знания, приобретать и совершенствовать умения, улучшать личностные качества в индивидуальном пространстве жизненного и профессионального пути. Также отметим, что данный процесс характеризуется общими и особенными характеристиками (рис. 1).

Рисунок 1. Общее и особенное в саморазвитии преподавателя вуза

В качестве ресурса для саморазвития преподавателя вуза мы рассматриваем культурно-досуговую деятельность, которая представляет собой процесс освоения, осознания и создания социально значимых культурных ценностей, осуществляемый в свободное время в соответствии с потребностями и интересами личности.

Важно отметить, что эффективное саморазвитие преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности происходит только при наличии развивающе-феликсологической среды жизнедеятельности. Данная среда характеризуется

как эмоционально-насыщенное единство профессиональной, культурно-досуговой, социальной и семейной составляющих, оказывающих позитивное влияние (разной степени интенсивности) на жизнедеятельность человека, принося ему удовлетворение и удовольствие [3; 5].

Развитие происходит только при уравновешенном сочетании всех четырех составляющих, то есть зона пересечения и есть развивающая характеристика среды. Безусловно, данный тезис может показаться спорным, однако полагаем убедительным является факт, что доминирова-

ние одной из сред в жизнедеятельности человека будет способствовать его развитию, но только в этом конкретном направлении. Оптимальным вариантом является то, что развитие должно быть всесторонним, «гармоничным» (рис. 2).

Рисунок 2. Развивающе-феликсологическая среда жизнедеятельности преподавателя вуза

Системность саморазвития обусловила необходимость разработки содержательно-методического обеспечения процесса содействия саморазвитию преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности. Данное обеспечение целесообразно рассматривать по трем основным характеристикам: программно-содержательная, организационно-методическая и технологическая [1; 8]. Программно-содержательная характеристика содержит структуру, содержание, программы, планы преподавателей по саморазвитию в культурно-досуговой деятельности. Организационно-методическая характеристика представлена формами реализации содержания процесса в культурно-досуговой деятельности. Технологическая характеристика представлена

методами, педагогическими средствами и приемами саморазвития преподавателей вуза.

Не требует отдельного доказательства тот факт, что содержательное наполнение содействия саморазвитию преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности необходимо реализовывать в специально созданных условиях, которые определяют саморазвитие как процесс. В педагогической практике условия создаются исходя из двух аспектов: психологического и педагогического, так как необходимо оказывать влияние с помощью специальной среды, обстоятельств или мер воздействия на личность (педагогический аспект) на интересующий феномен с учетом его внутренних характеристик, особенностей и структуры (психологический аспект). Следовательно, целесообразно вести речь о психолого-педагогических условиях, которые мы понимаем как комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мер воздействия, направленных на развитие требуемых качеств или характеристик личности.

Разработанный нами комплекс психолого-педагогических условий для эффективного содействия саморазвитию преподавателей вуза в культурно-досуговой деятельности включает следующие условия:

- пропаганда возможностей досуговой деятельности для саморазвития и достижения внутриличностного благополучия преподавателей. К индивидуальным формам пропаганды отнесены: беседа, консультации и разовые индивидуальные занятия. К групповым формам – семинар, лекция-беседа, тренинговые упражнения. Среди методов пропаганды предложено использовать как традиционные: метод устной, метод печатной и метод наглядной пропаганды; так и новые, составленные автором: музыкальные аудиозаписи и личный пример культурно-досуговой деятельности руководителей структурных подразделений (зав. кафедрами, деканы);

- создание рефлексивно-инновационной среды, побуждающей преподавателей к общекультурному непрерывному развитию. Рефлексивно-инновационная среда представляет собой сочетание осмысления (рефлексия) и инноваций, творчества (развитие). Такая среда создается с помощью культурно-досугового объединения

преподавателей вуза. Подобное объединение – крайне редкое явление для вуза, так как вся социокультурная работа направлена только на студентов, а преподаватели могут лишь иногда присоединяться к этой работе. Мы полагаем, что это серьезное упущение со стороны ректората вуза, и предлагаем данное упущение устранить. Культурно-досуговое объединение преподавателей вуза обеспечит общекультурное развитие, как минимум, по трем векторам:

1) постижение законов природы, социума и совершенствования человека; понимание и принятие ценностей мировой культуры, национальных традиций; освоение современных информационных технологий;

2) совершенствование мотивационно-потребностной сферы человека, выражающееся в создании системы ценностных ориентаций, определения стратегии профессионального и личностного роста;

3) развитие творческих способностей [10].

- применение разнообразных методов и средств стимулирования активности и инициативы преподавателей в организации культурно-досуговой деятельности. К таким методам были отнесены: а) методы сотрудничества: коллективные творческие проекты; метод «личного примера»; б) игровые методы: игровые тренинги, инсценировки, упражнения; в) методы соревнования: спортивные игры, командно-игровые турниры, соревнования при выполнении упражнений; г) методы визуализации: визуализация данных; визуализация информации; визуализация образа;

- внедрение в вузе педагогической анимации, проводимой руководителями подразделений, в виде систематического коучинга, а точнее одного из его видов – коучинга личной эффективности или коучинга жизни (так называемого лайф-коучинга). Выбор коучинга обоснован тем, что только коучинг предполагает равные, партнерские отношения между субъектами взаимодействия. Мы пришли к выводу, что необходимо

предусмотреть индивидуальный коучинг, который по времени длится от 15 до 40 минут, а тематика предопределяется полученными данными в ходе диагностических процедур. Проведение коуч-сессий в данном случае предполагает акцентирование коучем внимания преподавателей на качество осуществляемой ими культурно-досуговой деятельности, от которого зависят настроение, физическая активность, удовлетворенность жизнью и т. п. [9; 11].

Выявленные психолого-педагогические условия в совокупности представляют необходимые и достаточные условия, которые создадут наиболее благоприятную среду для успешного саморазвития преподавателя вуза в культурно-досуговой деятельности. Каждое из представленных условий реализуется на практике при наличии развивающе-феликсологической среды жизнедеятельности, характеризуемой как эмоционально-насыщенное единство профессиональной, культурно-досуговой, социальной и семейной сред, оказывающих позитивное влияние разной степени интенсивности на саморазвитие преподавателя вуза в культурно-досуговой деятельности.

В заключение отметим, что содействие саморазвитию преподавателя вуза в культурно-досуговой деятельности предполагает педагогически выстроенные совместные действия преподавателей и тьюторов, в специально созданных условиях, детерминирующие желаемое развитие, при сохранении (восстановлении) физических, психических и душевных сил. Представление саморазвития преподавателя вуза как системы, процесса и результата обусловили логику данного исследования, в частности, саморазвитие как результат зафиксировано целями исследования, саморазвитие как система отражено в содержательном наполнении, саморазвитие как процесс представлено в формах, методах, средствах и педагогических условиях его успешного осуществления.

Литература

1. Архангельский Г. А. Формула времени: тайм-менеджмент на Outlook 2007. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 221 с.
2. Антонов К. А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 23.00.02. – Кемерово, 2009. – 48 с.

3. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под науч. ред. акад. РАЕН А. Д. Жаркова и проф. В. М. Чижикова. – М.: МГУК, 1998. – 461 с.
4. Михайлова Е. Н. Праксеологический подход в исследовательской деятельности педагога // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Серия «Педагогика». – 2006. – Вып. 10(61). – С. 25–27.
5. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. – 2-е изд., стер. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. – 400 с.
6. Подповетная Ю. В. Концепция развития научно-методической культуры преподавателя вуза: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – Челябинск, 2012. – 400 с.
7. Подповетная Ю. В., Резанович И. В. Преподаватель высшей школы: деятельность в современных социально-педагогических условиях // *European Social Science Journal*. – 2012. – № 2. – С. 320–324.
8. Салихова Л. Ф. Организационно-методическое обеспечение проектирования содержания повышения квалификации педагогических кадров в региональных условиях // Проблемы и перспективы развития образования: мат-лы междунар. науч. конф. – Пермь: Меркурий, 2011. – Т. I. – С. 66–68.
9. Третьякова Т. Н. Анимационная деятельность в социально-культурном сервисе и туризме: учеб. пособие для вузов. – М.: Академия, 2008. – 56 с.
10. Флиер А. Я. «Культура мира» и культурная компетентность личности // Теория и история культуры. – М.: Вестн. МГУКИ. – 2004. – № 1. – С. 18–33.
11. Lewin K. *Frontiers in group dynamics*. – New York: Harper & Row, 1947. – P. 153.

References

1. Arkhangel'skii G.A. *Formula vremeni: taim-menedzhment na Outlook 2007* [Formula Time: time management to Outlook 2007]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2014. 221 p. (In Russ.).
2. Antonov K.A. *Televizionnye novosti v massovo-kommunikatsionnom protsesse: sotsiologicheskii analiz mekhanizmov sotsial'no-politicheskogo konstruirovaniia*. Avtoref. diss. d-ra sotsiol. nauk: 23.00.02 [Television news in mass-communication process: sociological analysis of the mechanisms of social and political construction. Author's abstract of diss. Dr. sociol. sciences: 23.00.02]. Kemerovo, 2009. 48 p. (In Russ.).
3. Kul'turno-dosugovaia deiatel'nost'. *Uchebnik* [Recreational Activities. A tutorial]. Science ed. academic RAEN A.D. Zharkova, prof. V.M. Chizhikova. Moscow, Moscow State University of Culture Publ., 1998. 461 p. (In Russ.).
4. Mikhailova E.N. *Prakseologicheskii podkhod v issledovatel'skoi deiatel'nosti pedagoga* [Praxeological approach to research teacher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Pedagogika" [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. A series of "Pedagogy"]*, 2006, iss. 10(61), pp. 25-27. (In Russ.).
5. Mitina L.M. *Psikhologiya razvitiia konkurentosposobnoi lichnosti* [Psychology of competitive personality]. Moscow, Moscow psychology-social institute Publ., 2003. 400 p. (In Russ.).
6. Podpovetnaia Iu.V. *Kontseptsia razvitiia nauchno-metodicheskoi kul'tury prepodavatel'ia vuza*. Diss. d-ra ped. nauk: 13.00.08 [The concept of development of scientific and methodological culture of the teacher of high school. Diss. Dr. pedagogic sciences: 13.00.08]. Cheliabinsk, 2012. 400 p. (In Russ.).
7. Podpovetnaia Iu.V., Rezanovich I.V. *Prepodavatel' vysshei shkoly: deiatel'nost' v sovremennykh sotsial'no-pedagogicheskikh usloviakh* [High school teacher: activities in the current socio-educational conditions]. *European Social Science Journal*, 2012, no. 2, pp. 320-324. (In Russ.).
8. Salikhova L.F. *Organizatsionno-metodicheskoe obespechenie proektirovaniia sodержaniia povysheniia kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov v regional'nykh usloviakh* [Organizational-methodical maintenance of designing of the maintenance training teachers in regional conditions]. *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia. Materialy mezhdunar. nauch. konf. [Problems and prospects of the development of education. Proceedings of the international scientific conf.]*. Perm', Merkurii Publ., 2011, vol. 1. pp. 66-68. (In Russ.).
9. Tret'yakova T.N. *Animatsionnaia deiatel'nost' v sotsial'no-kul'turnom servise i turizme*. Ucheb. posobie dlia vuzov [Animation activities in the socio-cultural service and tourism. Studies manual for schools]. Moscow, Akademiia Publ., 2008. 56 p. (In Russ.).
10. Flier A.Ia. *"Kul'tura mira" i kul'turnaia kompetentnost' lichnosti* ["Culture of Peace" and the cultural competence of the person]. *Teoriia i istoriia kul'tury [Theory and history of culture]*. Moscow, Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2004, no. 1, pp. 18-33. (In Russ.).
11. Lewin K. *Frontiers in group dynamics*. New York, Harper & Row Publ., 1947, p. 153. (In Eng.).

УДК 371

ИНТЕНСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ДОСУГА

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tnivleva@yandex.ru

В данной статье рассматривается проблема подготовки специалистов высшей квалификации для современной индустрии досуга. Значительное внимание уделяется развитию индустрии досуга в России. В статье речь идет о том, что в современном обществе в сфере досуга сконцентрирован огромный рыночный потенциал и россияне готовы тратить все больше денег на свои развлечения, поскольку интерес потребителей смещается в сторону развлекательного сектора. Значительное внимание уделяется роли досуга в формировании культуры личности и общества. Выделяются и описываются характерные особенности социальных институтов досуга как ведущих сфер социально культурной интеграции и личностной самореализации. В статье раскрываются проблемы дефицита профессиональных специалистов, способных предложить новые креативные идеи и претворить их в жизнь. Обосновывается идея о том, что в современной социально-культурной ситуации важной задачей становится подготовка высококлассных специалистов в области социально-культурной деятельности. В данной статье предпринята попытка раскрыть основные подходы к реализации направления подготовки «Социально-культурная деятельность», профиль подготовки «Социально-культурные технологии в индустрии досуга», квалификация «бакалавр». Основное внимание в работе автор акцентирует на целях обучения, профессиональном становлении и развитии студентов. Автор приходит к выводу, что одним из способов достижения данных целей обучения является использование современных интенсивных технологий обучения в вузе. Автором предложено использование технологии Е-портфолио в подготовке специалистов для современной индустрии досуга. В статье рассматривается структура Е-портфолио, описывается опыт внедрения данной технологии в подготовке специалистов для современной индустрии досуга. В заключение раскрываются функции и значение Е-портфолио для современной индустрии досуга.

Ключевые слова: Е-портфолио, индустрия досуга, интенсивные технологии обучения, социально-культурная деятельность, социально-культурные технологии, специалисты в области социально-культурной деятельности, процесс организации досуга, цели обучения.

INTENSIVE TECHNOLOGY IN THE TRAINING THE UNIVERSITY STUDENTS FOR THE MODERN LEISURE INDUSTRY

Ivleva Tatiana Nikolaevna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of Department of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tnivleva@yandex.ru

This article considers the problem of training the highly qualified specialists for modern leisure industry. Considerable attention is paid to the development of leisure industry in Russia. The article refers to the fact that in modern society in the field of leisure, there is a huge market potential and the Russians are willing to spend more money on their entertainment, as the interest of consumers on the role of leisure in the formation of culture and society. It identifies and describes the characteristic features of social institutions of leisure as the leading areas of social and cultural integration and personal fulfillment. The article shows the problem of shortage of professional specialists that can offer new creative ideas and implement them. It substantiates the idea that in the modern socio-cultural situation, the important task is to prepare highly qualified specialists in the field of socio-cultural activities. This article is an attempt to reveal the main approaches to the implementation of

socio-cultural activity provisioning “socio-cultural technologies in the entertainment industry” profile with the qualification of bachelor’s degree, their professional formation and development. The main focus of the paper is on the learning objectives. The author comes to the conclusion that only one way to achieve these learning objectives is the use of modern intensive teaching technologies at the university. The author suggested the use of E-portfolio technology in the preparation of specialists for the modern leisure industry. The article discusses the structure of the E-portfolio, describes the experience of implementing this technology in the preparation of highly qualified specialists for leisure industry. In conclusion, it describes the functions and importance of E-portfolio for modern leisure industry.

Keywords: E-portfolio, leisure industry, intensive learning technologies, socio-cultural activities, socio-cultural technologies, specialists in the field of socio-cultural activities, process activities, learning objectives.

*Способность умно наполнить
свободное время
есть высшая ступень
личной культуры.
Бертран Рассел*

В последние годы в России стремительными темпами развивается индустрия досуга. В современном обществе в сфере досуга сконцентрирован огромный рыночный потенциал. Процесс индустриализации досуга начался в конце XIX века. Во второй половине XX века индустрия досуга становится приоритетной, высокодоходной сферой экономики для инвестиций. Зарубежная статистика свидетельствует, что ежегодный доход индустрии досуга в современном мире составляет более 200 млрд дол. Ежегодно эта сумма увеличивается на 10–15 % в зависимости от демографических изменений, технологических инноваций, глобализации социально-культурных процессов [6].

«Хлеба и зрелищ!» – со времен римской империи эти слова сатирика Ювенала воспринимаются как символическое выражение интересов народных масс. Согласно антропологической теории социальные условия не оказывают существенного влияния на природу человека. И потребности людей во вкусной пище и нескучном проведении свободного времени актуальны всегда. Е. Рейнгольд и В. Соловьева в статье «Деньги на игру (инвестиционные стратегии в индустрии развлечений и досуга)» отмечают, что россияне готовы тратить все больше денег на свои увлечения. Развлечения – первоочередной объект вложения свободных средств, и когда потребности в различных товарах и продуктах удовлетворены, то интерес потребителей смещается в сторону развлекательного сектора [7].

Развитие индустрии досуга в нашей стране обусловлено тем, что досуг играет важную роль в формировании культуры личности и общества. Являясь частью свободного времени, досуг привлекает людей разного возраста нерегламентированностью и добровольностью выбора его различных форм, демократичностью, возможностью сочетать в нем творческую и созерцательную, производственную и игровую деятельность. Социальные институты досуга являются ведущими сферами социально-культурной интеграции и личностной самореализации. Л. В. Секретова в [8] отмечает, что появление и развитие индустрии досуга обусловлено тенденциями глобализации, экономизации культуры, коммерциализации досуга, консьюмеризации (это внедрение пользовательских устройств (смартфонов, планшетов) сотрудников для выполнения рабочих задач) форм культурно-досуговой деятельности, с одной стороны, и стремительным развитием творческих отраслей экономики, прежде всего в городах, с другой стороны. В то же время происходит внедрение технологических принципов в процесс организации досуга и, соответственно, создается новая отрасль отечественной экономики – индустрия досуга.

Серьезной проблемой в эффективном развитии индустрии досуга в нашей стране является дефицит профессиональных специалистов, способных предложить новые креативные идеи и претворить их в жизнь. В. Смирнов справедливо отмечает: «Традиционный набор услуг: бильярд, боулинг, игровые автоматы, мультиплексы, фитнес – продержится на рынке еще года два, три. Но очевидно, что затем рынку потребуются новации, и о том, какими они должны быть, чтобы удовлетворить новые потребности, нужно думать уже сегодня» [9]. Цель статьи – раскрыть возмож-

ности и преимущества интенсивных технологий для профессионального становления и развития в процессе подготовки специалистов данного профиля.

В связи с этим в современной социально-культурной ситуации важной задачей становится подготовка высококлассных специалистов в области социально-культурной деятельности. Рынок образовательных услуг во многом зависит от уровня развития социально-культурной среды, от доминирующих в обществе ценностей, норм и традиций. В настоящее время ФГОС ВПО по направлению подготовки 510303 (071800) «Социально-культурная деятельность» утвержден профиль подготовки «Социально-культурные технологии в индустрии досуга», квалификация «бакалавр», который неизменно привлекает к себе интерес и не испытывает недостатка желающих попробовать в нем свои силы. Сегодня эта профессия является одной из интересных и востребованных, что, в свою очередь, требует раскрыть основные подходы к реализации направления подготовки «Социально-культурная деятельность», профиль подготовки «Социально-культурные технологии в индустрии досуга», квалификация «бакалавр».

Цели обучения – формирование специалиста социально-культурной сферы, владеющего основами гуманитарных, социально-политических, культурологических, искусствоведческих, психолого-педагогических, художественно-творческих и организационно-управленческих знаний, обладающего общекультурными и профессиональными компетенциями, позволяющими вовлекать людей в мир культуры и социально-культурного творчества, создавать благоприятную культурную среду, удовлетворять духовные интересы разных групп населения и способствовать их последовательному возвышению в противоречивых условиях развития постиндустриального общества [8].

Одним из способов достижения данных целей обучения является использование современных интерактивных технологий обучения в вузе [2; 3; 4]. Трудно не согласиться с мнением Р. Ф. Жукова, что сегодня вместо широко известного девиза «Знания – Сила!» в системе образования следует применять другой – «Сила – это умение превратить полученные знания в навык, в действие, в результат!». На самом деле это известно давным-давно, однако, на практи-

ке, в системе подготовки кадров используется мало [1]. Для того чтобы не отставать от требований времени, отмечает А. П. Панфилова, преподавателю необходимо стать Homo Ludens – человеком играющим, а для этого внедрять в процесс обучения интенсивные технологии, методы активного обучения, игровое моделирование. По мнению автора, эти технологии позволяют создавать психологически комфортную среду, обеспечивающую, с одной стороны, академическую и творческую свободу преподавателю, с другой, возможность обучаемому самому выбирать образовательные технологии, способствующие самореализации и творческому развитию. Речь идёт об игротехнической компетентности, овладение которой позволит преподавателю не только влиять на формирование умений и навыков творческого и интеллектуального развития обучаемых, изменять их мотивацию, но и приобретать инновационный практический опыт по решению интеллектуальных, творческих, тупиковых и кризисных проблем [5].

В КемГИК используется технология электронного портфолио (Е-портфолио) в подготовке специалистов для современной индустрии досуга. **Е-портфолио** – это технология фиксирования, накопления, анализа и самоанализа индивидуальных достижений студента в цифровом виде, который позволяет обеспечить мониторинг формирования и развития профессиональных компетенций будущего специалиста индустрии досуга.

На кафедре управления социальной сферы для студентов профиля «Социально-культурные технологии в индустрии досуга» («бакалавр») мы применяем Е-портфолио «Программа индивидуально-ориентированного профессионального развития студента» («ПИОПРС»). Электронный вариант позволяет, с одной стороны, сохранять информацию, с другой – оперативно вносить в него все необходимые изменения и дополнения. У студентов появляется возможность формировать Е-портфолио по результатам личного профессионального развития в течение всего периода обучения в вузе и, в конечном итоге, предъявить его работодателю. Думается, что соискатель на рынке труда, обладающий таким Е-портфолио, будет выгодно отличаться от конкурентов.

Структура разделов Е-портфолио студента «ПИОПРС» представлена на рис.1.

Рисунок 1. Структура разделов Е-портфолио студента «ПИОПРС»

Е-портфолио внедряется с первого года обучения и ведется каждым студентом на протяжении всего периода обучения. Большое значение в организации данной технологии имеет мотивация обучения студентов. Е-портфолио как интенсивная технология способствует повышению мотивации обучения студентов и объективности оценки качества получаемого образования. Приведем несколько цитат из ответов студентов профиля «Социально-культурные технологии в индустрии досуга»:

- «В наше время, в XXI веке социально-культурная деятельность достаточно актуальна и востребована. Я уверена, что знания, которые я получаю в КемГИК, помогут мне абсолютно в любой деятельности»;

- «Я не пожалел, что выбрал именно этот профиль подготовки, меня радует, что профиль «Социально-культурные технологии в индустрии досуга» объединяет в себе все сферы общественной и социально-культурной деятельности.

Надеюсь, что мое представление о моей будущей профессии к концу обучения не изменится»;

- «Я не разочаровалась в выборе своей профессии, начинаю осознавать всю суть выбранной профессии, ее актуальность в современном обществе, меня всё больше и больше интересуют кардинально разные спектры индустрии досуга».

Таким образом, Е-портфолио – это не только и не столько папка с бумажными документами в электронном варианте. Это динамичная информация, которая позволяет провести в процессе обучения мониторинг формирования и развития профессиональных и общекультурных компетенций студентов, их творческих и исследовательских навыков, реализовать практико-ориентированный характер, выбрать студентам индивидуальную образовательную траекторию и объективную самооценку своих учебных и профессиональных возможностей.

Е-портфолио как интенсивная технология подготовки профессионалов для современной индустрии досуга осуществляет ряд функций:

- образовательно-формирующую – способствует приобретению новых знаний, умений, прежде всего исследовательских и творческих;
- диагностическую – позволяет студенту увидеть уровень организационно-творческого потенциала, является средством оценивания;
- рефлексивную – предоставляет студентам возможность приобрести опыт рефлексивного мышления;
- мотивационную – позволяет студенту предоставить результаты собственного осмысления проблемы, повышает мотивацию к ее изучению, способствует поощрению активности и самостоятельности;
- формирования и развития профессиональных и общекультурных компетенций студентов в условиях имитации профессиональной деятельности, степень проявления тех или иных индивидуальных организационных, коммуникативных, креативных и др. качеств.

Литература

1. Жуков Р. Ф. Введение в педагогику деловых игр [Электронный ресурс]. – URL: <http://do.znate.ru/docs/index-16150.html?page=3>. – Загл. с экрана.
2. Ивлева Т. Н. Внедрение интерактивных методов обучения в организацию самостоятельной работы студентов // Менеджмент XXI века: ресурсы развития образования и бизнеса: сб. науч. ст. [XII Междунар. науч.-практ. конф.], Санкт-Петербург, 27–29 нояб. 2012 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – С. 137–139.

3. Ивлева Т. Н. Е-портфолио и модерация как интенсивные технологии профессионального развития личности студентов // Вестн. бalt. пед. акад.: сб. науч. ст. по мат-лам заоч. междунар. науч.-практ. конф. «Интенсивные методы и технологии в обучении и профессиональном развитии личности: зарубежный и отечественный опыт» г. Санкт-Петербург, Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена 19 марта 2014 года. – СПб., 2014. – Вып. 113. – С. 59–61.
4. Ивлева Т. Н. Интерактивные методы обучения в организации самостоятельной работы студентов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 145–150.
5. Панфилова А. П. Динамика развития методов активного обучения и игрового моделирования [Электронный ресурс]. – URL: <http://do.znate.ru/docs/index-16150.html?page=3>. – Загл. с экрана.
6. Петрова И. В. Сущность и особенности становления индустрии досуга? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/5874-sutnist-ta-osoblivosti-stanovlennja-industriyi-dozvillja.html>. – Загл. с экрана.
7. Рейнгольд Е., Соловьева, В., Деньги на игру (инвестиционные стратегии в индустрии развлечений и досуга) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rcb.ru/rcb/2008-09/13865/>. – Загл. с экрана.
8. Секретова Л. В. Рекреативно-развивающий потенциал досуга и условия его эффективного использования? [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/industriya-dosuga-sotsialno-kulturnyy-aspekt>. – Загл. с экрана.
9. Смирнов В. Торгово-развлекательные центры и комплексы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.4p.ru/main/theory/2594/>. – Загл. с экрана.

References

1. Zhukov R.F. Vvedenie v pedagogiku delovykh igr [Introduction to pedagogy of business games]. (In Russ.). Available at: <http://do.znate.ru/docs/index-16150.html?page=3>.
2. Ivleva T.N. Vnedrenie interaktivnykh metodov obucheniia v organizatsiiu samostoiatel'noi raboty studentov [The introduction of interactive teaching methods in the organization of independent work of students]. *Menedzhment XX veka: resursy razvitiia obrazovaniia i biznesa. Sbornik nauchnykh statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Management in XXI century. Resources for the development of education and business. Collection of scientific articles XII International scientific-practical conference St. Petersburg, 27–29 November 2012]. St. Petersburg, Publishing House A.I. Herzen RGPU, 2012, pp. 137–139. (In Russ.).
3. Ivleva T.N. E-portfolio i moderatsiia kak intensivnye tekhnologii professional'nogo razvitiia lichnosti studentov [E-portfolio and moderated intensive technology as the professional development of individual students]. *Vestnik baltiiskoi pedagogicheskoi akademii. Sbornik nauchnykh statei po materialam zaochnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Intensivnye metody i tekhnologii v obuchenii i professional'nom razvitiu lichnosti: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt"* [Journal of Baltic pedagogical Academy. Collection of articles on materials of the international correspondence scientific-practical conference "Intensive methods and technologies for training and personality development: foreign and domestic experience"]. St. Petersburg, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 2014, vol. 113, pp. 59–61. (In Russ.).
4. Ivleva T.N. Interaktivnye metody obucheniia v organizatsii samostoiatel'noi raboty studentov [Interactive teaching methods in the organization of independent work of students]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 1, pp. 145–150. (In Russ.).
5. Panfilov A.P. Dinamika razvitiia metodov aktivnogo obucheniia i igrovogo modelirovaniia [Dynamics of development of methods of active learning games and simulation]. (In Russ.). Available at: <http://do.znate.ru/docs/index-16150.html?page=3>.
6. Petrova I.V. Sushchnost' i osobennosti stanovleniia industrii dosuga? [Essence and features of formation of the leisure industry?]. (In Russ.). Available at: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/5874-sutnist-ta-osoblivosti-stanovlennja-industriyi-dozvillja.html>
7. Reingold E., Soloviev V. Den'gi na igru (investitsionnye strategii v industrii razvlechenii i dosuga) [Gambling Money (investment strategy in the entertainment industry and leisure)]. (In Russ.). Available at: <http://www.rcb.ru/rcb/2008-09/13865/>.
8. Secretive L.V. Rekreativno-razvivaiushchii potentsial dosuga i usloviia ego effektivnogo ispol'zovaniia? [Recreational and developmental potential of leisure and the conditions for its effective use?]. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/industriya-dosuga-sotsialno-kulturnyy-aspekt>.
9. Smirnov V. Torgovo-razvlekatel'nye tsentry i komplekсы [Shopping centers and complexes]. (In Russ.). Available at: <http://www.4p.ru/main/theory/2594/>.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

Бучилина Татьяна Павловна, соискатель, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: bu4ilina@yandex.ru

В статье характеризуются принципы, ориентирующие воспитание на развитие социально активной, образованной, нравственно и физически здоровой личности в изменяющихся обстоятельствах жизнедеятельности общества. Обозначена стратегическая цель и установлены задачи системы социально-культурного воспитания. Система воспитания способна координировать молодежь в социально-культурном пространстве, помогает формированию личности, умеющей защищать собственные приоритеты. Определяющим аспектом системы социально-культурного воспитания является создание оптимальной обстановки для развития и самоактуализации студента, владеющего мировоззренческим потенциалом, гражданской ответственностью, культурой общения и поведения, способного к профессиональному, интеллектуальному и социальному творчеству. Система социально-культурного воспитания является значимым фактором развития студента как креативной, многогранной, перспективной личности. Автором представлены основные направления, которые реализуются на практике через организацию культурно-досуговой деятельности в вузе. Также рассматривается специфика личности студента вуза культуры, которая предусматривает реализацию его нравственного потенциала в искусстве как средства выработки и развития этических норм поведения и морали в обществе. Воспитание личности будущего специалиста занимает особое место в учебно-профессиональном обучении студентов и является важнейшим предназначением системы высшего образования.

Ключевые слова: социально-культурное воспитание, принципы воспитания, направления воспитания, студенческая молодежь, система воспитания вуза.

A SYSTEM OF SOCIOCULTURAL EDUCATION OF YOUNG PEOPLE IN HIGHER EDUCATION ENVIRONMENT

Buchilina Tatyana Pavlovna, Applicant, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bu4ilina@yandex.ru

The article characterizes principles that focus on promotion of social activity, and educate a morally and physically healthy personality in changing circumstances of society. It identifies the strategic goal and objectives of the established system of sociocultural education. The educational system is able to target the youth in the sociocultural environment, help the formation of a personality, able to protect their own priorities. The defining aspect of sociocultural education is creating the optimal environment for development and self-actualization of students with an outlook, civil liability, culture, communication and behavior filled with abilities to professional, intellectual and social creativity. The system of sociocultural upbringing is based on principles focusing on the promotion of social activity, educated, physically and morally healthy personality in the changing circumstances of society. The system of socio-cultural education is an important factor in development of a student as a creative, multi-faceted perspective individual. The author presented the main directions put into practice through the organization of cultural and leisure activities at the university and also considered the specifics of a university student of culture, who provides implementation of moral potential

in art as a means of generating and development of ethical conduct and morality of society. There was talk about the important conditions of realization of sociocultural education in higher educational school. "Knowledge-based Culture" is a model of life organization of the university of culture through the preservation and development of national traditions, relation of education, culture, art and science, that covers all aspects of life, professional attitude, fruitful and effective research and development of leading scientists, protruding base for the formation of scientific and creative schools. The system of sociocultural education involves co- operation and collaboration of teachers and students in a range of curricular and extracurricular activities.

Keywords: sociocultural education, principles of education, direction of education, students, university education system.

В ситуации изменения российского гражданского общества целью образования становится создание личности, обладающей компетенциями профессиональной и социальной направленности, способной к творчеству и самоопределению в условиях трансформации социально-экономической ситуации. Система воспитания способна ориентировать молодежь в социально-культурном пространстве, помогает формированию личности, умеющей защищать собственные приоритеты [1].

Система – обусловленный порядок в распределении и связи действий, нечто целое, символизирующее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимосвязи частей.

Система социально-культурного воспитания опирается на принципы, ориентирующие на развитие социально активной, образованной, нравственно и физически здоровой личности в изменяющихся обстоятельствах жизнедеятельности общества. В своих трудах такие ученые, как И. П. Смирнов, Е. В. Ткаченко, рассматривают новые принципы воспитания, системное исследование новых мотиваций молодежи и ориентацию на интересы обучающихся [4].

Вслед за ними мы выделяем следующие принципы:

Принцип гуманизма, предполагающий отношение преподавателя к студентам как к ответственным субъектам собственного развития, а также стратегию сотрудничества, основанную на субъект-субъектных отношениях.

Принцип демократизации, предполагающий реализацию системы через взаимодействие и педагогику сотрудничества преподавателя и студента.

Принцип духовности, формирующий у студентов духовные ориентиры, потребность к освоению и производству ценностей культуры, соблюдению общечеловеческих норм гуманистической

морали, интеллигентности и ментальности российского гражданина.

Принцип культуросообразности, предполагающий, что воспитание базируется на общечеловеческих ценностях.

Принцип патриотизма, основанный на формировании культуры межнациональных отношений у студенческой молодежи как одного из основных условий жизнеспособности нового поколения, обеспечивающего единство России, взаимодействие между поколениями, освоение и приумножение культуры во всех её проявлениях, развитие гражданской позиции и социальных обязательств за благополучие своей страны.

Принцип конкурентоспособности, направленный на становление личности специалиста, нацеленного на динамичную социальную и профессиональную мобильность, смену деятельности, определение продуктивных решений в непростых условиях конкурентной борьбы во всех сферах жизнедеятельности.

Принцип толерантности, приемлющий присутствие плюрализма мнений, различных идей для разрешения одних и тех же проблем, терпимости к мнениям других людей, учет их интересов, разного образа жизни и поступков людей, не выходящих за нормативные требования законов.

Принцип индивидуальности, предполагающий что система воспитания должна быть индивидуально ориентирована, с учетом задатков, потенциала, особенностей каждого студента в процессе его образования и социализации.

Принцип вариативности, предлагающий включение различных вариантов технологий и сущности воспитания, направленности системы воспитания на формирование вариативного способа мышления, умения принятия вероятностных решений в сфере профессиональной деятельности в ситуации неопределенности.

Принцип эффективности социального взаимодействия, направленный на осуществление воспитания в коллективах различного типа: в студенческой группе, в творческой мастерской, органе студенческого самоуправления, в коллективах курса, института, вуза в целом [4].

В контексте нашего рассмотрения система социально-культурного воспитания является определяющим фактором развития студента как креативной, многогранной перспективной личности, в результате чего он способен постигать, замысливать и находить решение проблемам общества с учетом социальных, этических, культурных моментов, быть толерантным, нравственным, обязательным, быстро адаптироваться в коллективе, готов трудиться в условиях конкуренции [2].

Специфика личности студента вуза культуры предусматривает реализацию его нравственного потенциала в искусстве как средства вырабатывания и развития этических норм поведения и морали общества [3]. Именно выпускник творческого вуза играет большую роль в приобщении Россиян к ценностям отечественной и зарубежной художественной культуры, шедеврам народного творчества, древнего и современного искусства. В итоге определяющей **целью системы** социально-культурного воспитания является, создание оптимального пространства для развития и самоактуализации студента, владеющего мировоззренческим потенциалом, гражданской ответственностью, культурой общения и поведения, наполненного способностями к профессиональному, интеллектуальному и социальному творчеству.

Вышеуказанная стратегическая цель предполагает решение установленных задач системы воспитания:

- сохранение и распространение лучшего наследия культуры как неделимости обучения и воспитания;
- присоединение к вузовской корпоративности и солидарности, в которых определяющая система ценностей объединяет студентов, сотрудников и преподавателей для свершения совместных проектов;
- раскрытие креативного компонента личности студентов, привлечение их к изучению отечественной культуры, в рамках которой формируются ценностные ориентиры, патриотизм,

устойчивая нравственная позиция и система взглядов, стремление к избранной специальности, усиление деятельных жизненных убеждений;

- формирование у студентов потребности к саморазвитию, познанию высокохудожественных результатов общепризнанной и национальной культуры, в установлении чувства меры, вкуса, стиля самореализации, позволяющего созидательно участвовать в жизни российского общества и транслировать культуру внутри различных социальных групп;

- создание приемлемых условий в вузе для развития и самореализации студентов, оказание им поддержки в самоопределении, нравственном самосовершенствовании, постижении безграничного социального опыта;

- активизирование работы по гражданско-патриотическому, духовно-нравственному и экологическому воспитанию молодежи;

- обеспечение взаимодействия студенчества с руководством вуза, общественными объединениями, активизация студенческих инициатив и привлечение будущих специалистов к различным формам социально значимой деятельности;

- сбережение и накопление историко-культурных традиций вуза, последовательность в воспитании студенческой молодежи.

Достижение целей и решение задач системы социально-культурного воспитания реализуется на практике через организацию культурно-досуговой деятельности по основным направлениям.

Одним из приоритетных направлений системы социально-культурного воспитания студенческой молодежи является гражданско-патриотическое воспитание. Работа в данном направлении предполагает интеграцию гражданского, патриотического, правового, интернационального, политического и семейного воспитания. Гражданско-патриотическое воспитание является одной из наиболее значимых сфер деятельности творческого вуза, поскольку здесь формируются соответствующие мировоззренческие ориентиры, идеалы и принципы, осуществляется становление обязательных личностных качеств, гарантирующих жизнеспособность молодого гражданина в демократическом обществе. Воспитание патриотизма активизирует гражданскую позицию личности, самоопределение, понимание внутренней

свободы и ответственности за свои политические и моральные предпочтения. Все это выражено участием в работе молодежного парламента Кузбасса среди вузов области, студенческого форума «Твоя позиция», во Всероссийской неделе добра, в военно-патриотической игре «Зарница».

Культурно-нравственное направление стремится развивать у студентов вуза нравственные устои и высокую культуру российского интеллигента. Данное направление мы определяем как особо значимое в процессе становления личности, поскольку именно студенты творческого вуза являются проводниками культуры в массы. Тому подтверждением служат благотворительные акции («Рождество для всех», «Сделай мир ярче»), фестивали-конкурсы творчества первокурсников («Прорыв», «Студенческая весна»), концерты, посвященные календарным и профессиональным праздникам.

Сущность профессионально-трудового направления заключается в приобщении студента к профессионально-трудоу деятельности и связанными с нею социальными функциями в соответствии со специальностью и уровнем квалификации. При этом осуществляется социально-экономическая подготовка студента, формирование конкурентоспособного специалиста-профессионала, готового к принятию управленческих и социальных решений, привлечение студентов к общественно-полезному труду [2]. На деле это представлено профориентационными мероприятиями для потенциальных абитуриентов: День открытых дверей, выездные концерты творческих коллективов по городам области, конкурсы профессионального мастерства.

Спортивно-оздоровительное направление связано с формированием здорового образа жизни, а также черт характера, обеспечивающих будущему специалисту психологическую устойчивость в нестабильном обществе, здоровую конкуренцию во всех областях его жизнедеятельности, тягу к самоотдаче и жизненному успеху. Физическое воспитание и спорт развивают черты, необходимые для результативной работы в условиях рыночной экономики, такие как воля, выдержка и самообладание, умения и навыки справиться с трудностями, ориентация на удачу, способность принимать решения в непростых ситуациях, умение организовывать труд и отдых. Ярким примером этому служат Дни здоровья

в институтах, акция «Витаминация», турниры по настольному теннису, межвузовские соревнования по футболу.

Экологическому направлению надлежит уделять отдельное внимание, потому как все более укрепляется неблагоприятное воздействие результатов человеческой деятельности на природу, что своевременно ставит вопрос не только о здоровье людей, но и реальности дальнейшего существования всего человечества. Данное направление формирует у студентов экологическое восприятие, при совокупности воззрений и замыслов о проблемах взаимодействия общества и природы в соотношении с реальной необходимостью людей и возможностями природы. Акцент в экологическом воспитании перемещается с ознакомительного курса на развитие активной социальной позиции. В том числе и через оказание помощи району и городу по благоустройству территории – проект «Чистому городу – чистое слово».

Информационная культура является одним из элементов общей культуры личности, связующим звеном социальной природы человека, становится продуктом его всевозможных творческих способностей. Она влияет на функционирование информации в обществе, гармонию внутреннего мира личности в ходе освоения обмена социально-значимой информации, где в приоритете выступают общечеловеческие ценности. Для успешной трансляции в студенческой среде ведется работа по следующим пунктам: обеспечение наполнения тематических страниц официального сайта и информационных стендов вуза, поддержка коммуникации студентов в специальных группах социальных сетей, выпуск студенческой газеты «Артефакты».

Развитие студенческого самоуправления. Коллективная самоорганизация является неотъемлемой характеристикой студенческой молодежи. Согласно «Рекомендациям по развитию студенческого самоуправления в образовательных учреждениях высшего образования Российской Федерации», студенческое самоуправление является условием реализации творческой активности и самостоятельности, реальной формой студенческой демократизации и способом социально-правовой самозащиты студентов. Студенческое самоуправление определяется как предприимчи-

вая, самостоятельная деятельность студентов по решению вопросов организации обучения, бытовых, досуговых условий, поддержку социальных предложений студенческой молодежи. В вузе культуры существуют специфические формы, через которые проявляется самоуправление: творческие коллективы разных жанров, участниками и руководителями являются студенты, педагогические и строительные студенческие отряды, отряд охраны правопорядка «Беркут», авторские творческие проекты, традиционные «Школы актива».

К важным условиям реализации системы в вузе можно отнести:

- ориентирование на конкретный итоговый результат воспитательных усилий – возрастание качества подготовки выпускников;
- опору на всестороннюю активность преподавательских и студенческих объединений;
- действенное применение методов стимулирования в воспитательном процессе, соединение задач воспитательного влияния с решением проблем социальной заботы о молодежи;
- введение рейтинга участия профессорско-преподавательского состава в воспитании студентов в анализ их деятельности в период аттестации;

- исследование, обобщение практического опыта воспитательной работы со студентами и продвижение его на кафедрах, кураторам и в иных подразделениях вуза.

«Культура, основанная на знаниях» – модель организации жизни вуза культуры на основе сохранения и развития отечественной традиции, соотношения образования, культуры, творчества и науки, охватывает все стороны жизни, профессиональные отношения, плодотворную и результативную научно-исследовательскую деятельность ведущих ученых, выступающую основанием для формирования научных и творческих школ.

Воспитание личности будущего специалиста занимает особое место в учебно-профессиональном обучении студентов и является важнейшим предназначением системы высшего образования. Система социально-культурного воспитания подразумевает взаимодействие и сотрудничество преподавателей и студентов в диапазоне их совместной учебной и внеучебной деятельности. Вышепредставленные принципы и направления составляют основу концепции воспитательной работы вуза и являются алгоритмом действующей системы.

Литература

1. Бугаева Т. П., Гафурова Н. В. Современная воспитательная система вуза: условия выхода из кризиса: моногр. – Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2010. – 158 с.
2. Калашникова Н. Ю. Воспитательная среда вуза как фактор личностно-профессионального становления студента: дис. ... канд. пед. наук (13.00.08). – Чита, 2007. – 192 с.
3. Костюк Н. В. Формирование готовности будущих менеджеров в сфере культуры к реализации инновационных моделей управления социально-культурной деятельностью в условиях изменяющегося рынка труда // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. 1. – С. 178–180.
4. Смирнов И. П., Ткаченко Е. В. Новый принцип воспитания: ориентация на ближайшие интересы молодежи. – Екатеринбург: Сократ, 2005. – 184 с.

References

1. Bugaeva T.P., Gafurova N.V. Sovremennaiia vospitatel'naia sistema vuza: usloviia vykhoda iz krizisa. Monografiia [The modern educational system of the university: the conditions out of the crisis. Monograph]. Krasnoiarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2010. 158 p. (In Russ.).
2. Kalashnikova N.Iu. Vospitatel'naia sreda vuza kak faktor lichnostno-professional'nogo stanovleniia studenta. Diss. kand. ped. nauk (13.00.08) [The educational environment of high school as the factor of personal and professional formation of the student. PhD in pedagogy diss.]. Chita, 2007. 192 p. (In Russ.).
3. Kostiuk N.V. Formirovanie gotovnosti budushchikh menedzherov v sfere kul'tury k realizatsii innovacionnykh modelei upravleniia sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nost'iu v usloviakh izmeniaiushchegosia rynka truda [Formation of readiness of the future managers in the field of culture to impletion of innovative models of management of social and cultural activities in a changing labor market]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 22, part 1, pp. 178-180. (In Russ.).
4. Smirnov I.P., Tkachenko E.V. Novyi printsip vospitaniia: orientatsiia na blizhaishie interesy molodezhi [New principle of education: focus on the immediate interests of youth]. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2005. 184 p. (In Russ.).

УДК 373.1

ФОРТЕПИАННЫЕ ПЬЕСЫ СЕРГЕЯ СЛОНИМСКОГО НА УРОКЕ МУЗЫКИ В МЛАДШИХ КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Попова Анастасия Владимировна, аспирант кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: malena5693@rambler.ru

Черная Марина Радославовна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: marina-chernaya@yandex.ru

Музыка Сергея Слонимского известна и исполняется во всем мире. Произведения этого русского композитора широко используются в системе музыкального образования. Это касается не только музыкальных школ, но и музыкальных вузов различного профиля. Однако в качестве учебного материала на занятиях в современной общеобразовательной школе музыка С. М. Слонимского практически не используется. Анализ современных программ по музыке для младших классов общеобразовательной школы показал, что произведения этого композитора в них отсутствуют.

В последнее время учителю предоставляется свобода в выборе учебного репертуара и работе с ним на занятиях музыкой. При этом музыкальные произведения должны быть высокохудожественными, увлекательными для школьников и целесообразными, а также отвечать жизненному и музыкальному опыту детей, тематическому содержанию программы.

Авторы полагают, что произведения Сергея Слонимского соответствуют данным критериям, следовательно, приобщение учащихся российских школ к музыке этого композитора окажет благотворное влияние на развитие детей. Целью исследования являлось выявление эмоциональной отзывчивости младших школьников на незнакомые им произведения С. М. Слонимского методом констатирующего педагогического эксперимента.

Для достижения поставленной цели учащимся младших классов общеобразовательной школы было предложено прослушать, а затем частично освоить два произведения С. М. Слонимского – фортепианную пьесу «Вальс Золушки и принца» из цикла «Две пьесы по сказке Шарля Перро» для фортепиано в 4 руки и «Марш зайцев» из Цикла «Три лесные истории», с проведением предварительной беседы о композиторе. В процессе эксперимента проводилось включенное педагогическое наблюдение за реакцией детей. Далее ученики получили тестовое задание в виде рисунка и словесного описания полученного впечатления.

На аналитической стадии эксперимента использовалась цветовая методика М. Люшера. По результатам эксперимента сделаны выводы о высоком эмоциональном воздействии музыки С. М. Слонимского на детей младшего школьного возраста. По мнению авторов, произведения С. М. Слонимского могут быть рекомендованы к использованию на уроках музыки в начальной школе в качестве учебного материала.

Ключевые слова: композитор С. М. Слонимский, констатирующий эксперимент, эмоциональная отзывчивость, цветовая методика М. Люшера.

PIANO PIECES BY SERGEI SLONIMSKY AT MUSIC LESSONS IN JUNIOR SECONDARY SCHOOL

Popova Anastasia Vladimirovna, Postgraduate of Department of Music Upbringing and Education, A.I. Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: malena5693@rambler.ru

Chernaia Marina Radoslavovna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Music Upbringing and Education, A.I. Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: marina-chernaya@yandex.ru

Music by Sergei Slonimsky is well-known and performed all over the world. Pieces by the Russian composer are widely used in the system of music education. It applies not only to music schools, but also to various music institutions of higher education. However, the music by Sergei Slonimsky is almost never used at the comprehensive school as an education material. The results of the analysis of different programs for primary schools show the absence of this composer's works.

The authors believe that the works of Sergei Slonimsky meet these criteria, thus the familiarization of Russian schoolchildren with music of the composer will have a beneficial effect on their development process. The target of this research was to identify the emotional responsiveness of primary schoolchildren listening to the unfamiliar works of Sergei Slonimsky. For that purpose, a method of ascertaining pedagogical experiment was used.

On the first stage of the experiment, the schoolchildren participated in the discussion about the composer and his work. Then they listened to the partitions of two works: Slonimsky's piano piece "Waltz of Cinderella and the Prince" from the series "Two Pieces on Charles Perrault's fairy tale" for piano in 4 hands and the "March of Hares" from the series "Three Forest Stories". During the experiment, the teacher performed observations of the emotional perception of the music for kids. During the next stage of the experiment, schoolchildren got the task to express their emotions through drawing or writing down a short essay on their impressions.

M. Lüscher's eight colors method was used during the analytical stage of the experiment. Results of the experiment showed a strong emotional impact the music by S.M. Slonimsky had made on children of primary school age.

According to the results of the experiment, we made the conclusion on high emotional impact of music by Sergei Slonimsky on the primary school children. According to the authors of the article, the works by Slonimsky are to be recommended for including in musical education programs for primary schools.

Keywords: composer Sergei Slonimsky, ascertaining experiment, emotional responsiveness, Lüscher's color method.

Народный артист России, лауреат государственных премий, профессор Санкт-Петербургской консерватории, композитор Сергей Михайлович Слонимский живет и работает в Санкт-Петербурге, он является нашим современником. Творческое наследие композитора включает восемь опер, два балета, тридцать три симфонии, множество инструментальных, хоровых, вокальных сочинений, музыку к **драматическим спектаклям**, кино и телефильмам. Произведения Сергея Слонимского известны во всем мире, с успехом исполняются как в России, так и за рубежом, многие из них уже вошли в фонд отечественной музыкальной классики. Кроме того, С. М. Слонимский – известный музыковед, педагог, пианист.

О творчестве С. М. Слонимского написаны монографии, диссертации (кандидатские и докторская), многочисленные статьи в солидных сборниках и журналах, студенческие дипломные

работы. Музыка Слонимского постоянно вызывает интерес исследователей и слушателей разных поколений, в том числе молодежи, привлекая своей новизной, неординарностью, интонационной свежестью, специфическим творческим темпераментом.

В течение всей жизни С. М. Слонимский создает множество интересных сочинений для детей, часть которых прочно вошла в педагогический репертуар музыкальных школ. Большинство пьес, написанных в 1960–80-е годы, составили содержание пятитомного издания «От пяти до пятидесяти». Первая тетрадь адресована самым маленьким, это пьески для начинающих, в том числе «Капельные пьески», «Сюита путешествий» и др. Затем вторая тетрадь – пьесы средней трудности, соответственно, для средних классов музыкальной школы. И третья тетрадь – уже для старших школьников, для учеников консерваторий и **кон-**

цетирующих пианистов, в нее включен цикл «Воспоминания о девятнадцатом веке», содержащий наиболее часто исполняемую пьесу «Интермеццо памяти Брамса», а также «Романтический вальс», «Мадригал прекрасной даме»; сюда же вошла пьеса «Колокола», где используется игра на струнах рояля. Фортепианный цикл «Детские пьесы» обычно входит в педагогический репертуар средних и старших классов. Пользуются популярностью и отдельные пьесы для фортепиано, такие как, помимо упомянутого выше «Романтического вальса», «Колыбельная кошки», «Юмористическая сценка» и др. [4; 5].

За последние десятилетия прошлого века композитором написаны несколько фортепианных циклов: «Альбом для детей и юношества», «Принцесса, не умевшая плакать», «Две пьесы по сказке Шарля Перро» для фортепиано в четыре руки, «Король-музыкант», «Две сказки», «Три пьесы», «Воспоминания о XIX веке», «Две пьесы в четыре руки», «Летнее утро», «Сказка о мертвой царевне» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Уже в XXI веке С. М. Слонимский написал «Веселые и грустные, страшные и смешные приключения» – шесть циклов легких и трудных фортепианных пьес для учащихся младшего и старшего возраста (2010); «Один день ребенка» – детскую сюиту из 18 пьес (2011), «Альбом фортепианных пьес для детей и юношества», состоящий из двух частей: «Первые шаги пианиста» (13 пьес) и «Музыкальное путешествие по странам и континентам» (18 пьес); для фортепиано в шесть рук созданы три пьесы из балета «Волшебный орех» (2011). Кроме того, опубликованы хоры, вокальные сочинения и произведения для различных инструментов, которые изучаются в российских музыкальных школах [4; 7, с. 13]. Выпущен CD-диск, где представлены записи ряда пьес С. М. Слонимского для детей и юношества, выполненные автором и Екатериной Князевой.

В системе музыкального образования обращение к произведениям композитора практикуется достаточно широко. Это касается не только учащихся музыкальных школ, но и последующих стадий обучения, вплоть до студентов музыкальных вузов различного профиля. Однако в качестве учебного материала на занятиях в современной общеобразовательной школе музыка С. М. Слонимского практически не используется.

Проведенный нами анализ программ по музыке для младших классов общеобразовательной школы таких известных авторов, как Е. Д. Критская, Л. В. Школяр, Э. Б. Абдуллин, В. В. Алев, Ю. Б. Алиев и др., показал, что произведения этого композитора в данных программах отсутствуют [3].

В числе приоритетных для изучения музыкального искусства в *начальной школе*, согласно Федеральному компоненту государственного образовательного стандарта общего образования, выделяются следующие цели: формирование основ музыкальной культуры; развитие интереса к музыке и музыкальным занятиям; образного и ассоциативного мышления, воображения; учебно-творческих способностей в различных видах музыкальной деятельности; освоение музыкальных произведений и знаний о музыке; овладение практическими умениями и навыками в учебно-творческой деятельности; воспитание музыкального вкуса; эмоционально-ценностного отношения к искусству [9, с. 37].

В последнее время учителю предоставляется свобода в выборе учебного репертуара и работе с ним на занятиях музыкой. При этом следует придерживаться следующих критериев:

- музыкальные произведения должны быть высокохудожественными, увлекательными для школьников и целесообразными;
- музыкальные произведения должны отвечать жизненному и музыкальному опыту детей, тематическому содержанию программы.

Этим критериям, на наш взгляд, соответствуют произведения Сергея Слонимского. Мы предположили, что приобщение учащихся школ нашей страны к музыке этого композитора благотворно скажется на детях, способствуя развитию их эмоциональной отзывчивости. Поэтому целью данного исследования являлось выявление неиспользованного потенциала творчества С. М. Слонимского на уроках музыки в начальных классах общеобразовательной школы.

Процессы воспитания, образования носят коллективный характер. Наиболее часто применяемые методы их изучения – массовые опросы и тестирование участников, проводимые по определенному плану. Для выявления потенциала творчества С. М. Слонимского и более широкого его применения на занятиях музыкой в общеоб-

разовательной школе нами был проведен констатирующий эксперимент. Целью эксперимента являлось выявление эмоциональной отзывчивости младших школьников на незнакомые им произведения С. М. Слонимского.

Для достижения поставленной цели требовалось решить ряд задач:

а) предложить учащимся младших классов общеобразовательной школы прослушать, а затем частично освоить два произведения С. М. Слонимского – фортепианную пьесу «Вальс Золушки и принца» из цикла «Две пьесы по сказке Шарля Перро» для фортепиано в четыре руки и «Марш зайцев» из Цикла «Три лесные истории», с проведением предвдательной беседы о композиторе;

б) провести включенное педагогическое наблюдение за реакцией детей;

в) обозначить тестовое задание в виде рисунка и словесного описания полученного впечатления;

г) обработать тестовый материал.

Базой исследования была выбрана общеобразовательная школа № 700 г. Санкт-Петербурга. Участниками эксперимента стали учащиеся 2–3-го классов (возраст 7–10 лет), которые предложенные им произведения слышали впервые.

Ход констатирующего эксперимента состоял из следующих стадий:

1. Предварительная.
2. Констатирующая.
3. Аналитическая.

Предварительная стадия эксперимента заключалась в выборе музыкального материала для прослушивания, а также методов исследования, необходимых для выявления эмоциональной отзывчивости учеников на незнакомое музыкальное произведение. Мы остановились на использовании методов предварительной беседы, а также творческого задания для выражения собственного отношения детей к прослушанной музыке в виде рисунка и (или) рассказа, что должно было сопровождаться включенным педагогическим наблюдением.

Констатирующая стадия эксперимента началась с вопроса: «Знаком ли детям композитор Сергей Слонимский?». На этот вопрос из всех участников эксперимента одна ученица 2-го класса ответила положительно (слышала от мамы), два ученика в 3-м классе слышали о **композито-**

ре в музыкальной школе. Остальные дети узнали имя Сергея Слонимского впервые.

Далее ученики выслушали краткий рассказ о жизни и творчестве С. М. Слонимского, после чего им было предложено прослушать пьесу «Вальс Золушки и принца» в исполнении автора и Екатерины Князевой, но без обозначения жанра и названия. Затем школьникам была предоставлена возможность озаглавить эту пьесу самостоятельно, основываясь на собственной фантазии, своих эмоциях и ассоциациях, вызванных услышанной музыкой. Кроме того, дети должны были определить жанр пьесы, согласно концепции Д. Б. Кабалевского («Три кита» – песня, танец, марш – три основные сферы музыки) [2, с. 15].

Позже школьникам было предложено выразить свои впечатления и образные представления в рисунке.

После прослушивания музыки дети обменивались своими впечатлениями и **возникшими** ассоциациями. Большинство учеников верно определили жанр пьесы – вальс, у нескольких школьников возникла ассоциация с балом. Вот некоторые впечатления и ассоциативные образы, возникшие у детей после прослушивания пьесы «Вальс Золушки и принца»:

- Егор (3-й класс): пианино, радость, бал, детство, грусть.
- Вика (4-й класс): летний дождь, радость, гроза, ностальгия.
- Маша (4-й класс): бал, любовь, дождь, спектакль, пушистый снег, печаль.
- Ваня (4-й класс): вечер, грусть, листья падают.
- Арсен (4-й класс): гроза, одиночество, тоска, вспоминаешь, каким ты был в детстве и начинаешь плакать.

Из представленных отзывов детей видно, что они глубоко прочувствовали прослушанную музыку, впечатления школьников во многом похожи. Один из младших мальчиков даже немного расплакался из-за того, что музыка «навеяла какие-то воспоминания о детстве». Важно, что при этом все одноклассники выразили понимание и сочувствие его эмоциональному всплеску.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что восприятие музыки С. М. Слонимского у учеников младших классов хорошее. Это подтверждают и вполне подходящие названия, данные деть-

ми пьесе: «Бал», «Веселая печалька», «Дождь» (2 раза), «Одиночество», «Печалька», «Бал листьев», «Летний вечер» (2 раза), «Детство», «Вальс при дожде», «Снежная погода».

На следующей, аналитической, стадии для характеристики рисунков школьников была использована цветовая методика М. Люшера, где обозначены четыре основных цвета, которым приданы функции представления четырех психических структур. Эти цвета особенно важны и имеют следующие специальные значения:

- Темно-синий: «Эмоциональная глубина», он является концентрическим, гетерономным, объединяющим, чувствительным, задумчивым, соединяющим, выражает покой, удовлетворение, нежность, любовь и склонность.

- Синие-зеленый: «Волевое усилие», является концентрическим, автономным, оборонительным, предохранительным, владеящим, настойчивым, выражает самоутверждение, самоуверенность, терпение.

- Оранжево-красный: «Ударная сила воли», характеризуется как эксцентрический, автономный, наступательный, моторный, завоевательный, обозначает желание, возбуждение.

- Светло-желтый: «Живость чувств», является эксцентрическим, гетерономным, ожидающим, способствующим расцвету, ищущим, обозначает надежду, изменение, ожидание [1; 6; 8].

На рисунках детей преобладали синий, голубой, а также зеленый цвета. Многие дети изображали дождь или снег. Эту реакцию можно оценить как любовь, задумчивость, покой, но покой динамичный, скорее, как спокойное движение.

На большинстве рисунков присутствовало солнце (желтый цвет), которое символизирует радостные ожидания. Имеются три рисунка, на которых изображена влюбленная пара. На нескольких рисунках присутствует изображение окна и природы за ним. Из этого следует, что дети правильно уловили настроение данной музыки: грусть, спокойствие, нежность чувств, любовь, рассвет и надежда.

В ходе эксперимента детям также было предложено прослушать произведение другого жанра. Для этого была выбрана пьеса для фортепиано под названием «Марш зайцев» из цикла «Три лесные истории», которая входит в третью часть цикла «Заяц, лиса и волк». В самом названии пьесы звучит определение жанра – марш. Детям предлагалось прослушать пьесу и поделиться своими впечатлениями от музыки. Жанр учащиеся определили практически сразу, музыка передала им живое игривое настроение, их отзывы выражались в следующих образах и эмоциях: веселье, радость, цирк, танец, скорость.

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональная отзывчивость младших школьников развита достаточно хорошо. Дети слышат мелодию, чувствуют характер музыки, улавливают сюжет произведения, настроение. У всех присутствует яркое образное восприятие музыки в соответствующей ей цветовой гамме.

В результате проведенного нами исследования гипотеза о том, что музыка С. М. Слонимского обладает высоким эмоциональным воздействием на детей школьного возраста и вызывает у них большой интерес, подтвердилась. Произведения этого композитора для детей создают оптимальные условия для формирования художественно-образного мышления учащихся начальной школы, способствуют упрочению ассоциативных связей в их сознании между музыкой и другими видами искусства, инициируют развитие всего комплекса общих и специальных музыкальных способностей.

Мы пришли к выводу, что творчество С. М. Слонимского может быть рекомендовано к использованию на уроках музыки в начальной школе в качестве учебного материала. На последующем этапе исследования ставится задача продолжения экспериментальной работы, на основании которой будет создаваться список произведений композитора, рекомендуемых для включения в учебные планы по тем или иным темам занятий по музыке в общеобразовательной школе.

Литература

1. Базыма Б. А. Цвет и психика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2226> (дата обращения: 03.05.2015).
2. Музыка. Программы общеобразовательных учреждений. 1–8-й классы / под рук. Д. Б. Кабалевского. – М.: Просвещение, 2007. – 224 с.

3. Музыка. Программы общеобразовательных учреждений. Начальные классы. 1–4-й классы. – М.: Просвещение, 2007. – 160 с.
4. Сергей Слонимский. Фортепианные циклы для детей и юношества [Электронный ресурс]. – URL: http://www.compozitor.spb.ru/our_authors/interview/sergey-slonimsky.php (дата обращения: 25.03.2015).
5. Слонимский С. М. От пяти до пятидесяти. Фортепианный альбом. Тетрадь 1. – СПб.: Композитор, 1993. – 40 с.
6. Собчик Л. Н. Метод цветowych выборов – модификация восьмицветового теста Люшера: практ. рук. – СПб.: Речь, 2007. – 128 с.
7. Тарновская Т. К. Слонимский – автор музыки для детей и о детях // Музыка в школе. – 2014. – № 1. – С. 9–15.
8. Урванцев Л. П. Психология восприятия цвета: метод. пособие. – Ярославль, 1981. – 65 с.
9. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования // Сб. норматив. док. – М.: Дрофа, 2004. – 221 с.

References

1. Bazyma B.A. Tsvet i psikhika [Color and psyche]. (In Russ.). Available at: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2226/> (accessed 03.05.2015).
2. Muzyka. Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. 1–8-i klassy [Music. Program of educational institutions. 1–8 Grades]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 224 p. (In Russ.).
3. Muzika. Programmy obshcheobrasovatel'nykh uchrezhdenii. Nachalnie klassi. 1–4-i klassy [Music. Programs of educational institutions. Elementary classes. Grades 1–4]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 160 p. (In Russ.).
4. Sergei Slonimskii. Fortepiannye tsykly dlia detei i iunoshstva [Piano cycles for children and youth]. (In Russ.). Available at: http://www.compozitor.spb.ru/our_authors/interview/sergey-slonimsky.php (accessed 25.03.2015).
5. Slonimskii S.M. Ot piati do piatidesiati. Fortepiannyi al'bom. Tetrad 1 [From five to fifty. Piano album. Book 1]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 1993. 40 p. (In Russ.).
6. Sobchik L.N. Metod tsvetovykh vyborov – modifikatsiia vosmitsvetovogo testa Liushera. Prakticheskoe rukovodstvo [The method of color selection – modification of eight colors Luscher test. A Practical Guide]. St. Petersburg, Rech Publ., 2007. 128 p. (In Russ.).
7. Tarnovskaia T.K. Slonimskii – avtor muzyki dlia detei i o detiakh [Slonimsky – the author of music for children and about children]. *Muzyka v shkole [Music at school]*, 2014, no. 1, pp. 9–15. (In Russ.).
8. Urvantsev L.P. Psikhologiya tsveta. Metodicheskoe posobie [Color psychology. Toolkit]. Iaroslavl', 1981. 65 p. (In Russ.).
9. Federal'nyi komponent gosudarstvennogo standarta obshchego obrazovaniia [The Federal Component of the State Standard of General Education]. *Sbornik normativnykh dokumentov [Collection of normative documents]*. Moscow, Drofa Publ., 2004. 221 p. (In Russ.).

УДК 655.4/.5

РАЗВИТИЕ РЕКЛАМЫ КНИГИ В РОССИИ XVIII ВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА

Чеботарев Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, кафедра дизайна, рекламы и связей с общественностью, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск, РФ). E-mail: one_chebotarew@list.ru

В периодизации развития рекламы книги в XVIII веке в России мы выделяем четыре этапа. Первый и второй этапы были рассмотрены ранее (см. [16; 17]). Границы первого этапа определены от момента выпуска прикнижного списка литературы И. Копиевского (1700 год) до издания в «Санкт-Петербургских ведомостях» первого газетного объявления. Второй этап развития рекламы связан с деятельностью Академии наук и завершается первым выпуском газеты «Московские ведомости», которую начал издавать Московский университет. Третий этап развития книготорговой рекламы характеризует-

ся увеличением и качественным улучшением книготорговой рекламы, связан с созданием Московского университета и типографии при нем. В качестве второй границы этапа выбрана дата выхода указа «О вольных типографиях» (15 января 1783 года).

В настоящей статье приведены примеры рекламы книги, относящиеся к данному периоду, среди них рекламные каталоги новых изданий (необходимость создания которых закреплена на законодательном уровне), объявления о выходе новых книг и их продаже; показана обусловленность развития данного этапа общественной и политической ситуацией, сложившейся обстановкой в издательской отрасли.

Ключевые слова: реклама книги, Московский университет, «Московские ведомости», рекламные книжные каталоги, объявления.

DEVELOPMENT OF ADVERTISING IN RUSSIA XVIII CENTURY: FOR CLARIFICATION OF THE THIRD STAGE

Chebotarev Anatoly Mikhailovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Department of Design, Advertising and Public Relations, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: one_chebotarew@list.ru

This article provides examples of advertising the book of the second half of the 18th century, among them advertising catalogs of new publications (the need for which is fixed at the legislative level), announcements of new books and selling them. It is shown by the development of this stage of social and political situation, and current situation in the publishing industry. In general, the periodization of advertising books in the 18th century in Russia, we distinguish four phases. The first and second stages were discussed earlier [See articles: The question of improving the first phase of development of advertising books in Russia in the XVIII century. *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 2012, no. 1, pp. 121-125 (In Russ.); Development of advertising books in Russian XVIII century: the question of improving the second phase. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2015, no. 2 (42), pp. 32-38 (In Russ.)]. The boundaries of the first stage identified by the release I. Kопievsky's bibliography (1700) until the publication in the *St. Peterburgskie Vedomosti*, the first newspaper. The second stage of development of advertising related to the activities of the Academy of Sciences and completed the first issue of the newspaper *Moskovskie vedomosti*, which began publishing the Moscow University. The third phase of development is characterized by an increase in advertising the bookselling and qualitative improvement of book-selling advertising related to the establishment of the Moscow University and its typography. As a second step, the border selected release date of the decree *On the freestyle printing houses* (1783, January 15).

Keywords: advertising book, Moscow University, *Moskovskie vedomosti*, advertising book catalogs, ads.

Реклама книги является составляющей рекламной коммуникации и выступает как одно из направлений истории книжного дела, соответственно реклама книги тесно взаимосвязана и с другими элементами системы документальных коммуникаций. Становление названного направления происходит в рамках истории рекламы и книгопечатания, в связи с этим и выделенные нами этапы совпадают с периодами развития данных областей книжного дела.

Статья о первом этапе развития рекламы книги в России в XVIII веке была опубликована нами в 2012 году [16]. Его границы определены от мо-

мента выхода в свет прикнижного списка литературы И. Копиевского (1700 год) до издания первого газетного объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях». Анализ второго этапа развития рекламы, который тесно связан с деятельностью Академии наук, осуществлен нами в статье [17]. Второй период развития рекламы книги в России XVIII века завершается первым выпуском газеты «Московские ведомости», которую начал издавать Московский университет.

Мы предлагаем продолжить разговор и охарактеризовать третий этап развития рекламы, который характеризуется увеличением и каче-

ственным улучшением книготорговой рекламы. Сказанное связано с созданием Московского университета и типографии при нем.

Летом 1754 года И. И. Шувалов представил Сенату предложение об открытии университета в Москве, мотивируя это ее географическим положением в центре государства, в отличие от Петербурга, а также нахождением в Москве большого количества дворянских семей, детям которых необходимо получить университетское образование для будущей карьеры. Сенаторы достаточно быстро отреагировали на предложение И. И. Шувалова и 19 июля 1754 года согласились с ним, доложив об этом Елизавете Петровне. Первоначально хотели открыть университет уже в 1754 году, но задержала подготовка здания: выселение, ремонт, просушка и т. д. 12 января 1755 года императрица подписала «Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского университета». Торжественное открытие Московского университета состоялось 26 апреля 1755 года в Аптекарском доме (на месте нынешнего Исторического музея). «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что в 8 часов утра состоялся молебен по случаю открытия университета, затем в большом зале были произнесены речи на русском, латинском, французском и немецком языках. Профессор А. А. Барсов в своей речи отметил, что университет – *«место, определенное и посвященное наукам и учению; так что, назвавши университет его именем, в мысли и понятия представлять его должно все собрание потребных в жизни человеческой наук, весь круг просвещающего разум учения»* [15, с. 14–15].

Первый номер «Московских ведомостей», которые редактировали профессора Н. Н. Поповский и А. А. Барсов, вышел 26 апреля 1756 года. Газета сообщала не только об университетских новостях, но и о важнейших событиях в Европе и России, помещала императорские указы и т. п. «Московские ведомости» выходили два раза в неделю по почтовым дням, вначале по вторникам и пятницам. Первый номер увидел свет в пятницу 26 апреля 1756 года. До 1784 года каждый номер, как правило, печатался на 8 страницах, с 1784 года объем газеты еще увеличился. В начале тираж газеты не превышал 600 экземпляров, а затем число подписчиков увеличилось до 4000. Распространялись «Ведомости» по подписке. Первое

объявление было напечатано в газете в № 2 и посвящалось подписке на «Московские ведомости». [15, с. 14–15].

Редакция газеты осуществлялась преимущественно профессорами университета. С 1756 года до сентября 1765 года редактором был А. А. Барсов, с 1765 года до 1775 года – П. Д. Вениаминов, с 1776 года – Х. М. Чеботарев. С 1779 года и, по видимому, по 1784 год (до отъезда в Петербург) «исправлял должность переводчика и издателя» Е. Б. Сырейщиков. С 1780 года в редакции газеты принимал участие также и В. П. Иванов: *«в продолжение 30 лет непрерывно исправлял с величайшим постоянством звание издателя Ведомостей московских. В которых все политические статьи были переводимы или сочиняемы им»* [15, с. 14–15].

В помощь редакторам выделялись наиболее способные студенты. В августе 1755 года в помощники Барсову были назначены П. С. Семенов и В. А. Троепольский. В качестве переводчиков до 1779 года работали также Г. Блудов, Василий и Григорий Коховские, А. И. Морков, Х. А. Чеботарев, А. Щекутин; при Н. И. Новикове – Л. Я. Давыдовский, П. С. Лихонин, А. Ф. Малиновский, А. А. Петров, Н. Е. Попов, Д. Рыкачев и М. Степанов [15, с. 16].

«Московские ведомости» носили информационный характер. По инструкции куратора университета И. И. Шувалова (ордер от 15 апреля 1756 года), *«газеты московские должны начинаться Санкт-Петербургским артикулом если будет материя, окончить также Московским, в котором писать знатные происшествия публичные в городе, из университета экзамены публичные учеников, кто из них получил награждения. То разумеется о студентах и о высших классах гимназиев, а о нижних не писать, о приезде профессоров с их именами, публикации из каких-либо мест, что требовано будет для известия, також партикулярных продаж дворов и прочего...»*¹ [15, с. 16].

В газете печатались сообщения о придворной жизни, которые первые годы составлялись И. И. Шуваловым, сообщения из иностранных

¹ Здесь и далее цитаты приведены в соответствии с правилами орфографии и пунктуации современного русского языка, сохранены стилистические и грамматические особенности оригинала.

газет, правительственные распоряжения, сообщения о передвижении должностных лиц, о военных действиях русских войск, о культурной жизни Москвы, публиковались материалы университета, Академии наук, Вольного экономического общества, Воспитательного дома и других учреждений, а также всевозможные объявления, в том числе о продаже новых книг.

В этот период многие формы рекламы уже устоялись и значительно расширилась читающая аудитория. Но количество типографий оставалось незначительным (типографии Академии наук, Московского университета, Морского кадетского корпуса, Сухопутного кадетского корпуса, Артиллерийского кадетского корпуса, Военной коллегии, Синодальная и Сенатская).

Процесс создания типографий, хотя и медленно, но продолжался.

22 августа 1776 года был опубликован указ «О дозволении книгопродавцам Вейтбрехту и Шнору завести собственную типографию и о даchi им и их наследникам общей привилегии» [8]. Им разрешалось «печатать на российском и чужестранных языках книги для себя и для других, також литеры лить для своей и по договору для других типографий» [8]. Однако эти выпущенные книги должны быть «непредосудительны ни Православной грековосточной церкви, ни правительству» [8].

В указе особо отмечалось обязательное печатание рекламных каталогов, издаваемых в типографии книг: «...только в их типографию к печатанию от кого принесено, или самими ими из чужих краев выписано будет, означать в их каталоге продающихся книг; а сверх того, что у них напечатано будет, то означать, что печатано в вольной их типографии» [8].

Вейтбрехту и Шнору разрешалось печатать различные рекламные объявления, но только с разрешения полиции. В указе было сказано: «Дозволяется им также печатать в своей типографии и объявления всякия, однакож не инако, как с дозволения полиции» [8].

Правительство еще не хотело отпускать контроль за деятельностью вольных типографий и потому устанавливало различные условия. Так Вейтбрехту и Шнору нельзя было продавать отлитые литеры на сторону: «...ни под каким пово-

дом на продажу партикулярным людям не отпускать и литер, кроме словолитной, при типографии находящейся, в особых или партикулярных домах не отливать и не делать» [8]. Контроль за деятельностью типографии должны была осуществлять полицмейстерская канцелярия, которая «дабы она со своей стороны имела наблюдение, чтоб без ведома ее никаких объявлений в помянутой типографии в печать издаваемо не было; а дабы и в печатаемых книгах ничего по вышеписанному первому пункту привилегии предосудительного вкрасться не могло, оное поручить в особое надзирание, в разсуждении духовных книг, определенному от Святейшего синода, а светских, Академии наук» [8].

В 1779 году на обращение полковой канцелярии Лейб-гвардии Преображенского полка об открытии в полку типографии для печатания переводимых в училище книг Сенат издал указ «О учреждении типографии при училище бомбандирской роты лейб-гвардии Преображенского полка» [9]. В отношении рекламы, также как и в предыдущем указе, было сказано, что книги, которые будут печататься в типографии независимо от того, откуда они были принесены или привезены из-за границы, нужно обязательно включить в каталог продающихся книг, «а сверх того, что в оной напечатано будет, то означать, что печатано в Типографии учрежденной при училище бомбандирской лейб-гвардии Преображенского полку роты» [9].

С появлением других типографий возникла конкуренция. Стремясь заработать на популярных изданиях, типографщики перепечатывали чужие издания. Так, содержатель типографии Артиллерийского и инженерного корпуса Клеен напечатал месяцеслов на 1780 год. По доношению директора Академии наук С. Г. Домашнева, Сенат издал указ от 20 февраля 1780 года «О воспреещении всем типографиями печатать месяцесловы и другая книги, печатаемые в Академии наук» [10]. В указе директору Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса Мордвинову было указано, чтобы «он содержателю находящейся при том корпусе типографии Клеену запретил печатать месяцесловы и всякия такая книги, кои печатаются в академии, в соблюдение означенных из Сената предписаний, а напечатанные кален-

дари велел бы ему внести в Академию наук, не производя оным продажи, под опасением законного на то взыскания» [10].

К маю 1780 года выяснилось, что «в состоящих при разных светских командах и вольных типографиях печатаются и выходят в публику» сочинения религиозного характера («закключают в себе богословские рассуждения») [11]. Все эти книги печатаются без апробации Святейшего синода. Для исправления данного положения 31 мая 1780 года был опубликован сенатский указ «О надзоре за печатанием духовных книг в вольных типографиях и состоящих в ведомстве гражданских присутственных мест и заведений» [11]. В указе строго было объявлено, что без проверки Святейшим синодом никаких богослужебных книг никто печатать не должен.

В связи с Затратами на печатание различных материалов, в том числе и рекламных объявлений, руководство сенатской типографии запросило дополнительные средства для работы и приобретения новых станков для печатания. Был издан сенатский указ от 19 декабря 1782 года «Об отпуске на содержание Сенатской типографии ежегодно по 7 256 рублей, сверх суммы, назначенной по прежним указам» [12]. В указе, в частности, было сказано: «Ее Величество Высочайше указъ соизволила, печатать впредь при Сенатской типографии всякого рода объявления, присылаемые из всех казенных мест, безденежно, а от партикулярных людей за деньги; коих и печатается еженедельно около 7 500 листов» [12]. Специально для печатания объявления было решено выделить деньги на приобретение двух печатных станков в Москве (по 275 рублей за каждый). Впервые в материалах XVIII века мы встречаем конкретные суммы, затрачиваемые на печатание рекламных объявлений. В числе этих объявлений были и о продаже книг. Как мы видим, количество объявлений на отдельных листах значительно увеличилось.

14 января 1783 года публикуется указ об организации еще одной типографии: «О заведении типографии в Москве при Архиве Коллегии иностранных дел для печатания трактатов и других публичных актов, заключаемых между Россиею и другими державами» [13].

Объявления занимали в газете все больше места. В тех случаях, когда количество подго-

товленного материала для печати не помещалось в тот объем, который был постоянным для газеты, то тогда он печатался специальным прибавлением. Так, например, в объявлении о подписке на 1783 год было сообщено, что «по причине продолжающейся в Европе войны политические известия иногда умножаются и в лист вместиться не могут, то будем в таких случаях, не отлагая до другого номера, сообщать прибавления» [15, с. 16].

С изданием «Московских ведомостей» количество рекламных объявлений книг значительно увеличилось. «Московские ведомости» превосходили «Санкт-Петербургские ведомости» по объему рекламы книг. В газете стали регулярно печататься объявления, которые иногда были достаточно объемными. Так, в одном из первых номеров было напечатано объявление, рекламирующее книги в университетской книжной лавке: «В учрежденной при Московском Императорском университете книжной лавке сверх напечатанных при этом университете речей и од, также издаваемых каждую неделю по два раза печатных газет, продаются еще следующие книги. Восьмая часть листа Санкт-Петербургской печати. Латинская грамматика, цена 70 копеек.

Целлариев лексикон, цена 1 рубль 30 копеек. Шестнадцатая часть листа Амстердамской печати. Вергилий – 35, Овидий – 85, Гораций – 25, Теренций – 25, Плавт – 45, Ювенал – 15, Авзоний – 25, Юлий Цезарь – 50, Корн. Непот – 20, Тацит – 65, Флор – 35, Юстин – 35, Эпиктет, греч. и латин. – 15, Разговоры Эразмовы – 55. Эти книги все в переплете» [1].

Но были объявления и меньшего размера: «При Императорском Московском университете продается напечатанная вновь, переведенная с французского на российский язык книга, под титулом: Житие Канцлера Франциска Бакона, ценою экземпляр по одному рублю, без переплету» [2]; «В книжной Императорского Московского университета лавке продаются вновь из печати вышедшие следующие книги: 1) Пламенная трагедия ценою по 18 копеек; 2) Алгебра по 13 копеек; 3) Заида в двух частях 80 копеек» [3]; «В книжной Императорского Московского университета лавке продается вновь напечатанная табель трактата от Санкт-Петербурга до Москвы, в которой

показаны станции, версты и число лошадей и на оное число сколько денег, ценою в переплете по 15 копеек экземпляр» [4]; «В Университетскую книжную лавку в продажу вступили следующие вновь из печатания вышедшие книги: 1 Марка Туллия Цицерона Лелий, или О дружестве, перевод с латинского: без переплета 30, в бумажке 35 копеек» [7].

Университетская книжная лавка давала объявления о продаже вновь напечатанных книг регулярно. Вот несколько примеров за разные годы: «В университетской книжной лавке продаются вновь вышедшие следующие книги: 1. Правила о произношении Российских букв и о исправном тех же в новейшем гражданском письме употреблении, или о правописании, собранные из Российских грамматик, с приложенной при сем градируемой таблицей, которая показывает основательное изображение чистого российского письма, то есть как каждое слово начинать по порядку производить и оканчивать; каждый экз. по 25 копеек без переплета. 2. Нравоучительный разговор к пользе благородного юношества 20 копеек 3. Истолкование снов вторым тиснением по 25 копеек» [5].

Деятельность типографий, в том числе и университетской, дала толчок переплетному делу. В Москве стали появляться переплетчики, которых к тому времени в Санкт-Петербурге было много, и они давали объявления о продаже книг самостоятельно, как и книгопечатники. Пример такого объявления мы можем увидеть в 10 номере «Московских ведомостей» за 1768 год: «Продается новонапечатанная книжка Гномология, в которой содержатся разных творцов нравоучительныя мнения и разных писателей письма... греческих мудрецов и других философов апофтегматы, то есть советы и наставление,

по 25 копеек в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Звонорах, в доме переплетчика Николая Иванова» [4].

Как и ранее в «Санкт-Петербургских ведомостях», в «Московских ведомостях» часто стали появляться объявления, в которых наряду с продажей книг (в одном объявлении) предлагалось к продаже и другое имущество. Например, в объявлении, напечатанном в прибавлении к № 10, 1776 года: «Не давно приехавший в Москву чужестранец имеет книгу, Лексикон энциклопедический, состоящий в 24 тома в лист, желающим купить, о цене осведомиться у хозяина оной книги, живущего в доме Сергея Николаевича Салтыкова, на Мясницкой улице, близ церкви Архидиакона Евпла, 2 гнедых англезированных мерингов, желающим купить, о цене спросить в том же доме, у служителя Семена Куркина» [6].

Качественные изменения в книгоиздательском деле, которые непосредственно отразились на усилении рекламной книготорговой деятельности, начались 15 января 1783 года, когда был опубликован именной данный Сенату указ: «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках, с освидетельствованием оных от Управы Благочиния» [14]. Окончание третьего этапа развития книготорговой рекламы можно обозначить этим временем.

Таким образом, третий период развития книготорговой рекламы начинается от создания Московского университета, типографии, газеты «Московские ведомости» и публикации первого объявления в этой газете во 2 номере 1756 года и продолжается вплоть до 15 января 1783 год – даты, когда был опубликован указ «О вольных типографиях».

Литература

1. Московские ведомости. – 1756. – № 5.
2. Московские ведомости. – 1761. – № 10.
3. Московские ведомости. – 1766. – № 5.
4. Московские ведомости. – 1768. – № 10. – Прибавление.
5. Московские ведомости. – 1773. – № 10.
6. Московские ведомости. – 1776. – № 10. – Прибавление.
7. Московские ведомости. – 1781. – № 10.
8. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). – № 14495.
9. ПСЗ. – № 14911.
10. ПСЗ. – № 14985.

11. ПСЗ. – № 15019.
12. ПСЗ. – № 15615.
13. ПСЗ. – № 15633.
14. ПСЗ. – № 15634.
15. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – М.: Книга, 1966. – Т. 4.
16. Чеботарев А. М. К вопросу об уточнении первого этапа развития рекламы книги в России в XVIII веке // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 121–125.
17. Чеботарев А. М. Развитие рекламы книги в России XVIII века: к вопросу об уточнении второго этапа // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2015. – № 2 (42). – С. 32–38.

References

1. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1756, no. 5. (In Russ.).
2. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1761, no. 10. (In Russ.).
3. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1766, no. 5. (In Russ.).
4. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1768, no. 10. Pribavlenie. (In Russ.).
5. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1773, no. 10. (In Russ.).
6. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1776, no. 10. Pribavlenie. (In Russ.).
7. Moskovskie vedomosti [The Moscow News], 1781, no. 10. (In Russ.).
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 14495. (In Russ.).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 14911. (In Russ.).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 14985. (In Russ.).
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 15019. (In Russ.).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 15615. (In Russ.).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 15633. (In Russ.).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire], no. 15634. (In Russ.).
15. Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pečati XVIII veka [Union Catalog of Russian civil print books of the XVIII century 1725-1800]. Moscow, Kniga Publ., 1966, vol. 4. (In Russ.).
16. Chebotarev A.M. K voprosu ob utochnenii pervogo etapa razvitiia reklamy knigi v Rossii v XVIII veke [To a question on specification of the first stage of development of advertizing of the book in Russia in a XVIII-th century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of the Kazan State University of Culture and Arts], 2012, no. 1, pp. 121-125. (In Russ.).
17. Chebotarev A.M. Razvitie reklamy knigi v Rossii XVIII veka: k voprosu ob utochnenii vtorogo etapa [Development of advertising books in Russian 18 century: the question of improving the second phase]. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2015, no. 2 (42), pp. 32-38. (In Russ.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

УДК 37

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ИВЛЕВА – УЧЕНИЦА И ПЕДАГОГ, МАСТЕР, ДЕЛАЮЩИЙ ЧЕСТЬ УЧИТЕЛЮ: ВЗГЛЯД УЧЕНОГО

Панфилова Альвина Павловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социального управления института управления и экономики РГПУ им. А. И. Герцена, действительный член Балтийской педагогической академии, почётный работник высшего профессионального образования (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: appanfilova@mail.ru

В статье охарактеризованы направления и результаты научной, педагогической, общественной, управленческой, профориентационной и творческой деятельности кандидата педагогических наук, профессора кафедры управления социальной сферы Кемеровского государственного института культуры Ивлевой Татьяны Николаевны. Раскрыта роль и значение в педагогической и научной деятельности обучения в аспирантуре Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской. Раскрыты направления сотрудничества с кафедрой управления Института экономики и управления в РГПУ имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. Описана деятельность в роли официального оппонента по диссертациям на соискание ученой степени кандидата педагогических и социологических наук.

Ключевые слова: игротехник, интенсивные технологии обучения, менеджмент, научно-исследовательская деятельность, обучающие программы, педагог-новатор, педагогическая компетентность, переподготовка кадров в области менеджмента, профориентационная работа, управленческая карьера, учебно-методическая деятельность, учебно-методические комплексы.

TATYANA NIKOLAEVNA IVLEVA - STUDENT AND TEACHER, MASTER HONORING THE TEACHERS: VIEWS OF SCIENTISTS

Panfilova Alvina Pavlovna, Dr of Pedagogical Scienses, Professor, Professor of Department of Social Management, Institute of Management and Economics, A.I. Herzen RSPU, Member of the Baltic Pedagogical Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: appanfilova@mail.ru

The article describes the trends and results of scientific, educational, social, administrative, professional orientation and creative activity of Tatyana Nikolaevna Ivleva, Ph.D., professor of the Department of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture. The role and importance in the teaching and research activities of graduate studies in Leningrad Institute of Culture named after N.K. Krupskaya are disclosed as well as her cooperation with the Department of Management, Institute of Economics and Management named after A.I. Herzen, St. Petersburg. Her activity as the official opponent for defending the theses by the PhD applicants in Pedagogical and Sociological Sciences is described.

Keywords: game technicians, intensive technology training, management, scientific research, educational programs, teacher-innovator, pedagogical competence, retraining the personnel in the field of management, career guidance work, career management, educational activities, educational complexes.

Татьяна Николаевна Ивлева родилась в 1955 году и недавно отметила свою знаменательную дату – шестидесятилетие. Она работает на кафедре управления социальной сферы с момента ее создания (1980), пройдя все ступени роста от преподавателя до профессора.

Ивлева Т. Н. – выпускница Кемеровского государственного института культуры 1977 года по специальности «Культурно-просветительная работа». Она прошла хорошую научную школу в области социально-культурной деятельности, управления и экономики социальной сферы, участвовала в различных формах повышения квалификации. Особенно большую роль в её профессиональной жизни сыграло обучение в аспирантуре в г. Ленинграде. Закончив аспирантуру Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской, она успешно защитила кандидатскую диссертацию по кафедре управления и экономики под руководством профессора И. М. Болотникова.

Уже обучаясь в аспирантуре, Т. Н. Ивлева проявила интерес к интенсивным и интерактивным технологиям обучения и развития человеческих ресурсов. Вместе с профессором А. П. Панфиловой она многократно посещала игровые занятия, обучалась на семинарах и мастер-классах и постепенно освоила инновационные технологии и стала профессиональным игротехником. Это позволило ей многократно участвовать в команде А. П. Панфиловой в проведении поисково-апробационных игр на самых разных обучающих семинарах не только в Ленинграде, но и в Москве, Витебске (Белоруссия), Шевченко (Казахстан), Талды-Курган (Киргизия).

Закончив обучение и стажировку в Ленинграде, она уехала на свою малую Родину в Кемерово. В 1989 году Ивлевой присвоено ученое звание доцента. В 1998 году она была избрана на должность профессора по кафедре управления и экономики социально-культурной сферы.

Управленческая карьера Т. Н. Ивлевой также успешная. С 2000 года по 2004 год она возглавляла факультет повышения квалификации и переподготовки работников сферы культуры и искусства. В этот период под её руководством были реализованы программы дополнительного профессионального образования в области менеджмента не только в Кузбассе, но и в Новоси-

бирской, Томской, Омской и Читинской областях, Красноярском крае, Республике Хакасия, городах Салехард, Нижневартовск.

Вместе с тем преимуществом Т. Н. Ивлевой является её педагогическая компетентность и научная деятельность. Как известно, за время работы в институте она зарекомендовала себя эрудированным, квалифицированным, хорошо знающим свое дело педагогом и специалистом в области менеджмента. Опросы студентов и специалистов показывают, что методический и научный уровень проведения ею занятий соответствует высоким требованиям современной высшей школы. Её высокий рейтинг связан также с тем, что она хороший преподаватель-игротехник. Опыт игропрактики, приобретённый в Ленинграде, обучение на тренингах и практическое проведение игровых обучающих семинаров для практиков в разных регионах России, странах ближнего зарубежья самостоятельно и в командном режиме позитивно повлияли на её профессиональную репутацию и на имидж, что позволило обогатить образовательный процесс и заниматься его интенсификацией, не только в практическом, но и в научном плане.

Представляется значимым её постоянное сотрудничество с кафедрой управления Института экономики и управления в РГПУ имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. Она неоднократно принимала участие в научных конференциях, проводимых по проблемам менеджмента в социальной сфере. Так, в 2012 году она участвовала в конференции с докладом «Внедрение интерактивных методов обучения в организацию самостоятельной работы студентов», материалы которого были опубликованы в сборнике научных статей «Менеджмент XXI века: ресурсы развития образования и бизнеса». В последние годы Т. Н. Ивлева опубликовала несколько статей в «Вестнике Балтийской педагогической академии», выходящем ежегодно с участием большого количества российских авторов и специалистов-игротехников.

Ивлева Т. Н. разработала и читает такие курсы, как «Психология менеджмента», «Техника и методика социологических исследований», «Организационное поведение», «Основы менеджмента социально-культурной деятельности»; «Теория менеджмента»; «Деловое общение»; «Конфликтология»; «Карьерология». Татьяна Николаевна

не только разработала десятки новых обучающих программ и учебно-методических комплексов, ею подготовлены пакеты интенсивных технологий, широко применяемых в учебном процессе. С 1981 года Т. Н. Ивлева, одна из первых в вузе, начала применение деловых игр, с 1991 года – видеотренингов, компьютерных технологий и тестового контроля знаний студентов. Так, при проведении занятий ею используются интерактивные инструменты, в основе которых лежат деятельностное обучение и обучение на опыте, а именно: микроситуации и кейс-стади, интерактивные мультимедийные программы, видео- и компьютерные технологии, ролевые и деловые игры, имитационные упражнения, тренинги, игровое проектирование, аттестационные игры и игры-катастрофы. В настоящее время Татьяна Николаевна является автором-разработчиком интерактивных технологий обучения, использует и внедряет в учебный процесс Е-портфолио «ПИОПРС» (программа индивидуально ориентированного профессионального развития студента), эффективно работает со студентами в условиях «Электронной образовательной среды КемГИК».

Под руководством Т. Н. Ивлевой на кафедре защищено более 300 дипломных работ. Практически все дипломные работы защищены с оценкой «отлично» и имеют научную и практическую ценность. В числе дипломников – руководители областных, краевых, городских и районных органов управления культурой, руководители учреждений культуры Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Красноярского края и др. территорий.

Эффективное педагогическое, научное и игротехническое саморазвитие позволяет Т. Н. Ивлевой систематически заниматься научно-исследовательской работой со студентами. Она является инициатором и модератором конкурса студенческих творческих работ «Я – менеджер». Т. Н. Ивлева широко занимается учебно-методической деятельностью. Ею подготовлено учебные пособия: «Карьерология» и «Психологические аспекты менеджмента социально-культурной сферы» с грифом Министерства культуры, с компьютерным приложением, которое содержит психодиагностические методики по определению организационно-управленческого потенциа-

ла студентов – будущих менеджеров социально-культурной сферы и задания в тестовой форме, которые позволяют контролировать уровень усвоения теоретических знаний и практических навыков. Данное учебное пособие на областном конкурсе учебно-методических работ было отмечено Благодарственным письмом администрации Кемеровской области.

В научно-педагогических кругах вузов культуры и искусств широко известны и пользуются большим спросом у преподавателей и студентов работы Т. Н. Ивлевой по активным методам обучения, специфике организации учебного процесса в системе повышения квалификации и переподготовки кадров в области менеджмента. Особый интерес у научной общественности вызывают публикации о специфике женского менеджмента. Общее число публикаций у Т. Н. Ивлевой – 112, из них 60 научных и 52 учебно-методических.

Ивлева Т. Н. постоянно ведет научно-исследовательскую работу в качестве руководителя, ответственного исполнителя и соисполнителя. Она принимала участие в госбюджетных и хозяйственных исследованиях: «Мониторинг выпускников специальности “Менеджер социальной сферы” и “Менеджер организации”»; «Состояние и проблемы развития начального художественного образования в регионе Сибири в условиях реформирования культуры и образования (на материалах детских школ культуры и искусств Сибири)»; «Проект бизнес-плана некоммерческого автономного учреждения культуры “Кемеровский областной театр драмы им. А. В. Луначарского”». Научные исследования характеризуются широтой и разносторонностью, социальной значимостью и практической направленностью.

Ключевым достоинством Татьяны Николаевны является ведение ею воспитательной работы со студентами в процессе преподаваемых курсов управленческих дисциплин, на встречах со студентами, в индивидуальных беседах, в подготовке и проведении мероприятий, во внеучебной деятельности, в индивидуальном консультировании.

Она постоянно проводит профориентационную работу со старшеклассниками в средних школах, гимназиях, лицеях городов Кемерово, Новокузнецка, Междуреченска и др. Вклад Та-

тьяны Николаевны в довузовскую подготовку студентов и работу с абитуриентами высоко оценен администрацией Кемеровской области и ректором института. За профориентационные связи с образовательными учреждениями Сибирского региона она неоднократно награждалась почетными грамотами и благодарственными письмами департаментов науки и высшей школы, образования, культуры, ректоратом института, администрациями средних школ, лицеев и гимназий.

Свидетельством профессионального мастерства и инновационного взгляда на перемены, происходящие в обществе, является постоянная потребность Т. Н. Ивлевой в повышении своего профессионального уровня, педагогического мастерства и обновления компетентностей. Она прошла индивидуальную стажировку в Кемеровском государственном университете по программе «Психология личности и организационное поведение», «Мультимедийные средства обучения: методика использования и внедрения в учебный процесс в свете перехода на новые образовательные стандарты». В 2014 году прошла профессиональную переподготовку в ГОУ ДПО (ПК) «Кузбасском региональном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования» по дополнительной профессиональной программе (профессиональной переподготовка) и получила диплом о высшем образовании «Менеджмент в социальной сфере».

Т. Н. Ивлева успешно работала в «Школе менеджеров культуры», которая была создана при кафедре управления и экономики социально-культурной сферы. Ее слушателями являются руководители и специалисты учреждений культуры Кузбасса, Красноярского края, Томской, Новосибирской, Омской, Читинской областей, Хакасии и других регионов России.

По инициативе Т. Н. Ивлевой, в 1995 году была создана лаборатория «Психологии менеджмента», которой она руководила до 2005 года. В лаборатории создан банк учебно-методических материалов: учебные пособия и программы, видеофонд обучающих учебных программ, кейс-стади, компьютерная программа «Лидер» по выявлению организационно-управленческого потенциала студентов, интерактивные мультимедийные обучающие программы и практикумы.

В лаборатории проводились исследования по теме «Психологическое сопровождение студентов специальностей “Менеджмент в социальной сфере”, “Менеджмент организации”», индивидуальные консультации по результатам компьютерного тестирования.

Т. Н. Ивлева выступала в качестве официального оппонента по диссертациям Н. Б. Горюновой на соискание ученой степени кандидата социологических наук в Кемеровском государственном университете по теме «Учреждения социального обслуживания на территории: роль в государственной семейной политике и местном развитии». Она является автором отзывов на авторефераты на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (менеджмент организации, уровень профессионального образования)» П. А. Бавиной по теме кандидатской диссертации «Тренинговые технологии в формировании коммуникативной компетентности будущих менеджеров» (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена); И. К. Ильясова – «Социально-трудовое проектирование как технология обучения менеджменту» (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена); С. С. Михальченко – «Формирование социальной компетентности в процессе обучения менеджменту в высшей школе» (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена); по специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» Т. И. Головки – «Педагогическая коррекция возрастного кризиса городских подростков средствами народной смеховой культуры в сфере досуга» (Барнаул, Алтайская государственная академия культуры и искусств).

Таким образом, энергетика, личное обаяние, умение быть благодарной учителям и коллегам, креативный потенциал, умение осуществлять сотрудничество и партнёрские отношения, толерантность и уважение к студентам, слушателям, высокий уровень профессионализма и педагогического мастерства позволяют окружающим её людям, а также бывшим учителям и наставникам, к которым относится и автор данной статьи, глубоко уважать и восхищаться её целеустремлённостью, нравственными ценностями и бескорыстной приверженностью профессии, служению Отечеству.

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Бакушкина Е. С.	102	Bakushkina E. S.	102
Баштанник С. В.	134	Bashtannik S. V.	134
Бегунова Е. А.	174	Begunova C. A.	174
Библиева О. В.	181	Biblieva O. V.	181
Блясова И. Ю.	204	Blyasova I. Y.	204
Булгакова В. В.	158	Bulgakova V. V.	158
Бучилина Т. П.	222	Buchilina T. P.	222
Вековцева Т. А.	211	Vekovtseva T. A.	211
Ворожейкина В. А.	95	Vorozheykina V. A.	95
Габриелян Т. О.	88	Gabrielyan T. O.	88
Глушкова П. В.	148	Glushkova P. V.	148
Деревцова Е. А.	186	Derevtsova E. A.	186
Ивлева Т. Н.	217	Ivleva T. N.	217
Камалиева А. С.	82	Kamalieva A. S.	82
Кимеева Т. И.	148	Kimeeva T. I.	148
Коротина А. А.	48	Korotina A. A.	48
Красиков В. И.	109	Krasikov V. I.	109
Лескова Т. В.	13, 29	Leskova T. V.	13, 29
Литвак Р. А.	204	Litvak R. A.	204
Максимова А. М.	56	Maksimova A. M.	56
Михельсон С. В.	193	Mikhelson S. V.	193
Морозов Н. М.	116	Morozov N. M.	116
Панфилова А. П.	239	Panfilova A. P.	239
Полевод В. А.	169	Polevod V. A.	169
Полтева Т. И.	142	Polteva T. I.	142
Попова А. В.	227	Popova A. V.	227
Родионов С. Г.	148	Rodionov S. G.	148
Ткаченко А. В.	77	Tkachenko A. V.	77
Ткаченко Л. А.	77	Tkachenko L. A.	77
Тюлюнева А. И.	69	Tyuleneva A. I.	69
Тюрин Ю. П.	64	Tyurin Y. P.	64
Усков И. Ю.	124	Uskov I. Y.	124
Чеботарев А. М.	232	Chebotarev A. M.	232
Чепеленко К. О.	43	Chepelenko K. O.	43
Черная М. Р.	227	Chernaia M. R.	227

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu.ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатом журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).
E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;
- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemguki.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано в печать 05.02.2016.
Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 11.
Уч.-изд. л. 28,7. Усл. печ. л. 35,9.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного института культуры:
650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 05.02.2016.
Format 60x84¹/₈.
Offset paper. Font «Times».
Order № 11.
Author's sheets 28,7. Printer's sheets 35,9.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture:
650056, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru